АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
113

ЛЕСОСТЕПНЫЕ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 113

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 113

ЛЕСОСТЕПНЫЕ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. И. МЕЛЮКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца 5
А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья 86
Р. Ф. Воронина. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области . . . 130
Ю. А. Липкинг. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье 134
В. Г. Петренко. Могильник скифского времени у с. Гришенцы 142
Список сокращений 152

Лесостепные культуры скифского времени
МИА № 113

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Издательства *Э. А. Новгородова*
Технические редакторы *Н. Ф. Егорова, Г. С. Симкина.* Корректоры *Т. В. Гурьева, Г. И. Длугач*

РИСО АН СССР № 101-87В. Сдано в набор 21/II 1962 г Подписано к печати 17/VII 1962 г.
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 17.
Тираж 1200 экз. Т-06399. Изд. № 377. Тип. зак. № 319.
Цена 1 р. 22 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Бол. Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва. Г-99, Шубинский пер., 10

П. Д. Либеров

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ БАССЕЙНА СЕВЕРНОГО ДОНЦА

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало исследования археологических памятников на территории Среднего Северного Донца относится к первой половине XIX столетия. Но прошел довольно длительный срок, и только в начале XX в. в связи с подготовкой XII Харьковского и XIII Екатеринославского археологических съездов были осуществлены первые крупные археологические работы. Однако впоследствии исследования были сведены до минимума. В первые годы после революции осуществлялись лишь небольшие работы, ставившие перед собой задачу сбора материалов и регистрации памятников.

Новый этап в изучении памятников бассейна Среднего Донца наступил в послевоенный период.

Новые археологические раскопки и разведки дали большой хорошо документированный материал, позволяющий более полно осветить археологические памятники Среднего Донца скифского времени.

Какова же конкретная история исследования археологических памятников на Среднем Донце?

Первые сведения об археологических памятниках этого края появились в 1838 г. Вадим Пассек посвящает им специальную статью «Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов». Среди названных им памятников упоминается городище «Кукулевское» или иначе «Городище», расположенное у с. Огульцы Валковского района Харьковской области. По находкам здесь медных наконечников стрел можно было определить глубокую древность этого городища и считать его скифским [1].

Позднее, используя историко-статистическое описание этой местности, составленное харьковским архиепископом Филаретом, и работу Вадима Пассека, проф. Ю. М. Морозов написал статью «О городищах в Харьковской губернии» [2]. Автор упоминает, что уже Филарету известно более 40 городищ [3], и подчеркивает неполноту этих сведений. Кроме Кукулевского, называются городища Бельское, Хорошево, находящееся в 18 верстах от Харькова, и др.

Отметим еще ряд статей и материалов, опубликованных задолго до XII Харьковского археологического съезда: работу проф. Н. Д. Борисяка [4], статьи П. С. Ефи-

---

[1] «Русский исторический сборник», т. III. М., 1838, стр. 212.

[2] «Харьковский вестник», 1891, № 43, 45; Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I. Харьков, 1902.

[3] Автор имеет в виду всю территорию бывшей Харьковской губернии и в том числе местности за Северным Донцом.

[4] Н. Д. Борисяк. Несколько слов о новейших археологических находках в Харьковской и Екатеринославской губерниях. Труды III АС, т. II, приложения. Киев, 1878, стр. 205—211.

менко[5], Д. И. Багалея[6], И. А. Зарецкого[7]. Г. С. Чирков в статье «Каменные бабы в Харьковской губернии» насчитывает 43 городища, из которых половина находится на берегах Северного Донца и его притоков; около одной трети — по течению р. Псла, а остальные — близ р. Ворсклы, а также городища по р. Осколу[8]. В сообщении Попова говорится, что на всем протяжении левого низменного берега р. Оскола от г. Купянска до впадения реки в Северный Донец тянется ряд курганов и встречаются иногда городища[9].

Наконец, можно было бы сослаться на опубликованные отчеты о раскопках Н. Е. Бранденбурга[10]. Вот почти все указания Д. И. Багалея на публикации, которые легли в основу более поздних широких археологических исследований, начавшихся в связи с подготовкой XII археологического съезда в г. Харькове.

Все эти работы, за исключением статьи И. А. Зарецкого, мало или почти совершенно не затрагивают скифских памятников.

В результате работы комитета по подготовке съезда, сбора сведений об открытых уже памятниках, организации специальных экспедиций в разных районах Харьковщины, удалось добиться значительных успехов в изучении края и составить карту расположения археологических памятников. Карта, составленная Д. И. Багалеем, содержит 645 памятников и, по собственному признанию автора, далеко не включает всех памятников. Большинство из них не имеет отношения к нашей теме и поэтому не может быть в ней освещено.

Значительные раскопки курганов производились Д. И. Багалеем, В. Б. Антоновичем, В. Е. Данилевичем, Е. Мельник и другими исследователями в бывшем Ахтырском, Богодуховском и Валковском уездах.

Так, в 1900—1901 гг. были произведены раскопки 73 курганов в девяти могильниках в бассейне р. Ворсклы (бывший Ахтырский уезд) и по р. Осколу (бывший Купянский уезд). Из них у с. Ницахи (бывший Ахтырский уезд) Д. И. Багалей, В. Б. Антонович и В. Е. Данилевич исследовали 40 курганов, содержавших славянские погребения[11]; у сел Березовки и Буды (там же) исследовано 16 курганов, содержавших погребения с трупосожжением в урнах. Судя по указанию Д. И. Багалея, керамика этих погребений сделана без применения гончарного круга, время погребений не определено[12]. Большой интерес представляют курганы у с. Кириковки (бывший Ахтырский уезд) и в окрестностях г. Купянска на р. Осколе, исследованные Е. Мельник[13]. В частности, в могильнике у с. Кириковки в 18 раскопанных курганах встречены обычные для лесостепи деревянные погребальные сооружения и погребения в катакомбах скифского времени, а также более раннего времени, по характеру обряда примыкающие к погребениям скифского времени. Е. Мельник исследовала также 12 курганов на р. Осколе, расположенных близ г. Купянска (4 кургана, на карте пункт 98) и у с. Воронцовки (8 курганов в 3 могильниках) при впадении р. Сенной в р. Оскол (карта, № 99)[14].

Все эти погребения совершены в обычных могильных ямах с деревянной облицовкой стен, иногда в катакомбах и изредка в насыпи и на горизонте. Автор датирует их доскифским временем. Сопоставляя погребальные сооружения и погребальный обряд в курганах с. Кириковки и на р. Осколе, автор приходит к выводу, что погребения первого могильника исторически связаны с более ранними памятниками Оскола. Это означает, что автор видит непосредственную связь в развитии материальной и ду-

---

[5] П. С. Ефименко. Кое-что о древностях Харьковской губернии. В кн.: «Харьковский сборник». Харьков, 1887.

[6] Д. И. Багалей. Археологические, этнографические и топографические заметки о Харьковской губернии. В кн.: «Харьковский сборник». Харьков, 1888; его же. Общий очерк древностей Харьковской губ. В кн.: «Харьковский сборник». Харьков, 1890.

[7] И. А. Зарецкий. О древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда сл. Лихачевки. В кн.: «Харьковский сборник», Харьков, 1888.

[8] Г. С. Чирков. Каменные бабы Харьковской губ. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I.

[9] Попов [сообщение]. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I.

[10] Н. Е. Бранденбург. Раскопки в Екатеринославской губернии. ОАК за 1892 г., стр. 37 сл.; его же. Журнал раскопок 1882—1902 гг. СПб., 1908.

[11] Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте. Труды XII АС в Харькове, 1902. М., 1905, § 35, стр. 6.

[12] Там же, № 54, 56, стр. 8.

[13] Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии. 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I.

[14] Там же, стр. 717—727. В дальнейшем при ссылке на карту в скобках будут указываться только номера памятников без упоминания слова «карта».

ховной жизни племен указанной территории от эпохи бронзы до раннескифского времени.

В 1903 г. у хут. Настельного, расположенного на границе бывших Богодуховского и Валковского уездов, Д. И. Багалей исследовал 18 курганов в четырех могильниках с погребениями скифского времени в могильных ямах с деревянными сооружениями (№ 106)[15].

В 1901 г. в период подготовки к XII археологическому съезду проф. А. М. Покровский производил раскопки близ сел Отрадное, Раздолье (Лихачевский район), Новоселок и Бунаково (Петровский район), расположенных по правой стороне р. Береки. Здесь в четырех могильниках, каждый из которых состоял из 15—20 курганов, им раскопано 15 курганов — от трех до пяти в каждой группе. Но только в курганах у сел Раздольного и Бунаково оказались погребения, относящиеся к скифскому времени[16] (№ 78 и 79). Им же проведены раскопки четырех курганов у с. Прелестного (Славянский район Донецкой области), где курганы разбросаны группами по три-четыре насыпи (96). В трех курганах (1, 2, 3,) оказались погребения эпохи бронзы и только в одном (4) было погребение с двумя кусочками железа[17]. В с. Покровском бывшего Змиевского уезда Г. Н. Данилевский раскопал так называемый «Хмелин курган» с двумя сидячими погребениями. В могиле замечены остатки деревянных столбов, между остовами погребенных найдены глиняный сосуд, зола, уголь, просо[18].

Накануне XIII археологического съезда в Екатеринославе В. Е. Данилевич исследовал значительную курганную группу, расположенную у хут. Покровского бывшего Валковского уезда. Группа состояла из 26 курганов и трех майданов. В 1903 г. он исследовал девять курганов и один майдан, содержавшие погребения эпохи бронзы и скифского времени (курганы 3, 6, 9). Некоторые из них интересны по обряду погребения[19] (№ 105).

Анализируя погребальные сооружения и погребальный обряд этого могильника, В. Е. Данилевич допускает проникновение скифских этнических элементов в местную среду приблизительно в VII—VI вв. до н. э. Вместе с тем он предполагает, что пришлые элементы не вытеснили полностью местное население[20].

Также в связи с подготовкой к XII и XIII археологическим съездам в Харькове и Екатеринославе В. А. Городцовым были развернуты большие археологические раскопки в бывшем Изюмском и Бахмутском уездах. Эти исследования дали богатый материал для изучения истории древних племен. В результате предварительной обработки материалов В. А. Городцову удалось произвести классификацию памятников по эпохам и культурам[21]. Так, в бывшем Изюмском уезде в раскрытых 107 курганах им было обнаружено 299 погребений[22].

Из всех этих погребений мы выделяем лишь небольшое количество памятников раннего железного века. К ним относятся погребения у хут. Черногоровки (курган 1, погребение 3, № 83)[23], у с. Малой Камышевахи (курган 4, погребение 1, № 81)[24], два погребения у хутора Шпаковки (курган 2, погребение 3 и курган 5, погребение 7, № 80)[25] и, по-видимому, погребение у хут. Верхний Степок (курган 4, погребение 1)[26].

---

[15] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 г. Труды XIII АС в Екатеринославле, 1905 г., т. I. М., 1907, стр. 369—378.

[16] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., § 65, 73, 74, 75, стр. 39—40; А. М. Покровский [сообщение]. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС.

[17] А. М. Покровский. Указ. соч., стр. 78.

[18] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., § 6, стр. 32.

[19] В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около хутора Покровского Валковского уезда Харьковской губернии летом 1903 г. Труды Московского предварительного Комитета по устройству XIII АС, вып. II. М., 1908; его же. Дневник раскопок. Там же.

[20] В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около хутора..., стр. 16.

[21] К сожалению, методика раскопок В. А. Городцова нас далеко не удовлетворяет. Раскопки колодцем ускорили работу, дали возможность увеличить количество раскопанных курганов, но в результате этого большое число погребений в раскопанных курганах осталось неисследованным.

[22] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде. Труды XIII АС, т. I.

[23] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, стр. 242.

[24] Там же, стр. 294.

[25] Там же, стр. 308.

[26] Там же, стр. 313.

В. А. Городцов, кроме того, указывает на одно очень богатое погребение (курган 2, погребение 2), расположенное в окрестностях сл. Селимовки [27]. Погребенный находился в яме, покрытой накатником из толстых бревен. Костяк лежал головой на юго-запад. В северо-восточном углу на накатнике находился бронзовый котел скифского типа, в могиле около верхней части костяка было обнаружено много золотых бляшек в виде якорьков, розеток ромбической формы и других, а также разных бус из мрамора, янтаря, сердолика, стекла и, наконец, сердоликовая гемма полусферической формы с резным изображением ветки растения. Относительно этого погребения Д. И. Багалей добавляет, что костяк был в скорченном положении, на черепе заметны следы краски алого цвета [28].

В бахмутской группе курганов (бывшей Екатеринославской губ.) В. А. Городцов раскопал 80 курганов и открыл 144 погребения, относящихся к разным эпохам. Однако скифским временем с достаточной убедительностью может быть датировано только пять погребений: у железнодорожной станции Ступки (№ 84) в кургане 5 погребение 6 [29], у дер. Щеглова в кургане 14 погребения 1 и 2 [30], у с. Райское (№ 82) в кургане 2 погребение 2 (катакомбное) и в кургане 3 два впускных погребения 1 и 2 [31].

Селище, расположенное у хут. Хайловщины на берегу оз. Чернецкого, исследовано В. А. Городцовым. По предположению Д. И. Багалея, оно относится к концу эпохи бронзы [32]. Это весьма возможно, так как и сам В. А. Городцов наблюдал значительное сходство керамики селища с керамикой курганных погребений. Орнамент на керамике, в частности свастика, известен и на границе Ахтырского и Богодуховского уездов и в Воронежской губернии (Острогожский уезд) [33], где появление элементов срубной культуры относится, вероятно, ко времени не раньше конца первого периода эпохи бронзы.

Указанное селище не принадлежит еще, вероятно, кочевникам, оно скорее относится к оседлому земледельческому населению, судя по значительному количеству костей свиньи и реже лошади, хотя В. А. Городцов считал, что селище на оз. Чернецком с его культурными остатками отражает типичные черты быта степняка-номада.

В связи со строительством железной дороги А. Яковлев вел наблюдения за раскопками трех курганов у с. Скотоватого. Наблюдения А. Яковлева не дали никаких существенных результатов, так как два первых кургана были снесены еще до него, а в третьем кургане оказались погребения в каменных ящиках из плитняка красного песчаника [34].

В 1891 г. в окрестностях г. Славянска Бранденбург исследовал курган 253, в котором оказались погребения эпохи бронзы и раннего железа (сарматские и средневековые) [35]. В урочище «Золотой Рудник» (Славяносербского уезда), расположенном в шести верстах от с. Камышевахи, исследовалась другая группа курганов (85); здесь в кургане 256 было обнаружено впускное раннескифское погребение с интересным инвентарем [36].

В 1888 г. профессор Петербургского университета Э. Ю. Петри исследовал курганную группу, расположенную к юго-западу от ст. Язово Донецкой железной дороги. Здесь им раскопаны шесть курганов, давших позднекочевнические погребения [37].

В Изюмском уезде в 4 км к востоку от с. Курулек местный землевладелец И. М. Бич-Лубенской раскопал семь курганов. В одном из курганов (1) высотой около 3 м был обнаружен деревянный сруб со скорченным костяком, лежавшим на пра-

---

[27] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, стр. 236—237.

[28] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 46.

[29] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. Труды XIII АС, т. I, стр. 320.

[30] Там же, стр. 334—335.

[31] Там же, стр. 353.

[32] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 61.

[33] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Труды XII АС, т. I, стр. 204—205.

[34] А. Яковлев [сообщение]. Труды Харьковского предварительного Комитета, приложение IV.

[35] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1882—1902 гг., стр. 162 и сл.

[36] Н. Е. Бранденбург. Раскопки в Екатеринославской губернии, стр. 37 и сл. Вещи хранятся в ГИМ, инв. № 34595.

[37] А. А. Спицын. Один из типов погребений в курганах Южной России. ЗРАО, новая серия, т. VIII. СПб., 1895, вып. 1, 2.

вом боку. Под скелетом находились копье из красной меди и медный наконечник стрелы (?), а возле скелета — два глиняных сосуда [38]. В других курганах (2 и 3) были обнаружены погребения поздних кочевников. К сожалению, более подробные сведения о погребениях отсутствуют.

В этой же группе Туган-Барановским раскопано три кургана (?). О характере погребений и их инвентаре имеются очень неясные сведения [39].

Раскопки курганов в бывшем Купянском уезде производил Е. П. Трефильев в 1901 г. по берегам р. Красной, левому притоку р. Донца, в шести пунктах: Нижние Дуванки, Святовая Лучка, Кабанье, Мечетное и др. (№ 100—103) [40]. Содержание курганов самое разнообразное и иногда богатое. Однако описание результатов раскопок дано настолько в общей форме, что трудно сделать какие-либо определенные выводы. Можно лишь высказать предположение, что здесь представлены эпохи бронзы и раннего железного века, в том числе скифское время. В 1903 г. Е. П. Трефильев раскопал 10 курганов в могильнике у с. Дергачи Харьковского района [41]. Могильник из 60—70 курганов находился на высоком плато у р. Лопани. Согласно сообщению автора, в ряде курганов были обнаружены погребения скифского времени, скорченные и вытянутые головой на запад. В могилах найдены бронзовые наконечники стрел (курган 1,6), обломки железа, железный нож с остатками деревянных ножен и наконечник железного копья (курган 6), две бронзовые ворворки (?) (курган 5), железный нож с костяной ручкой и 13 бусинок из пасты зеленого и желтого цветов (курган 7). Обращает на себя внимание в этом могильнике устойчивая ориентировка погребений головой на запад (№ 97).

Кроме этого, можно указать еще на случайное открытие погребения у сл. Коротыч (Харьковский район). Здесь в результате земляных работ в связи с сооружением Харьковско-Полтавской линии в 1869 г. на глубине 2 м в суглинке был найден человеческий скелет; на груди скелета лежали шесть трехгранных медных наконечников стрел, а сбоку — железный нож [42] (№ 104).

В общей сложности в дореволюционное время по известным нам данным было раскопано свыше 350 курганов. Однако в научном отношении значительная часть материала потеряла свою ценность в силу неудовлетворительной методики раскопок, далеко не полных публикаций и гибели значительной части коллекций во время Великой Отечественной войны. После съездов археологические исследования в Донецком бассейне надолго затихают. В советское время начало исследованиям было положено еще С. А. Семеновым-Зусером, который в 1924—1925 гг. вместе с группой преподавателей и студентов Харьковского университета раскопал два кургана в могильнике близ ж.-д. ст. Люботино (Харьковский район, № 67). В могильнике насчитывалось тогда до 450 курганных насыпей [43]. Исследованные курганы дали бедный инвентарь и обломки керамики скифского времени.

Вплоть до Великой Отечественной войны сколько-нибудь крупных и систематических археологических исследований курганов в Харьковщине и в бассейне Северного Донца не производилось. Некоторое оживление исследований начинается после войны, преимущественно силами археологов Харьковского университета (Б. А. Шрамко) и некоторых археологов Москвы и Ленинграда (Б. А. Рыбаков, И. И. Ляпушкин, П. Д. Либеров, С. П. Плетнева, И. Ф. Левицкий). В 1945 г. С. А. Семенов-Зусер вскрыл у ст. Люботино еще пять курганов. Эти раскопки подтвердили дату возникновения могильника и выявили одну очень важную особенность — устойчивую ориентировку могил на север—юг [44].

Почти те же результаты были получены раскопками Б. А. Шрамко, который в

[38] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., § 10, стр. 43—44.

[39] Там же, § 10, стр. 44.

[40] Е. П. Трефильев [сообщение]. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I, стр. 17.

[41] Е. П. Трефильев. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда в августе 1903 г. Труды XIII АС, т. II. М., 1908, стр. 102—103.

[42] Древности. Труды Московского археологического общества, т. 3, вып. 1. М., 1870, стр. 135. Опубликовано также в «Московских ведомостях», 1869, № 209.

[43] М. Ф. Бречка. Археологічне дослідження скифских пам'ятників в околицях Люботина. Науков. Зап. ХДПУ, т. I. Харьків, 1939.

[44] С. А. Семенов-Зусер. Археологія, т. II. Київ, 1948, стр. 219.

1950 г. здесь вскрыл еще три кургана. Могильные ямы этих курганов ориентированы в двух случаях с севера на юг и одна в кургане 1 имела небольшое отклонение на ССВ—ЮЮЗ [45].

В 1948 г. во время строительных работ на трассе Москва — Симферополь в одном километре к югу от с. Мерефы на правом берегу р. Мож было обнаружено многослойное поселение. Здесь И. Ф. Левицкий и сотрудники Харьковского исторического музея произвели обследование и раскопки, давшие значительный керамический и другой археологический материал срубной культуры и скифского времени.

На основании анализа типов керамики И. Ф. Левицкий установил генетическую связь керамики срубной культуры с керамикой скифского времени [46] (№ 48).

В 1949 г. экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А. С. Семенова-Зусера вскрыла три кургана в могильнике у с. Большая Гомольша [47] (№ 72).

Раскопки курганов показали, что в отличие от могильника у с. Люботино здесь встречаются погребальные сооружения с двускатной деревянной крышей (курган 2) и нет постоянства в ориентировке могил.

Интересные наблюдения сделаны и в другом курганном могильнике, расположенном у с. Островерховки Змиевского района (№ 71). В 1950 г. Северо-Донецкой экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова здесь был раскопан один курган. Затем в 1952 г. Б. А. Шрамко исследовал еще пять курганов.

Раскопки показали, что в каждом кургане имеется по одной могильной яме, и все они ориентированы с севера на юг, а костяки главным образом головой на север [48]. Для полноты картины опишем еще 11 курганов, раскопанных Харьковским отрядом скифской экспедиции Института археологии АН СССР в 1953—1954 гг. в двух могильниках у с. Черемушны [49] (№ 69—70).

Один могильник расположен к северо-западу от с. Черемушны, вдоль шоссе Харьков — Валки в 46—47 км от Харькова. Могильник состоит из значительного количества средних и уже исчезающих курганных насыпей, выделяющихся иногда в виде светлых пятен на вспаханном поле. Здесь было раскопано два кургана. Первый курган содержал одно погребение, по-видимому, раннескифского времени. Могильная яма ориентирована с севера на юг. Во втором кургане (курган 2) было семь погребений эпохи бронзы [50].

Во втором могильнике, расположенном на высоком косогоре, к востоку от с. Черемушны, насчитывающем около 150 насыпей разной величины, в 1954 г. было раскопано девять курганов, относящихся к скифскому времени. И здесь могильные ямы сохраняют почти однообразную ориентировку: шесть могильных ям ориентировано на ЮЗ — СВ и две — с севера на юг. В кургане 2 в насыпи оказалось два впускных погребения.

Заслуживает особого внимания курган 1 высотой до 1 м, диаметром около 32 м. Этот курган оказался зольником и дал большое количество керамики, различных предметов быта, оружия и костей животных. В зольнике содержались погребения, не поддающиеся датировке. Обычная могильная яма и яма с подбоем под западной стенкой были ориентированы с востока на запад.

Очень мало внимания уделялось изучению городищ и открытых поселений. В настоящее время имеется пожалуй, одна статья Николая Фукса [51]. В ней автор описывает 15 городищ в бывших Ахтырском, Богодуховском, Валковском, Харьковском и Змиевском уездах. Эти городища не изу-

[45] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, д. 1153, стр. 153.

[46] И. Ф. Левицкий. Поселение р. Мерефы. Альбом 1948 г. хранится в архиве Института археологии АН УССР (отчет о раскопках И. Ф. Левицкого. Мерефянское поселение).

[47] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени...

[48] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени...; его же. Памятники скифского времени у с. Островерховки Харьковской области. КСИА АН УССР, вып. 4, Киев, 1955, стр. 102.

[49] П. Д. Либеров. Отчеты в архиве ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 867 и 957. В связи с раскопками городища у хут. Городище и курганов у с. Черемушны приношу глубокую благодарность директору Огульчанской средней школы Шевченко Григорию Даниловичу и школьникам старших классов, без участия которых наши раскопки были бы невозможны.

[50] П. Д. Либеров. Курганы у с. Черемушны. КСИИМК, 63, 1956, стр. 98—102.

[51] М. Фукс. Про городища скитської доби на Харьківщині. Зап. Всеукр. Археологического комитета, т. I. Київ, 1931.

чались, их описание и хронологическое определение были произведены на основании внешнего осмотра и подъемного материала, позволившего, однако, датировать их, как правило, скифским временем. Основываясь на особенностях внешних форм валов и рвов, автор приходит к выводу, что распространение городищ от Днепровских притоков на притоки Дона, в том числе Северный Донец, есть результат постепенного передвижения племен из бассейна Днепра.

Селищам в литературе уделено мало внимания, так как их известно немного. Это не значит, что их вообще меньше, чем городищ. Наоборот, селища преобладают над городищами, поскольку последние представляют собой укрепленные поселения, которые использовались наиболее полно в период военной опасности. В мирное время основная масса населения жила в открытых поселениях, которые сейчас трудно обнаружить, так как культурные остатки скрыты задернованной почвой. Этим и объясняется кажущаяся малочисленность открытых поселений.

Большую разведывательную работу провел директор Изюмского музея, ныне покойный, Н. В. Сибилев. В течение ряда лет до 1926 г. он обследовал все течение Донца от р. Деркул бывшей Донской области до г. Белгорода. На этом пространстве им открыто 211 новых стоянок и селищ, осмотрено 54 открытых ранее и собрано на них до 10 тыс. предметов. Однако результаты этих работ опубликованы далеко не полно[52]. Н. В. Сибилев интересовался главным образом памятниками эпохи палеолита; памятники более позднего, в частности, скифского времени, не были предметом его исследования. Сам Н. В. Сибилев определял цель своих разведок так: «Разведки предприняты мной из желания установить границы распространения микромакролитов на р. Северном Донце»[53]. Поэтому скифские памятники в его публикациях нашли очень скромное отражение. В сообщениях Н. В. Сибилева имеются интересные данные, показывающие огромную насыщенность древними памятниками бассейна Северного Донца. По его наблюдениям, только в одном бывшем Изюмском уезде по самому скромному подсчету имеется около 10 тыс. курганов. На протяжении 500 верст по Северному Донцу им отмечено свыше 250 стоянок и селищ различных эпох. Поселения скифо-сарматской эпохи прослежены Сибилевым вплоть до самой границы Белгородской области в виде нескольких групп[54].

Насколько достоверны сведения Н. В. Сибилева относительно всех этих поселений, мы скажем ниже. Здесь лишь отметим, что автор не всегда был прав, указывая на такое обилие селищ в отдельных группах. Это особенно относится к селищам у с. Петровского и г. Изюма.

В период после Великой Отечественной войны большая исследовательская работа была проведена доцентом Харьковского государственного университета Б. А. Шрамко. Он пишет, что в бассейне Северного Донца находятся 43 селища и 15 городищ скифского времени, из которых 17 селищ и 5 городищ расположены по берегам Северного Донца, а остальные — в пределах его притоков[55]. Все городища и 37 селищ находятся к северу от южной границы лесостепи[56].

Памятники скифского времени особенно густо расположены в лесостепной зоне, по правым притокам Северного Донца, реже — по левой стороне и в степи.

На нашей карте показан далеко не полный список поселений и городищ, которые в последующие годы Б. А. Шрамко

[52] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины (альбом рисунков) в четырех выпусках. Изюм, 1926.

[53] Н. В. Сибилев. Как я провожу археологические разведки. «Краеведение», 1928, № 5, стр. 289.

[54] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II, карта, листы 1—4.

[55] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Рукопись в архиве ИА АН СССР и автореферат диссертации. М., 1953; его же. Отчеты о разведках и раскопках за 1951—1955 гг. Архив ИА АН УССР; его же. Памятники скифского времени у с. Островерховки Харьковской области, стр. 10; его же. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, 54, 1954, стр. 105 и сл.; его же. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, 1957, № 1, стр. 178 и сл.; его же. Селища та могильник раннього залізного доби біля с. Островерхівки. АП, т. V. Київ, 1956, стр. 56 и сл.

За небольшим исключением все городища, селища и курганы, подвергшиеся обследованию Б. А. Шрамко, мы даем на прилагаемой археологической карте.

[56] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, 1950; Ф. И. Милонов. Взаимоотношения леса и степи в историческом освещении. «Вопросы географии», вып. 23. М., 1950.

значительно пополнил[57]. К сожалению, изучение всех этих памятников находится пока в той стадии, когда производится главным образом обследование и описание их наряду со сбором подъемного материала, небольшой шурфовкой и раскопками. Серьезным раскопкам подвергались до сих пор лишь поселение у с. Островерховка[58], городище Караван и некоторые другие памятники. Они дали прекрасный материал для характеристики материальной культуры, ремесла и хозяйства племен средней части Северного Донца.

Наши археологические исследования в бассейне Северного Донца явились продолжением исследований украинских археологов. Они производились в течение четырех лет (1953—1956).

В 1953 г. производились раскопки большого городища у хут. Городище Огульцовского сельсовета Валковского района (№ 10). Оно было известно еще Вадиму Пассеку под названием Кукулевское. Описание его дает также Николай Фукс с указанием размеров центральной части городища и предградий[59]. В 1952 г. здесь Б. А. Шрамко снял план городища и произвел шурфовку центральной части в трех местах общей площадью 18 кв. м. Нам удалось осуществить раскопки этого городища в более широком объеме[60].

Разведками обнаружено второе небольшое городище (№ 11), расположенное в Чернецком Яру, около 4 км к востоку от хутора Городище, площадью до 1,2 га. Тогда же были обнаружены три открытых поселения у хут. Городище и у с. Огульцы[61].

Исследованы два кургана в могильнике 1 у с. Черемушны[62].

В 1954 г. была продолжена разведка в районе с. Черемушны. В результате было обнаружено еще два поселения[63]. И, наконец, были произведены раскопки курганов в могильнике 2, расположенном к югу от с. Черемушны.

Последующая работа отряда, начиная с 1954 и по 1956 г., была подчинена решению второй, пожалуй, более важной задачи — выяснению культурно-этнической границы лесостепных и степных племен Среднего Донца, которая до сих пор не была предметом специального изучения. С этой целью уже в 1954 г. отряд обратился к изучению памятников правого берега Северного Донца. В результате этого в Балаклейском районе примерно в 4 км от с. Меловое, у хут. Червонный шлях было зафиксировано большое городище площадью до 18 га; оно называется еще Северским и известно было Д. И. Багалею[64].

Б. А. Шрамко в 1952 г.[65] и нашей экспедицией 1954 г.[66] здесь собрана керамика скифского времени. Городище Меловое является по существу самым южным форпостом всей системы городищ и селищ лесостепного типа, расположенных к северу. Ниже этого городища по берегам Северного Донца и его правым и левым притокам городищ скифского времени уже не встречается. В частности, обследование памятников скифского времени в пойме Северного Донца и его притоков — рек Оскола и Береки — в границах Изюмского и Славянского районов дает совершенно иную картину сравнительно с памятниками лесостепи. При обследовании поймы р. Оскола в 1955 г., начиная от с. Красный Оскол вверх по правой и левой сторонам, было обнаружено 42 поселения; из них по правому берегу расположено 24 поселения и по левому — 18. Подъемный керамический материал, собранный на этих поселениях, шурфовка и раскопки некоторых из них в 1956 г. показывают, что поселения относятся к эпохе бронзы и средневековью и, по-видимому, только очень немногие — к эпохе раннего железа. Если произвести разбивку поселений по эпохам на основании собранного материала, то получится, что на восьми поселениях имеется материал только эпохи бронзы, на 24 поселениях встречается материал эпохи бронзы и

[57] Ряд поселений был обследован Харьковским отрядом Института археологии АН СССР в 1953—1956 гг. См. Отчеты за эти годы в Архиве ИА АН СССР и ИА АН УССР.

[58] Б. А. Шрамко. Новые поселения...

[59] Вадим Пассек. Курганы и городища...; М. Фукс. Про городище скитськоі доби на Харьківщині. «Зап. Всеукр. археологического комитета», т. 1. Київ, 1931, стр. 93—94.

[60] П. Д. Либеров. Отчет за 1953 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 867.

[61] Там же.

[62] П. Д. Либеров. Курганы у с. Черемушны, стр. 98 и сл.

[63] П. Д. Либеров. Отчет за 1954 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 957.

[64] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 32.

[65] Б. А. Шрамко. Отчет за 1952 г. Архив ИА АН УССР.

[66] П. Д. Либеров. Отчет за 1954 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 957.

средневековья и отчасти, вероятно, скифского времени и на десяти поселениях — материал только средневековый, относящийся к салтовской культуре, а также к XVII—XVIII вв.[67] Раскопки ряда поселений, произведенные в 1956 г. Оскольской экспедицией Института археологии АН УССР с участием ИА АН СССР, не опровергли, а подтвердили наше заключение. Благодаря раскопкам В. А. Ильинской на поселении у с. Оскол собран материал эпохи поздней бронзы бондарихинского типа[68]. Раскопки поселения у с. Рубцы на левой стороне р. Оскола, произведенные С. С. Березанской, дали керамику катакомбной и раннесрубной культур[69].

Раскопки нашей экспедиции на правой стороне р. Оскола, у хут. Войновки, Красно-Оскольского сельсовета Изюмского района открыли хорошо насыщенный культурный слой эпохи поздней бронзы. Аналогичный слой обнаружен и на поселении у хут. Пятихатки того же сельсовета. И лишь на поселении 1 у хут. Шведовки был обнаружен слой скифского времени, отчасти перемешанный с керамикой эпохи бронзы (№ 76)[70].

В Изюмском районе и на р. Осколе нам не удалось обнаружить городищ эпохи раннего железа. Известные еще Д. И. Багалею городища по правому берегу р. Оскола и обследованные нами относятся к эпохе средневековья, к XVII—XVIII вв.[71]

Таким образом, непосредственным результатом разведок на р. Осколе явилось обнаружение очень важного различия в характере памятников между степью и лесостепью Среднего Донца. Чтобы проверить этот вывод на более широкой территории, мы предприняли специальную разведку в пойме р. Береки, которая берет начало недалеко от границы лесостепной полосы и далее протекает западнее г. Изюма. Необходимо было исследовать поселения в устье р. Береки, отнесенные Н. В. Сибилевым к скифскому времени. Наши разведки проведены по обоим берегам р. Береки, начиная от ее устья до с. Верхней Береки. Они дали те же результаты, что и на р. Осколе. Нам удалось обнаружить 29 поселений с материалом эпохи бронзы[72]. На семи из этих поселений встречен материал салтовской культуры. Произведенная шурфовка некоторых поселений, в том числе одного поселения у с. Петровского, где Н. В. Сибилев указывает девять скифских поселений, не дала материала этого времени[73]. Однако нет оснований отрицать полностью наличие здесь скифского материала, ибо сборы Н. В. Сибилева дают типичные для скифов бронзовые наконечники стрел, бронзовые зеркала и другие вещи[74].

Возможно, что вещи скифского времени могут быть и на поселениях у с. Каменки. Известны также сборы бронзовых и железных наконечников стрел В. Спасивцева на поселении у с. Райгородок (№ 77)[75]. Однако рассмотрение результатов исследования во всех указанных пунктах приводит нас к убеждению в том, что в степи поселения эпохи раннего железа весьма редки, а городища отсутствуют. По керамике памятники степи и лесостепи бассейна Северного Донца отличаются друг от друга.

На основании всего сказанного можно предположить, что количество поселений скифского времени, указанных Н. В. Сибилевым в пунктах у сел Веревкино, Петровского, Каменки и в районе г. Изюма, значительно преувеличено. Более того, имеющиеся здесь поселения и места сбора вещей скифского времени не дают сколько-нибудь насыщенного культурного слоя, что свидетельствует о кратковременности пребывания скифских племен на поселениях. Это же подтверждается и небольшим количеством

---

[67] П. Д. Либеров. Отчет за 1955 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 1088. Отчет за 1956 г. Там же, ф. 1, р. 1, д. 1273.

[68] В. А. Ильинская. Отчет за 1956 г. Архив ИА АН УССР; ее же. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскол. КСИА АН УССР, вып. 8. Киев, 1959, стр. 80 и сл.

[69] С. С. Березанская. Отчет за 1956 г. Архив ИА АН УССР; ее же. Поселение срубной культуры на р. Осколе. КСИА АН УССР, вып. 8. Киев, 1959, стр. 85 и сл.

[70] П. Д. Либеров. Отчет за 1956 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 1273; его же. Разведки в пойме р. Оскола в 1955 г. КСИА АН СССР, 83, 1961.

[71] Д. И. Багалей. Указ. соч.

[72] П. Д. Либеров. Отчет за 1956 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 1273; его же. Археологические памятники р. Береки. КСИИМК, 77, 1959, стр. 35—41.

[73] Н. В. Сибилев. Указ. соч.

[74] Там же, табл. XXVII, XXVIII. Бронзовые наконечники стрел двух- и трехлопастные VI в. до н. э. хранятся в архивах ИА АН УССР с указанием на сборы Н. В. Сибилева в Петровских Песках (отчет № 176).

[75] Архив ЛОИА, д. 188 и 893, л. 5—6. Наконечники стрел хранились в Харьковском университете.

подкурганных погребений, обнаруженных раскопками В. А. Городцова на Среднем Донце (№ 80—85) [76] и А. М. Покровского на р. Береке (№ 78—79) и у с. Прелестного (№ 96) [77].

За последние годы систематические исследования поймы Среднего Северного Донца производит сотрудник ИА АН СССР кандидат исторических наук С. А. Плетнева. В течение 1954 и 1955 гг. С. А. Плетнева обследовала пойму Северного Донца, начиная от его верховьев до южной границы лесостепи. Основной задачей ее исследований является изучение памятников салтовской культуры. Однако попутно она зафиксировала ряд новых городищ и открытых поселений скифского времени и эпохи бронзы [78].

К скифскому времени, по-видимому, может быть отнесено одно селище на левом берегу в районе с. Мохнач (№ 64). Произведены новые сборы керамики скифского времени на городище Большая Гомольша (№ 15) и на трех поселениях, расположенных у с. Черкесский Бишкин на левом берегу Северного Донца (№ 55, 56, 57). Одно из этих поселений было известно еще Н. В. Сибилеву и второе — Б. А. Шрамко около оз. Лиман. Новое поселение найдено и в районе с. Безлюдовки на правом берегу р. Уды (№ 33), к северу от городища Хорошево. Ряд поселений скифского времени отмечен также на правом и левом берегах р. Уды у с. Васищево (№ 34, 35) и с. Шубино (№ 36) Харьковского района и, по-видимому, у с. Красная Поляна, к востоку от с. Водяное Змиевского района (№ 40).

В последующие годы вплоть до 1956 г. Плетневой обследован ряд других районов. В частности, на правом берегу р. Корень, притока р. Нежеголь, обнаружено селище у с. Устинка (№ 88), на правом берегу г. Корочи — селище и городище у с. Дмитриевки Шебекинского района Белгородской области (№ 86, 87). Селище имеется и у с. Бочкова Волчанского района Харьковской области на правом берегу р. Волчьей (№ 89). Ряд поселений обнаружен в Балаклейском и Савинском районах Харьковской области, расположенных уже в пределах южной границы лесостепи. В частности, одно поселение находится в одном километре от с. Меловое вверх по течению р. Северный Донец и ниже городища Червоный шлях (№ 91); второе поселение — в одном километре ниже с. Красной Гусаровки (№ 93). По сообщению С. А. Плетневой, это поселение имеет довольно мощный культурный слой, достигающий 0,8 м. Возможно, к скифскому времени может быть отнесен и ряд других поселений, расположенных: одно — на левом берегу р. Балаклейки около с. Балаклеи (№ 92), второе — на правом берегу р. Северный Донец — в 2 км к югу от с. Шурово (№ 94) и третье — в 2,5 км к северо-западу от с. Залиманье (№ 95). Однако эти поселения дают очень невыразительный подъемный материал и поэтому взяты нами условно.

Мы попытались собрать все возможные и доступные в настоящее время сведения относительно исследования памятников бассейна Среднего Северного Донца. Простое перечисление этих памятников в общей сложности дает до 100 открытых поселений и городищ и до 80 подкурганных погребений скифского времени. Казалось бы, это облегчает изучение памятников материальной культуры, хозяйства, быта в целом и дает возможность поставить и решать некоторые вопросы происхождения и развития племен бассейна Северного Донца. И тем не менее, в решении этих вопросов имеются большие трудности. Эти трудности заключаются главным образом в том, что все еще недостаточен размах исследований, большинство памятников известно лишь по самой краткой характеристике и небольшому подъемному или собранному в результате незначительной шурфовки материалу, и лишь некоторые памятники подверглись более или менее серьезному исследованию; публикации дореволюционного периода далеко не полны и в значительной части потеряли свою ценность в связи с утратой вещественного материала в годы Великой Отечественной войны. Очень медленно поступают в печать и новые материалы.

Мы отмечали выше, что В. А. Городцов местную предскифскую этническую основу видит в киммерийских племенах, которые, по его мнению, с приходом скифов не исчезли, а, приняв их материальную культуру, продолжали свое существование здесь и

---

[76] В. А. Городцов. Указ. соч.
[77] А. М. Покровский. Указ. соч.
[78] Приношу глубокую благодарность С. А. Плетневой за предоставленную нам возможность опубликовать открытые ею памятники.

позднее. Этой же точки зрения по существу придерживался и В. И. Данилевич.

О. А. Кривцова-Гракова в своей недавней обобщающей работе на большом материале доказывает проникновение в Северное Причерноморье племен срубной культуры из Поволжья во второй ее период. Анализируя керамику поселений этого периода на Донце, она приходит к убеждению в том, что пришедшие племена срубной культуры подверглись воздействию местных племен; это воздействие нашло свое выражение в некотором своеобразии керамики, не характерном для срубной культуры [79]. Этим самым как бы допускается сосуществование и взаимное влияние племен.

Б. А. Шрамко также высказал свою точку зрения по этому вопросу. Однако, занимаясь изучением памятников эпохи раннего железа в бассейне Среднего Донца и оставляя в стороне памятники предшествующей эпохи, он, естественно, не мог говорить о происхождении и развитии племен на этой территории. Опираясь на сообщение Геродота, он высказал предположение, что создателями культуры эпохи раннего железа на Донце были меланхлены.

Мы ограничиваемся этим небольшим перечнем авторов, высказывавших свою точку зрения о происхождении и развитии племен Донецкого бассейна, а равно и об этнической их принадлежности.

Наша задача заключается в том, чтобы возможно более полно собрать и суммировать имеющийся археологический материал и на основе его анализа поставить некоторые вопросы истории и культуры племен бассейна Северного Донца.

КУРГАНЫ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Северо-Донецкий бассейн в его средней лесостепной и степной части исключительно богат курганными могильниками. Они разбросаны везде: на самых возвышенных местах (села Люботино [80], Черемушны [81]), на ровном и высоком плато (курганы Богодуховского и Валковского уездов [82], у с. Дергачи [83], на высоких хребтах и водоразделах [84] или низких, иногда затопляемых в весеннее время местах — долинах правых и левых притоков Северного Донца (реки Берека, Оскол) [85].

Количество курганов в группе самое разнообразное. Большинство групп состоит из нескольких насыпей — до 15—20 и более. Курганы расположены, как правило, без всякого порядка или иногда рядами на некотором расстоянии друг от друга и редко примыкают один к другому. Однако и здесь, как и в правобережной части Среднеднепровской лесостепи (Тясминская группа), можно встретить могильники, состоящие из сотен курганов, расположенных на небольшой площади. Так, один из могильников скифского времени, расположенный в окрестностях ст. Люботино Харьковского района, насчитывает до 450 курганов; они разбросаны на площади около 18 тыс. кв. м. Курганный могильник у с. Черемушны на небольшой площади содержит до 150 насыпей, раскиданных без всякого плана. Весьма существенной чертой расположения курганных могильников скифского времени лесостепной части Северного Донца является их компактность; в них, как правило, нет погребений более ранних эпох; в южных степных районах Среднего Донца такие курганные могильники не обнаружены; скифские погребения здесь встречаются редко, обычно являясь впускными в курганы эпохи бронзы. В этом отношении особенно показательны результаты раскопок В. А. Городцова в бывших Изюмском и Бахмутском уездах и А. М. Покровского — на р. Береке. Причина такой малочисленности погребений

---

[79] О. А. Кривцова-Гракова. Среднее Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 111.

[80] М. Ф. Бречка. Указ. соч.

[81] П. Д. Либеров. Отчет за 1953—1954 гг. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 867 и 957.

[82] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии, стр. 369—378; В. Е. Данилевич. Указ. соч.

[83] Е. П. Трефильев. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда в августе 1903 г., стр. 102—103.

[84] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 177.

[85] П. Д. Либеров. Отчеты за 1955 и 1956 гг. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, дела 1088 и 1273.

скифского времени в южных могильниках до сих пор еще недостаточно выяснена.

Устройство и размеры курганов Донецкого бассейна не отличаются от курганов других областей лесостепной и степной частей Украины. Общую характеристику курганов в бывшем Изюмском и Бахмутском уездах дал В. А. Городцов. Он разбивает раскопанные курганы по их форме на три группы: курганы с круглым основанием и вершиной над северным краем (таких насчитывается до 90%), курганы длинные и продолговатые (около 6%) и курганы с вершиной над центром (их еще меньше) [86]. При этом скифские и сарматские погребения находятся в курганах третьей группы. По-видимому, вывод относительно формы курганов со скифскими и сарматскими погребениями не всегда закономерен и требует проверки, ибо в большинстве случаев погребения скифского времени оказались впускными. Тем более трудно судить о форме курганов тогда, когда они подвергаются систематическому распахиванию плугом. Е. Мельник сообщает, что форма курганов в исследованных ею местах куполообразная и расплывчатая [87]. Высота курганов также самая разнообразная, однако курганы с погребениями скифского времени, которые нам известны, невысоки. Так, могильник у станции Люботино не имеет курганов высотой более 2,5 м, большинство из них низкие. В могильнике у с. Черемушны имеются курганы до 3 м, но большинство — мелких и еле заметных. Необходимо также отметить наличие значительного количества курганов исключительной высоты. У хут. Сердюкова бывшего Изюмского уезда известны, например, курганы высотой до 20 м и окружностью от 100 до 200 м; у хут. Маяки находятся два кургана высотой 14—20 м [88].

Таким образом, небольшой анализ формы и содержания курганных могильников лесостепи и степи Среднего Донца дает возможность установить некоторые их различия. Лесостепь дает огромные курганные могильники, принадлежащие племенам, жившим в скифское время; степь, наоборот, дает лишь единичные погребения этого времени среди многих десятков погребений эпохи бронзы.

Погребальные сооружения

На территории Донецкого бассейна в его средней части известны разнообразные формы погребальных сооружений, существовавших на протяжении длительного времени, начиная от эпохи неолита. Ямные, катакомбные, срубные и другие погребения или сменяли друг друга или сосуществовали. Это, естественно, не могло не сказаться на разнообразии погребальных сооружений в эпоху раннего железа. Схема смены культур, которую установил еще В. А. Городцов, в основной части сохраняется в науке и до настоящего времени. То новое, что было внесено в эту схему за послевоенный период, относится главным образом к последнему этапу эпохи бронзы и к скифскому времени. Появление скифов в Северном Причерноморье В. А. Городцов не связывал с племенами срубной культуры, а ныне господствующая в науке точка зрения устанавливает их этническое родство [89]. Скифская культура как бы трансформируется из культуры срубной. Но если это так, то мы должны искать какие-то связующие звенья срубной культуры со скифской среди того многообразия погребальных сооружений, которое наблюдается в подкурганных погребениях скифского времени.

Как известно, В. А. Городцов взял одну из самых важных черт срубной культуры, особый тип погребального сооружения — сруб, от которого и произошло название срубной культуры. Основной особенностью этого типа погребального сооружения является положение плах, горбылей или круглых кряжей, которые лежали на дне вдоль и поперек могильной ямы. При этом концы их в углах врезались в замок, клались в стык или друг на друга, и сверху такой сруб накрывался плоской или двускатной крышей.

Естественно, что, предположив трансформацию срубной культуры в культуру скифскую, мы должны допустить и пережиточные формы в погребальных сооружениях и погребальном обряде. Ничто так прочно не сохраняет пережитки прошлого, как погребальные обряды и веками сложившиеся

[86] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 178; его же. Сообщение о раскопках в Изюмском уезде в 1901 г. Там же.

[87] Е. Мельник. Раскопки курганов..., стр. 675.

[88] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 1, § 51.

[89] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.

обычаи. Поэтому вопрос о срубах в эпоху раннего железа заслуживает особого внимания. Что нам известно в этом отношении? Известны ли срубы в скифское время, близкие по своим типам к срубной культуре? Их очень немного, но они все же есть. Таковы, например, срубы в Макеевском могильнике у с. Макеевки Ротмистровского района Черкасской области из раскопок Н. Е. Бранденбурга [90] и Е. Ф. Покровской [91]. В ходе раскопок ряда курганных могильников скифского времени бывшего Богодуховского уезда Харьковской области Д. И. Багалей часто отмечал деревянную кладку, деревянную гробницу, деревянный сруб [92]. К сожалению, он не дал их точной характеристики. Однажды при описании деревянной кладки в могиле длиной 1,5 м, шириной 0,4 м Д. И. Багалей ссылался и на наличие толстых деревянных столбов по углам. Е. Мельник очень часто наблюдала деревянную облицовку могил, деревянные склепы, гробницы и т. д., но она ни разу не встретила в могиле деревянных столбов [93]. Однако и она не дала достаточно ясного описания деревянных сооружений. Лишь в одном случае, согласно описанию, можно предполагать наличие деревянного сооружения типа сруба в кургане 4 в могильнике у с. Кириковки Ахтырского района Полтавской области; здесь указывается склеп длиной 3 м, шириной 2,1 м и высотой 0,6—0,7 м. Крыша склепа и пол были из досок. Около лежавших в беспорядке костей скелета находились вещи, датируемые скифским временем.

Для характеристики погребальных сооружений и погребального обряда прилагается таблица (табл. 1). В нее удалось включить лишь 62 кургана с 74 погребениями скифского времени. Уже самое поверхностное сзнакомление с таблицей показывает, сколь неблагополучно положение с исследованными памятниками. Особенно это ощущается в неполноте сведений в отчетах и публикациях, что характерно для описания курганов, раскопанных Д. И. Багалеем у хут. Настельного [94], и В. Е. Данилевичем — у хут. Покровского [95]. Очень интересные курганы, раскопанные Е. П. Трефильевым (10 насыпей) у с. Дергачи Дергачевского района Харьковской области, не удалось даже включить из-за отсутствия самых необходимых сведений [96].

Табл. 1 показывает, что из поддающихся учету 74 погребений 57 находятся в грунте и лишь 15 в насыпи. По характеру погребальных сооружений они делятся следующим образом: 58 погребений совершены в обычных могильных ямах в грунте и в насыпи. Сюда входят те могилы, которые имеют деревянные перекрытия или остатки дерева без ясных признаков деревянного сооружения. 13—14 погребений имеют достаточно выраженные признаки деревянных сооружений. По-видимому, среди них могут встретиться и интересующие нас срубы. Как видно, срубы в различных их формах на Донце распространены в небольшом количестве по сравнению с грандиозными деревянными сооружениями в других районах лесостепи. В силу плохой их сохранности трудно выделить такие сооружения, которые по своей форме близки или напоминают срубы предшествующей эпохи, однако они здесь есть.

А. С. Семенов-Зусер при раскопках кургана 2 у с. Большой Гомольши Змиевского района Харьковской области в могиле прямоугольной формы с закругленными углами обнаружил деревянный склеп с двускатной крышей. Середина крыши находилась на бревне, лежавшем вдоль могильной ямы на уровне 0,3 м от дна, а нижние концы ее опирались на боковые продольные бревна, положенные в один ряд [97]. Однако это, пожалуй, единственный случай, наиболее ярко описанный автором. В шести остальных могилах встречаются маловыразительные и плохо описанные сооружения. Например, у хут. Покровского в одном из впускных погребений кургана 1 в головах и ногах отмечены

[90] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1882—1902 гг., стр. 128, курган 454.

[91] Є. Покровська. Розкопки коло с. Макіївки. АП, т. II. Київ, 1949, стр. 131, рис. 1

[92] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии.

[93] Е. Мельник. Дневники раскопок. Труды XII АС, т. I, стр. 707.

[94] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии, стр. 396 и сл.

[95] В. Е. Данилевич. Указ. соч.

[96] Е. П. Трефильев. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда..., стр. 102—103.

[97] А. С. Семенов-Зусер. Указ. соч. Такого типа двускатное сооружение было встречено В. Городцовым в погребении 1 кургана 7 у с. Райского бывшего Бахмутского уезда. См. Труды XIII АС в Екатеринославле, 1905 г., т. I. М., 1907, стр. 362—363, рис. 97—98.

Таблица 1

Погребальные сооружения и погребальный обряд

№ пп	Местонахождение памятника	Номер кургана и погребения	Высота кургана, м	Место погребения	Погребальное сооружение	Ориентировка могилы	Ориентировка костяка	Зола, уголь, кострище	Краска, сера, мел, известь	Битая посуда	Кости животных	Приблизительная дата (в. до н. э.)
1	с. Черемушны Могильник II	1/1 *	1,2	В грунте	Катакомба	В—З	?	—	—	—	—	?
2		1/2—3	1,2	»	Яма	ЗЮЗ—ВСВ	?	—	—	—	—	?
3		2/1	0,9	В насыпи	»	?	ЮЗЮ	—	—	—	—	?
4		2/2	0,9	»	»	?	ЮЗЮ	—	—	—	—	?
5		2/3	0,9	»	»	ЮЗЮ—СВС	ЮЗЮ	—	Красная краска	—	—	?
6		3/1	0,5	»	»	ЮЗЮ—СВС	?	Уголь	—	—	—	?
7		4/1	0,2	»	»	ЮЗЮ—СВС	ЮЗЮ (?)	»	—	+	—	VI
8		5/1	0,2	»	Яма (?), следы дерева	ЮЗЮ—СВС	?	» Зола	Красная краска	—	—	VI
9		6/1	0,35	»	Яма (?)	С—Ю	?	Уголь	—	—	—	?
10		7/1	0,4	»	»	С—Ю	?	Уголь, зола	—	—	—	V
11		8/1	0,6	»	»	ЮЗЮ—СВС	?	Уголь	—	—	—	?
12		9/1	0,15	»	Яма	ЮЗ—СВ	ЮЗ	—	—	—	—	VI
13	с. Черемушны Могильник I	1/1	0,4	»	Яма с остатками крыши	С—Ю	Ю	—	—	+	—	VI
14	с. Люботино	1/1	1,6	»	Яма	С—Ю	?	Уголь	—	+	Кости лошади	VI (?)
15		2/1	0,7	»	»	С—Ю	?	—	—	+	—	VI—V
16		3/1	0,6	»	»	С—Ю	?	—	—	+	—	?
17		4/1	0,4	»	»	С—Ю	?	—	—	+	—	?
18		5/1	1,2	»	»	С—Ю	?	—	—	+	—	?
19		1/1	0,9	»	»	ЮЗЮ—СВС	?	Кострище в насыпи	—	+	—	?
20		2/1	1,0	»	»	С—Ю	?	»	—	+	—	?
21		3/1	0,3	»	»	С—Ю	?	Уголь	—	+	—	?
22	с. Большая Гомольша	1/1	1	»	»	?	ЮЗЮ	—	—	—	—	?
23		2/1	1	»	»	?	З	Кострище в насыпи, уголь	—	—	—	?
24		3/1	1	»	»	?	ЮЗЮ	Уголь	—	—	—	IV—III
25	с. Островерховка	1/1	0,6	»	»	?	?	Кострище в насыпи	—	+	—	?
26		2/1	1,1	»	»	С—Ю	?	Уголь	—	+	—	?
27		3/1	0,8	»	»	С—Ю	?	»	—	+	—	?
28		4/1	0,65	»	Яма с деревянной подстилкой	С—Ю	?	»	—	+	—	?

* В числителе номер кургана, в знаменателе — номер погребения.

Таблица 1 (продолжение)

№ пп	Местонахождение памятника	Номер кургана и погребения	Высота кургана, м	Место погребения	Погребальное сооружение	Ориентировка могилы	Ориентировка костяка	Зола, уголь, кострище	Краска, сера, мел, известь	Битая посуда	Кости животных	Приблизительная дата (в. до н. э.)
29		5/1	0,8	В насыпи	Яма с остатками дерева	С—Ю	ЮЗЮ	Зола, уголь	Мел	+	—	VI (?)
30		6/1	0,5	На горизонте	?	?	?	Уголь	—	+	Кости лошади	?
31	хут. Покровский	1/2	1,1	В насыпи	»	?	СВ	Кострище в могиле	—	—	—	V
32		1/3	1,1	»	Остатки сруба	СВ—ЮЗ	СВ	—	Мел	—	—	?
33		1/1	1,4	»	Яма	?	СВ	Зола, уголь	—	—	—	?
34		3/1	1,2	В грунте	Яма с деревянной подстилкой	СЗ—ЮВ	?	?	—	—	Скелет лошади	?
35		5/2	0,7	»	То же	СЗ—ЮВ	СЗ (?)	?	—	—	»	?
36		6/1	0,55	»	»	?	СВ (?)	?	—	—	—	?
37		6/2	0,55	»	»	?	?	—	—	—	—	?
38		7/4	0,4	»	Яма	?	З	—	—	—	—	?
39		9/1	0,7	»	Яма с деревянной подстилкой, береста	СЗ—ЮВ	СЗ	—	Мел, желтая краска	—	Кости животных	VI—V
40		9/2	0,7	»	Яма	СВ—ЮЗ	СВ	—	—	—	—	VI—V
41		майдан	2	В насыпи	»	?	СЗ	—	—	—	—	?
24	хут. Настельный, группа I	1/1	?	В насыпи (?)	Яма (?)	?	СВ	—	—	—	—	?
43		2/1	?	В грунте	Сруб с деревянной подстилкой	?	?	—	—	—	—	?
44		3/1	?	»	Яма	?	?	—	—	—	—	?
45		3/2	?	»	»	?	СЗ	—	—	—	Кости лошади	?
46	хут. Настельный, группа II	1/1	?		Сруб с деревянной подстилкой	СЗ—ЮВ	СЗ	—	—	—	»	IV—III
47		2/1	?	»	?	?	?	—	—	—	»	IV—III
48		3/1	?	В насыпи (?)	Яма (?)	?	З	—	—	—	Кости животных не определены	IV
49		3/2	?	В грунте	Яма с деревянной подстилкой	?	З	—	—	—	—	IV
50		4/1	?	»	Яма	?	?	—	—	—	—	IV
51		5/1	?	»	Яма с деревянной подстилкой	?	?	Деревянная подстилка обожжена	—	—	Кости лошади	IV
52		7/1	?	»	Яма	?	?	—	—	—	»	IV
53		8/1	?	?	?	?	?	—	—	—	Кости животных не определены	IV
54	хут. Настельный, группа III	1/1	?	В насыпи	Остатки гроба (?)	?	?	—	—	—	То же	IV

Таблица 1 (окончание)

№ пп	Местонахождение памятника	Номер кургана и погребения	Высота кургана, м	Место погребения	Погребальное сооружение	Ориентировка могилы	Ориентировка костяка	Зола, уголь, кострище	Краска, сера, мел, известь	Битая посуда	Кости животных	Приблизительная дата (в. до н. э.)
55	хут. Настельный, группа III	1/2	?	В грунте	Остатки гроба	?	СЗ	—	—	—	Кости животных не определены	IV
56		2/2	?	»	Яма с остатками крыши	?	?	—	—	—	Кости мелкого рогатого скота в насыпи	IV
57		3/1	?	»	Яма	З—В	?	—	—	—	Кости лошади	IV
58	хут. Настельный, группа IV	1/1—2	?	«	Сруб с деревянным перекрытием	?	?	—	—	—	Кости животных не определены	?
59		2/1	?	В грунте (?)	Яма	?	?	—	—	—	—	?
60		3/1—2	?	»	Сруб	?	?	—	—	—	—	?
61		4/1	?	»	»	З—В	В	—	—	—	Кости животных не определены	?
62	сл. Коротыч	?	?	»	Яма	?	?	—	—	—	—	?
63	хут. Черноголовка	1/3	2,16	В насыпи	»	?	ВСВ	—	—	—	—	VIII—VII
64	с. имени Хаджопуло	4/1	2,25	»	Со ступенькой и столбом	В—З	?	—	—	—	Кости лошади	VIII—VII
65	с. Малая Камышеваха	4/1	0,9	В грунте	Яма с остатками крыши	В—З	З	—	Известь	—	—	VI (?)
66	хут. Шпаковка	2/3	3,6	»	Сруб с крышей	?	ЗЮЗ	—	Красная краска	—	—	VI
67		5/7	3,6	»	Яма с остатками крыши	?	Ю	—	—	—	—	VI—V
68	ст. Ступки	5/6	2	»	То же	?	ВСВ	—	—	—	—	—
69	д. Щеглово	14/1—2	1,6	Яма с камышевой крышей и подстилкой	»	?	?	—	—	+	Кости лошади, мелкого рогатого скота	?
70	с. Райское	2/2	1,8	В грунте	Катакомба	?	?	Зола	Известь	—	—	?
71		3/1	1,8	В насыпи	Яма	?	ЮЗ	—	—	—	—	?
72		3/2	—	»	»	?	З	—	—	—	—	VIII—VII
73	с. Камышевка	56/1	2,3	»	»	?	В	—	—	—	—	VI—V
74	хут. Покровский	1/1	1,1	»	»	?	СВ	Зола, уголь	—	—	—	?

дощатые стенки, а по боковым стенкам — жерди [98]. У хут. Настельного в кургане 2 первой группы на глубине 0,8 м была деревянная кладка в виде толстых брусьев длиной 1,5 м, шириной 0,4 м. Сама могильная яма оказалась в материке под этой деревянной кладкой на глубине 2,3 м, длиной 2 м, шириной 1,4 м [99]. На основании такого сообщения трудно представить характер кладки. Вероятно, дерево лежало горизонтально и, может быть, это было сооружение типа шатра над могилой, но утеряло свою шатровую форму. По-видимому, аналогичного устройства было и деревянное сооружение в кургане 1 четвертой группы, расположенное над могилой с богатым инвентарем [100]. Деревянные сооружения также встречаются, но редко, и в степной части Среднего Донца, здесь они очень простые. Чаще встречаются деревянная крыша, иногда на столбиках, отгораживавших восточную часть могилы от западной (курган 4, Верхний Степок, бывший Изюмский уезд) [101], или облицовка стен ямы досками. В последнем случае устраивались канавки на дне могилы для нижних концов досок (курган 2 у хут. Шпаковки бывшего Изюмского уезда) [102]. Кстати сказать, невыразительные остатки дерева нередко встречались и в могилах у села Черемушны [103] Валковского района и у с. Островерховки Змиевского района (курган 5) [104]. Однако на Среднем Донце нет тех мощных деревянных сооружений с двускатной крышей и дромосом, которые хорошо известны в правобережной лесостепной части Поднепровья или на р. Суле.

Почти нет и погребальных сооружений катакомбного типа. Лишь один раз встречена небольшая впускная катакомба в северо-восточном секторе кургана 1 у с. Черемушны [105] (табл. 1). Датировать эту катакомбу трудно, так как в ней не оказалось ни вещей, ни погребения. Аналогичная катакомба была обнаружена нами в кургане 2 у с. Мастюгино в 1958 г. [106]; она также была впускной в северо-восточном секторе. К сожалению, и в этой катакомбе ничего не найдено, если не считать нескольких костей человека и животных. Имеется катакомба и в степной части Среднего Донца. Однако нет полной уверенности в том, что она относится к скифскому времени. В. А. Городцов обнаружил катакомбу в кургане 2 (погребение 2) у с. Райского бывшего Бахмутского уезда [107]. Он указывает, что входная яма в катакомбу имела четырехугольную форму длиной 2,16 м, шириной 1,08 м и глубиной 2,25 м. Дно ее посыпано известью и золой. Вход в катакомбу сделан под северной стенкой и закрывался каменной плитой. Устье входа имело уступы для установки каменной плиты. Дно катакомбы ниже дна входной ямы на 8—10 см. Потолок обвалился. Катакомба имела длину 2,5 м, ширину 1,8 м. Дно посыпано известью, поверх извести была зола от сожженной травы или соломы, человеческие кости лежали в беспорядке. Судя по размерам и устройству катакомбы, а равно посыпке дна золой и известью и отдельным находкам, катакомба относится к эпохе раннего железа. Не в пример правобережному Поднепровью лесостепи, где найдено уже более полутора десятков настоящих катакомб скифского времени, на левобережной части Поднепровья и Северном Донце, а также Среднем Подонье, катакомб почти не найдено. Мы говорим «почти» потому, что в бассейне р. Ворсклы у с. Кириковки Е. Мельник обнаружила прекрасную катакомбу с входной ямой и коридором в кургане 13 [108]. Катакомба датируется VI в. до н. э. Исключительность этой катакомбы приводит некоторых археологов в недоумение, и они, как правило, ее сбрасывают со счета или считают, что это плод воображения исследователя. Между тем достаточно полное и ясное описание катакомбы не вызывает сомнений в реальности ее существования.

Признавая важное значение катакомбных погребальных сооружений для Левобережья и Среднего Донца, мы даем описание катакомбы примерно в том виде, как это

[98] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 20.
[99] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии, стр. 371.
[100] Там же, стр. 372.
[101] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований..., стр. 290.
[102] Там же, стр. 308.
[103] П. Д. Либеров. Отчеты за 1953 и 1954 гг., архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 867 и 957.
[104] Б. А. Шрамко. Отчет за 1952 г. Архив ИА АН УССР.
[105] П. Д. Либеров. Отчет за 1954 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 957.
[106] П. Д. Либеров. Отчет за 1958 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. № 1726.
[107] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, стр. 353.
[108] Е. Мельник. Раскопки курганов..., стр. 715.

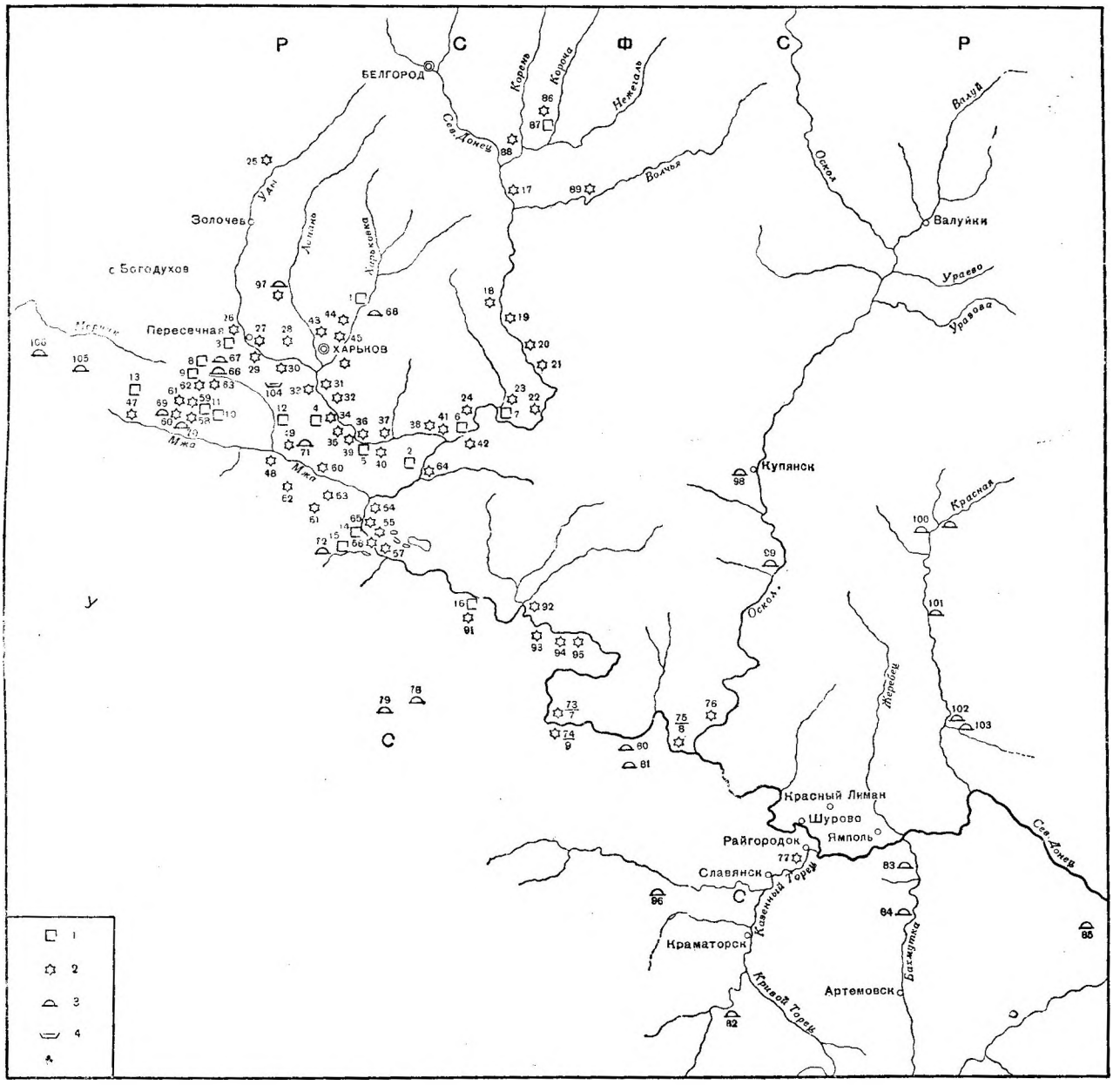

Рис. 1. Схема размещения археологических памятников в бассейне Среднего Северного Донца:

1 — городища; *1* — Цыркуны; *2* — Мохнач; *3* — Костенки (Закозаровка); *4* — Хорошево; *5* — Водяное; *6* — Чугуев; *7* — Кочеток; *8* — Люботино (Шеермановское); *9* — Караван; *10* - у хут. Городище; *11* — Чернецкий Яр; *12* — Яковлево; *13* — Барановка; *14* — Коробова Хутора; *15* — Большая Гомольша; *16* — Меловая; *87* — Дмитриевка

2 — селища: *17* — станица Нежеголь; *18* — Старый Салтов; *19* — хут. Пески; *20* — Хотомля; *21* — Комсомольское; *22* — Печенеги; *23* — Кацевка; *24* — Кочеток; *25* — Уды; *26* — Пересечная; *27* — Подворки; *28* — Куряжанка; *29* — станица Курортная; *30* — Карачевка; *31* — станица Удянка; *32, 33* — Безлюдовка; *34, 35* — Васищево; *36* — Шубино; *37* — Шмаровка; *38* — Ново-Покровка; *39* — Водяное; *40* — Красная Поляна; *41* — хут. Лаптево; *42* — Малиновка; *43* — Саржин Яр; *44* — Большая Даниловка; *45* — пос. Верещановка; *46* — ст. Основа; *47* — Старые Валки; *48* — Мерефа; *49* — Островерховка; *50* — Миргород; *51* — Первомайское; *52* — хут. Бирочог; *53* — Гришковка; *54* — Задонецкое; *55* — *57* — Черкасский Бишкин; *58* — хут. Городище; *59* — урочище Дерковское; *60, 61* — Черемушны; *62* — ст. Совнаркомовская; *63* — Шелковая; *64* — Мохнач; *65* — Сердюков; *73* — Веревкино; *74* — Петровское; *75* — Каменка; *76* — хут. Шведовка; *77* — Райгородок; *86* — Дмитриевка; *88* — Устинка; *89* — Бочково; *91* — Меловая (Червоный Шлях); *92* — Балаклея; *93* — Красная Гусаровка; *94* — Шурова; *95* — Залиман

3 — курганы: *66* — Люботино; *67* — Санжары; *68* — Цыркуны; *69, 70* — Черемушна; *71* — Островерховка; *72* — Большая Гомольша; *78* — Бунаково; *79* — Раздолье; *80* — хут. Шпаковка; *81* — Малая Камышеваха; *82* — Райское; *83* — хут. Черногоровка; *84* — хут. Ступки; *85* — «Золотой ключик»; *96* — Прелестное; *97* — Дергачи; *98* — Купянск; *99* — Воренцовка; *100* — Нижняя Дуванка; *101* — Сватово; *102* — Кобанское; *103* — Ново-Краснянка; *105* — хут. Покровский; *106* — хут. Настельный

4 — могильники: *104* — Коротыч

было сделано исследователем [109]. Автор пишет, что входная яма в катакомбу кургана 13 была обставлена брусьями и покрыта досками, поверх которых лежал слой бересты. Непосредственно под крышей находился слой золы и еще на 40 см ниже — второй слой бересты. Входное отверстие было устроено в северо-восточном углу ямы. Оно открывало длинный (3—4 м) постепенно углубляющийся коридор, идущий в северо-восточном направлении и заканчивающийся большой камерой длиной 3,1 м, шириной 2 м, уже за пределами северо-восточной полы кургана. Непосредственно из входной ямы в коридор вели две ступеньки. Коридор и камера были укреплены вертикально поставленными дубовыми столбами с крышей из досок и покрыты изнутри и снаружи очень толстым пластом бересты. Дно покрыто двойным слоем темной земли с прослойкой светлой подпочвенной глины. Вход в свою очередь заставлен дубовыми кольями, закрыт берестой и засыпан доверху золой. Остов лежал на подстилке из бересты вытянуто, на спине, головой на юго-запад. Из описания устройства катакомбы видно, что она была обставлена дубовыми столбами и имела накат, покрытый толстым слоем бересты. Береста очень часто применялась и в других типах погребальных сооружений и не только в скифское время, но и в эпоху бронзы. Однако к этому вопросу мы вернемся несколько позже.

Последним, но основным и наиболее распространенным типом погребальных сооружений для степной и лесостепной частей бассейна Северного Донца является обычная прямоугольная могильная яма часто с закругленными углами. Такие могилы нередко имеют деревянное перекрытие. Попытка изучения размеров могил всех вариантов показывает, что все они небольшие и в большинстве случаев неглубоко уходят в грунт. Так, в могильнике у с. Люботино в восьми курганах могильные ямы были длиной 1,75—2,4 м, шириной 0,75—1 м, глубиной 0,4—1,3 м; в трех курганах у с. Большой Гомольши высотой до 1 м были могилы длиной 2,85—2,95 м, шириной до 1,35 м, глубиной 1—1,8 м; в пяти курганах у с. Островерховки высотой до 1 м были могилы длиной 2,1—3,35 м, шириной 1—2,5 м и глубиной 0,85—1,45 м; в девяти курганах у с. Черемушны высотой 0,15—1,2 м были могильные ямы длиной 2,30—2,90 м, шириной 0,7—1,1 м и глубиной до 1 м; в 18 курганах, раскопанных Д. И. Багалеем в бывших Валковском

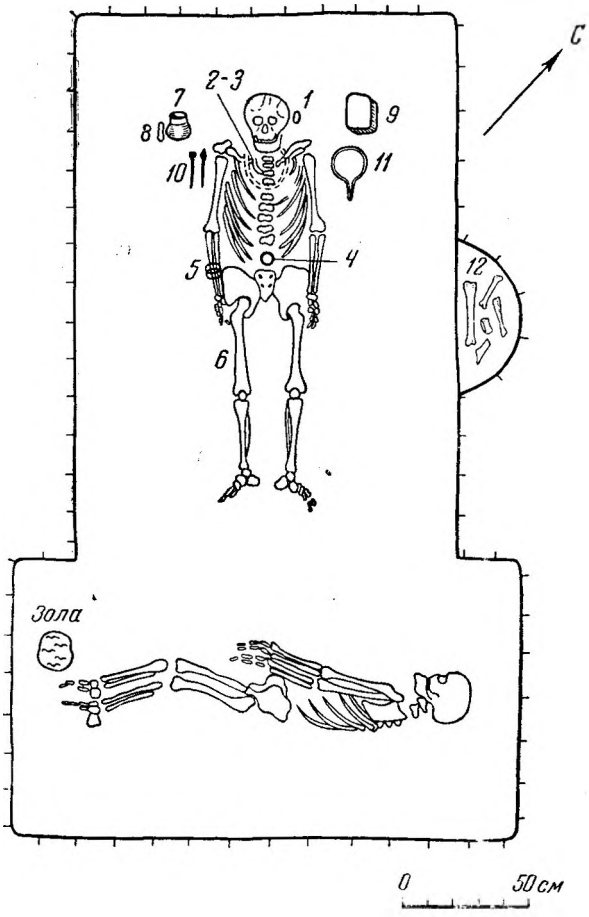

Рис. 2. Парное погребение из кургана 9 у хутора Покровского:

1 — бронзовая серьга из проволоки; *2, 3* — ожерелье из мелких бус и золотых бляшек; *4* — пряжка железная; *5* — два браслета — бронзовый и железный; *6* — обломок железного предмета; *7* — сосуд лепной; *8* — железный предмет; *9* — плита из белого песчаника; *10* — две бронзовые булавки; *11* — бронзовое зеркало; *12* — кости животных

и Богодуховском уездах, не было могил длиной более 3,6 м и шириной более 1,4 м; в десяти раскопанных курганах у с. Дергачи высотой до 0,7 м Е. П. Трефильев нашел могилы длиной до 1,5 м, шириной 1 м и глубиной до 0,75 м.

Большинство могил степной части Северного Донца имеет такие же размеры. Их отличие заключается лишь в том, что почти

[109] Е. Мельник. Указ. соч., стр. 715.

все они впускные. В этом случае при высоте курганов до 3 м и более не требуется слишком большого углубления в грунт. Из восьми курганов скифского времени, исследованных В. А. Городцовым, только одна могила в кургане 14 у деревни Щегловой имеет достаточно большие размеры по сравнению со всеми могилами степи и лесостепи. Ее длина 4,8 м, ширина — 3,9 м и глубина — 1,44 м. Однако ее большие размеры, по-видимому, объясняются тем, что в ней находились захоронения двух человек и лошади. Эта могила была перекрыта вдоль ямы дубовыми колотыми плахами и целыми кругляками, сверху дерева лежал слой камыша. Книзу яма расширялась, дно ее было посыпано известью и устлано камышом.

Необходимо отметить далее очень высокий процент впускных погребений скифского времени в насыпь курганов, не только в эпоху бронзы, но и в скифское время.

Если сложить количество впускных погребений в насыпи (11) и в материк (10), то оно составит около 30% к общему числу погребений. Это очень много. Чем можно объяснить такое положение? Попробуем рассмотреть впускные погребения каждого могильника отдельно, обратив особое внимание на время их сооружения. Так, у с. Черемушны в кургане 2, кроме основного погребения, в неглубокой грунтовой могильной яме оказалось два впускных погребения в насыпи. Центральное погребение подверглось ограблению, человеческие кости лежали в беспорядке, датирующего инвентаря не оказалось. Однако характер могилы — глубина, размеры и ориентировка, а равно и положение костяков впускных погребений — обычен для погребений скифского времени этого же могильника. На некоторых человеческих костях впускных погребений заметны следы красной краски. В насыпи без признаков могильной ямы было обнаружено два погребения. От одного костяка сохранился череп, второй костяк оказался лучшей сохранности. Ориентировка их — головой на юго-запад, т. е. точно такая же, как и в некоторых других погребениях скифского времени. Кроме того, удалось заметить, что лучше сохранившийся костяк лежал вытянуто, на левом боку, кости согнутой в колене левой ноги лодыжкой лежали под голенью правой ноги. Принимая во внимание то, что в могильнике встречаются погребения VI в. до н. э., интересующие нас впускные погребения, по-видимому, можно считать более ранними, но, безусловно, связанными с погребениями скифского времени.

В могильнике у хут. Покровского в кургане 1 с погребениями эпохи бронзы оказалось три погребения скифского времени. К сожалению, эти погребения очень бедны: в первом из них упоминается блестящий черный лепной горшок, во втором был широкогорлый горшок античной работы, украшенный красным волнистым и линейным орнаментом. Второй погребенный был положен на левом боку, левая нога была вытянута, а правая — слегка согнута. Скелет лежал на погашенном костре. Два погребения были ориентированы головой на северо-восток, третье — на северо-запад. Характер сосудов и положение второго костяка напоминают более ранние традиции погребального обряда.

У хут. Настельного в разных курганах имеется также ряд впускных погребений в насыпи. Эти погребения, по всей вероятности, несколько более поздние, чем описанные выше.

Основную массу впускных погребений содержат курганы степной полосы. Из 11 учтенных нами погребений предскифского и скифского времени, обнаруженных В. А. Городцовым и Н. Е. Бранденбургом в бывших Изюмском, Бахмутском и Славяносербском уездах, девять были впускными в насыпи и в грунте. Инвентарь, сохранившийся в ряде погребений, датирует их VIII—VII и VI вв до н. э. Единства в погребальном обряде не наблюдается. Костяк в могиле у хут. Черногоровки лежал скорченно, на левом боку, головой на восток-северо-восток; костяк в кургане 256 в урочище Золотой рудник лежал головой на восток, костяк в кургане 5, погребении 6 у ж.-д. ст. Ступки лежал на правом боку; найдены костяки с перекрещенными ногами или такие, у которых одна из ног была согнута в колене. Все это свидетельствует о том, что эти памятники относятся к самому раннему периоду железного века и сохраняют сильные пережитки обычаев, характерных для эпохи бронзы.

Обратимся к ориентировке погребений. В могильнике у с. Черемушны ориентировка могил разбивается так: на ЮЮЗ — ССВ — 5, ЮЗ — СВ — 1, ЗЮЗ — ВСВ — 1, З — В — 1, С — Ю — 3; ориентировка костяков головой на ЮЮЗ — 4, на юг — 2, на ЮЗ — 1.

Следовательно, господствующей ориентировкой могил является ЮЮЗ—ССВ и весьма близкая к ней ориентировка с севера на юг и костяков головой на юг.

Очень близко к этому могильнику стоит могильник у с. Люботино. Здесь исследовано восемь погребений. Ориентировка могил с севера на юг отмечена в семи случаях и только один раз — на ЮЮЗ—ССВ. К сожалению, нет никаких данных об ориентировке костяков.

В могильнике у с. Большой Гомольши произведены очень небольшие исследования. По имеющимся данным можно говорить только о трех известных нам случаях ориентировки костяков. Из них два костяка ориентированы головой на ЮЮЗ и один костяк — на запад. По-видимому, и в этом случае могилы были ориентированы в указанных направлениях — на ЮЮЗ — ССВ (2) и на З — В (1).

В эту же группу может быть отнесен и могильник у с. Островерховки; из шести исследованных здесь курганов в пяти случаях могилы ориентированы с севера на юг [110]. К сожалению, из-за плохой сохранности и нарушения погребений только в одном случае определена ориентировка костяка головой на ЮЮЗ (курган 5).

Не знаю, на каком основании Б. А. Шрамко определил ориентировку несохранившихся погребений в четырех курганах головой на север [111]. Руководствуясь установленной ориентировкой могил и костяков головой на юг в хорошо известных нам могильниках Среднего Донца, мы можем предположить ориентировку на юг и в Островерховском могильнике.

Вся указанная группа памятников, таким образом, имеет довольно устойчивую ориентировку могил и костяков.

Совершенно другая ориентировка могил и костяков наблюдается в могильниках, находящихся несколько севернее. Так, упоминавшийся уже выше курганный могильник у с. Дергачи на правом берегу р. Лопани, судя по материалам исследований Е. П. Трефильева, дает ориентировку погребений головой на запад.

Автор подчеркивает, что умершие погребались в вытянутом или согнутом положении головой на запад. Он, к сожалению, не дает сведений об ориентировке могил, и нет достаточно полной характеристики памятника в целом. Однако находки почти в половине исследованных курганов не оставляют сомнений в принадлежности могильника к эпохе раннего железного века.

Третью довольно значительную группу, отличную по ориентировке могил и костяков от других могильников, представляют курганы у хут. Покровского, исследованные В. Е. Данилевичем, и у хут. Настельного, исследованные Д. И. Багалеем. Все эти группы расположены в междуречье Северного Донца и Днепра, в верховьях р. Мож (приток Северного Донца) и р. Мерлы (приток р. Ворсклы), в пределах современного Богодуховского, Валковского, Коломенского и Краснокутского районов Харьковской области. Эти памятники территориально примыкают непосредственно к Среднедонецкой группе, и, следовательно, учет их в нашей работе вполне закономерен. Ориентировка могил и костяков указана весьма редко. Так, из 33 погребений во всех этих группах ориентировка могил дается лишь в восьми случаях, а костяков — в 17. Из восьми могил две ориентированы с северо-востока на юго-запад; четыре — с северо-запада на юго-восток; две — с запада на восток. Из 17 погребений шесть костяков ориентировано головой на северо-восток; семь — на северо-запад; три — на запад и один — на восток.

Новизна ориентировки могил в этих группах заключается в том, что большинство могил ориентировано с северо-запада на юго-восток, а костяков — на северо-восток и северо-запад. Эта ориентировка сильно отличает указанные группы памятников от памятников, расположенных непосредственно в бассейне Северного Донца.

Наконец, четвертая группа памятников представлена погребениями в степной части Среднего Донца. В связи с тем, что за малым исключением все погребения были впускными в насыпи, мы почти не имеем данных об ориентировке могил. Лишь о двух впускных могилах в материк сказано, что они были ориентированы с северо-запада на юго-восток. Ориентировка костяков (из 11 погребений нам известна ориентировка восьми костяков) в этой группе довольно разнообразна: головой на запад ориентировано два костяка, на восток — один, на

[110] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени у с. Островерховки Харьковской области, стр. 102.

[111] Там же.

юг — один, на ВСВ — два, на ЮЗЗ и юго-запад — два. Однако, если не быть особенно строгим, можно считать, что западная ориентировка занимает половину общего числа погребений и за ней идет восточная ориентировка.

Следовательно, на основании ориентировки могил и костяков, все памятники на Среднем Донце можно разделить на четыре группы: первая, наиболее многочисленная группа дает ориентировку могил преимущественно с севера на юг или с небольшим отклонением на ЮЮЗ — ССВ и костяков на юг и ЮЮЗ; вторая — с запада на восток, третья дает ориентировку могил наполовину с северо-запада на юго-восток, на одну треть костяков на северо-восток и одну треть на северо-запад и, наконец, четвертая — положение костяков головой преимущественно на запад и ЗЮЗ [112].

В своем автореферате Б. А. Шрамко устанавливает только две основных группы ориентировки костяков — головой на север и на запад [113]. В действительности положение представляется несколько сложнее.

Другие черты погребального обряда, по-видимому, далеко не всегда отмечались в отчетах.

В пяти курганах имеются следы кострищ в насыпи или в могилах; чаще встречаются сведения о присутствии золы и особенно угля в могилах и насыпи, иногда отмечена красная краска и битая посуда.

В отдельных случаях могилы засыпались не обычным черноземом, а глеем, специально сюда доставленным из других мест. Последний способ наблюдается только в одном могильнике у хут. Покровского.

Умершему часто клали заупокойную мясную пищу, остатки которой в виде костей домашних животных встречаются в могилах: это чаще всего кости лошади, а также крупного и мелкого рогатого скота. Имеются указания на захоронения с лошадью: два раза в лесостепи (хут. Покровский) [114] и один — в степи (курган 14 у дер. Щеглова) [115].

В качестве подстилки на дне могилы часто встречаются доски, иногда камыш (в степи), подсыпка песка, чаще — извести. Совершенно не встречаются погребения с трупосожжением, по крайней мере, в период VII—VI вв. до н. э. Среди погребений, исследованных в дореволюционное время, отмечен лишь один случай, да и то ритуального характера, когда покойник был положен на потушенный костер длиной 1,5 м, шириной 1,2 м и высотой 0,2 м, состоявший из обожженных дубовых поленьев и палок (хут. Покровский) [116]. Кроме того, есть указание на обожженную деревянную подстилку в могиле [117] (хут. Настельный) и обугленное деревянное и камышовое перекрытие (дер. Щеглова) [118]. Обугленное перекрытие было и в кургане 4, погребения 1 у с. Малой Камышевахи [119]. Однако последние два факта скорее носят случайный характер и не связаны с ритуальным сожжением.

Обряд трупосожжения, широко применявшийся в правобережье Среднего Днепра в скифское время, на Донце не наблюдался.

Очень мало можно сказать относительно положения вещей в могиле и о погребальных комплексах. В большинстве случаев имеется небольшое количество оружия, преимущественно бронзовых наконечников стрел; редко встречаются мечи и кинжалы, несколько чаще — копья. В могилах не найдено оружия оборонительного характера: панцирей, шлемов и др. Совершенно отсутствуют железные удила и только два раза найдены бронзовые удила с бронзовыми псалиями предскифского или раннескифского времени и два костяных псалия. Весь уздечный набор встречается лишь в степной части Среднего Донца.

Из бытовых вещей обычной находкой являются железные ножи с костяным и деревянным черенком.

Немного известно золотых, серебряных, бронзовых украшений и разных бус. Мало найдено керамики; нередко встречается античная посуда, главным образом амфоры, иногда чернолаковая и другая керамика

---

[112] Четвертую группу могил и костяков мы выделили условно в самостоятельную, ибо она находится в другой зоне.

[113] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени..., Автореферат диссертации, стр. 7.

[114] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 23; курган 3; стр. 24, курган 5.

[115] В. А. Городцов. Исследования в Бахмутском уезде..., стр. 334.

[116] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 20, курган 1, погребение 2.

[117] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии в 1903 г., стр. 372, курган 5, гр. II.

[118] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, стр. 334, курган 14.

[119] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований, стр. 294.

у сел Большой Гомольши, Островерховки, у хуторов Покровского и Настельного.

Чтобы проследить состав и положение инвентаря, мы возьмем для примера ряд хорошо сохранившихся погребений.

Погребение в кургане 2 у с. Большой Гомольши. Костяк в срубе лежал вытянуто на спине, головой на запад. Справа около плечевой кости были разбросаны трехгранные (?) бронзовые наконечники стрел и один железный трехлопастный. У плеча лежала глиняная пуговица, а у правой кисти — серебряный перстень с округлым щитком и заходящими друг за друга концами [120]. Дно могилы, особенно у головы, было покрыто тонким слоем древесного угля. В верхней части засыпки могильной ямы найдено два фрагмента античной амфоры. В насыпи обнаружено кострище в виде обгоревших кусков дерева, прослойки угля и золы.

В кургане 3 высотой 1,2 м у хут. Покровского могильная яма ориентирована на СЗ — ЮВ, засыпана глеем. Человеческие кости в беспорядке; дно было устлано дубовыми досками, и на них лежал костяк лошади на правом боку. Среди костей лошади было восемь обломков бронзовых пластинок [121]. В юго-восточном углу могилы лежали обломки греческой амфоры. В юго-западном углу находились перержавевшие обломки какого-то железного предмета. Заслуживает особого внимания погребение в кургане 9 (рис. 2) [122]. На дне могилы в центре было устроено возвышение, высота его неизвестна. Первая и основная часть этого сооружения ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина ее несколько более 2 м, ширина — около 1,5 м. К северо-восточной стороне возвышения примыкал полукруглый выступ из глины.

С юго-восточной стороны перпендикулярно этому сооружению примыкала другая площадка длиной 2 м, ориентированная с северо-востока на юго-запад, шириной несколько больше 1 м. Обе части этого сооружения и выступ находились на одном уровне. На первой площадке вытянуто, на спине, головой на северо-запад лежал скелет человека. У левого уха найдена проволочная бронзовая серьга, на груди полукругом лежало ожерелье из разных мелких бус: золотых спаянных, стеклянных белых, синих и глиняных зеленоватых. Посредине ожерелья находились две привески: стеклянная головка фригийского типа с вставными стеклянными глазками и костяная вещица вроде калачика; под ожерельем и параллельно ему на груди — золотые небольшие штампованные бляшки, по-видимому, с изображением зайца. На пояснице находился железный предмет, вероятно, пряжка. На правой руке было два браслета — бронзовый и железный. На правой ноге находились обломки какого-то железного предмета. Справа от головы на расстоянии около 0,2 м стоял небольшой лепной горшочек, а рядом с ним какой-то ржавый железный предмет с желтой краской сверху; у правого плеча лежали две бронзовые булавки с полушаровидной и яйцевидной головками; слева от головы — плита из белого песчаника; а у левого плеча — гладкое бронзовое зеркало с такой же цельнолитой ручкой. Скелет лежал на слое бересты; под ней находился еще деревянный настил. Второй костяк лежал в ногах у первого скелета вытянуто, на спине, головой на северо-восток, также на подсыпке. Он был немного повернут на правый бок, лицом к первому скелету. Вещей около скелета не обнаружено, но у пальцев правой ноги находилась небольшая кучка золы. На глиняном выступе, представлявшем, по-видимому, жертвенное место, в кучке лежали кости какого-то животного (рис. 2) [123].

Описанное погребальное сооружение (пожалуй, единственное — нетронутое грабителями) с его инвентарем представляют большой интерес. Особенно важные сведения дает это погребение для постановки вопроса о социальных отношениях у племен Среднего Донца в эпоху раннего железа.

Более полно исследованная курганная группа в районе хут. Настельного, близкая по погребальным сооружениям и обряду к могильнику у хут. Покровского, к сожалению, не может быть охарактеризована достаточно полно. Большинство курганов ограблено. Описания погребений, имеющиеся в публикации, не всегда точные. Тем не менее, и здесь следует отметить ряд интересных и богатых погребений. Так, в кургане 1 второй

[120] А. С. Семенов-Зусер. Отчет о раскопках за 1949 г. Архив ИА АН УССР.

[121] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 23.

[122] Там же, стр. 27.

[123] На рис. 2 мы даем примерную реконструкцию погребений и положения погребального инвентаря согласно описанию, данному В. Е. Данилевичем.

группы, в могиле, обложенной деревом и ориентированной в направлении на северо-запад — юго-восток, лежал сильно потревоженный костяк головой на северо-запад. В юго-восточной стороне могильной ямы, вероятно в ногах, стоял чернолаковый сосуд с двумя ручками и около него лежал железный нож с костяной ручкой; в противоположной стороне, по-видимому в северо-западном углу, были найдены золотой перстень, два трехгранных (?) бронзовых наконечника стрел, золотая прямоугольная пластина с отверстием в середине, три привески в форме пирамидок из синего стекла и две цилиндрические бусины синего и желтого стекла [124]. Вероятно, все эти вещи находились в области груди и рук. Более точно расположение вещей установить невозможно.

Самое богатое погребение этого могильника представлено в кургане 1 четвертой группы [125]. Оно расположено в материке. Сейчас трудно решить вопрос о том, какое отношение к нему имеет погребение в насыпи (?), под деревянной кладкой, расположенной на глубине 1 м. Было ли оно впускным или одновременным грунтовому, мы не знаем. Надо подчеркнуть, что грунтовое погребение содержало богатый инвентарь, а погребение под деревянной кладкой сопровождалось только костями животных, лежавших в ногах костяка [126]. В грунтовой могиле человеческие кости были в большом беспорядке. Ориентировка могилы и костяка нам неизвестна. У черепа найдено гладкое височное золотое кольцо с неспаянными концами, в ногах — обломки разбитой амфоры. Ниже амфоры обнаружено золотое спиральное кольцо в три оборота с плоскими концами, украшенными двумя черточками и одной точкой. Далее без указания местоположения вещей отмечены: железный нож с костяной ручкой, клинок кинжала, втулки от железных копий, бронзовые наконечники стрел, 10 золотых бляшек с отверстиями по углам, одни из них с изображением грифонов (2), другие — с изображением оленей с ветвистыми рогами (8), две золотых цилиндрических и одна биконическая бусины. Аналогичная деревянная кладка была зафиксирована и в кургане 2 первой группы, где она находилась в центре кургана на глубине 0,8 м, вероятно, в насыпи. Деревянная кладка имела длину 1,5 м, ширину — 0,4 м. По углам стояли толстые столбики-брусья. В материковой могиле под деревянной кладкой на глубине 2,3 м находилось погребение, от которого сохранились лишь беспорядочно лежащие кости. В юго-западной стороне лежала куча костей животных на деревянной подстилке. В этом случае деревянная кладка, вероятно, относится к грунтовому погребению. Не исключено, что погребение с деревянной кладкой в кургане 1 четвертой группы также относится к грунтовому погребению, но уже как сопровождающее его.

В степной части бассейна Северного Донца имеется ряд курганов, которые не были потревожены кладоискателями. По этим погребениям можно представить расположение инвентаря. Погребение 3 у хут. Черногоровки впущено в насыпь кургана 1. Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Кисти рук находились под левой щекой. Это погребение по положению костяка носит типичные черты погребального обряда эпохи поздней бронзы. Однако инвентарь уже связывает его с эпохой раннего железа. На лобной части черепа лежал венок из ряда тонких бронзовых пластинок, на спине — бронзовая бляшка, у груди — бронзовые удила с бронзовыми же псалиями с тремя отверстиями и бронзовыми круглыми бляшками [127], идентичными по своей форме костяным бляшкам, часто встречающимся в погребениях эпохи поздней бронзы.

В кургане 14 у дер. Щегловой (бывший Бахмутский уезд) была обнаружена одна могильная яма с двумя скелетами, кости которых лежали в беспорядке. Могильная яма значительных размеров имела деревянное перекрытие из толстых колотых дубовых плах и целых кругляков, расположенных вдоль ямы; плахи были обуглены, крыша сверху дополнительно покрыта камышом, углы ямы закруглены, стены внизу имели небольшой подкоп, а дно посыпано известью и выстлано камышом.

В яме, кроме разбросанных костей человека, находились кости коня и двух овец; череп лошади был выброшен из ямы

[124] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии, стр. 373.
[125] Там же, стр. 374.
[126] Там же, стр. 372.
[127] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований..., стр. 242. Вещи опубликованы там же, табл. XIII, *1—11*.

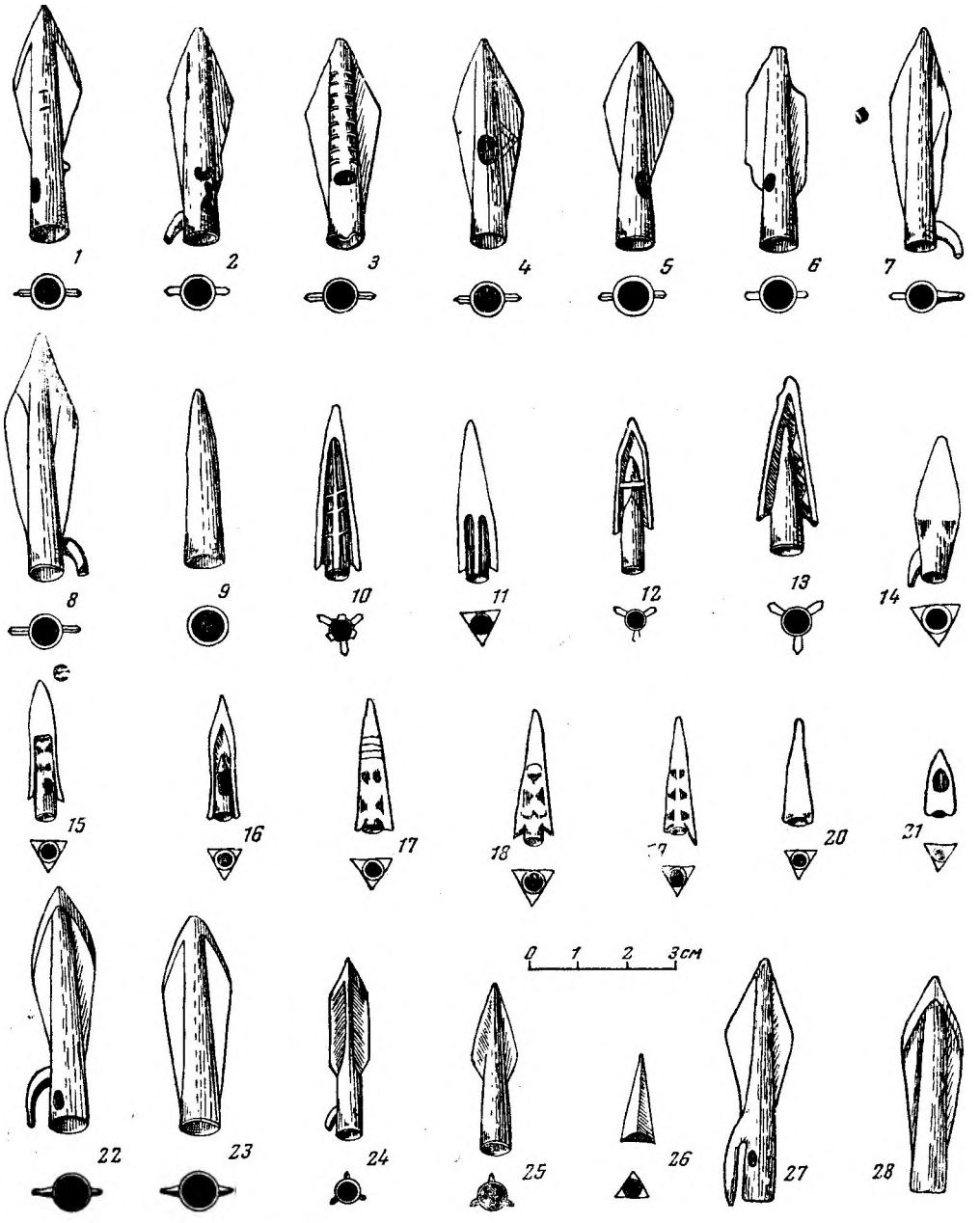

Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел

23 – сборы Н. В. Сибилева; 27, 28 — из кургана 524 у с. Жаботино, раскопки А. А. Бобринского

грабителями и найден в насыпи. Ориентировка костяка и могилы не указана. У южной стенки лежали раздавленный лепной сосуд, сломанный бронзовый браслет и часть бронзового кольца. У западной стенки лежал бронзовый наконечник стрелы.

Если бы мы попытались представить расположение вещей в могилах, то вряд ли получили бы сколько-нибудь достоверную картину, так как в большинстве случаев вещи были перемещены кладоискателями. Достаточно определенно можно говорить только о расположении керамики.

В. Е. Данилевич в своем описании вещей в могильнике у хут. Покровского указывает, что керамика около костяков, лежавших на спине, в двух случаях находилась в головах и около головы. В одном случае — в ногах около костяка, лежавшего на правом боку. Интересно, что в погребениях эпохи бронзы со скорченными костяками в ямах и деревянных камерах этого же могильника в пяти случаях сосуды оказались в головах и только один раз — у колен [128].

В могильнике у с. Черемушны сосуды в могилах были редким явлением. Однако здесь два сосуда были найдены в погребениях в насыпи и в могиле у ног. Последний сосуд датируется гвоздевидной подвеской VI в. до н. э. У хут. Настельного посуда чаще находилась, по-видимому, в ногах. В одном случае в ногах лежал чернолаковый сосуд, в другом — амфора, и лишь однажды миниатюрный сосудик вместе с бронзовыми и железными вещами находился в головах (курган 1, группа третья) [129].

Особая устойчивость положения сосудов наблюдается в степной части. Так, в четырех случаях из пяти сосуды лежали в головах, положение пятого сосуда не определено [130].

В кургане 5, погребении 7 у хут. Шпаковки бывшего Изюмского уезда вместе с узкогорлым амфоровидным сосудом в головах лежали костяные украшения уздечки и пара костяных псалий, датирующих погребение раннескифским временем [131].

Подведем некоторый итог сказанному. Среди погребальных сооружений преобладали могильные ямы, часто с закругленными углами. Лишь пятая часть погребений находилась в срубах простейшего типа. Более широко применялось деревянное перекрытие над могилой и деревянная подстилка на дне могилы. В силу ли плохой сохранности деревянных сооружений или по другой причине здесь почти не встречено той ярко выраженной формы погребальных сооружений, которая характерна для срубной культуры. И тем не менее наблюдения и описания некоторых срубов, произведенные исследователями в ходе раскопок, позволяют допустить, что некоторые элементы таких погребальных сооружений как пережитки сохранились вплоть до скифского времени. Катакомбы, столь обычные у скифских племен степи, на Среднем Донце почти отсутствуют.

В погребальном обряде в разных частях бассейна Среднего Северного Донца наблюдаются некоторые различия. Они особенно сильно отражены в ориентировке могил и костяков. Это позволило разделить могильники на несколько групп: с одной стороны, выделяются лесостепные памятники — группы южная (русло р. Мож и Северного Донца), северная (русло р. Лопани у села Дергачи) и междуречья Северного Донца и р. Ворсклы, с другой — степные. Особое место занимает могильник у хут. Покровского, где засыпка могил иногда производилась глеем, а погребения сопровождались захоронением лошади. Этот последний обычай связывает Покровскую группу со степной. Между прочим эти группы близки и по ориентировке костяков.

Трупосожжение как форма погребального обряда совершенно отсутствует, если не считать некоторых элементов его символизации (положение покойника на потушенный костер). В ряде курганов встречаются кострища в насыпи, зола, угли, известь (в могиле) и иногда красная краска.

Положение инвентаря обычно и обязательно, как и в других местах степи и лесостепи в скифское время. Количество и богатство его, очевидно, зависят от общественного положения покойника при жизни.

По погребальному обряду удается проследить некоторую связь памятников скифского времени с памятниками эпохи бронзы. Эта связь выражается в том, что в некоторых погребениях скифского времени сохраняется положение покойников на левом или правом боку, в использовании красной

---

[128] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 12.
[129] Д. И. Багалей. Указ. соч., стр. 373—374.
[130] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах реки Донца..., [131] Там же, стр. 313.

краски, извести, иногда серы и особенно в расположении керамики относительно погребенного. В наиболее ранних погребениях скифского времени сосуды находятся, как правило, в головах покойника (в степи, отчасти в лесостепи у хут. Покровского). Позже такой обычай начинает меняться, посуду чаще ставят уже в ногах покойника (хут. Настельное). Однако в силу немногочисленности таких фактов о них мы говорим скорее в порядке постановки вопроса, чем в качестве утверждения.

АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА

Изучение вещевого материала сопряжено с рядом трудностей. Эти трудности вытекают, во-первых, из того, что значительная часть материала, используемого нами по литературным источникам, происходит из раскопок дореволюционного времени; в публикациях того времени даются довольно общие и неполные характеристики вещей, часто отсутствуют их рисунки и фотографии. Сами вещи в большинстве случаев утрачены в годы Великой Отечественной войны.

Во-вторых, результаты исследований, произведенные в советский период, до сих пор еще не нашли сколько-нибудь широкого освещения в археологической литературе. В этом случае приходится ограничиваться лишь самым общим знакомством с коллекциями, отчетами и альбомами, хранящимися в археологических и краеведческих учреждениях. Поэтому при анализе вещевого материала и его характеристике мы опираемся главным образом на материалы собственных раскопок и разведок, производившихся в течение ряда лет на территории Среднего Северного Донца.

Начнем этот анализ с наиболее типичного вида вещей для эпохи раннего железа — оружия и конской сбруи.

О р у ж и е. По количеству оружия памятники Среднего Донца стоят далеко не на первом месте. В погребениях оружие сохранилось в очень небольшом количестве.

Л у к и с т р е л ы. В ряде курганных могильников у сел Люботино, Большая Гомольша, Островерховка, Черемушна Харьковской области исследовано до 24 курганов. Наконечники стрел в них встречены не более чем в пяти-шести погребениях в очень небольшом количестве. Так, в могильнике у с. Люботино в кургане 1 оказался только один двухлопастный бронзовый наконечник стрелы[132]; в могильнике у с. Большая Гомольша в кургане 2 было десять бронзовых и один железный наконечник стрел; в кургане 3 (там же) — 24 экземпляра бронзовых наконечников стрел[133]. В пяти раскопанных курганах у с. Островерховки стрелы не встречены совершенно[134]. В двух могильниках у с. Черемушны из девяти раскопанных курганов наконечники стрел оказались только в двух курганах с максимальным числом до четырех бронзовых наконечников стрел[135]. В случайно раскопанном кургане у с. Санджары найден железный меч и около 50 бронзовых и железных наконечников стрел. Железные наконечники стрел этого погребения имели плоскую головку и длинную втулку; среди бронзовых наконечников стрел были мелкие трехлопастные с короткой втулкой, трехгранные и трехлопастные с шипом. Железные наконечники стрел, а также бронзовые трехлопастные с шипом датируют это погребение VI—V вв. до н. э.[136]

Следует подчеркнуть, что плоские железные наконечники стрел в лесостепи Северного Причерноморья в отличие от Среднего Дона встречаются только в раннескифское время. Б. А. Шрамко почему-то датирует это погребение V—IV вв. до н. э.[137]

Бронзовые трехгранные наконечники стрел были обнаружены и в погребениях у с. Дергачи[138] и в случайной находке у сл.

---

[132] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, № 1153, 1952, стр. 243, 283.

[133] Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 291; С. А. Семенов-Зусер. Отчет за 1949 г. Архив ИА АН УССР.

[134] Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 293—298.

[135] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках курганов у с. Черемушны в 1954 г. Архив ИА АН СССР и ИА АН УССР, ф. 1, р. 1, д. 957; его же. Разведки в пойме р. Оскола в 1955 г.

[136] Б. А. Шрамко. Отчет за 1955 г. Архив ИА АН УССР.

[137] Б. А. Шрамко. Указ. соч., табл. X, XI, XII.

[138] Е. П. Трефильев. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда..., стр. 102—103.

Коротыч [139]. По одному наконечнику стрелы оказалось в двух погребениях из 11 и в степной части Среднего Донца [140]. В могильнике у хут. Покровского на шесть погребений скифского времени было только одно погребение с единственным бронзовым наконечником стрелы [141]. Из этих курганных групп выделяется группа курганов у хут. Настельного, расположенная на водоразделе рек Мерла, Коломак и верховьев р. Мож — притока Северного Донца — на территории бывшего Богодуховского уезда, около 10 км от с. Коломака. Здесь в четырех группах, состоящих из 26 насыпей, в 1903 г. Багалей исследовал 18 курганов. Несмотря на ограбление, в курганах сохранился богатый инвентарь. В них оказалось значительное количество золотых украшений, встречается чернолаковая керамика, амфоры, разного рода бусы, лепная керамика, железные ножи, копья и бронзовые наконечники стрел. Однако бронзовые наконечники стрел и здесь встречены также только в восьми курганах от 1 до 19 штук в каждой могиле. Если бы мы попытались сравнить количество оружия, встречаемого в могилах на Среднем Донце и в памятниках соседних районов, то увидели бы, что Средний Донец в этом отношении значительно проигрывает. Достаточно напомнить богатые курганы у сл. Лихачевки, расположенные в бассейне р. Ворсклы по соседству с курганами у хут. Настельного. Так, например, в погребении кургана 7 под названием «Витова могила» было найдено 238 бронзовых наконечников стрел [142]. Сотни стрел встречаются в погребениях Посульской и правобережной Тясминской групп. Таким образом, погребения Донецкого бассейна значительно беднее оружием. Но можно ли сказать, что племена Среднего Донца не пользовались широко этим оружием? Нет, этого сказать нельзя, этому противоречит большое количество наконечников стрел, собранных Н. В. Сибилевым на скифских селищах Изюмского района (рис. 3, *1—21*) [143]. Раскопки 1953 г. городища у хут. Городище Валковского района дали 11 бронзовых наконечников стрел (рис. 4, *21—31*). В курганообразном зольнике у с. Черемушны в 1954 г. найдено 16 бронзовых и костяных наконечников стрел (рис. 4, *5—20*). Таким образом, эти факты говорят о широком применении лука и стрел в лесостепной части Донецкого бассейна. Большое число городищ в этом районе лесостепи также убедительно свидетельствует о том, что жизнь племен лесостепи, в том числе Среднедонецкой, не была мирной.

Обращает на себя внимание и вопрос о территориальном распространении некоторых типов бронзовых наконечников стрел. При изучении бронзовых наконечников стрел, собранных Н. В. Сибилевым на селищах Изюмщины, складывается впечатление, что они являются более ранними, чем в некоторых пунктах, расположенных севернее (рис. 3, *1—8, 22—25*) [144]. Среди них имеются наконечники стрел ромбовидной двухлопастной формы с шипами и без шипов. Аналогичные стрелы встречаются также в Жаботинской курганной группе (рис. 3, *27, 28*) [145] и в окрестностях с. Прохоровки, на песчаных холмах левого берега р. Днепра [146], а равно и в курганах у с. Глинище Зеньковского района Полтавской области. Разумеется, в сборах Н. В. Сибилева имеются и более поздние типы бронзовых наконечников стрел. Однако любопытно, что сборы И. А. Зарецкого на селище у сл. Лихачевки не дают таких ранних типов стрел (рис. 5, *1—34*) [147].

В районе Бельского городища двухлопастные ромбические наконечники стрел до сих пор не были обнаружены, нет пока их и в Посульской курганной группе. В связи с этим встает вопрос о месте наиболее раннего появления указанных типов наконечников стрел. Производились ли они в пределах Донецкого бассейна с его древними

---

[139] Древности. Труды Московского археологического общества, т. 3, вып. 1, стр. 135.

[140] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 334 (курган 14, погребения 1—2 у дер. Щеглова), стр. 354 (курган 3, погребение 1 у с. Райское).

[141] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 25, курган 6.

[142] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 1—2, § 3; Витова могила, курган 7.

[143] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II, табл. XXVII—XXVIII.

[144] Там же.

[145] ИАК, вып. 60. М., 1913, стр. 2, рис. 4.

[146] М. А. Максимович. Украинские стрелы древнейших времен, собранные над Днепром против древней «Родни». Арх. вестник, т. 5. М., 1868; М. Погодин. Древняя русская история домонгольского ига, т. III, отд. 1—2. М., 1871.

[147] И. А. Зарецкий. Украинские древности харьковской слободы Лихачевка, найденные и зарисованные Зарецким с 1881 по 1886 г. Коллекции и альбомы хранятся в ГИМ.

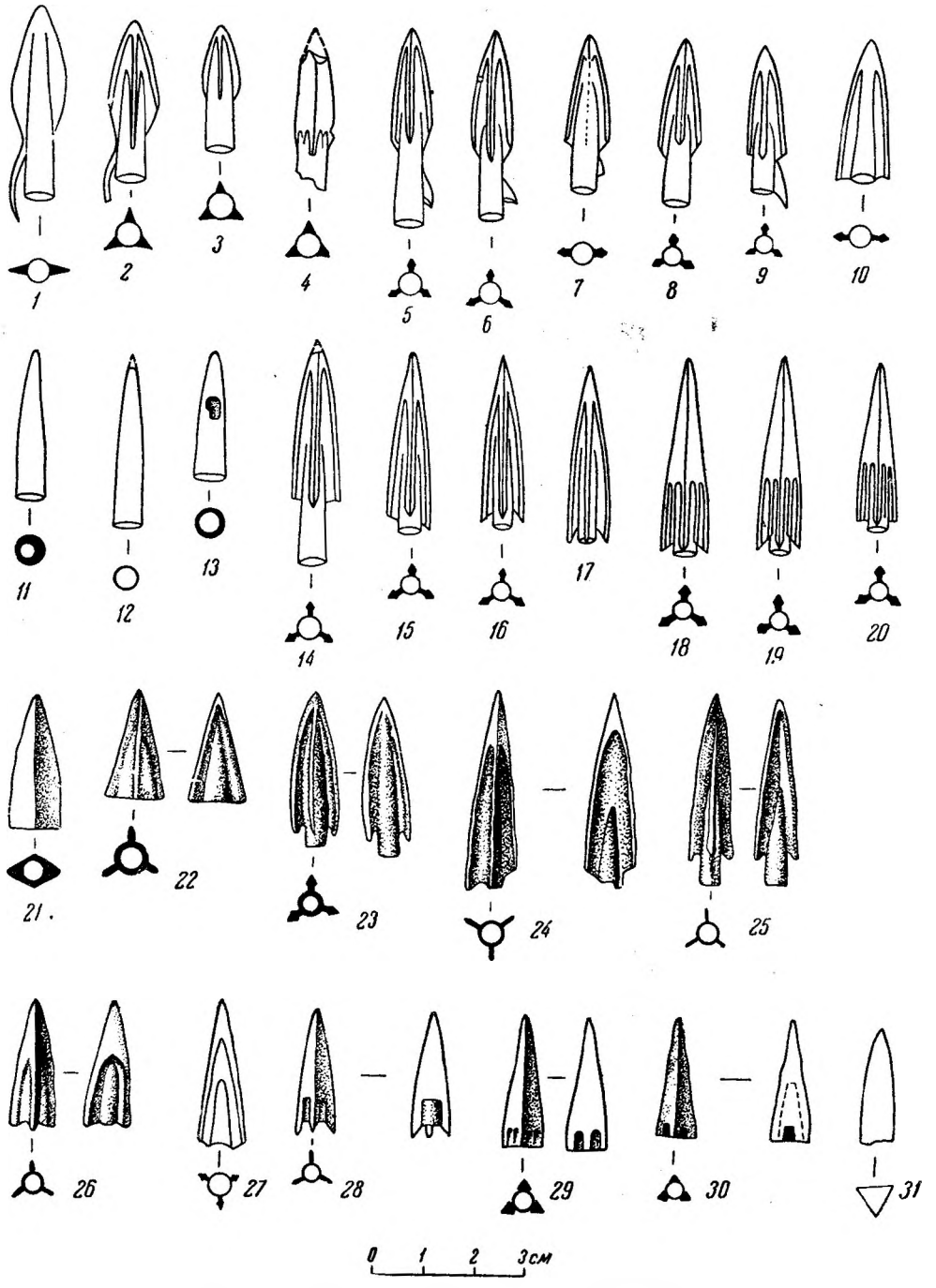

Рис. 4. Бронзовые и костяные наконечники стрел:

1—4 — курган 9 у с. Черемушны; *5—20* — курган-зольник 1 у с. Черемушны; *21 — 31* — городище у хут Городище (*11—13* — кость; остальные — бронза)

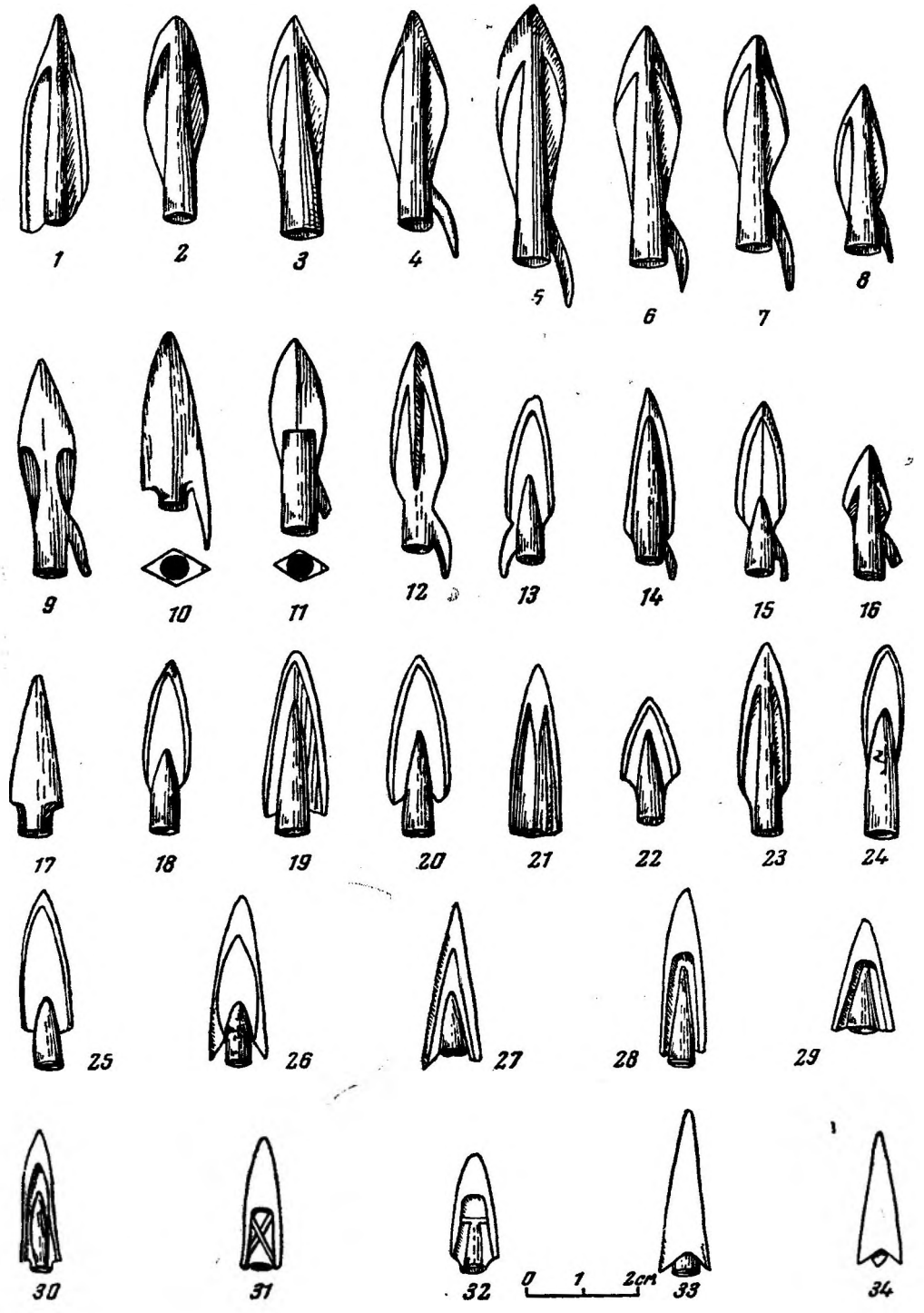

Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел (*1—34*). Сборы И. А. Зарецкого на селище у сл. Лихачевки

разработками медных руд или такой центр надо искать где-то в другом месте. При данном состоянии археологических знаний на этот вопрос сейчас ответить было бы затруднительно. Некоторый интерес представляет и вопрос о производстве и применении железных наконечников стрел. Как было сказано выше, один наконечник стрелы трехлопастной формы был найден в кургане 2 у с. Большой Гомольши, и группа железных плоских наконечников стрел с раннескифскими бронзовыми наконечниками стрел и железным мечом найдена в случайно открытом погребении у с. Санджары. Хронологическое различие в типах железных наконечников стрел не вызывает сомнений.

В раннескифский период лесостепь дает значительное количество двулопастных железных наконечников стрел, в среднескифское время господствуют стрелы трехлопастной формы с длинной втулкой, но они встречаются редко. В степной части нижнего Поднепровья мы не знаем ранних типов железных наконечников стрел, а поздние стрелы трехлопастной формы с длинной втулкой также очень редки. Раскопки Каменского городища в 1953 г. на большой площади дали лишь один экземпляр железного наконечника стрелы.

Лук и колчан в памятниках Среднего Донца до сих пор не обнаружены. Но они известны в памятниках соседних районов. Так, например, имеется указание на находку рогового наконечника лука в кургане 13 и остатков бересты от колчанов с бронзовыми наконечниками стрел в курганах 6 и 13 в могильнике у с. Кириковки [148]. У сл. Лихачевки колчаны со стрелами найдены в трех курганах (7, 8 и 13) [149]. Основа этих колчанов берестовая (курган 13) или из дубовых досок (курган 8). Колчаны были обшиты красной кожей (курган 7) или мехом (курган 13). Поверхность обшивки колчанов украшалась золотыми бляхами, выполненными в зверином стиле.

Мечи, кинжалы, копья. Обычным видом оружия для эпохи раннего железа являются мечи, кинжалы и копья. Но они еще более редки, чем стрелы, и известны в очень небольшом количестве.

Можно указать лишь на три экземпляра мечей, найденных главным образом случайно и без достаточно полного описания их формы и размеров.

Об одном из них, найденном в окрестностях г. Чугуева, говорит Д. И. Багалей в описании своей археологической карты [150]. Форма и размеры этого меча неизвестны.

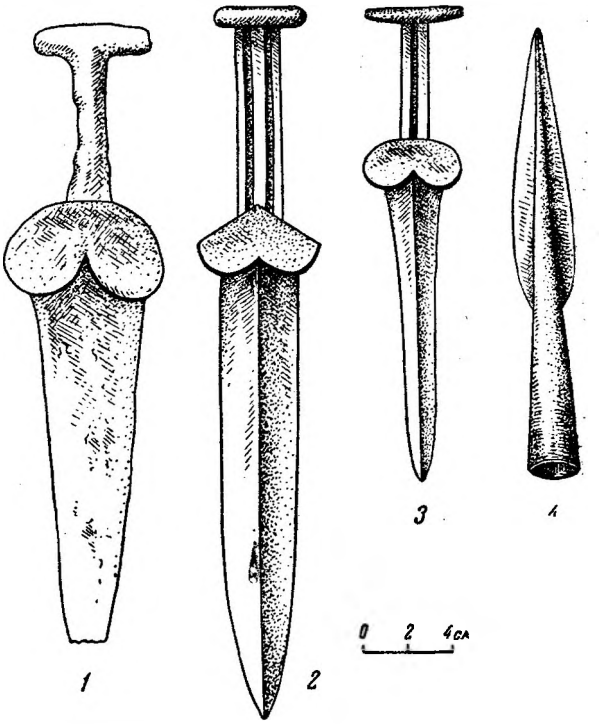

Рис. 6 Железные кинжалы (*1—3*) и копье (*4*)

1 — курган 13 у с. Кириковки; *2* — сл. Русский Бишкин, сборы Н. В. Сибилева; *3* — с. Верхнее Салтово, сборы В. Бабенко; *4* — курган 6 сл. Лихачевка, раскопки И. А. Зарецкого

Второй меч найден в 1941 г. у с. Циркуны при случайных раскопках погребения. Его описание дано в диссертации Б. А. Шрамко [151], а рисунок — в альбоме к диссертации.

Третий меч найден также случайно у с. Санджары Харьковского района при рытье ямы работниками совхоза 1 Мая. Согласно описанию Б. А. Шрамко меч имеет длину

[148] Е. Мельник. Раскопки курганов..., стр. 808, 715.

[149] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 1—2, § 3; стр. 4, § 13; стр. 17, § 6.

[150] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 32, § 7.

[151] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца, стр. 144. Альбом, табл. XXV, *12*. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, д. 1153.

47,5 м, клинок обоюдоострый, постепенно суживающийся к концу, навершие овально-брусковидное, перекрестье бабочковидное [152]. Такие мечи бытуют в VI—V вв. до н. э. Дату определяют также по бронзовым наконечникам стрел, о чем было сказано выше. Такой же редкостью, как мечи, являются и кинжалы. Один кинжал был случайно найден на пашне сл. Русский Бишкин. Он опубликован Н. В. Сибилевым в древностях Изюмщины [153] (рис. 6, *2*). Рукоятка его аналогична рукоятке меча из Старшей могилы [154] Мельгуновского клада [155] и Острой могилы [156]. Навершие брусковидное, перекрестье бабочковидное. Клинок представляет прямую ровную полосу и на конце заканчивается острием в форме треугольника.

Второй кинжал имеется в собраниях В. Бабенко (рис. 6, *3*). Он найден в 1908 г. у с. Верхнее Салтово Старо-Салтовского района [157]. Навершие кинжала овально-брусковидное, перекрестье бабочковидное, клинок неправильной треугольной формы. Посредине рукоятки идет продольное углубление. Общая длина кинжала 31,5 см.

Таким образом, форма кинжалов довольно типична для раннескифского времени. Вот и все находки мечей и кинжалов, которыми мы располагаем на территории Среднего Донца. Все они найдены случайно, и ни один из них не встречен во время раскопок.

Копья. Копья в погребениях Среднего Донца — редкая находка. Еще реже встречаются дротики. Те и другие не отличаются от копий других районов степи и лесостепи и потому не требуют специальной характеристики. Это большие железные наконечники с широким листовидным пером и ребром посредине, идущим от втулки до конца острия. Втулка конусовидная. Образцом копий подобного вида может служить наконечник копья из кургана 6 у сл. Лихачевки (рис. 6, *4*, раскопки И. А. Зарецкого) [158]. Его общая длина около 29 см, длина втулки 10 см, ширина острия до 5 см, диаметр нижнего конца втулки около 3 см. Найден ряд таких копий, например, копье длиной около 40 см было найдено вместе с дротиком в кургане 2 группы II у хут. Настельного [159]. Там же в кургане 1 группы IV обнаружены две железные втулки копий, сами копья не сохранились. В. А. Городцов упоминает о копье, найденном в погребении 3 кургана 2 у хут. Шпаковки [160]. Еще одна находка втулки копья или дротика сделана Б. А. Шрамко в 1952 г. в кургане 3 у с. Островерховки [161].

Другие виды оружия. Оружие оборонительного характера — панцири, шлемы и поножи — на территории Донецкого бассейна не встречено. Возможно, это объясняется недостаточно широкими раскопками погребений. Однако раскопки городища у хут. Городище и большого зольника у с. Черемушны, где найдено много вещей, не дали этого вида оружия. При раскопках Б. А. Шрамко оборонительное оружие также не встречено. Между тем в погребальных комплексах и на поселениях соседних районов лесостепи такой вид оружия встречается нередко. Укажем к примеру находки бронзовых и железных панцирных пластинок в сборах И. А. Зарецкого на поселении у сл. Лихачевки [162], а также частые находки пластинчатых панцирей в посульской группе курганов, на правобережье Днепра и в курганах Воронежской области («Частые курганы», Мастюгино).

Вслед за стрелами по количеству находок идет такой вид оружия, как пращевые камни. Обычно они сделаны из песчаника или из гранитного камня. Много пращевых камней найдено в зольнике и в других курганах у с. Черемушны [163]; на городище у хут. Городище в раскопе 1 их встречено до 14 экземпляров. На селище у с. Островерховки, в зольнике 12, как сообщает Б. А. Шрамко, найдена целая куча пращевых камней.

---

[152] Б. А. Шрамко. Отчет за 1955 г. Архив ИА АН УССР. Альбом, табл. X.

[153] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. 1, табл. XXXV, *2*.

[154] В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 199, рис. 1.

[155] Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31. СПб., 1911.

[156] ДГС, вып. II, табл. XXVI, *13*.

[157] Хранится в ГИМ.

[158] И. А. Зарецкий. Заметки о древностях. Харьковский сборник на 1888 г., вып. 2. Харьков, 1888, табл. II, *15*.

[159] Д. И. Багалей. Раскопки курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии, стр. 373, рис. 100.

[160] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований...

[161] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца, стр. 296. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, д. 1153.

[162] И. А. Зарецкий. Альбом, табл. VIII, *2, 4*.

[163] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках в 1954 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 957.

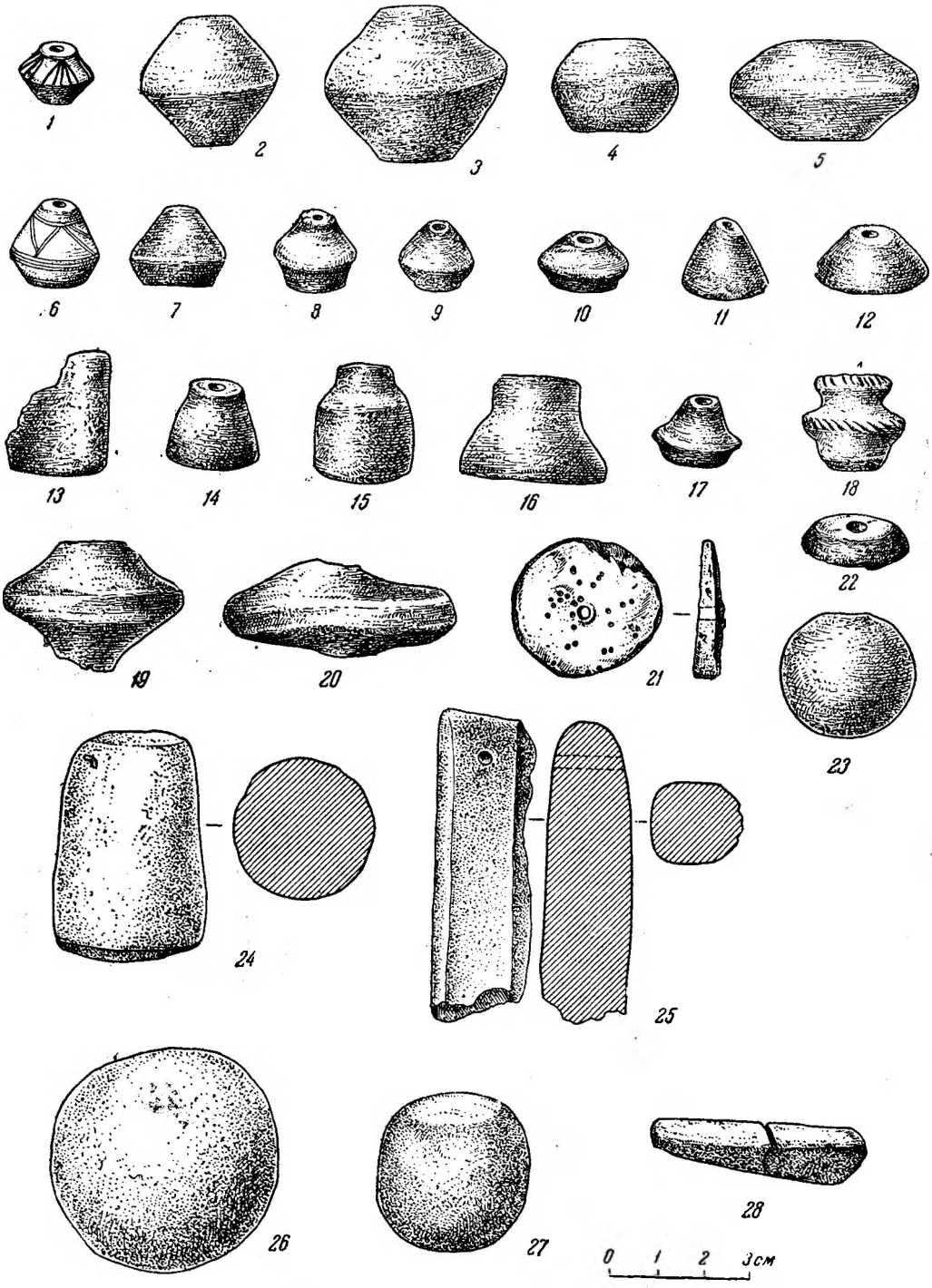

Рис. 7. Глиняные и каменные изделия из курганов:

1—23 — глиняные пряслица; *1, 6, 10, 11, 14, 17* — курган-зольник 1 у с. Черемушны; *2—5, 7, 13, 15, 16, 18—20, 23* — городище у хут. Городище; *8, 12* — селище 1; *9, 21* — селище 4; *22* — костяное пряслице из кургана-зольника 1 у с. Черемушны; *24* — каменный пестик с поселения 1 у хут. Городище; *25* — каменный оселок с городища у хут. Городище; *26* — пращевой камень из кургана 4 у с. Черемушны; *27* — пращевой камень с поселения 4; *28* — точильный камень из кургана 1 у с. Черемушны

сделанных из песчаника [164]. Это преимущественно небольшие, хорошо округленные, иногда отшлифованные камни диаметром 4—5 см; но встречаются и более крупные [165] (рис. 7, *26, 27*).

Конский убор. Одной из ранних форм металлических изделий от конского убора являются бронзовые удила кобанского типа. Местами наиболее массовых находок таких удил, как теперь установлено, являются Северный Кавказ и правобережье Среднего Днепра [166]. Но они встречаются и в других районах степи и лесостепи южной России. Это засвидетельствовано находками бронзовых удил с двумя отверстиями формы восьмерки на Среднем и Нижем Дону [167] (Новочеркасский клад, р. Чира, Короточкский район и на селище у сл. Лихачевки) [168]. Правда, последние были найдены в виде небольшого обломка, но он, несомненно, относится к удилам такого типа.

Бронзовые удила стремяновидной формы в лесостепной части Донбасса неизвестны. Но они найдены в степи. В. А. Городцов нашел такие удила в кургане 1 у хут. Черногоровки около скорченного костяка [169]. Аналогичные удила были найдены Бранденбургом в кургане 256 у с. Камышевахи (урочище «Золотой Рудник») [170]. В обоих случаях удила сопровождались бронзовыми псалиями с тремя отверстиями. И. В. Фабрициус последние удила связывает с памятниками Северного Кавказа и относит их к VIII—VII вв. до н. э. [171] Вряд ли можно возразить по поводу датировки [172]. Такая датировка подтверждается и обрядовыми традициями (скорченность костяка) и ранними формами другого инвентаря этих погребений. Мы имеем в виду бронзовые круглые бляхи, имеющие свои прототипы в костяных круглых бляшках, нередко встречающихся в погребениях эпохи бронзы. Довольно раннее погребение известно из раскопок курганов в 1949 г. у с. Константиновки Мелитопольского района. Здесь вместе с бронзовыми удилами стремяновидной формы найдены роговые псалии с тремя отверстиями и две бронзовых бляшки в зверином стиле [173]. Это погребение относится к несколько более позднему времени, чем два первых, но и оно не позднее первой половины VI в. до н. э.

На территории Донбасса, как и на всей территории лесостепи, в связи с расширением производства железа, начиная с VI в. до н. э., используются удила железные с железными псалиями. Железные псалии первоначально подражали по форме бронзовым. Наряду с ними широкое распространение получили псалии костяные и роговые. Они очень часто встречаются на левобережье и правобережье Среднего Поднепровья. Но значительно реже встречаются в степи. Это мы видим на примере погребального инвентаря у с. Константиновки. Они известны также из раскопок В. А. Городцова в кургане у с. Шпаковки (курган 5, погребение 7) [174].

Возникает вопрос о причинах массового производства костяных псалий. Известно, что костяные псалии не являются нововведением эпохи раннего железного века. Они существуют уже в эпоху бронзы в уздечках мягкого типа [175].

Недостаток производства железа, по-видимому, острее, чем где-либо, ощущался у племен бассейна Северного Донца. Это особенно заметно на отсутствии железных удил в погребальных комплексах. Так, в парном погребении с конем в кургане 14 (погре-

---

[164] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца, стр. 81. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, д. 1153.

[165] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках 1953 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 867.

[166] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 112; его же. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, стр. 49 и сл.

[167] Труды XIII АС, табл. XXXIII, *15, 16*.

[168] И. А. Зарецкий. Альбом, табл. IX, *1*; табл. VII, *1* (на этом рисунке удила изображены неправильно).

[169] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований..., стр. 242, табл. XIII, *5—7*.

[170] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок, стр. 190; его же. Раскопки в Екатеринославской губернии, стр. 37—39, кол. ГИМ, № 34595.

[171] И. В. Фабрициус. Допитання про топографізацію племен Скіфії. Археологія, т. V. Київ, 1951, стр. 55—56.

[172] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 160, табл. 1.

[173] П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 142, рис. 45.

[174] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований..., стр. 313.

[175] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, 1955, стр. 96, 97, рис. 37, 38.

бение 1—2 у дер. Щегловки) удила отсутствуют [176]. Не оказалось их и в кургане 5, погребении 7 у хут. Шпаковки, где были найдены костяные псалии [177]. Нет удил и в погребениях с конем (курганы 3 и 5) в могильнике у хут. Покровского [178]. Интересно, что во всех шести погребениях скифского времени, открытых в этом могильнике, не найдено удил. Не оказалось удил и в 24 раскопанных курганах скифского времени, в могильниках у сел Люботино, Большой Гомольши, Островерховки и Черемушны. Они не обнаружены и в 18 раскопанных Д. И. Багалеем курганах у хут. Настельного, несмотря на сравнительно богатый инвентарь и различное оружие, найденное в этих курганах.

Такое положение, начиная уже с VI в. до н. э., является несколько неожиданным для Донецкого бассейна, ибо еще несколько раньше этого, как мы видели выше, бронзовые удила известны в погребениях Донецкого бассейна. Более того, в Среднем Поднепровье, в Посулье, на Среднем Дону и в нижнем Поднепровье удила сопровождают погребения вплоть до IV—III вв. до н. э. Удила встречались и в ближайших курганных группах. Например, у сл. Лихачевки они известны в ряде курганов (6, 7, 13). В кургане 13 оказалось даже десять пар железных удил [179]. Можно ли сказать, что население Северного Донца в скифское время не занималось коневодством, а потому и не имело сбруи? Нет, этого сказать нельзя. На поселениях и городищах этого времени остатки сбруи встречаются часто. Так, в зольнике (курган 1) у с. Черемушны были найдены две пары железных удил и три железных псалия. Два псалия были чертомлыцкого типа и один — эсобразной формы с двумя отверстиями (рис. 8, *1—5*) [180]. Железный псалий чертомлыцкого типа был найден и на поселении у с. Островерховки [181].

На городище у хут. Городище найдены три бронзовых бляхи от уздечного набора. Одна из них была ромбической формы длиной 15,2 см, шириной в самом широком месте 3 см (рис. 8, 7) [182] и две бляхи круглые сферические с петлей на обороте диаметром 2,3 см и 4,1 см (рис. 8, *8* и *9*). Бляхи

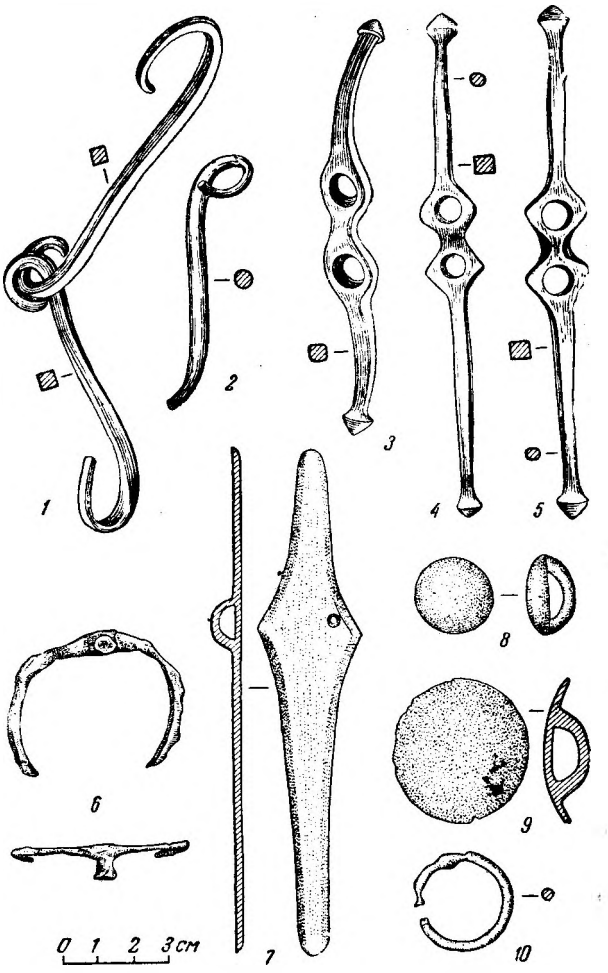

Рис. 8. Предметы уздечного набора:

1, 2, 3, 4, 5 — курган-зольник 1; *6* — городище у хут. Городище; *7—10* — городище у хут. Городище (*1—6* — железо; *7—10* — бронза)

сферической формы, как и налобная ромбовидная бляха, встречаются на широкой территории степи и лесостепи и потому не являются какой-то особенностью Северо-Донецкой группы.

Нам кажется, что несмотря на отсутствие удил в погребениях Донецкого бассейна,

[176] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований..., стр. 334.
[177] Там же, стр. 313.
[178] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 23—24.
[179] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 4, § 13.
[180] П. Д. Либеров. Отчет за 1954 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 957.
[181] Б. А. Шрамко. Новые поселения..., стр. 110, рис. 48, *3*.
[182] Весьма близкие бляхи найдены Е. А. Зноско-Боровским в кургане 5 у с. Берестняги в комплексе времени не раньше V в. до н. э. См. Смела..., т. III, стр. 98, рис. 53—54.

в противоположность отмечающемуся обилию их в других районах лесостепи, сейчас вряд ли возможно делать вывод о локальных особенностях в этой части погребального обряда. Этот факт может служить лишь основанием для постановки вопроса и учета его в будущих исследованиях памятников Донецкого бассейна.

Орудия труда. В погребениях главным образом северной части Северного Донца встречаются железные ножи с костяной или (реже) деревянной рукояткой. Они известны из курганов у с. Дергачи, сл. Коротыч, у с. Островерховки (в одном погребении), у хут. Настельного (в шести курганах).

В южной лесостепной части Среднего Донца, в частности в могильниках у сел Черемушны, Люботино, Большой Гомольши, эти ножи не известны. В степной части Среднего Донца ножи найдены в двух курганах. Однако мы совершим ошибку, если на основании отсутствия ножей в могилах будем утверждать, что этот вид орудий не был широко распространен в быту местного населения. Железные ножи часто встречаются на городищах и селищах. Наши раскопки на городище у хут. Городище дали несколько железных ножей разных типов, вероятно, также с костяными и деревянными рукоятками, судя по сохранившимся заклепкам на ножах. Эти ножи плохой сохранности, очень сильно окислились, но по их остаткам можно судить о форме. Они довольно крупные, с почти прямой спинкой без подчеркнутой рукояти (рис. 9, *3*, *6*); обнаружены также ножи несколько меньших размеров, но с горбатой спинкой, какие чаще всего встречаются в погребальных комплексах других районов (рис. 9, *4*). Наконец найдены ножи с четко выраженным стержнем рукоятки (рис. 9, *8*). Как видно, третий тип ножей отличается от первых двух своей рукояткой. Хронологическое ли это различие или все эти типы сосуществуют, пока решить трудно. Однако ножи последнего типа, вероятно, более характерны для позднескифского времени. Они известны и на других поселениях Северного Донца. Б. А. Шрамко нашел несколько таких ножей на городище Караван [183] и на поселении у с. Островерховки.

Железо использовалось для производства и других хозяйственных орудий. В кургане-зольнике 1 у с. Черемушны найдены два железных серпа, у одного из них конец с рукояткой обломан. Сохранившийся обломок достигает по обушку 12 см (рис. 9, *2*). Аналогичный обломок серпа известен в сборах И. А. Зарецкого с селища у сл. Лихачевки (рис. 9, *7*). Целый серп из зольника имеет своеобразную форму, несколько отличную от серпов, известных нам на Среднем Донце и Нижнем Днепре [184]. Этот серп небольшой, длиной по прямой 15,5 см, шириной в самом широком месте у основания рукоятки 1,3 см с довольно толстым обушком. Изогнутость его не больше 2 см. Своеобразие серпа заключается в рукоятке. Последняя имеет длину не более 2 см, конец загнут крючком в виде петли, но не вбок, а назад, по образцу некоторых серпов эпохи бронзы (рис. 9, *1*).

Мы не знаем аналогий этим серпам в степной и лесостепной частях Северного Причерноморья. Подобные серпы найдены далеко на севере, в Ярославской области, на поселениях Дьякова типа. Такой серп был найден в 1932—1933 гг. во время археологических работ на новостройках на селище у дома отдыха «Красный холм» [185]. Он имеет длину 20 см и несколько большую изогнутость, чем серп из наших раскопок. Ярославский серп относится к более позднему времени. Однако оба серпа восходят к одному и тому же прототипу — бронзовым серпам.

На Среднем Донце известны и другие формы серпов, обычные для широкой территории степи и лесостепи Северного Причерноморья. Это такие серпы, рукоятка которых имеет крючок, загнутый вбок под прямым углом к плоскости лезвия. Такой серп прекрасной сохранности был найден сотрудником Харьковского исторического музея Е. В. Пузаковым на поселении 2

[183] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа..., стр. 183, рис. 4, *1*, *3*, *6*, *8*.

[184] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 141, рис. 14, *1*; П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», I. М., 1952, стр. 82, рис. 1.

[185] П. Н. Третьяков. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средневолгострой). «Археологические работы Академии на новостройках», вып. I. М.—Л., 1935, стр. 115, рис. 10 (описание серпа, стр. 18).

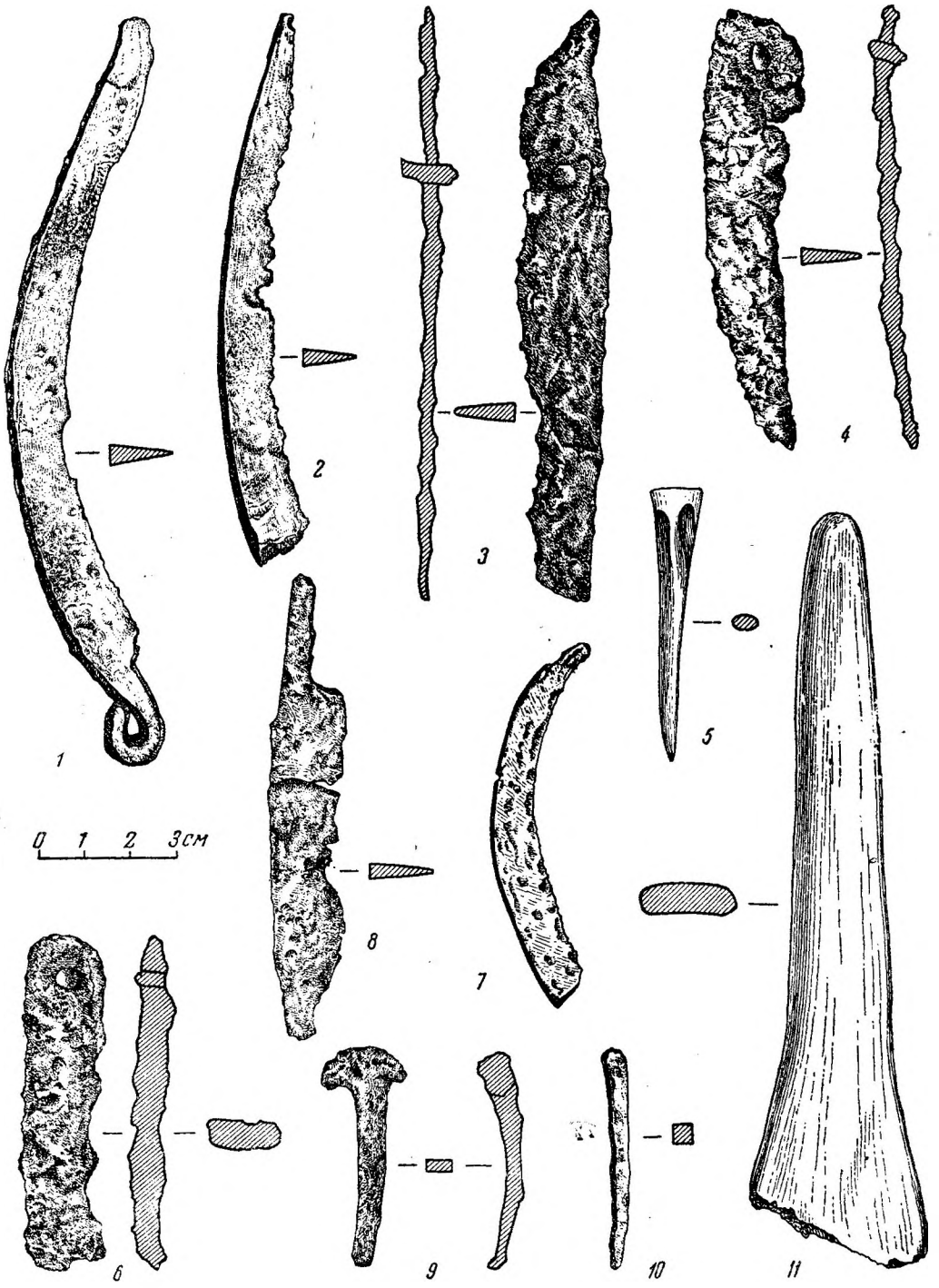

Рис. 9. Железные и костяные орудия:

1, 2 — курган-зольник 1; *3, 4, 6, 8—10* — городище у хут. Городище; *7* — поселение у сл. Лихачевка; *5, 11* — городище у хут. Городище (*5, 11* — кость; остальные — железо)

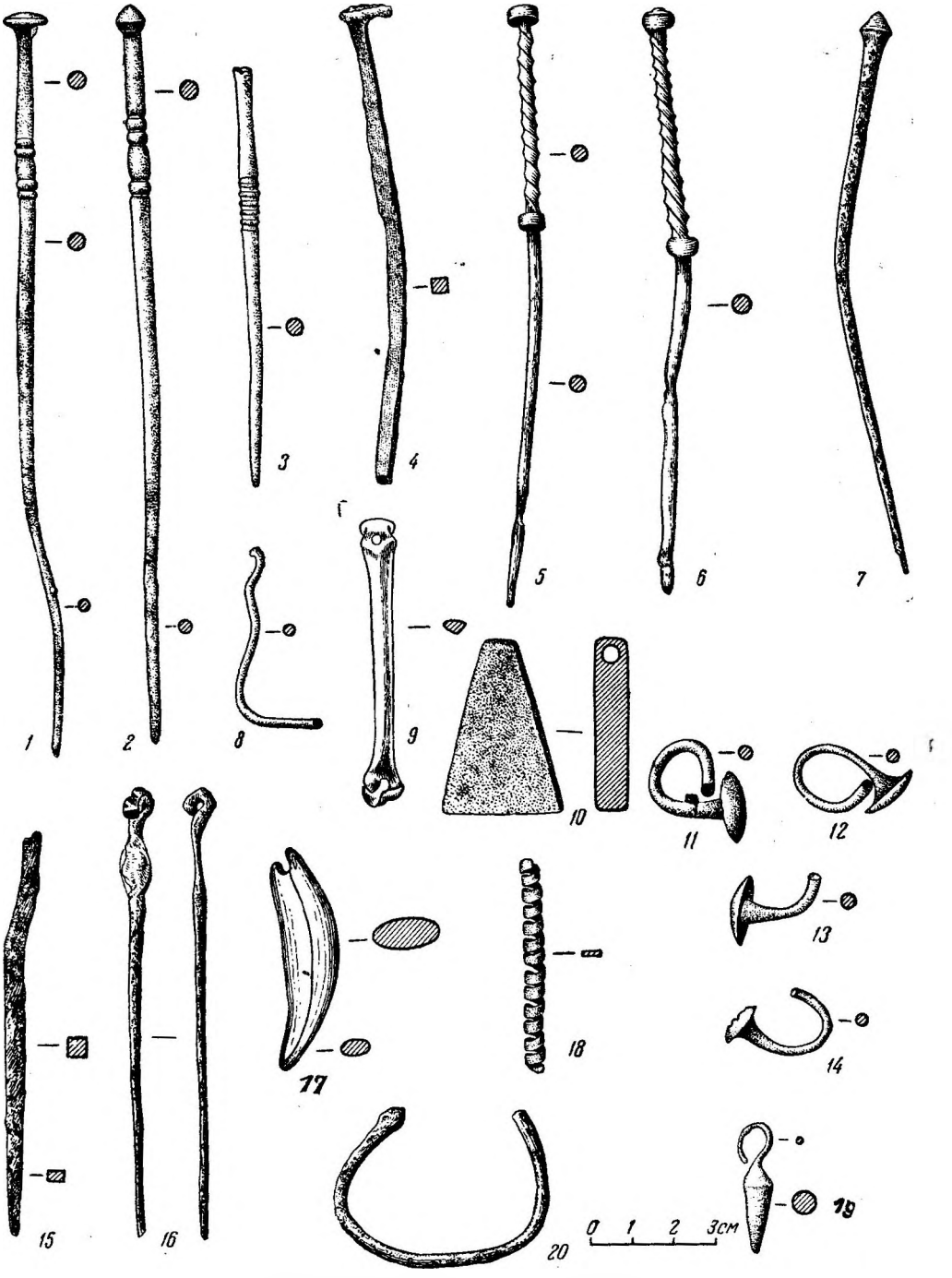

Рис. 10. Предметы украшения и амулеты:

1—6, 8, 17—19 — курган-зольник у с. Черемушны; *7, 9, 10, 15, 16, 20* — городище у хут. Городище; *11—14* — курган 4 у с. Черемушны (*1—4, 8, 11—14, 18, 19* — бронза; *5—7, 15, 16, 20* — железо; *9, 17* — кость; *10* — глина)

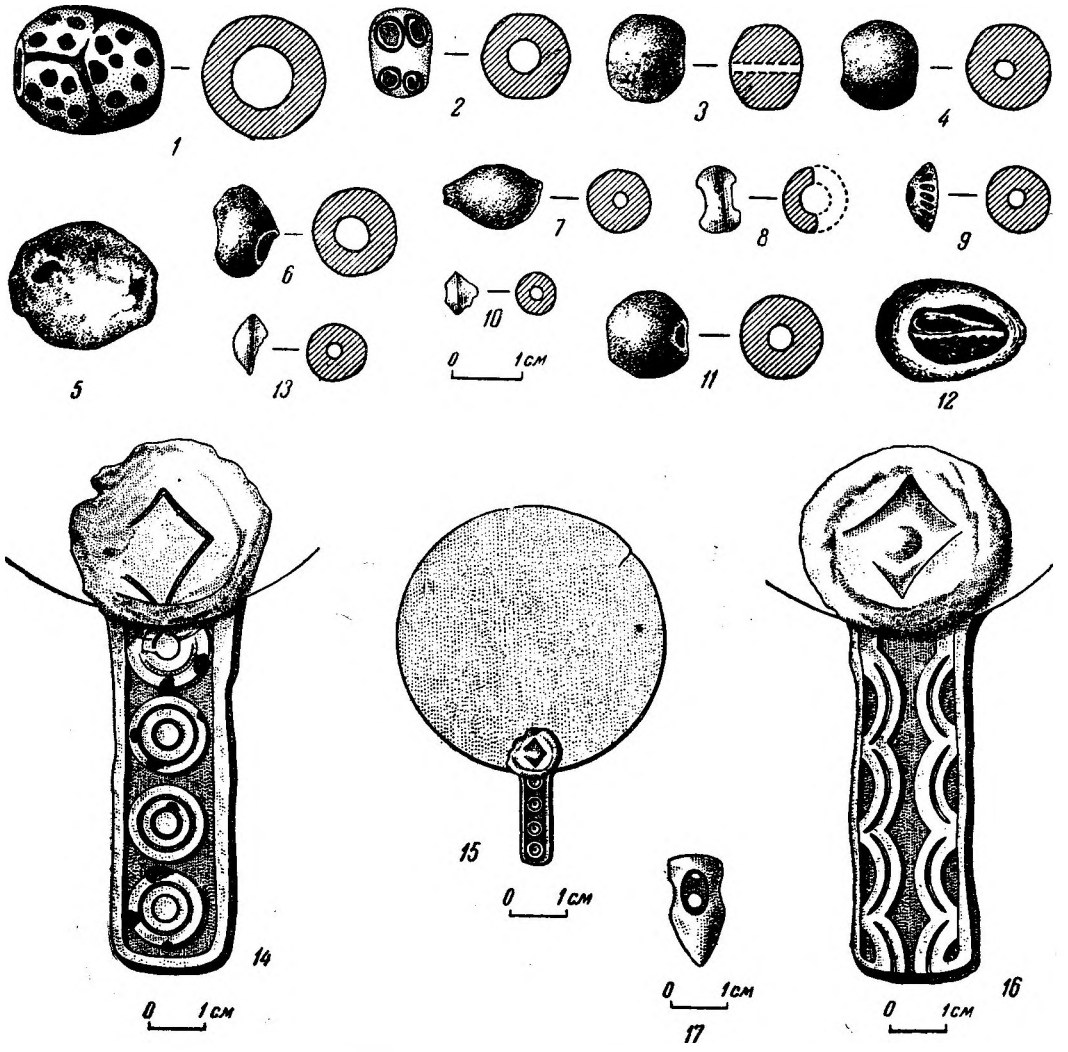

Рис. 11. Бусы *(1—13)*, бронзовое зеркало *(14—16)* и костяная пронизка *(17)*:

1, 4, 6, 7, 8—10, 11—13 — курган-зольник 1; *2, 3, 5* — городище у хут. Городище; *14—17* — сборы Н. В. Сибилева на поселениях Изюмщины (*1, 2* — паста; *3—7, 11* — глина; *8, 10, 13* — стекло; *9* — камень; *12* — раковина Каури; *14—16* — бронза, *17* — кость)

у с. Сердюкова Змиевского района [186]. Обломок серпа найден и на поселении у с. Островерховки [187].

Среди железных орудий иногда встречаются топоры. Один топор совершенно необычной для этого времени формы найден Б. А. Шрамко на поселении у с. Островерховки [188]. Обух топора был сильно расширен в боках и сужен в продольном разрезе.

Из других железных изделий встречаются обычные для скифского времени пряжки (рис. 8, *6*), небольшие кованые гвозди типа костылей (рис. 9, *9*), шилья (рис. 9, *10*; рис. 10, *15*), бронзовые рыболовные крючки [189]; в сборах И. А. Зарецкого на

[186] Е. А. Пузаков. Серп из поселения Сердюково Харьковской обл. СА, 1959, № 1, стр. 264, рис. 1.

[187] Б. А. Шрамко. Новые поселения..., стр. 110, рис. 42, *2*.

[188] Там же, рис. 48, *1*.

[189] И. А. Зарецкий. Заметки о древностях..., табл. II.

селище у сл. Лихачевки встречаются бронзовые иголки [190].

В большом количестве найдены каменные оселки с отверстиями на одном конце (рис. 7, *25*); их много собрано Н. В. Сибилевым на поселениях Донецкого бассейна [191] и И. А. Зарецким на селище у сл. Лихачевки [192]. Встречаются и обычные для лесостепи каменные блюда (Люботино, курган 1), зернотерки и песты (рис. 7, *24*). Костяные предметы немногочисленны. На городище у хут. Городище были найдены небольшая изящной формы проколка (рис. 9, *5*) и обломок какого-то костяного орудия, очень хорошо отполированного во время использования (рис. 9, *11*).

Значительное разнообразие наблюдается в инвентаре, связанном с туалетом и украшениями. В ряде курганных могильников, а также на поселениях он встречается в большом количестве.

В курганах у хут. Настельного Д. И. Багалей нашел бронзовое зеркало (курган 1, группа III), золотые бляшки с изображением грифонов и оленей, золотое височное кольцо с неспаянными концами, золотое кольцо в три оборота с расплющенными концами, с парой черточек и точкой на каждом конце, золотые пуговки, дутые золотые бусы цилиндрической и биконической формы, бронзовые нашивные бляшки (курган 1 IV группы); в кургане 1 группы I были найдены бронзовые трехлепестковые бляшки с ушком на обороте и глиняные бусы; в кургане 1 группы II оказались золотой перстень с круглым широким сферическим щитком и неспаянными концами, три привески в форме пирамидок из синего стекла, две цилиндрические бусы из синего и желтого стекла; в кургане 2 группы II были найдены бусы из синего стекла с белыми глазками, бусы костяные и из пасты; далее в кургане 5 группы II был обнаружен обломок железного браслета и в кургане 8 группы II — бронзовый пластинчатый браслет с заходящими концами, пирамидальные привески из синего стекла, а также бусы из синего и желтого стекла и кости.

В кургане 3 группы IV оказалось украшение из сердолика величиной с голубиное яйцо с отверстием посредине. Оно имеет золотую пластинчатую оправу вдоль и поперек. Через отверстие проходит стержень с петлями на концах.

В сборах Н. В. Сибилева имеется прекрасное бронзовое зеркало с бронзовой же ручкой. Ручка длиной 6 см, шириной до 2 см украшена по плоскости (с одной стороны — кружками, с другой — ажурными линиями вдоль края). Диск зеркала диаметром 18—19 см, без закраин, характерных для раннескифского времени (рис. 11, *14—16*) [193]. Зеркало найдено на одном из поселений у с. Петровского Изюмского района.

Богатый инвентарь встречается и в погребениях у хут. Покровского. В могиле с парным погребением, главный костяк которого принадлежал, по-видимому, женщине, найдено бронзовое зеркало с такой же цельнолитой ручкой, две бронзовых булавки с полушаровидной и яйцевидной головками, железный и бронзовый браслеты на правой руке, бронзовая проволочная серьга, ожерелье, состоявшее из мелких спаянных золотых бус, белых и синих бус из стекла и зеленоватых — из глины, привески в виде стеклянной головки «фригийского» типа со стеклянными глазками, встречающимися часто в степной и лесостепной полосе [194], и маленькое костяное кольцо. На груди лежали золотые штампованные бляшки с изображениями сидящего зайца (по мнению Данилевича), а на пояснице — железная поясная пряжка (?). К сожалению, все исследованные курганы в могильниках у сел Люботино, Большая Гомольша и Островерховка были совершенно ограблены и никаких существенно важных предметов не дали. Следует только указать на один серебряный перстень с круглым щитком и заходящими друг за

[190] И. А. Зарецкий. Альбом, табл. IX, X, *24, 26*.

[191] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины.

[192] И. А. Зарецкий. Альбом, табл. XVII, *1—6*.

[193] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. I, табл. XXVII, *1а, б, в*.

[194] Аналогичные головки найдены: а) на Каменском городище — Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 105, табл. XII, *5*; П. Д. Либеров. Раскопки каменных курганов в 1952—1953 гг. ВДИ, 1954, № 4, стр. 178, рис. 6; б) на Северном Кавказе — Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 100—101, рис. 5, *20*; в) в Херсонесе — Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1953 г. Архив ИА АН СССР, стр. 17; альбом, стр. 39, рис. 46. Найдена также в ожерелье в урочище «Частые курганы».— С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, 1946, стр. 15, рис. 2. Эта бусина подобна северокавказской.

друга концами (курган 2, Большая Гомольша). Такие перстни из бронзы встречаются начиная с IV в. до н. э. на широкой территории степи и лесостепи [195].

В кургане 1 у с. Люботино была найдена бронзовая булавка с полушаровидной головкой и кольцевыми украшениями на середине стержня. Такие булавки особенно часто встречаются в правобережной и левобережной частях Среднего Днепра. Там же была найдена бронзовая серьга с круглой грибовидной головкой, вероятно, обычная височная привеска гвоздевидного типа, такая же, какие часто находят в других памятниках лесостепи в раннескифское время.

Многие перечисленные вещи туалета и украшений характерны и для поселений и курганов у хут. Городище и с. Черемушны. Здесь также был собран значительный и разнообразный набор инвентаря. На городище у хут. Городище и в зольнике у с. Черемушны (курган 1) было найдено значительное количество железных и бронзовых булавок с конической, грибовидной и плоской головкой, сделанных из круглого и граненого прута, с украшениями посредине булавки (рис. 10, *1—7* и *16*). Три бронзовых булавки, из них две целых и одна обломанная, имели сферическую и биконическую головки с такими же кольцеобразными украшениями, как и на булавке в кургане 1 у с. Люботино (рис. 10, *1—3*). Две железных булавки имели кольцеобразные головки на верхнем конце, и второе кольцо охватывало стержень булавки несколько выше середины, а пространство между этими кольцами представляло граненый перевитый в виде веревочки стержень (рис. 10, *5, 6*). Это придавало им своеобразную красоту. Последние два экземпляра булавок представляют собой какой-то новый, редко встречающийся тип.

На городище у хут. Городище была найдена оригинальная булавка из железного прута, головка которой представляла крючок в виде согнутого пальца руки, образующего в середине небольшое отверстие, а немного ниже головки прут был раскован в виде овальной плоскости (рис. 10, *16*). Там же найдена обычная булавка из круглого бронзового прута, постепенно утолщавшаяся к головке. Сама головка имела биконическую форму. И, наконец, в зольнике найдена бронзовая булавка из прута четырехгранной формы, головка ее имела вид плоской шляпки, нижний конец обломан (рис. 10, *4*). Здесь встречаются также упомянутые уже выше гвоздевидные височные кольца (курганы 4, 5, рис. 10, *11—14*); бронзовые привески конической формы с крючком для подвешивания (курган 1, рис. 10, *19*); спиральные трубочки из плоского прута диаметром 0,4 см и длиной 4,3 см (рис. 10, *18*); кусочек бронзовой проволоки (рис. 10, *8*), попавший в культурный слой, по-видимому, в качестве отхода производства; железный браслет с обломанным концом (рис. 10, *20*) и разного рода бусы: стеклянные (рис. 11, *8, 10, 13*), пастовые (рис. 9, *1, 2*), глиняные (рис. 11, *3—7, 11*); костяные привески (рис. 10, *9*), раковины Каури (рис. 11, *12*). Одна глиняная коническая привеска была сделана из стенки амфоры, хорошо и гладко заточена (рис. 10, *10*). Встречаются клыки животных с отверстием на одном конце, которые использовались, по-видимому, в качестве привесок или амулетов (рис. 10, *17*), и костяные уздечные пронизки (рис. 11, *17*).

Из всего богатого и разнообразного погребального инвентаря, относящегося к предметам туалета и украшениям, необходимо несколько более подробно рассмотреть булавки, или иначе, шпильки и гвоздевидные височные кольца. Те и другие наиболее широко распространены в лесостепной части Украины. Однако правобережье и левобережье лесостепной части Днепра далеко не равномерно исследованы. В силу лучшей изученности памятников правобережья таких предметов найдено значительно больше на территории Киевщины. В 1948 г. здесь мне удалось насчитать

[195] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках на городище Каменке-Днепровской за 1952 г. Архив ИА АН УССР; С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы», стр. 48, рис. 40, *3*; Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, т. II, табл. XXV, *428*; И. В. Синицын. Отчет о раскопках в 1954 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 962; А. И. Тереножкин. Скифский курган в г. Мелитополе. КСИА, вып. 5. Киев, 1955, стр. 27, рис. 4, *8*; В. П. Шилов. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции. Курганная группа «Пять братьев». Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 1975; альбом, табл. XVII, *9*.

[196] П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, д. 827, стр. 361 и сл.

70 экземпляров булавок, из них 15 железных [196]. В настоящее время в связи с расширением раскопок их количество, вероятно, значительно возросло. Однако, если сопоставить количество раскопанных курганов и поселений на этих двух территориях, то преимущество Среднего Поднепровья перед Средним Донцом окажется небольшим.

Булавки Среднего Поднепровья и Среднего Северного Донца типологически весьма сходны. На Среднем Северном Донце нам неизвестны булавки с кольцевидным или спиральным завитком, которые, по-видимому, генетически связаны с булавками эпохи бронзы. Основная масса булавок у нас и тем более на Среднем Поднепровье относится к типу гвоздевидных с конической, полусферической или плоской головкой. В ранний период господствуют первые две разновидности гвоздевидных булавок. Но встречается и третья. Основной особенностью этих булавок является наличие кольцевидных перехватов на средней части или ближе к головке булавки [197].

Третья разновидность этого типа булавки состоит из круглого или чаще четырехгранного прута. Она существует главным образом в более поздний период. В IV в. до н. э. эти булавки значительно увеличиваются в размерах, увеличивается и их шляпка.

Образцом такой булавки является бронзовая булавка из Рыжановского кургана 4 [198].

Очень близки по типу нашим двум железным булавкам, найденным в курганезольнике I у с. Черемушны, две бронзовые булавки в сборах А. Бобринского [199]. У последних булавок на верхнем конце имеется большая полусферическая шляпка, в отличие от кольцевидных шляпок наших булавок, и аналогичное кольцо, расположенное несколько выше середины булавки. Отличие булавок лишь в том, что они более массивны в верхней части и у них отсутствует витой стержень между кольцами. Остальные наши булавки представляют лишь разновидность основного типа и не заслуживают особого внимания.

Гвоздевидные височные кольца — бронзовые, серебряные и золотые — сопутствуют ранним булавкам. В то время как булавки, видоизменяясь, бытуют в лесостепи до позднескифского времени, гвоздевидные височные кольца, появившись не раньше VI в. до н. э., исчезают, по-видимому, не позднее начала V в. до н. э. В свое время (по далеко не полным данным) удалось указать на 11 находок таких украшений в хорошо датируемых погребальных комплексах Среднего Днепра [200]. Аналогичные височные кольца распространены и в Западной Подолии [201]. Такие же украшения, сделанные из золота, значительно более крупных размеров встречаются и в Ольвии [202]. Трудно сказать, греческие ли мастера подражали местным среднеднепровским образцам или, наоборот, местные мастера копировали в обедненной форме изделия античного производства. Однако, мне кажется, что есть больше оснований считать местные образцы древнее ольвийских.

По-видимому, булавки и гвоздевидные височные кольца Среднего Северного Донца в качестве своих прототипов имеют булавки и кольца, распространенные на правобережье Днепра.

Керамика является одним из важных элементов материальной культуры как для решения проблемы этногенеза, так и для определения уровня развития производительных сил и общественных отношений. Известно, что в эпоху раннего железа скифские племена подвергались весьма сильному влиянию греческой культуры. Разложение патриархально-родовых отношений шло быстрыми темпами. Аристократическая верхушка скифов и других племен степи и лесостепи широко пользовалась теми благами цивилизации, которые проникали в эту среду из античного мира. В некоторых областях степи и лесостепи широко использовалась керамика античного производства, но до конца III в. до н. э., если не позднее, для производства местной керамики в скифском мире гон-

---

[197] П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины, стр 365; Смела, т. II. СПб., 1894, табл. XIV, *8*; т. III. СПб., 1901, стр. 140, фиг. 74; Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II, табл. XIII, *241*; табл. XIV, *244*, *245*, *247*; вып. III, табл. XLIV.

[198] Смела, т. II, табл. XIX, *1*.

[199] Смела, т. II, табл. III, *5*, *7*.

[200] П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины, стр. 380—381; Смела, т. II, табл. XIII, *5*; т. III, стр. 140, фиг. 77; Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II, табл. XXIX, *253*, *254*; вып. III, табл. X.

[201] Tadeusz Sulimirski. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936, str. 79, fig. 18.

[202] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, 34. Пг., 1914, табл. IX.

чарный круг не применялся. Местная керамика была только лепной [203].

Античная круговая керамика проникала и глубоко в лесостепь. При раскопках городища у хут. Городище Валковского района Харьковской области в 1958 г. на площади в 650 кв. м было найдено 1367 обломков остродонных амфор. Правда, здесь местная лепная керамика значительно преобладает над амфорами; ее на этой площади найдено 11 330 обломков. Это означает, что местная лепная керамика преобладает над привозной античной в 8,3 раза, и нет местной керамики, сделанной на круге. Часто чернолаковая посуда и амфоры встречаются в курганах у хут. Настельного и в его окрестностях, на границе бывших Богодуховского и Валковского уездов [204]. Здесь в кургане 2 группы II был найден чернолаковый сосуд, еще в двух курганах (курган 2 группы II, курган 1 группы IV) найдены обломки амфор.

У хут. Покровского в кургане 1, погребении 2 был найден широкогорлый сосуд, по определению Данилевича, ионической работы, а в кургане 3 — обломки амфор [205]. Они были найдены также в кургане у с. Большая Гомольша (курган 3) [206], два раза — у с. Островерховки (курганы 1, 4) [207] и в курганообразном зольнике у с. Черемушны. Судя по предварительному определению амфорного материала из раскопок городища у хут. Городище, сделанному И. Б. Зеест, связи племен Среднего Северного Донца с античным миром могут быть отнесены ко времени не раньше V и не позднее, по-видимому, III в. до н. э. (рис. 12) [208].

Местная лепная керамика. В нашем распоряжении имеется значительный, но очень фрагментированный керамический материал из раскопок 1953—1956 гг. и частично из раскопок прошлых лет, опубликованный в различных изданиях. Это дает нам возможность составить представление о некоторых типах местной керамики. В этой связи интересна керамика из курганов у с. Кириковки (левый берег р. Ворсклы). Ее мы берем как некоторый образец и предпосылаем анализу нашей керамики потому, что она лучше сохранилась. Е. Мельник выделяет в ней пять основных типов [209]. При этом первый и третий типы — банкообразные и остроребериые сосуды — со всей очевидностью относятся к эпохе бронзы [210]. Такие типы сосудов могли распространиться здесь только из районов Среднего Северного Донца, так как классические формы срубной культуры в виде срубов и керамики встречены раньше всего в этом районе [211]. В более позднее время банкообразные сосуды, по-видимому, получили распространение на широкой территории лесостепи, особенно в ее левобережной части, и дожили до скифского времени. Сосуды второго типа по Е. Мельник представлены низкими чашками, которые имеют также банкообразную форму с прямой, несколько отогнутой наружу стенкой или несколько выпуклыми боками, но отличаются от сосудов первого и третьего типов меньшими размерами. Как увидим ниже, эти сосуды очень часто встречаются и в скифское время. Тип четвертый — кувшины с широким развернутым горлом и выпуклыми боками [212]. Сосуды хорошей работы, глина тщательно отмучена, цвет светлый или красновато-желтый. Такие сосуды иногда снабжены коротким ушком. Этот тип сосуда имеет хорошо профилированные стенки и не характерен для эпохи бронзы. Такая форма сосудов встречается в скифское время. К сожалению, автор не указывает местонахождения описанного им кувшина, а потому невозможно хотя бы приблизительно определить время этого сосуда.

Наконец, пятый тип представлен мисками в обломках черной или серой глины с гладкой блестящей поверхностью, с прямыми или загнутыми внутрь венчиками.

---

[203] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 81.

[204] Д. И. Багалей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии, стр. 369—378.

[205] В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 20, 23.

[206] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени... Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, д. 1153.

[207] Там же, стр. 293, 297.

[208] Пользуюсь случаем поблагодарить И. Б. Зеест за оказанную помощь.

[209] Е. Мельник. Раскопки курганов..., стр. 680—683.

[210] Там же, стр. 671, 682, 688, рис. 121, 127, 129, 132, 133.

[211] В. Г. Городцов. Материалы археологических исследований..., табл. XI, XII; его же. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г., стр. 242—244, рис. 51—56.

[212] Е. Мельник. Раскопки курганов..., стр. 682, рис. 130.

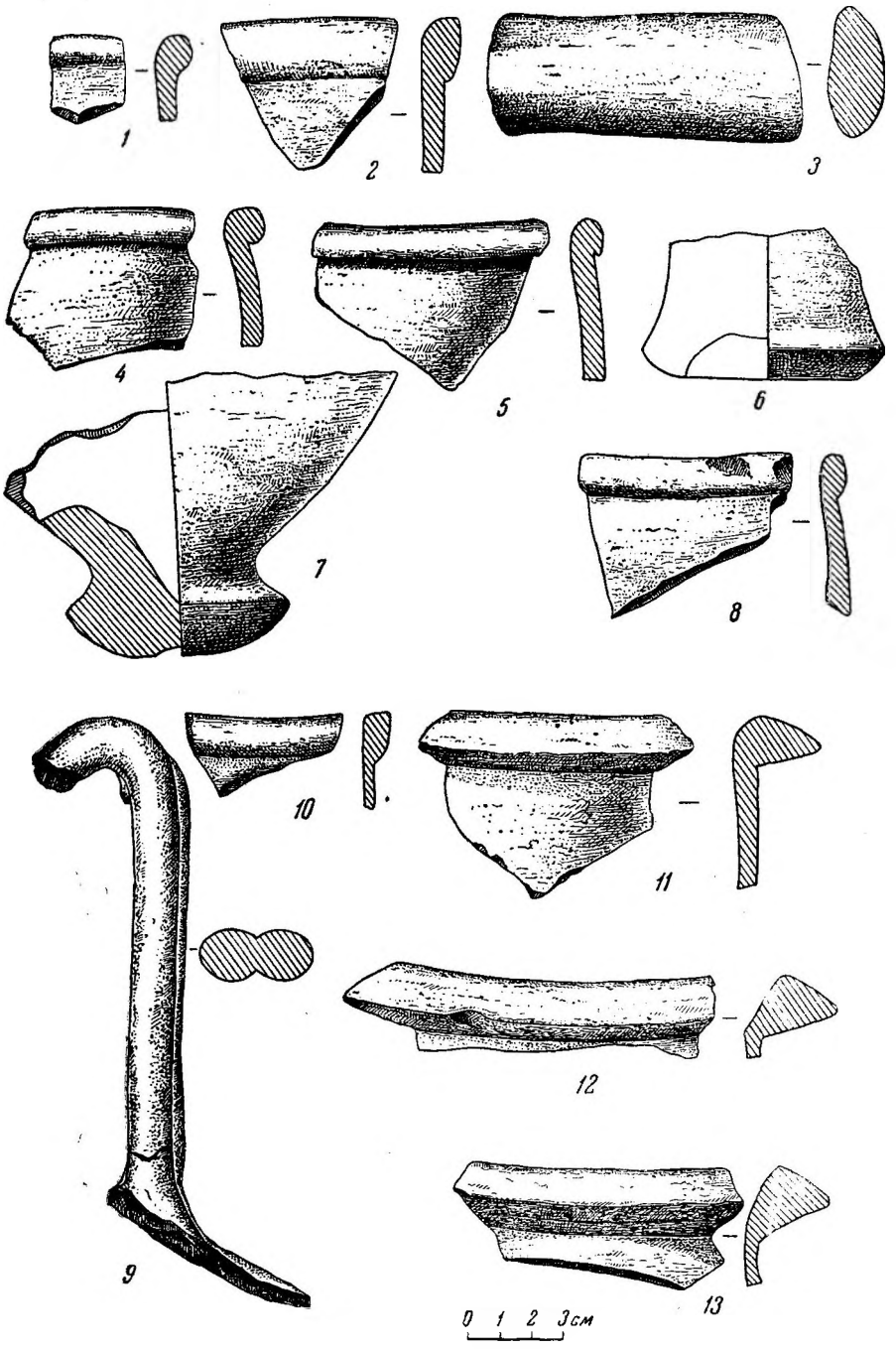

Рис. 12. Фрагменты остродонных амфор:

1—9, 11—13 — городище у хут. Городище; *10* — курган-зольник I

Этот тип посуды, как увидим ниже, также встречается очень часто в скифское время.

Однако, судя по публикациям, Е. Мельник не выделила по крайней мере еще одного типа сосудов. Это большие и среднего размера горшки, имеющие сильно профилированные стенки, широкое горло, отогнутый наружу венчик и малых размеров дно [213].

Один из этих сосудов хорошо датирован скифским временем (курган 8, погребение 8).

Таким образом, из отмеченных типов керамики, найденной в могильнике у с. Кириковки, сосуды четырех типов могут быть отнесены к скифскому времени или продолжают свое существование в это время с эпохи поздней бронзы (тип второй). Банкообразные сосуды, близкие к керамике первого типа эпохи бронзы, продолжают существовать с очень небольшими изменениями. Появился несколько отогнутый наружу венчик и украшения под ним в виде обычных для скифского времени проколов и нередко — валика. В этом отношении довольно характерны сосуды Мачухской группы [214]. Совершенно новым типом керамики, не существовавшим в эпоху бронзы в левобережной части лесостепи, в раннескифское время являются так называемые чарки с высокой ручкой, встреченные в Мачухской курганной группе [215], в курганах у сл. Лихачевки [216], на Бельском городище [217] и т. д.

Керамика Среднего Донца имеет много общего также и с керамикой Нижнего Дона, известной по раскопкам Елисаветовского городища, произведенным экспедицией ГАИМК в 1928 г. [218]

Основываясь на рассмотренных выше типах посуды, можно дать довольно убедительную характеристику разнообразной керамики скифского времени на широкой территории Донецкого бассейна.

С этой целью был произведен анализ керамики, собранной на ряде памятников Северного Донца. Основными из них являются: городище у хут. Городище и курганзольник у с. Черемушны Валковского района Харьковской области. Всего рассмотрено около 700 обломков венчиков и более 50 обломков днищ [219]. Надеемся, что описания и рисунки отдельных типов этой керамики позволяют дать достаточно полную и наглядную ее характеристику. Начнем с характеристики типов посуды по форме венчиков.

Тип первый. К этому типу относятся средние по размеру или иногда очень большие сосуды с сильно профилированными, даже шарообразными стенками и преимущественно с выступающим поддоном (рис. 13). Нередко большие сосуды не имеют подчеркнутого дна и переходят от среза дна почти прямо в стенку. Диаметр горловины таких сосудов обычно больше диаметра дна. Венчик сильно отогнут наружу, шейка удлиненная или короткая. Один целый сосуд этого типа был найден в могиле кургана 4 вместе с гвоздевидной бронзовой привеской, обычно датируемой VI в. до н. э. К этому же типу можно отнести и горшки, не имеющие шейки. В этом случае венчик отделяется от стенки сосуда почти под тупым углом.

Сюда же можно отнести сосуды с круто отогнутым наружу венчиком несколько удлиненной, почти цилиндрической шейкой и крутыми боками (рис. 13, *1*). Эта группа наиболее многочисленна среди керамики Донецкого бассейна. Из 474 обломков венчиков из кургана 1 у с. Черемушны и 210 с городища у хут. Городище к этому типу относится соответственно 47,1% в первом случае и 41,2% — во втором. Она представлена также в первом типе керамики Елисаветовского городища [220], на всем левобережье Днепра и в степной части скифского мира [221]. В левобережной части Среднего Днепра горшки такого типа также встречаются очень часто. Таковы, например, сосуды из курганов 2 и 6 у сл. Лихачевки, раскопанные

---

[213] Там же, стр. 681, рис. 121, 122.

[214] М. Рудинський. Мачухська експедіція Інституту археології. АП, т. II, стр. 6, рис. 5, *2*.

[215] Там же, рис. 9, табл. I, *1, 3*.

[216] И. А. Зарецкий. Альбом, табл. XXVI, *20, 23*; табл. XXIX, *6, 8, 9*; целый сосуд находится в ГИМ, инв. № 59/11б из кургана 8.

[217] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии. Труды XIV АС, т. III, табл. I, *1, 2, 10*.

[218] Т. Н. Knипович. Танаис. М.—Л., 1949; ее же. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветинской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1935.

[219] Обработкой материала занималась лаборантка Воронина Р. Н.; она провела большую и кропотливую работу, за что я ей очень признателен.

[220] Т. Н. Knипович. Указ. соч., стр. 162, рис. 45, *1, 2, 3*.

[221] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 70, табл. II, *1, 2, 3*; стр. 71, табл. III, *2, 3, 4*; стр. 73.

И. А. Зарецким[222], сосуды из курганов у с. Кириковки, раскопанные Е. Мельник[223], большой сосуд из кургана 1 Макеевской группы (правобережье Среднего Днепра), найденный Е. Ф. Покровской[224]. Для сравнения можно было бы указать ряд сосудов такого типа с многослойного поселения у с. Мерефы, исследованного И. Ф. Левицким в 1918 г. На этом поселении, кроме керамики эпохи поздней бронзы, имеется и керамика раннескифского времени. Таков, например, обломок венчика большого лощеного сосуда бочковидной формы. Этот венчик плавно отогнут наружу (диаметр горла до 28 см)[225]. Горшок высотой 11,5 см с диаметром горла свыше 11 см, а дна — 9 см имеет профилированный венчик и стенки и дно с хорошо выраженным рантиком, орнамент на шейке сосуда состоит из углублений, сделанных пальцем[266]. Этот тип керамики здесь повторяется многократно[227], многие сосуды имеют обычные для лесостепи Среднего Донца проколы под венчиком и защипы пальцем по краю венчика[228].

Иногда встречается налепной валик с внешней стороны венчика или на плечиках сосуда, украшенный ногтевым или каким-либо другим орнаментом. Реже сосуды орнаментированы узором, сделанным штампом по верхнему краю венчика или с его внешней стороны; иногда узор имитирует перевитую веревочку, очень искусно выполненную (рис. 13, *5*). На одном фрагменте, помимо ногтевого орнамента, на венчике был узор в виде ряда круглых ямок, сделанных пальцем с отпечатком ногтя (рис. 14, *14*). На большинстве сосудов — орнамент в виде сквозных проколов под венчиком. Этот орнамент украшает от 64,5% (городище) до 76% (курган-зольник) всех обломков венчиков. Очень редко встречаются сосуды с проколами изнутри. Снаружи в этом случае выступает горошинка (рис. 13, *6*).

Тип второй. Сосуды отличаются от керамики первого типа формой венчика и шейки. Основной особенностью является наличие более или менее высокого цилиндрического горла. Край венчика иногда несколько отогнут наружу. Сосуды этого типа имеют бочкообразное или даже тыквообразное тулово (рис. 15, *2, 3, 5, 9*). К сожалению, в силу фрагментарности материала мы не имеем возможности дать описание днищ этих сосудов. Однако подобного типа целые сосуды нам известны, например, из раскопок И. А. Зарецкого в кургане 8 у сл. Лихачевки[229]. Это небольшой сосудик высотой 7 см, диаметр по венчику 7,6 см, по тулову 10,5 см и по дну 4 см. Шейка прямая, высотой 1,8 см. Стенки сосуда тонкие, поверхность лощеная, сероватого цвета с красноватыми и темными пятнами. На тулове сосуда нанесен прочерченный орнамент, идущий одним пояском вокруг сосуда, гнездами по три полоски, в общей сложности до пятнадцати гнезд (рис. 16, *1*).

Погребение с этим сосудом датируется по чернолощеной чарке с высокой ручкой и бронзовым наконечникам стрел раннескифским временем. Второму типу нашей керамики соответствует, по Т. Н. Книпович, второй же тип керамики из Елисаветовского городища[230]. Часто такая керамика встречается и на городище у Каменки-Днепровской на нижнем Днепре[201]. Орнамент и этого типа сосудов не богат. Это все те же проколы, ногтевой, прочерченный орнамент по венчику и штамп. Второй тип керамики составляет 11—17%, и трудно сказать, в какое время он больше всего был распространен, ибо найден на всех глубинах культурного слоя.

Тип третий. Основным отличием керамики от предыдущих типов является почти полное отсутствие шейки; венчик немного отходит наружу, и стенки прямо спускаются вниз (рис. 15, *10—13, 15*). Фрагментарность материала и здесь не позволяет составить представление о целых сосудах этого типа. Однако можно было бы сослаться на аналогичную керамику Посульской

---

[222] И. А. Зарецкий. Заметки о древностях..., рис. 1, 2; ГИМ, курган 12, инв. № 59/II в; курган 13, Опишлянка, инв. № 58/IIа.

[223] Е. Мельник. Раскопки курганов..., рис. 120 и 130.

[224] Є. Покровська. Розкопки коло с. Макіївки, стр. 37, табл. II, *1*.

[225] И. Ф. Левицкий. Альбом. Архив ИА АН УССР, табл. XII, № 1070.

[226] Там же, табл. VIII, № 113.

[227] Там же, табл. IX, И 493; XVII, № 105.

[228] Там же, табл. XVII, № 106.

[229] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 17, § 6; ГИМ, инв. № 59/IIв.

[230] Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 163, рис. 46, *1, 2, 9*.

[231] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 70, табл. II, 4; стр. 96, табл. IX, *2а, 3*.

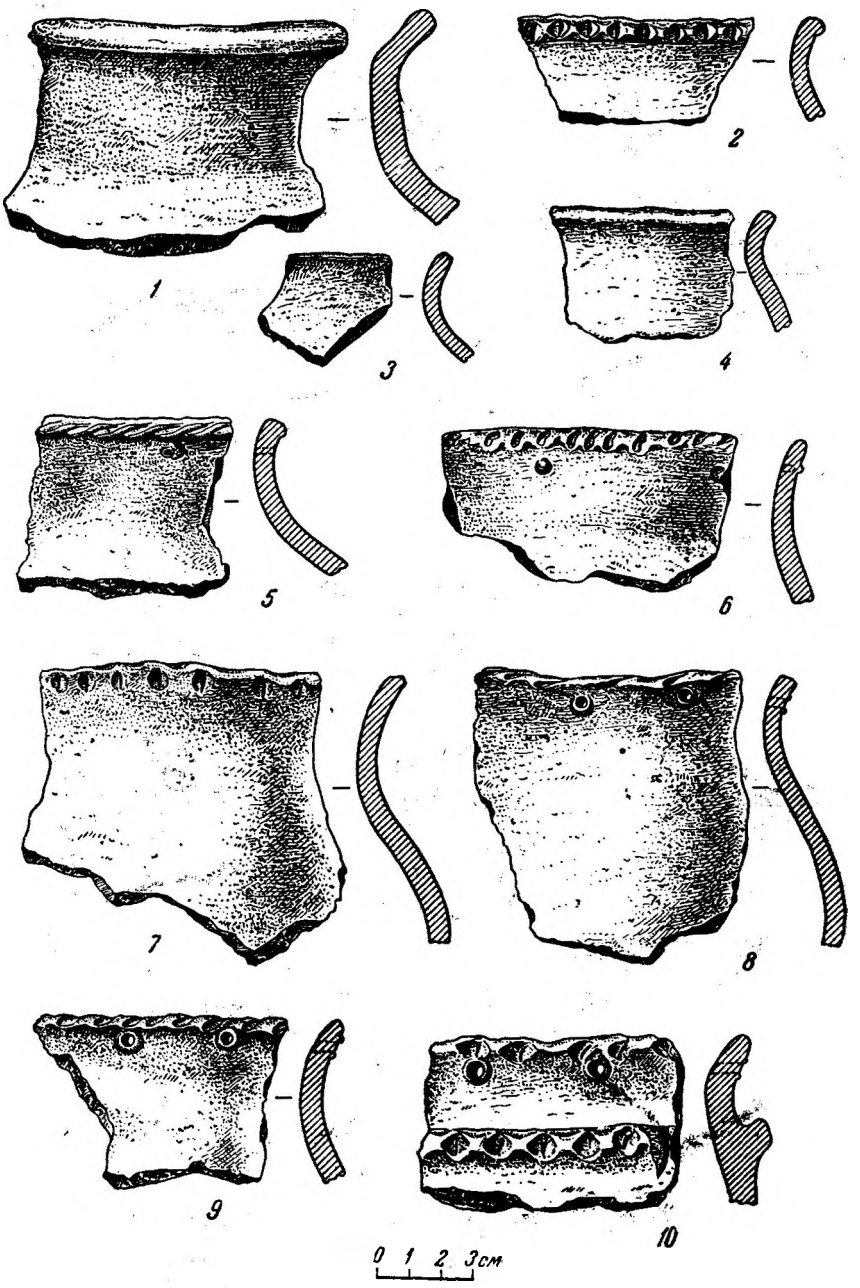

Рис. 13. Лепная керамика. *1—10* — городище у хут. Городище

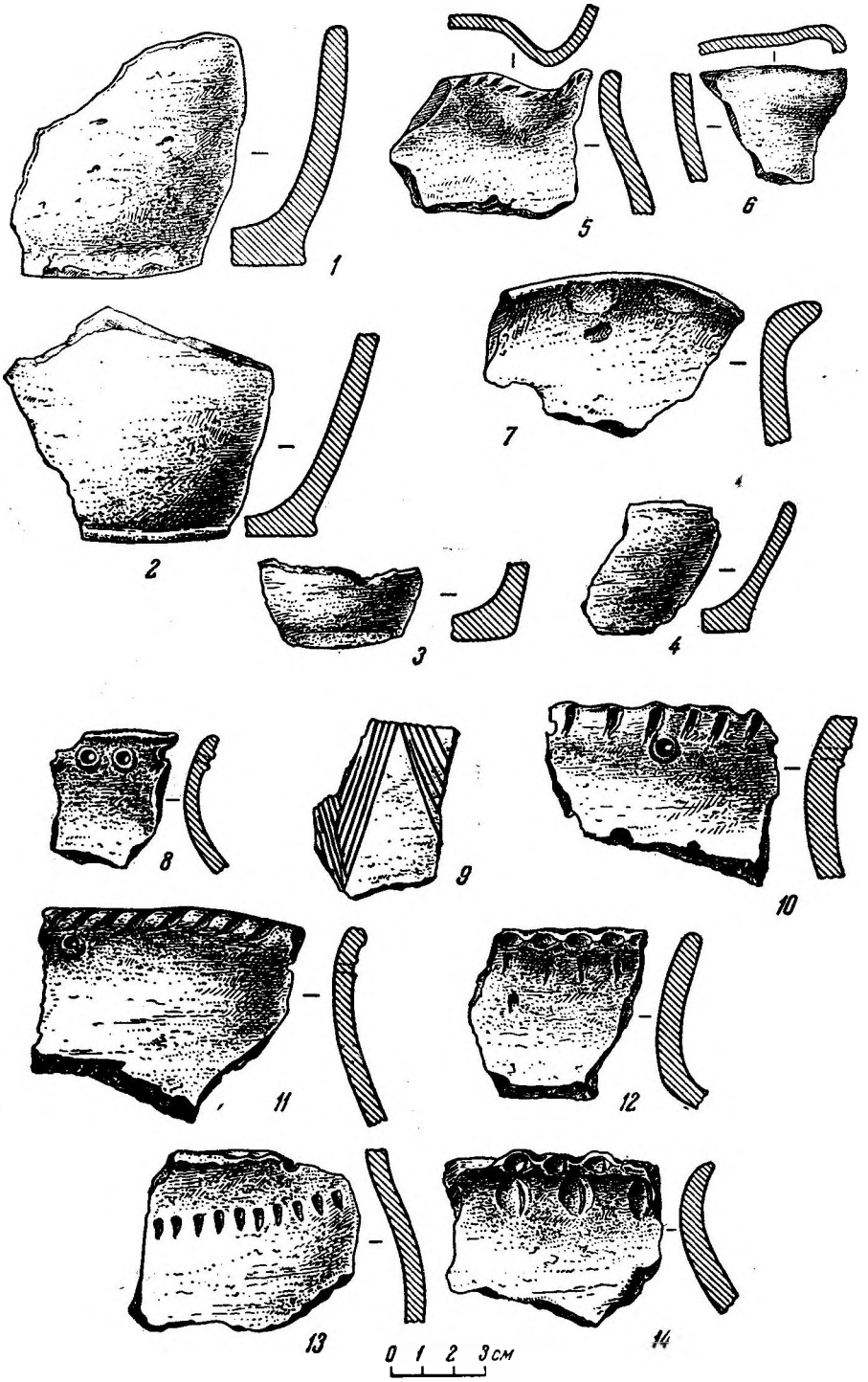

Рис. 14. Лепная керамика:

1 — поселение I у хут. Городище; *2, 3, 4, 6, 7, 8, 10—14* — городище у хут. Городище; *5,9* — курган-зольник 1

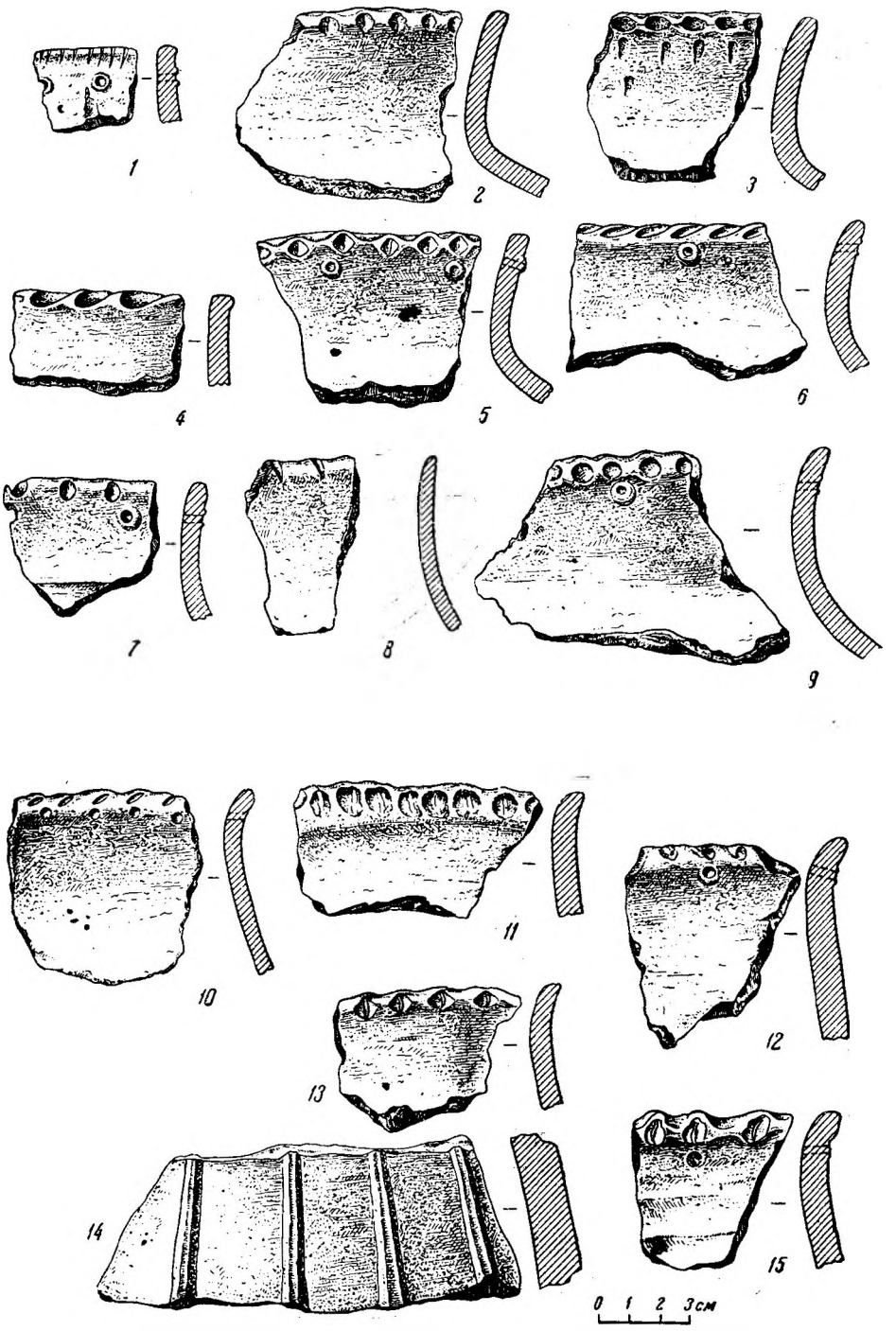

Рис. 15. Лепная керамика из городища у хут. Городище (*1—15*)

группы [232]. Сходные формы имеются в нижних слоях [233] Елисаветовского городища. Аналогичный тип керамики на территории Северо-Донецкого бассейна встречается в

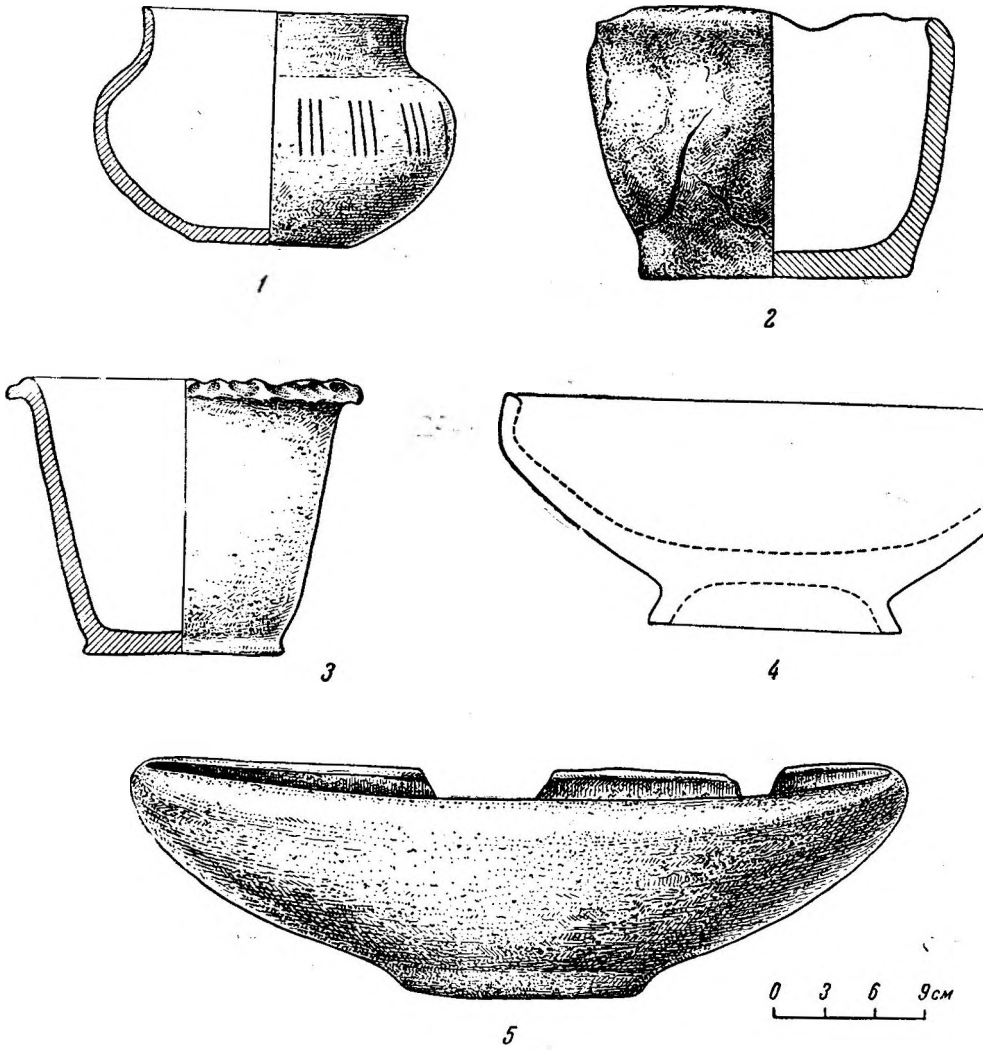

Рис. 16. Лепная керамика:

1 — сосуд из кургана 8 у сл. Лихачевки; *2* — сосуд из кургана 7 у с. Черемушны; *3* — сосуд из поселения Мерефы, сборы И. Ф. Левицкого; *4* — миска из кургана 13 у сл. Лихачевки *5* — миска из кургана у сл. Лихачевки

памятниках предскифского времени. В частности, можно указать на керамику с поселения в урочище Бондарихи, исследованном А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской

в 1953 г. [234] Прекрасный лощеный сосуд, представляющий образец этого типа керамики, был найден Д. Я. Телегиным в 1955 г. на поселении Большие базы в пойме р. Оскола [235]. Подобный сосудик несколько больших размеров имеется и в сборах И. Ф. Левицкого. Он также тонкостенный и лоще-

[232] В. А. Ильинская. Верхнесульская экспедиция 1947 г. АП, т. IV. Київ, 1952, стр. 39, табл. II, *8, 12*.

[233] Т. Н. Knипович. Указ. соч., стр. 172, рис. 51, *4—8*.

[234] В. А. Ильинская. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскола, стр. 82, табл. I, *1, 2, 3*; ее же. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному лісостепу. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 50, 64, табл. III—IV.

[235] Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг. КСИА АН УССР, вып. 8, стр. 78, рис. 5.

ный, глина в изломе черная, снаружи серовато-желтая [236].

Таким образом, керамика рассматриваемого типа также широко распространена. Она происходит от местной посуды, характерной для предскифского времени. В скифскую эпоху такие сосуды имели довольно широкое применение.

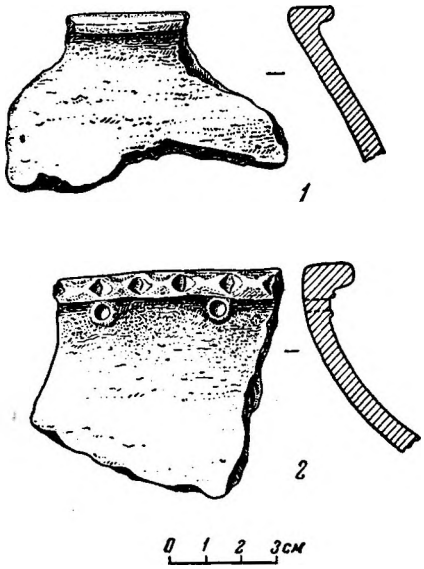

Рис. 17. Лепная керамика из городища у хут. Городище (*1—2*)

Тип четвертый. Основной особенностью керамики данного типа является отсутствие шейки, сильно выраженная бочковидность стенок и плоский и широкий венчик, выступающий наружу. Верхняя плоскость венчика, или иначе срез, почти в два раза шире толщины стенок. С наружной стороны поверхность сосудов украшается иногда ногтевым орнаментом, часто с проколами изнутри (рис. 17, *1, 2*). В кургане-зольнике такой керамики не больше 4,51%, а на городище — 5%, или 30 венчиков из 700. Этот тип керамики аналогичен третьему типу сосудов Елисаветовского городища [237]. Однако на основании небольших обломков не представляется возможным утверждать идентичность керамики названных памятников. Не знаю, насколько будет удачно сопоставление, но попытаюсь сослаться на близкую форму такого рода керамики, найденной на Сабатиновском поселении [238]. Во всяком случае наличие ее на территории Среднего Донца, по-видимому, объясняется не новизной формы, появившейся в скифское время, а какими-то остаточными явлениями, связывающими эту форму керамики с керамикой предшествующего времени. Возможно, что прототипом для нее могли служить остроребериые сосуды в более поздний период их существования на Среднем Донце. Венчик таких сосудов становился все более плоским, а тулово сохраняло остроребериую форму. Они известны, например, в сборах И. Ф. Левицкого на поселении у с. Мерефы [239].

Тип пятый. Этот тип представлен банкообразной керамикой. Она немногочисленна. На городище у хут. Городище среди 210 фрагментов венчиков отмечено лишь пять обломков. Ее форма напоминает керамику эпохи поздней бронзы, сохранившуюся как пережиточное явление в скифское время, что наиболее ощутимо указывает на связь эпохи бронзы с эпохой раннего железного века. Это небольшие, невысокие, почти прямостенные сосуды, без прогиба или с очень небольшим прогибом венчика наружу и небольшой выпуклостью боков, поддон еще не подчеркивается или очень слабо выражен. Орнамент на сосудах встречается редко, и только некоторые сосуды имеют типичный для скифского времени защипной орнамент по венчику. Они встречаются в обломках на городищах и селищах и нередко в погребениях. Таковы, например, сосуды, найденные на селище 1 (рис. 14, *1*), на городище у хут. Городище (рис. 14, *2—4*), в кургане 1 у с. Черемушны из раскопок 1953 г. [240], в кургане 7 из раскопок 1954 г. (рис. 16, *2*); близкий к этому типу сосуд встречен в кургане 2 у с. Люботино (раскопки С. А. Семенова-Зусера) [241]. Несколько сосудов обнаружено в курганах у с. Мачухи (раскопки М. Я. Рудинского в 1946 г.) [242], у сл. Лихачевки (раскопки

[236] И. Ф. Левицкий. **Альбом, табл. LXIII,** № 117.

[237] Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 164, рис. 47, *1, 2*.

[238] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 124, рис. 28, *16а, б, в, г, д, 18, 22* и др.

[239] И. Ф. Левицкий. Альбом, табл. VII.

[240] П. Д. Либеров. Курганы у с. Черемушны, стр. 100, рис. 47.

[241] М. Ф. Бречка. Указ. соч., стр. 226, рис. 6.

[242] М. Рудинський. Мачухська експедіція Інституту археології, стр. 60, рис. 2.

Зарецкого), в могильнике у с. Макеевки в Тясьминской группе (раскопки Н. Е. Бранденбурга) [243] и в Посульской группе (раскопки В. А. Ильинской). Банкообразные сосуды имеются и в Елисаветовском городище. Повторение форм банкообразных сосудов часто встречается в определенном типе пряслиц цилиндрической и конической или подконической формы в нижних культурных слоях городищ и селищ. Однако наиболее яркую переходную форму банкообразного типа керамики эпохи бронзы к керамике скифского времени дает сосуд из сборов И. Ф. Левицкого на указанном выше поселении (рис. 16, *3*) [244]. Это обычная по форме банка с постепенно отходящими наружу стенками высотой 11 см, диаметр горла 14 см, дна — 8 см. Со скифским временем эту банку связывает отходящий наружу венчик почти под прямым углом к стенке сосуда, орнаментированный защипным орнаментом.

Тип шестой. О шестом типе приходится говорить только на основании нескольких обломков венчиков лепного сосуда со сливом, представляющих части сливного рожка. Один из этих обломков был найден на городище у хут. Городище в раскопе 1 (рис. 14, *6*) и второй — в качестве подъемного материала на кургане у с. Черемушны (рис. 14, *5*). По-видимому, этот тип керамики относится к группе кувшинов, форма которых на территории Донбасса нам пока неизвестна. Аналогичные обломки были найдены на городище Большой Гомольши [245]. Такие сосуды, по-видимому, существовали в это время на широкой территории. Они известны в Посулье [246], на Ворскле [247] и на Каменском городище [248]. Некоторые из них имеют орнамент на венчике в виде ложновитой веревочки.

Тип седьмой. Чашки или миски. Они представлены значительным количеством обломков, доходящим до 11—15%. Это глубокие или мелкие сосуды, отличающиеся между собой по форме венчика и дна. Они по некоторым особенностям разбиваются на несколько вариантов. К одному варианту могут быть отнесены миски с загнутым внутрь венчиком (рис. 18, *1, 2, 4, 6*), но отличающиеся между собой по плоско срезанному или закругленному обрезу венчика. К другому варианту относятся миски мелкие и глубокие, но с прямо стоящим венчиком (рис. 18, *3, 5, 8—11, 13*). Здесь венчик часто выступает в виде налепа с внутренней стороны. И, наконец, некоторые миски имеют венчик, отогнутый наружу (рис. 18, *7, 12*). Последние миски представлены двумя миниатюрными сосудиками, возможно передающими форму больших мисок. На основании представленных мисок-миниатюр можно предполагать, что они были на низких и высоких поддонах. Некоторые миски, по-видимому, имеют только едва наметившийся поддон. В качестве образцов можно было бы привести миски (чашки) из памятников р. Ворсклы, Посулья и других мест. Сошлемся, например, на миску, найденную в кургане 13 из раскопок И. А. Зарецкого, у сл. Лихачевки (рис. 16, *4*) [249], на миску на низком поддоне с Басовского городища [250] и миску с едва наметившимся поддоном диаметром по венчику 30,5 см, высотой 8 см из кургана 2 у сл. Лихачевки (рис. 16, *5*). Этот тип керамики обычно не орнаментируется, но отличается от грубой керамики лучшей обработкой глины и нередко черным лощением, обычным в лесостепной полосе для раннескифского времени.

Наконец, восьмой тип керамики представлен пока одним обломком венчика. Это, вероятно, высокогорлый кувшин с ручкой или, может быть, большой сосуд, отличающийся от обычных больших сосудов изгибом венчика с длинной цилиндрической шейкой. Венчик этого сосуда массивный, отогнут наружу почти под прямым углом (рис. 14, *7*).

Мы затруднились бы найти аналогии ему в соседних районах украинской лесостепи. Однако высокогорлые кувшины в значительном количестве обломков встречаются на Среднем Дону на поселениях в урочище

[243] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок..., курганы 455, 292, Эрмитаж, инв. № 55/1, 64/2.

[244] И. Ф. Левицкий. Альбом, стр. 72, табл. LXV, *1*.

[245] С. А. Семенов-Зусер. Отчет о раскопках за 1949 г. Раск. А., табл. 9, *70/А*.

[246] Е. В. Махно. Курганы скифского времени близ с. Малые Будки. Археологія, т. VIII, стр. 125, рис. 2, *1*.

[247] М. Рудинський. Мачухська експедіція..., стр. 53—72, Таранов Яр, зольник V, III, 95.

[248] Б. Н. Граков. Отчет о раскопках на Каменском городище в 1952 г. Архив ИА АН УССР.

[249] ГИМ, инв. № 59/А а.

[250] В. А. Ильинская. Верхнесульская экспедиция, стр. 39, табл. II, *7, 19*; ее же. Керамика скифских погребений Посулья. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 177, табл. II, *43—45*.

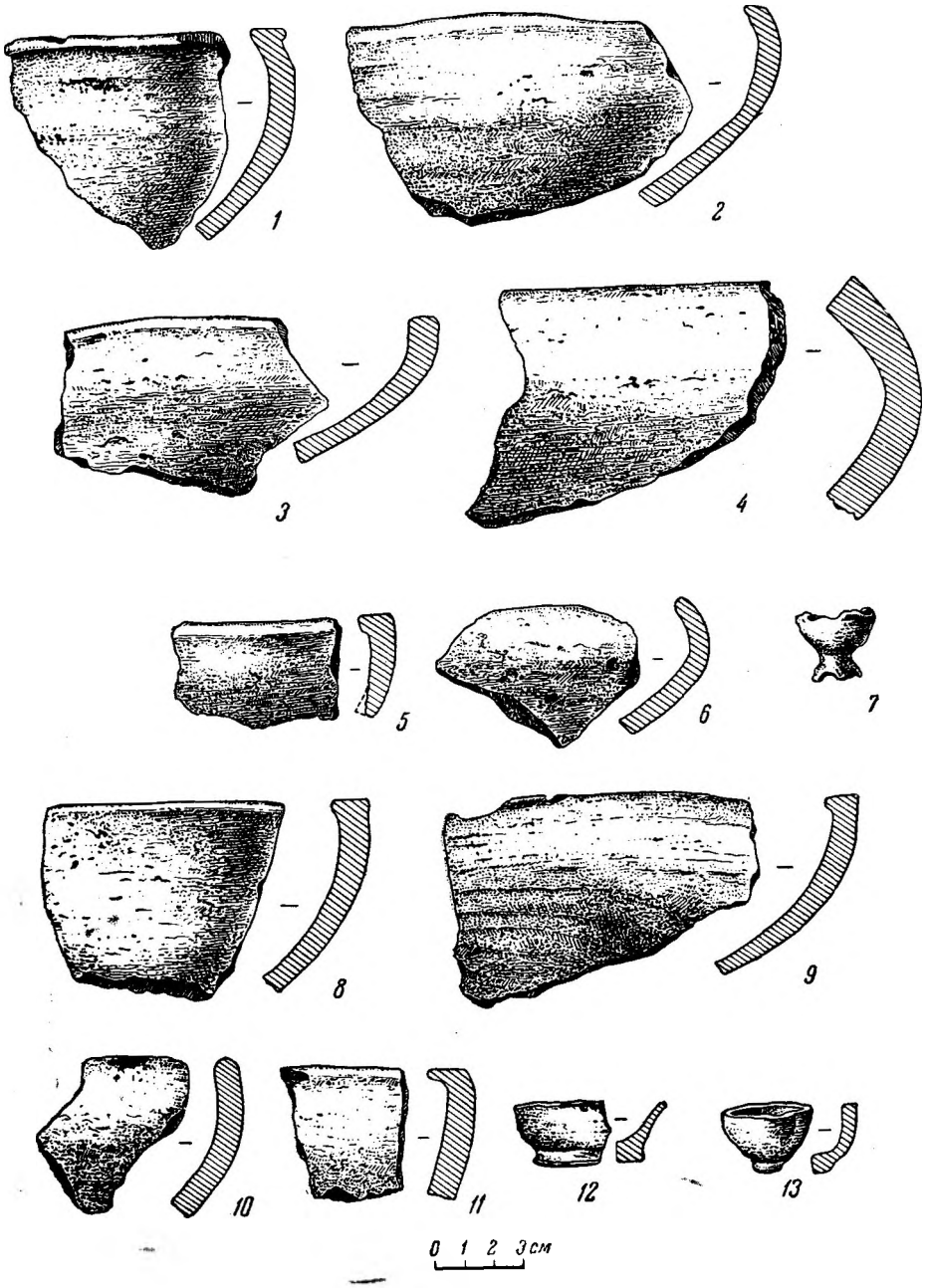

Рис. 18. Лепная керамика:

1—3, 5—9, 11 — городище у хут. Городище; *4* — поселение 5 у с. Черемушны; *10, 12, 13* — поселение 1 у хут. Городище

Частые курганы и особенно на городище Волошино 1 у дер. Волошино Острогожского района Воронежской области[251]. По-видимому, такого же типа высокогорлые сосуды или кувшины известны в Частых курганах[252] и на городище Архангельском[253].

Еще более тщательный анализ керамики, вероятно, позволил бы выделить и другие типы сосудов, такие, как, например, малоизвестные сосуды типа дуршлагов, или цедильников, которые встречаются не часто, но распространены на широкой территории лесостепи и степи, а также маленькие плошки (рис. 19, *15*), сковородки и т. п.

Рассмотренные типы керамики свидетельствуют о большом разнообразии посуды и достаточно высоком уровне развития керамического производства у местных племен.

Мы видели, что многие формы сосудов, характерные для раннего железного века, восходят к керамике эпохи бронзы. Они представляют собой старые формы в несколько измененном виде.

Это же изменение и развитие наблюдается в форме днищ. Нами был произведен анализ 163 днищ. Выделяется пять типов днищ.

Первый тип представлен такими днищами, которые не отделились от стенок сосуда и являются прямым их продолжением.

Ко второму типу относятся днища с рантиком.

Третий тип — подчеркнутый небольшой поддон, но без выступающего рантика.

Четвертый тип — дно сосуда с резко выраженным рантиком.

И, наконец, пятый тип — высокий поддон.

В результате такого деления днищ по типам мы получили следующую картину. Керамика без поддона, относящаяся к первому типу, достигает от 6 (зольник) до 13% (городище).

Второй тип занимает ведущее место — от 34 (городище) до 38,3% (зольник).

Третий тип на городище занимает четвертую часть всей керамики, а в зольнике достигает 30%. Четвертый тип на городище по количеству равен третьему типу, а в зольнике — несколько меньше (22%).

Пятый тип керамики распространен в очень незначительном количестве.

Таким образом, из указанного соотношения керамики по типам днищ мы можем прийти к следующему заключению. В то время как в эпоху поздней бронзы в лепной керамике господствовали сосуды без выраженных днищ, а рантик лишь только намечался, в эпоху раннего железного века в лепной керамике Северного Донца наступает определенное изменение. Оно заметно в том, что в керамике, относящейся к II и IV типам (ее 50%), на городище и в зольнике имеется слабый или сильно выраженный рантик. Вместе с тем посуда без поддона или с наметившимся поддоном имела широкое распространение. Она достигает на городище 38% и на зольнике 36%. На этом основании мы приходим к выводу, что в развитии керамики в эпоху раннего железного века сказывается еще сильное влияние керамики эпохи бронзы.

Как было отмечено выше, большая часть керамики украшалась устойчивым и однообразным орнаментом, широко применяемым на грубой кухонной посуде, за исключением чашек (7-й тип) и редко — на банкообразных сосудах. При этом на двух различных по характеру памятниках найдено одинаковое количество орнаментированной керамики (на кургане-зольнике 1 — 63,3%, на городище — 64,3%). Остальная керамика изготовлялась без орнамента.

Самым распространенным орнаментом является ногтевой (83—92%), который наносился чаще по венчику сосуда, реже под венчиком или на плечиках. Нередко можно встретить этот орнамент на налепном валике, находящемся на венчике или под ним. Так же часто встречается штампованный орнамент на венчике сосуда в виде простых косых насечек (рис. 13, *6, 8, 9*), «запятых» (рис. 14, *10*) или искусно исполненной, как бы перевитой, веревочки (рис. 13, *5*). Орнамент иногда густо наносился с внешней стороны венчика в виде резных полосок, идущих книзу от венчика (рис. 15, *1*), а также в виде штампа концом палочки в один или

---

[251] Раскопки Воронежского отряда лесостепной экспедиции в 1958 г. Коллекции хранятся в Острогожском районном краеведческом музее.

[252] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем, стр. 36, рис. 25; В. А. Городцов. Раскопки Частых курганов близ Воронежа в 1927 г. СА, IX, 1947, стр. 20, рис. 9.

[253] А. И. Москаленко. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг. Доклад, прочитанный на краеведческой конференции в мае 1954 г. Сб. «Из истории Воронежской области». Воронеж, 1954, стр. 65, рис. 3.

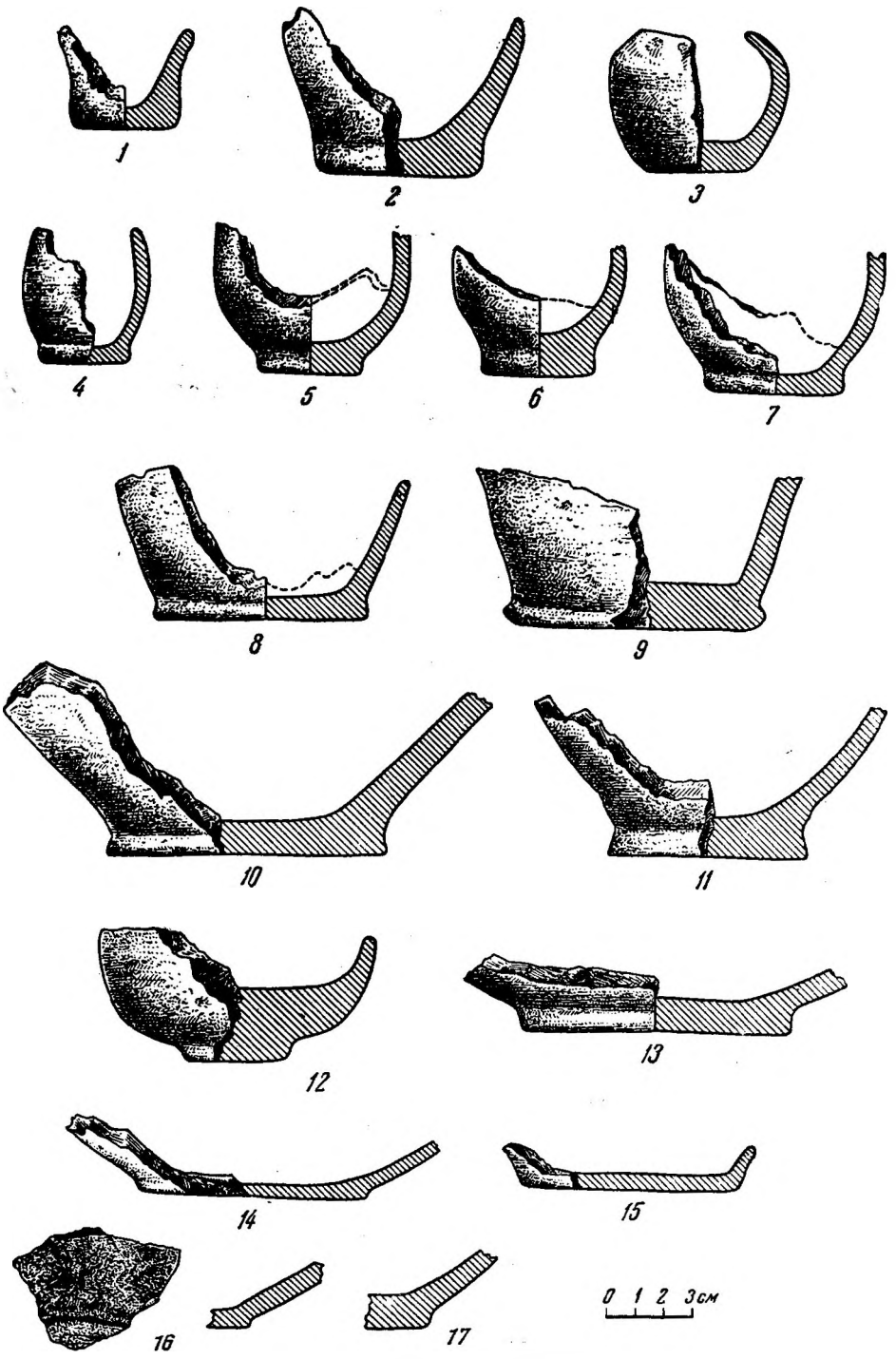

Рис. 19. Лепная керамика:

1—16 — курган-зольник 1; *17* — курган 8 у с. Черемушны

два ряда (рис. 14, *12, 13*) под венчиком, на шейке или на плечиках сосуда. Обычные налепные валики с внешней стороны обреза венчика встречаются нередко. Значительно реже их можно наблюдать на плечиках сосуда (рис. 13, *10*). Особый вид налепных валиков встретился при раскопках городища у хут. Городище в 1953 г. Здесь на разных глубинах культурного слоя найдено несколько необычных обломков керамики с валиками, расположенными в ряд, в направлении сверху вниз (рис. 15, *14*). Аналогий такому орнаменту на территории Донбасса мы не знаем, но он встречается на Кубани, в Пашковском могильнике [254] и на р. Сейме [255]. Глина этого сосуда хорошо отмучена, без примеси, стенки лощеные, серого цвета, местами темные. Особо следует отметить наиболее массовый, широко распространенный и вполне устойчивый в течение всего скифского времени на территории Донбасса орнамент в виде проколов под венчиком сосуда. Проколы сделаны в большинстве случаев аккуратно, круглым предметом изнутри. Керамика с орнаментом в виде проколов достигает 64—75%.

Встречаются сосуды с несквозными проколами, сделанными изнутри, и в этом случае снаружи образовались полушаровидные горошинки (рис. 13, *6*), но их мало. Орнамент в виде проколов заслуживает особого внимания. Он отражает некоторые локальные особенности. Дело в том, что в скифское время этот орнамент под венчиком сосуда был широко распространен в лесостепной части Северного Донца; он часто встречается в левобережной и правобережной частях Среднего Поднепровья, достигает юхновской и других культур северной части лесостепи, встречается, но редко и на Среднем Дону. В то же время, несмотря на безусловное сходство многих типов простой лепной посуды с керамикой Нижнего Дона (Елисаветовское городище), проколы на керамике Нижнего Дона и Днепра почти отсутствуют. Более того, при исследовании поселения скифского времени у хут. Шведовки на р. Осколе, находившегося уже в пределах степной части Среднего Донца, такой керамики с проколами нами не обнаружено. Таким образом, создается впечатление, что орнамент в виде проколов не характерен для степной керамики [256]. Лепная керамика с проколами является особенностью лесостепной части Среднего Донца.

Керамика по цвету не очень разнообразна. Основным цветом является желтый и серый. В очень небольшом количестве встречаются сосуды красного и еще реже черного и серо-зеленого цвета. На двести обломков венчиков с городища у хут. Городище обломки желтого цвета составляют 61%, серого — 35,5%, красного — 3,5%. В кургане-зольнике обломков желтого цвета — 45,2%; серого — 49,6%; остальные — красного, черного и серо-желтого (только около 5%). Следовательно, господствующим цветом керамики является желтый, который характерен для половины всех обломков (330 из 660).

Относительно теста и фактуры керамики можно сказать немного. Преобладает грубая посуда, редко встречается заглаженная и еще реже — лощеная или залощенная темного или серого цвета. Господство грубой керамики несомненно. В кургане-зольнике ее 97% и в городище — 85,3%. Тесто, как правило, мелкозернистое, без примеси, лишь небольшая часть керамики (4—9%) имеет разного рода примесь: дресву — 0,7% (в зольнике), шамот — 1% (на городище) и песок от 8% (в зольнике) до 2,4% (на городище). В этом, возможно, сказалась устойчивость традиций, сохранившихся, вероятно, еще от эпохи бронзы, когда примесь применялась мало или не применялась совсем.

Пряслица. Производство пряслиц было широко распространено. Действительно, трудно не найти их в качестве подъемного материала на открытых или укрепленных поселениях. Особенно много пряслиц встречается в раскопках. Так, в 1953 г. при раскопках центральной части городища у хут. Городище на площади в 459 кв. м было найдено 56 пряслиц и в первом предградье на площади 192 кв. м — 13 пряслиц. На селище 2, расположенном в нескольких километрах от городища вверх по р. Одринке, в шурфе по площади в 16 кв. м были

[254] К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников местной и сарматской культур Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, стр. 152, рис. 48, *2*.

[255] В. А. Ильинская. Городища скифского времени на р. Сейме. Археологія, т. VIII, стр. 113, табл. I, *5, 6*.

[256] П. Д. Либеров. Отчет за 1956 г. Архив ИА АН СССР, стр. 42, ф. 1, р. 1, д. 1273.

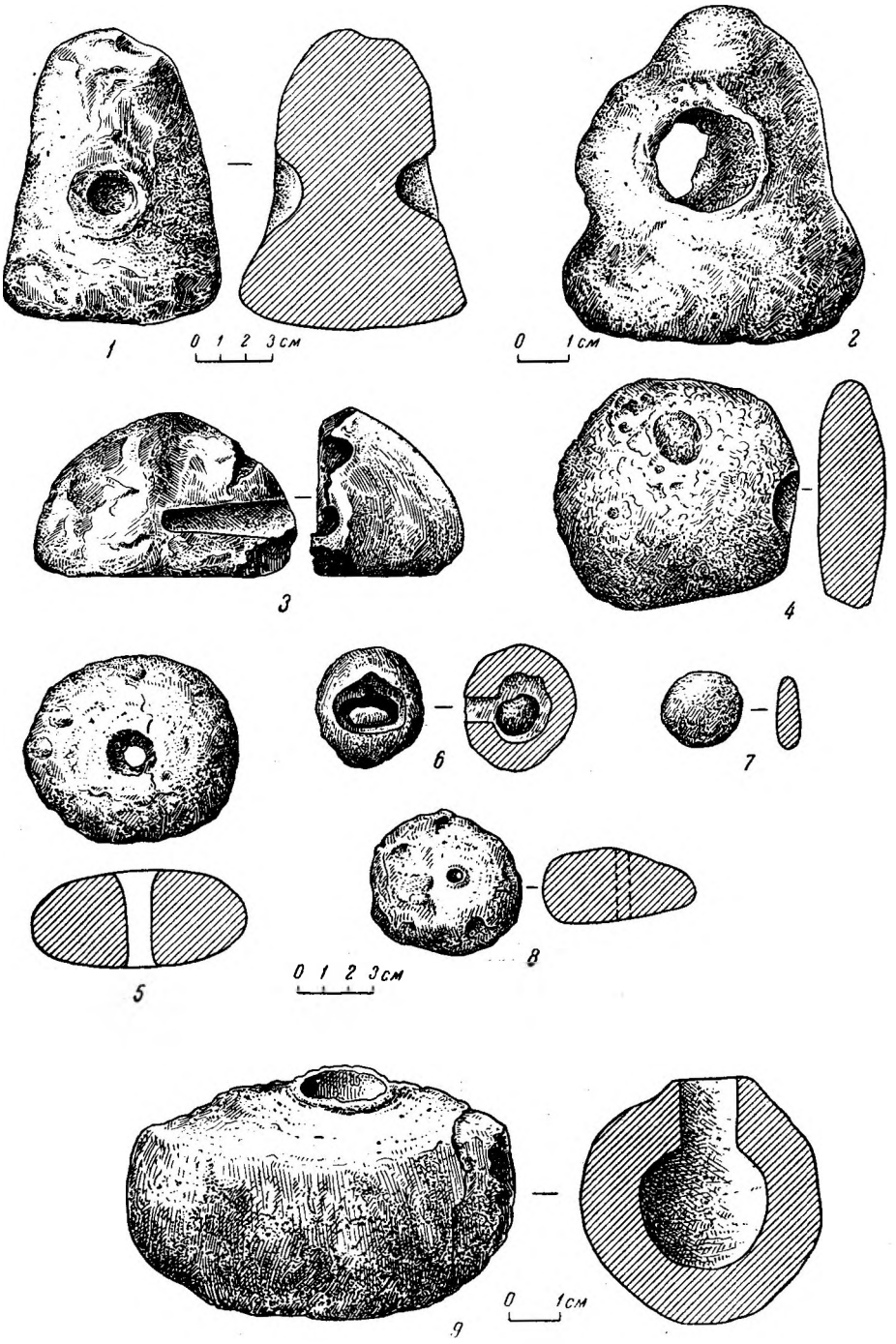

Рис. 20. Глиняные поделки:

1, 2, 5 — городище у хут. Городище; *3, 6, 9* — курган-зольник 1; *4, 7, 8* — поселение 1 хут. Городище

найдены три пряслица. К кургане-зольнике 1 у с. Черемушны оказалось около 40 пряслиц [257]. Иногда их клали в могилу вместе с другим инвентарем.

Форма пряслиц самая разнообразная. Среди них можно встретить шаровидные; биконические (рис. 7, *1—3*); усеченно-биконические (рис. 7, *6—10*), когда один конец срезан больше, чем второй, или плоско-биконические (рис. 7, *4, 5*), когда оба их конца срезаны одинаково; пряслица конусовидные (рис. 7, *11, 12*), цилиндрические (рис. 7), плоские (рис. 7, *20, 21*), в форме сосуда (рис. 7, *14—18*) и др. Кроме глиняных пряслиц, встречаются и костяные плоские (рис. 7, *22*).

Особенно распространенной формой их являются биконические и усеченно-биконические, конусовидные и усеченно-конусовидные. Так, например, из 112 экземпляров пряслиц, найденных в 1953—1954 гг. из раскопок и сборов в Валковском районе, биконических и усеченно-биконических было найдено свыше 50 экземпляров, а конических и усеченно-конических — 27 экземпляров.

Особый интерес представляют пряслица, подражающие сосудам разной формы (рис. 7, *7, 8, 14, 18*). Этот тип пряслиц, а также более схематизированные, особенно биконические, усеченно-биконические, конусовидные и другие, по-видимому, приняли свою форму от определенного типа сосудов эпохи поздней бронзы. Наиболее ранние биконические и усеченно-биконические пряслица имеют резной орнамент, заполненный белой пастой (рис. 7, *1*), или орнамент в виде очень частой гребеночки, изображавшей пояски по окружности и треугольники (рис. 7, *6*).

Встречаются пряслица крупные диаметром около 6 см с наколами в виде ямок расположенными группами вокруг центрального отверстия на одной из плоскостей (рис. 7, *21*).

Другие виды керамических изделий немногочисленны. На городищах и селищах встречаются глиняные, плохо обожженные конусовидные предметы с сквозными отверстиями или просто с боковыми ямками (рис. 20, *1, 2, 3*) [258], глиняные грузила (?) (рис. 20, *5*) и обычные глиняные лепешки (рис. 20, *4, 7*) неопределенного назначения [259]. Из глиняных изделий следует также указать на особый тип небольшого бочоночка с круглым отверстием на боку, сходного с современными водовозными бочками (рис. 20, *9*). Интересна также глиняная пустотелая в середине погремушка, в которой свободно болтается камешек (рис. 20, *6*). Относительно назначения указанных выше глиняных конусов невозможно сказать что-либо определенное, ибо их положение в раскопе не определялось никаким комплексом памятников. О. А. Кривцова-Гракова на основании находок глиняных конусов близ очагов считает их принадлежностями очага [260].

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ

Изучение производственной жизни и быта племен и народов, не владевших письменностью и не оставивших после себя письменных источников, всегда было связано с большими трудностями. Это в неменьшей степени верно и для племен эпохи раннего железного века, живших на территории Среднего Донца, ибо античные авторы, уделявшие значительное внимание жизни и быту скифских степных племен кочевников, совершенно не упоминают о племенах средней части Северного Донца.

Поэтому археологические памятники являются единственным источником, на основании которого возможно в какой-то степени осветить экономику и быт племен этого района.

Изучение памятников в предшествующих разделах настоящей работы показывает, что:

[257] П. Д. Либеров. Отчеты о раскопках за 1953 и 1954 гг. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 867 и 957.

[258] Б. А. Шрамко такие конусы в виде обломков часто находил на ряде селищ и городищ. Ср. эти обломки, опубликованные в его статье «Следы земледельческих культур...», стр. 179, рис. 1, *15* и стр. 186, рис. 6, *11*.

[259] А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1926—1927 гг. Сообщения ГАИМК, т. II. Л., 1929, стр. 101, рис. 14.

[260] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 87—88.

1. В степи Среднего Донца отсутствуют городища, не найдено компактных могильников, погребения встречаются редко, главным образом в качестве впускных в курганы эпохи бронзы; поселения, известные по раскопкам последних лет (р. Оскол, поселение 1 у хут. Шведовки), имеют слабо насыщенный культурный слой.

2. В лесостепи, наоборот, встречается большое количество городищ и вокруг них целая система поселений и больших курганных могильников, связанных с поселениями. Поселения и городища лесостепной части отличаются мощным и хорошо насыщенным культурным слоем.

Особенности памятников лесостепи и степи, а равно и различия в керамике, позволили определить культурную и, по-видимому, этническую границу, подчеркиваемую и ландшафтными особенностями, наблюдающимися в пределах Среднего Донца. В конечном счете ландшафтные особенности явились немалой причиной возникновения разных форм хозяйства и быта: в степи — кочевого хозяйства и образа жизни, в лесостепи — оседлого.

Попытаемся эти положения подтвердить некоторыми фактами из наших раскопок.

Большое и хорошо укрепленное городище, расположенное у хут. Городище на левом берегу р. Одринки — притока р. Мож, впадающей в свою очередь в Северный Донец, состоит из центральной части и двух предградий, укрепленных каждое особыми валами, а второе, внешнее предградье, с напольной стороны — местами двумя-тремя валами и рвом, хорошо сохранившимися и по настоящее время несмотря на систематическое их разрушение. Недалеко от этого городища, примерно в 3—4 км, в так называемом Чернецком яру, имеется второе малое городище площадью до 4,5 га с мало насыщенным культурным слоем. В окрестностях этих городищ находится большое количество открытых селищ. Так, большое селище 1 находится на правом берегу р. Одринки, напротив городища; селище 2 — в Дерковском урочище на левом берегу, в 3—4 км вверх по течению р. Одринки; селище 3 — в самом с. Огульцы на огородах. В с. Черемушны и его окрестностях в 1954 г. обнаружено два поселения, заметных по курганообразным зольникам, с большим количеством подъемного керамического и другого материала скифского времени. К востоку от с. Черемушны расположено большое курганное поле скифского времени. Второе курганное поле с погребениями эпохи бронзы и скифского времени находится к северо-западу от с. Черемушны. Как видно, разведки на небольшой сравнительно площади в

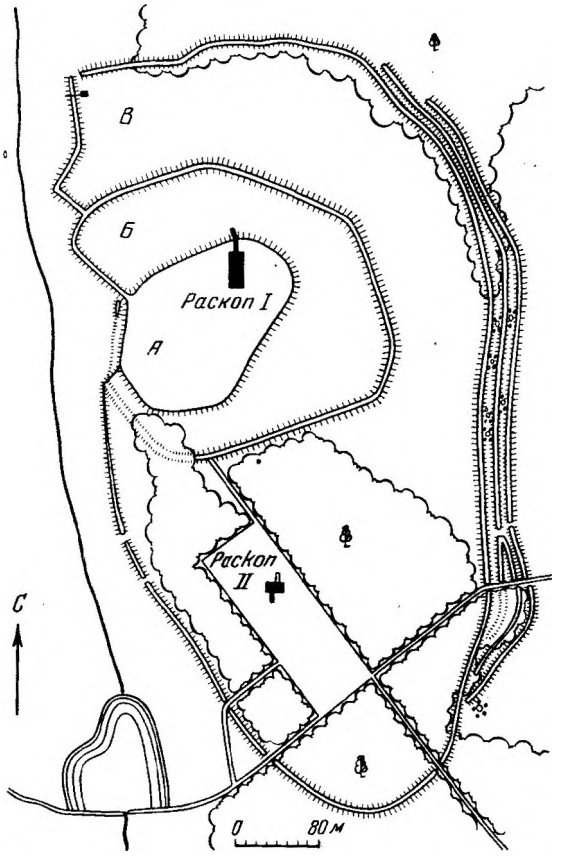

Рис. 21. План городища у хут. Городище

окрестностях городища дали большое количество поселений и крупных курганных могильников, указывающих на густую заселенность лесостепной части Среднего Северного Донца. Обилие поселений и городищ подчеркивает и наша археологическая карта, охватывающая далеко не полностью памятники Среднего Донца. Количество этих памятников все время возрастает по мере расширения разведочных работ. Чтобы познакомить читателя с характером городищ в этой части лесостепи, мы дадим краткое описание городища у хут. Городище

(рис. 21) [261]. По определению Б. А. Шрамко, городище достигает 26 га. Центральная часть его находится на высоком холме — останце, примыкающем своей западной стороной к пойме р. Одринки; со всех других сторон оно окружено глубокой низиной, которая благоприятствовала укреплению холма путем эскарпирования и создания небольшого вала с западной и северной сторон. За этим укреплением в самой низине вокруг холма идет небольшой, искусственно вырытый ров, образующий небольшое первое предградье. Второе внешнее предградье по своей площади превышает площадь центральной части городища и первого предградья и окружено мощным валом и рвом как по косогору, спускающемуся к реке, так и с напольной — восточной стороны. С восточной высокой стороны городище укреплено тремя валами и рвами, а в юго-восточной части — четырьмя. Внешние валы и рвы спускаются с напольной стороны в пойму речки и, загибаясь, идут по берегу к центральной части городища. С запада в пределах высокого холма вал кончается, а крутой склон холма усиливается еще эскарпированием. Таким образом, характер и размеры городища, мощные оборонительные сооружения, применение эскарпирования показывают большое уменье строителей использовать местность для сооружения укреплений, знание тактических выгод этой местности для борьбы с врагом, участие огромного числа строителей и стремление их создать укрепление, пригодное для прочного, безопасного и, по-видимому, долговременного укрытия от врага. Характерно, что строители учли и обеспечение жителей городища водой. Водохранилище находится в низине северной части второго предградья «В» в месте, где вал образует прямоугольное колено у соединения с валом первого предградья «Б». Здесь имеется большое углубление, содержащее воду на уровне речки и в настоящее время.

Комплекс селищ зафиксирован и вокруг городища у с. Караван [262]. Здесь, неподалеку от городища Караван, расположено три открытых селища (Подлесное, Шелковое и у ст. Совнаркомовская), а также обширный курганный могильник в несколько сотен курганов, известный в археологической литературе как Люботинский могильник [263]. Вся эта группа памятников датируется скифским временем. Возникновение Люботинского могильника может быть объяснено только длительным пребыванием населения на одном месте. Это подтверждается и всем комплексом археологического материала, собранного на городище, поселениях и при раскопках курганов [264].

Раскопки городищ убеждают нас в том, что городища служили не только для защиты населения в военное время, но и местом постоянного жительства. Городище у хут. Городище дало большой материал не только в центральной части, но и во втором предградье. В центральной части городища вскрыто 459 кв. м, во втором предградье — 192 кв. м. В обоих раскопах обнаружен насыщенный культурный слой с керамикой и отдельными металлическими, костяными и глиняными изделиями, предметами вооружения и украшений (см. приложение 1). Следует, однако, подчеркнуть значительно большую насыщенность культурного слоя на центральной части городища.

В ходе раскопок городища в общей сложности собрано 83 глиняных пряслица самых различных форм. Особенно много их было найдено в раскопе № 1 на центральной части городища (56 экземпляров).

Аналогичная картина наблюдается и в кургане-зольнике 1 у с. Черемушны. При раскопках его в 1954 г. найдено около 40 пряслиц.

Пряслица в большом количестве встречаются на всех городищах и открытых поселениях. Их также много найдено на селище у с. Шелкового [265], на городище у с. Караван [266] и на селище у с. Островерховки [267]. Словом, они являются одной из основных частей бытовых комплексов материальной культуры.

Обычно считается, что пряслица являются одним из важных признаков ткацкого производства. Однако в условиях натураль-

[261] Впервые городище нанес на план Б. А. Шрамко, который ознакомил нас с ним еще в 1953 г. и по существу предопределил наше окончательное решение начать изучение памятников Харьковщины именно с этого городища.

[262] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа...

[263] М. Ф. Бречка. Указ. соч., стр. 226.

[264] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа...

[265] Там же, стр. 180, рис. 2.

[266] Там же, стр. 186, рис. 6.

[267] Б. А. Шрамко. Новые поселения..., стр. 110.

ного хозяйства ткацкое ремесло немыслимо без занятия земледелием. Земледелие же не может существовать без соответствующих земледельческих орудий производства. Конечно, было бы неправильно судить о степени развития земледелия по находкам орудий производства, так как далеко не часто удается их найти. В погребальных комплексах скифского времени степной и лесостепной части Северного Причерноморья земледельческие орудия отсутствуют [268]. Железные серпы этого времени известны только в погребальных комплексах Прикубанья [269]. За послевоенные годы в связи с расширением раскопок поселений расширились и сведения о земледельческих орудиях. Выше мы уже указывали на два железных серпа из кургана-зольника у с. Черемушны, обломок серпа с поселения у с. Островерховки и прекрасной сохранности серп с поселения у с. Сердюково. Нет необходимости останавливаться на обычных находках целых и в обломках каменных зернотерок [270].

Заслуживает особого внимания жертвенное место с явными следами земледельческого культа, обнаруженное Б. А. Шрамко на городище у с. Караван [271]. В комплексе вещей, найденных около жертвенника, были глиняные модели разных зерен, маленькие сосудики, фигурки животных, обычная битая лепная посуда и другие предметы. Однако особенно важное значение имеют глиняные модели зерен различных сельскохозяйственных культур, имитирующие зерна пшеницы, ячменя, ржи и, может быть, проса, а также ряда бобовых культур.

Мы не имеем намерения заниматься более полным анализом этой интересной находки и отсылаем читателя к специальной статье названного исследователя. Укажем только, что перечисленные находки земледельческих орудий и жертвенного места с его комплексом вещей являются достаточно убедительным доказательством наличия на Среднем Северном Донце сравнительно развитого земледелия.

Об оседлости населения свидетельствует также остеологический материал. Последний, к сожалению, плохой сохранности и очень фрагментарен, но сравнительно обилен и поэтому дает важные сведения о соотношении видов скота [272].

На городище у хутора Городище было найдено 4019 обломков костей, из которых взято на определение 825 обломков и определено 702. Они дали в общей сложности 83 особи домашних и диких животных. Из них домашних животных насчитывается 94%, диких (косуля, лось, кабан) — 6%. По отдельным видам домашних животных их соотношение следующее (в процентах): крупного рогатого скота — 31 (40%), лошадей — 17 (21,8%), мелкого рогатого скота — 12 (15,3%), свиней — 13 (16,5%), собак — 5 (6,4%).

На поселении у с. Островерховки в четырех зольниках, раскопанных Б. А. Шрамко, собран также значительный остеологический материал. Из 63 особей домашних животных лошади составляют 22,2%, крупный рогатый скот — 38,1%, свиньи — 11,1% [273].

Интересные данные получены в курганезольнике 1 (раскопки 1954 г.) у с. Черемушны. Из собранных здесь 568 обломков костей определен 501. Оказывается, что в указанном зольнике соотношение видов скота несколько иное: крупный рогатый скот — 4 (7,8%), лошадь — 5 (9,8%), свинья — 27 (53%), мелкий рогатый скот — 11 (21,6%), собака — 4 (7,8%), заяц — 1, волк — 1, грызун — 1, олень или лось — 1.

Любопытным в этих данных является большое преобладание костей свиньи, которые занимают более половины общего количества особей домашних животных, затем идут находки костей мелкого рогатого скота, кости лошади и крупного рогатого скота стоят на последнем месте.

Небольшое количество костей диких животных свидетельствует о невысокой роли охоты в жизни населения. Но что значит высокий процент костей свиньи? Ответить на такой вопрос очень трудно, ибо ни один

---

[268] П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э., стр. 103.

[269] Там же, стр. 84.

[270] Б. А. Шрамко отмечает много обломков кварцитовых зернотерок на городище у с. Караван (Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа..., стр. 184).

[271] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа..., стр. 184 и сл.

[272] Определение остеологического материала производил доктор биологических наук В. И. Цалкин. Пользуясь случаем, приношу ему глубокую благодарность.

[273] Эти сведения Б. А. Шрамко любезно сообщил мне в одном из писем. Частично они опубликованы им в КСИИМК, 54, стр. 112, примечание 1.

памятник до сих пор не давал столько костей свиньи. Как мы видели, зольник у с. Островерховки дал лишь 11,1%, а хорошо исследованные В. А. Городцовым девять зольников Бельского городища [274] — в среднем также только 15,4% общего количества 3920 обломков костей. Здесь самый высокий процент костей свиньи в отдельных зольниках достигал не более 30,0% (зольник 4). На поселении Пожарная балка Полтавской области кости свиньи составляют 31,8% общего количества 1528 обломков [275].

Басовское городище на Посулье на 264 особи домашних животных также дало 31,8% костей свиньи [276]. Самый высокий процент костей свиньи на городище Ширяевском, расположенном в бассейне р. Сейма, но и здесь на 33 особи кости свиньи составляют 36,4% [277]. Словом, нигде нет такого большого процента костей свиньи среди домашних животных, как в описанном памятнике.

Металлургическое производство находит свое отражение в значительном количестве бытовых изделий из металла, оружия и украшений. Это главным образом бронзовые наконечники стрел, железные ножи, серпы, украшения. Однако до сих пор сам процесс производства металла малоизвестен.

В ходе раскопок городища у хут. Городище во втором предградье найдено три куска шлака и два куска руды. Любопытно, что на значительно большей площади раскопа в центральной части городища никаких следов металлургического производства не было обнаружено. Не служит ли это основанием для заключения о том, что металлургическое производство было вынесено за пределы центральной части городища? Следы металлургического производства в виде глиняных лячек и шлака были обнаружены на поселении у с. Островерховки [278], а на городище у с. Караван в комплексе культового земледельческого очага оказалась маленькая глиняная лячка, символизирующая, по-видимому, металлургическое производство [279].

Вот, пожалуй, и все немногочисленные факты, свидетельствующие о существовании местной металлургии.

Подсчет количества фрагментов амфор и лепной керамики на разных участках городища показывает, что: 1) основная масса амфорной керамики сосредоточивается в центральной части городища, где она в свою очередь концентрируется в центре, а ближе к валу она встречается в небольшом количестве; 2) немного этой керамики имеется и на площади предградья. Отсюда следует, что жители центральной части городища использовали античный материал значительно больше, чем это делали жители предградья. Можно предположить, что такой факт служит свидетельством для некоторого обоснования социальных различий среди населения городища. Не противоречит этому и отсутствие признаков металлургии в центральной части городища.

Торговые связи жителей Среднего Северного Донца с античными городами были менее тесными и регулярными, чем у населения Нижнего Поднепровья и Нижнего Дона (Елисаветовское городище). В этом нет ничего удивительного. Городища и поселения скифского времени изучаемого района находились в значительном отдалении от греческих колоний Северного Причерноморья и, чтобы попасть в верховья р. Мжи и ее притоков, надо было преодолеть значительные трудности, связанные с плохими водными путями сообщения, а иногда и с отсутствием их. Тем не менее эти трудности преодолевались, и далекий край не был полностью оторван от центров античной культуры. Некоторые находки керамики античного происхождения дают основания утверждать, что торговые связи населения Среднего Донца с античным миром начались уже в VI в. до н. э. Такова, например, находка ионического сосуда из кургана 1 погребения 2 у хут. Настельного, который автор датирует самым ранним временем, но не позже, по-видимому, V в. до н. э. На это же указывают обломки пухлогорлых хиосских амфор (рис. 12, *4*) VI—V вв. до н. э

[274] В. А. Городцов. Исследование Бельского городища. Труды XIV АС, т. III. М., 1911, стр. 93 и сл.

[275] И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка Полтавской обл. КСИИМК, XXXVII, стр. 125 и сл.

[276] В. А. Ильинская. Верхнесульская экспедиция, стр. 34 и сл.

[277] В. А. Ильинская. Городища скифского времени на р. Сейме, стр. 109 и сл.

[278] Б. А. Шрамко. Новые поселения..., стр. 110, рис. 48, *4*.

[279] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа..., стр. 187, рис. 7, *23*.

с городища у хут. Городище. Аналогичные обломки хиосских амфор обнаружены и на поселении у с. Островерховки [280]. Находки двуствольных амфорных ручек (рис. 12, *9*), известны вплоть до позднескифского времени.

Жилища. Сведения о жилищах пока очень невелики. Однако можно с уверенностью сказать, что дома были преимущественно наземными столбовыми типа мазанок с деревянной основой из тонких или толстых прутьев. Пока не удалось полностью раскрыть план таких жилищ. От них сохранилось много обожженной глины и глиняной обмазки, имеются открытые очаги и столбовые ямки. Раскрыто много больших ям хозяйственного назначения, содержавших в заполнении керамику, кости, куски глиняной обмазки и др.

Некоторое представление о жилищах дает раскоп 1 на центральной части городища у хут. Городище (приложение № 1). По оставшимся от столбов ямкам в раскопе 1 предположительно можно проследить три жилища. Два из них имели, по-видимому, почти круглую форму диаметром 4—5 м (южное жилище — квадраты 2, 3, 4, *б*, *в*; квадраты 5, 6, *б*, *в*, *г*). Между этими двумя жилищами не существует никакого свободного пространства. Северная сторона одного жилища соприкасается с южной стороной второго жилища. Они составляют как бы одну общую стенку обоих жилищ. Если это правильно, то наличие двух ямок от столбов на расстоянии около 0,6 м друг от друга указывает на существование входного проема между двумя жилищами (квадраты 4, 5, 9). В центре этих жилищ имеются открытые глиняные очаги: в первом жилище очаг длиной с севера на юг 0,6 м, шириной — 0,5 м; во втором — длиной с востока на запад (с небольшим отклонением на СЗ—ЮВ) 1,1 м, шириной — 0,9 м. Очаги оказались на глубине третьего штыка, т. е. в основании культурного слоя.

Третье жилище, как можно предполагать по ряду столбов на западной стороне, находится к северу от первых двух жилищ, на расстоянии 4—5 м (квадраты 9—12, *а*, *б*, *в*, *г*). С северной и южной сторон столбов не прослежено. Это жилище имеет небольшое отклонение по длине с северо-запада на юго-восток, и поэтому столбы восточной стенки могли остаться под нераскрытой частью площади. Это жилище, вероятно, имело продолговато-овальную или, скорее, прямоугольную форму длиной с севера на юг около 8 м, шириной до 6 м. В центре был большой открытый очаг длиной около 1,6 м, шириной более 0,6 м. Очаг обнаружен во втором штыке, т. е. выше, чем очаги в первом и втором жилищах. Поэтому третье жилище могло быть сооружено несколько позднее, чем два первых жилища.

Наземные жилища имеются также на селище в Саржином яру. Б. А. Шрамко говорит, что эти жилища расположены по кругу [281]. Он же указывает жилище на селище у с. Островерховки, обнаруженное в пределах зольника. Это жилище углублялось в почву до 0,65 м, имело форму неправильного овала и было ориентировано длинной стороной с юго-запада на северо-восток. Длина его 8 м, ширина — до 5 м. В западной части жилища была очажная яма размером 1,10 × 0,85 м. Вход предполагается с юго-восточной стороны. Второе жилище было обнаружено на поселении у с. Шмаровки. Оно имело прямоугольную форму, площадь его 9,5 × 6 м, жилище ориентировано по длине с юго-запада на северо-восток, пол глинобитный, толщиной 2—3 см. Очаг находился за пределами жилища. По мнению автора, эти жилища были наземными, имели деревянный каркас и глиняную обмазку [282].

В своем докладе на заседании секции эпохи раннего железа в 1958 г. Б. А. Шрамко сообщил, что в зольнике у дер. Шелковой было обнаружено жилище круглой формы. Оно стояло на столбовом каркасе, стены были обмазаны глиной. В зольнике встречаются амфорный материал и чернолаковая керамика, датирующая поселение концом VI в. до н. э. Наземные жилища в скифское и послескифское время были распространены довольно широко не только на территории Донецкого бассейна, но и за пределами его. Обширные прямоугольные и овальные жилища обнаружены на большом Каменском городище (Каменские кучугуры на Днепре) и на Дону (Кобяково

[280] Б. А. Шрамко. Новые поселения..., стр. 112.

[281] Там же, стр. 5; архив ИА, ф. 1, р. 5, д. 1153, стр. 49.

[282] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени... Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 5, д. 1153, стр. 81; его же. Новые поселения..., стр. 108—114.

городище). Исследования Кобякова, Гниловского и других городищ на Дону, произведенные под руководством А. А. Миллера в 1923—1928 гг., дали наземные жилища римского времени овальной формы с деревянной и камышовой основой, обмазанной глиной; обычно по углам и иногда посредине стен жилища ставились столбы[283]. В одном случае были обнаружены двойные каменные стены, пространство между которыми было заполнено мусором. Однако на этих городищах встречаются жилища с каменной кладкой, сохранившиеся только в виде отдельных камней или кладок в основании дома. В этой форме жилища сказывается, вероятно, близкое и длительное общение с античным миром, особенно сильно проявившееся в период существования древнего Танаиса.

Одной из обязательных принадлежностей жилища является сооружение хозяйственных ям. Однако очень часто подобных ям бывает так много, что трудно определить их отношение к жилищу, так как они находятся не только за пределами жилищ, но и внутри их.

Особенно много хозяйственных ям оказалось на городище у хут. Городище. Большинство их имеет глубину от 0,5 м до 1 м, а иногда и до 1,5 м и более (ямы 23, 31). Форма их самая разнообразная. Некоторые из них имеют вертикальные стенки и постепенное понижение дна к середине с ямкой в центре до 0,2 м, диаметром до 0,4 м (ямы 31, 19, 39, 44, 48), другие расширяются кверху (яма 20), третьи — овальные в разрезе, с ямкой или без ямки в середине (ямы 21, 23, 31, 49). Содержание ям ограничивается главным образом керамикой, костями животных, отдельными предметами, изделиями из глины (пряслица), металла (обломки ножа), глиняной обмазкой и обломками камней. Но ни разу не было обнаружено каких-либо признаков зерна или растительных остатков.

Таким образом, на основании рассмотренного материала можно утверждать, что население лесостепной части Среднего Северного Донца в скифское время вело оседлый образ жизни, занималось земледелием и скотоводством, охота не играла сколько-нибудь существенной роли. Земледелие давало не только хлеб, но и сырье для изготовления одежды. Обилие пряслиц свидетельствует о значительной роли ткачества. Существовало местное металлургическое производство. Однако у нас нет никаких оснований говорить о том, что ткачество, керамическое производство и металлургия вышли из рамок патриархальной семьи, а металлургическое производство как ремесло отделилось от земледелия. Господство лепной керамики и отсутствие круговой до конца скифского времени не противоречат, а подтверждают это положение. Отсутствие круга в местном керамическом производстве при наличии его в античных колониях Северного Причерноморья, по-видимому, объясняется не неумением или нежеланием скифов и их соседей воспользоваться этим важным для того времени техническим усовершенствованием в керамическом производстве, а сравнительно низким уровнем развития производительных сил и общественных отношений в скифском обществе.

Племена Среднего Донца жили в наземных жилищах с деревянной каркасной основой. Плетенка стен обмазывалась глиной, жилища имели круглую, овальную и прямоугольную форму, что указывает на довольно сильные пережитки прежних шатровых форм жилищ. Широко использовались грунтовые хозяйственные ямы для хранения продуктов.

Учитывая отсутствие городищ в степной части Среднего Северного Донца, малонасыщенность культурного слоя на поселениях скифского времени этого района и особенности керамики, а равно и отсутствие компактных курганных могильников, можно высказать пока что предположительно мысль о том, что к югу от г. Изюма и вверх по течению р. Оскола, по крайней мере, вплоть до г. Купянска, а также по течению р. Береки, жили племена, ведущие кочевой образ жизни. Для подтверждения этого положения необходимы дальнейшие исследования степной территории Донецкого бассейна, особенно многочисленных притоков Северного Донца.

[283] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1926 и 1927 гг. Сообщения ГАИМК, II. Л., 1929, стр. 91 и сл.

ХРОНОЛОГИЯ, СВЯЗИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ДОНЦА

Памятники Среднего Донца эпохи раннего железного века в его степной и лесостепной части относятся, как можно было видеть, к VIII—III вв. до н. э.

Достаточно отчетливо они делятся на три периода. Первый период может быть датирован VIII—VII вв. до н. э. В это время господствуют изделия из бронзы, железные вещи встречаются очень редко или совсем отсутствуют. Вместе с тем обнаружены такие предметы, которые имеют прямую связь с изделиями эпохи поздней бронзы. Этому же соответствует и погребальный обряд.

Второй период — VII—VI вв. до н. э. характеризуется постепенным внедрением железной металлургии, хотя сохраняется производство некоторых вещей из бронзы, отчасти в оружии (наконечники стрел) и украшениях, и применяются изделия из кости (в сбруе — псалии, в хозяйстве — орудия). В связи с удаленностью от греческого мира предметы античного производства представляют исключительную редкость. Они появляются только в конце этого периода, т. е. в конце VI в. до н. э.

Третий период охватывает V—III вв. до н. э. и характеризуется широким применением железа в оружии, в орудиях труда, в сбруе, в быту; однако продолжают употребляться костяные орудия, бронзовые наконечники стрел и бронзовые украшения. На городищах, поселениях и в погребальных комплексах найдено много фрагментов керамики античного производства. В качестве украшений в этот период широко используется золото.

Памятников первого периода очень немного. Это два-три впускных погребения, открытые у хут. Черногоровки (курган 1, погребение 3), может быть, у с. Малой Камышевахи и у с. Камышевахи, урочища Золотой рудник, которые датируются А. А. Иессеном по бронзовым удилам VIII—VII вв. до н. э.[284]

Среди находок в погребениях у хут. Черногоровки и у с. Камышевахи имеются такие вещи, которые связывают эти погребения с эпохой бронзы. Мы имеем в виду, во-первых, бронзовую круглую бляшку[285], по-видимому, от уздечного набора, с широким круглым отверстием в центре и маленьким — сбоку. Подобные бляшки, но сделанные из кости, часто встречаются в погребальных комплексах эпохи бронзы[286]. Во-вторых, бронзовый ножичек из погребения у с. Камышевахи. Кроме того, скорченное положение костяка на левом боку в кургане у хут. Черногоровки достаточно убедительно показывает связь с эпохой поздней бронзы.

К этому же периоду относятся наиболее ранние бронзовые наконечники стрел, найденные Н. В. Сибилевым на селищах Изюмщины. Некоторые из них по своей грубой отделке и форме очень похожи на бронзовые наконечники стрел, найденные вместе с бронзовыми двукольчатыми удилами[287].

В лесостепной части Северного Донца памятники, относящиеся к первому периоду, пока неизвестны.

Ко второму периоду принадлежит гораздо больше памятников, чем к первому. К более раннему времени, может быть, концу VII или к рубежу VII—VI вв. до н. э., можно отнести лишь часть бронзовых наконечников стрел из сборов Н. В. Сибилева на поселениях Изюмщины (рис. 3, *1—8*). Весь же остальной инвентарь, независимо от того, откуда он происходит,— из курганов или с поселений — принадлежит к VI в. до н. э. Таковы костяные псалии из курганов (курган 5, погребение 7) у хут. Шпаковки, костяные наконечники стрел из кургана у с. Черемушны, бронзовые наконечники стрел, бронзовые булавки и гвоздевидные височные кольца из курганов у сел Черемушны, Люботино и с городища у хут. Городище, железный меч и бронзовые и железные наконечники стрел из погребения у с. Сенджары, а также железные кинжалы из сборов Бабенко (В. Салтово) и Н. В. Сибилева (с. Русский Бишкин). Вероятно, этим же временем датируется комплекс

[284] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э.

[285] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, табл. XIII, *3*.

[286] П. Д. Либеров. Курганы у хут. Харчевик. КСИИМК, XI, стр. 75, рис. 31, *2*.

[287] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 67, рис. 10.

инвентаря в кургане 9 у хут. Покровского. Нам не удалось видеть вещи последнего погребения, но, судя по форме булавок, цельнолитому бронзовому зеркалу с ручкой, бронзовому и железному браслетам, весь комплекс может быть датирован VI—V вв. до н. э. Не противоречит этому и так называемая фригийская головка. Стеклянные бусы с изображением лица на территории Европейской части СССР известны в памятниках VI—V вв. до н. э.[288] Они, по-видимому, вывезены из Малой Азии. Импортные вещи на территории Среднего Донца в это время встречаются редко. Кроме указанной стеклянной бусины, можно привести лишь ионийский сосуд из погребения 1, кургана 1 у хут. Покровского.

За пределами лесостепи на р. Калитве, левом притоке Северного Донца, у поселка Алексеевского, были найдены металлические вещи и глиняная посуда античного производства VI в. до н. э., опубликованные в специальных статьях А. П. Манцевич[289] и Т. Н. Книпович[290].

Третий период отличается от второго разносторонним применением железа. В могилах часто встречается оружие: кинжалы, копья, дротики, железные ножи с костяной или деревянной рукояткой. На поселениях обычной находкой являются железные ножи, серпы, топоры, пряжки, предметы сбруи и т. д. Но наконечники стрел, как правило, делались из бронзы. Возрастает количество украшений из дорогих металлов и камня. К этому периоду относится большинство находок обломков античных амфор, что указывает на расширение торговых связей с античным миром.

Рассмотрение археологических материалов показывает, что племена Среднего Донца степной и лесостепной зоны прошли общий путь развития с племенами украинской лесостепи.

Бассейн Северного Донца дает те же формы оружия и сбруи, что и среднее правобережье и левобережье Днепра; общими являются украшения: разного рода булавки, височные кольца, бронзовые, серебряные и золотые перстни. Последние часто встречаются также и на Среднем Дону и на Нижнем и Среднем Днепре. Происхождения таких украшений мы не знаем. Их широкое распространение, по-видимому, вызвано межплеменными связями.

Общими являются и некоторые черты погребального обряда.

Однако наряду со сходством имеются и различия, позволяющие выделить среднедонецкие памятники в особую группу. По сравнению со Средним Приднепровьем здесь как будто несколько позднее начинается широкое использование железа. Курганы отличаются тем, что погребальный инвентарь в них сравнительно бедный. Социальное расслоение слабо заметно.

Как было сказано выше, для керамики Среднего Донца характерен орнамент в виде проколов под венчиком. Наши подсчеты показывают, что керамика с проколами на городище у хут. Городище занимает 64,5%, а в кургане-зольнике у с. Черемушны — 76,3%. Изучение этого материала по глубине залегания в культурном слое также дает интересные данные. Так, на городище у хут. Городище во втором штыке с проколами было 51,4%, в третьем — 72,5%, в четвертом — 88,2%; в кургане-зольнике у с. Черемушны в первом штыке — 66,6%, во втором — 77,9%, в третьем — 74,3%, в четвертом — 78,0%, в пятом — 84,0%. Увеличение находок керамики с проколами по мере углубления раскопов не является случайным. Очевидно, в раннескифское время керамики с проколами было больше и с течением времени она уменьшилась почти вдвое. Нам неизвестно, в какой степени эта особенность керамики охватывает другие районы лесостепного правобережья и левобережья Днепра. Однако некоторые памятники правобережья (городища: Макеевское, Шарповское, Пастерское и др.) как будто не дают такого обилия керамики с проколами. Сравнительно много сосудов с проколами имеется на Макеевском городище, на поселении у с. Жаботино, но очень мало на Пастерском и Шарповском городищах.

В левобережном Поднепровье керамика с проколами идет до рек Сулы и Сейма и на северо-восток до Среднего Дона; однако в северных районах и особенно на Дону ее очень мало. Откуда появились проколы на

---

[288] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 100, рис. 5, *20*.

[289] А. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, 1958, № 2, стр. 196—202.

[290] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 100, рис. 26.

Среднем Донце, мы не знаем, ибо раньше VI в. памятники такого рода до сих пор здесь неизвестны.

Керамика с валиками и сквозными проколами появляется на правобережье Среднего Днепра в верхних слоях памятников черняховского этапа. Но имеет ли она какое-то отношение к керамике Среднего Донца, сказать трудно.

Изучение керамики бассейна Среднего Донца в эпоху раннего железа показывает, что первый, наиболее многочисленный, тип керамики и некоторые другие типы характерны только для раннего железного века. Они развились самостоятельно или произошли из форм, существовавших в эпоху бронзы. Некоторые типы отражают еще сильное влияние предшествующих культур. Так, например, керамика второго типа по своей форме сходна с керамикой катакомбной культуры. На этой посуде иногда сохраняются и признаки орнамента катакомбной керамики в виде звеньев резных вертикально поставленных линий на боках сосуда (рис. 8).

Представляет большой интерес по нашей классификации и третий тип керамики, аналогичный посуде бондарихинского типа[291]. В наших коллекциях он имеется в значительном количестве. Такая керамика появилась на территории Среднего Донца в эпоху поздней бронзы. Она непосредственно предшествует памятникам эпохи раннего железа и потому несомненно вошла в керамику скифского времени как один из слагаемых элементов.

Керамика, выделенная нами в пятый тип, сходна с той, которая хорошо представлена в памятниках срубной культуры. Прямостенные небольшие банки характерны для позднего этапа срубной культуры. Керамика срубной культуры известна не только в степных районах Среднего Донца из раскопок В. А. Городцова, но и в лесостепи. Она происходит, например, из раскопок кургана 2 у с. Черемушны.

Разнообразие, наблюдающееся в керамике, дает возможность предполагать, что в сложении культуры эпохи раннего железа на Среднем Донце участвовали разные племенные группы.

В связи с этим представляет большой интерес вопрос о погребальных сооружениях и погребальном обряде, которым в настоящей работе посвящен специальный раздел.

В разделе втором была произведена разбивка могил на четыре группы в зависимости от ориентировки могил и костяков. К первой группе были отнесены могильники у сел Черемушны, Большой Гомольши, Островерховки, где преобладает ориентировка могил с севера на юг и ЮЮЗ — ССВ, а костяков — головой на юг и юго-юго-запад. Такая устойчивость обряда не может быть случайной; она является, по-видимому, отражением глубоких местных традиций. Как известно, у скифов господствовала ориентировка могил с востока на запад, а костяков — головой на запад. Западная ориентировка костяков прослеживается в лесостепи Среднего Донца, у с. Дергачи (раскопки Е. П. Трефильева) и отчасти в степи (раскопки В. А. Городцова).

Наконец, напомним и третью группу памятников, расположенных у хут. Покровского и Настельного, где господствующей ориентировкой костяков является северо-западная и северо-восточная.

Такое различие в ориентировке костяков и могил по отдельным могильникам и даже группам могильников представляет большой интерес для решения проблемы происхождения племен Среднего Донца. С этой целью мы должны попытаться использовать материал предшествующих эпох. Большое значение имеет анализ ориентировки костяков в связи с характером погребальных сооружений, произведенный В. А. Городцовым при исследовании курганов степного Среднего Донца. Таблица В. А. Городцова, несколько дополненная нами (табл. 2), показывает особенности ориентировки костяков в погребениях, относящихся к разным культурам. Погребения ямной культуры главным образом ориентированы головой на северо-восток и восток (из 84 погребений головой на восток вместе с отклонениями к северу и югу оказалось ориентировано 66 погребений). Более смешанную ориентировку дают погребения в катакомбах. Из 56 погребений головой на юг вместе с отклонениями на запад и восток оказалось 27 костяков. Вместе с тем, в этой группе имеется значительное количество погребений, ориентированных на запад (15 костяков); сохраняется также ориентировка головой на восток (9 костяков). Иную ориентировку костяков дают памятники срубной культуры. Большинство

[291] В. А. Іллінська. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному лісостепу, стр. 50—64.

Таблица 2

Ориентировка костяков в эпоху бронзы и в скифское время на территории бассейна Северного Донца
(по данным В. А. Городцова)

Число погребений / Ориентировка	Погребения эпохи бронзы				Погребения скифского времени
	в ямах	в катакомбах	в срубах	в насыпи и на горизонте	
С	3	1	2	16	—
ССЗ	—	—	—	3	—
ССВ	4	1	3	1	—
СЗ	2	1	2	8	—
З	1	14	17	13	2
СЗЗ	—	—	1	2	—
ЮЗЗ	1	1	2	3	2
ЮЗ	3	5	2	2	—
Ю	2	17	—	4	1
ЮВ	2	5	—	6	—
В	28	8	7	49	—
ЮВВ	—	—	—	2	—
СВВ	3	1	3	6	2
СВ	35	2	2	33	—
Всего	84	56	41	148	7

погребений ориентировано головой на запад или с небольшим отклонением на юг и север (24 костяка из 41). Ориентировка костяков на восток сохраняется и в этой группе (10 из 41).

Наконец, погребения в насыпи и на горизонте, составляющие самую большую группу памятников, дали более половины костяков, ориентированных головой на восток и северо-восток (90 из 148). Все остальные погребения ориентированы в разных направлениях.

На основании приведенных данных можно сделать некоторые выводы. Во-первых, наблюдается связь первой и четвертой групп памятников, заключающаяся в преобладании там и здесь восточной ориентировки костяков. Эта связь непрерывно поддерживается через две средние группы памятников — погребения катакомбной и срубной культур. В этих последних восточная ориентировка как бы уменьшается и вновь распространяется в конце развития культур эпохи бронзы.

И, во-вторых, любопытной является связь катакомбной культуры со срубной, которая проявляется в существовании большой группы погребений с западной ориентировкой костяков в катакомбной культуре.

Такая связь, по-видимому, свидетельствует о существовании тесных взаимоотношений племен — носителей той и другой культур в течение длительного периода. До сих пор такая связь или отрицалась или на нее не обращалось должного внимания. Но такой подход не может дать правильного, обоснованного ответа на вопрос о развитии культур эпохи бронзы и раннего железного века. В самом деле, как объяснить такое положение, когда погребения, расположенные в насыпи и на горизонте, по своему положению и керамике относятся к поздней срубной культуре, а по ориентировке костяков прямо противоположны последней.

Почему, например, при установлении связи ямной и катакомбной культур не возникает вопроса о различиях в ориентировке костяков и о появлении в катакомбной культуре значительной группы погребений с западной ориентировкой, являющейся господствующей в срубной культуре?

Как совместить распространенное в науке положение о полном вытеснении срубниками племен катакомбной культуры на Среднем Донце с сохранением погребений на правом боку в срубах, в насыпи и на горизонте? Ведь по данным В. А. Городцова в срубах таких погребений имеется 8%, а в насыпи и на горизонте около 12%. Более того, раскопки курганов, произведенные Е. Мельник у г. Купянска и с. Воронцовки Купянского района Харьковской области[292], дали четыре погребения в катакомбах со скорченными костяками на правом (2) и на левом (2) боку. Не служит ли это основанием для признания проникновения погребальных обычаев из катакомбной культуры в срубную и наоборот — из срубной в катакомбную — вплоть до эпохи поздней бронзы, а также того факта, что катакомбная культура не только не была вытеснена, но какой-то период сосуществовала с культурой срубной. Чем, как не сосуществованием, можно объяснить проникновение обряда

[292] Е. Мельник. Раскопки курганов...

одной культуры в другую или существование типов керамики обеих культур вплоть до эпохи раннего железного века.

Выше мы приводили некоторые соображения исследователей относительно связи памятников эпохи раннего железного века с предшествующим временем. В этом отношении хотелось бы еще раз напомнить предположение Е. Мельник относительно сближения катакомбных погребений на р. Осколе с катакомбой и другими погребениями эпохи раннего железного века у сел Кириковки, Ахтырского района, ныне Сумской области. В катакомбах на р. Осколе, относящихся к катакомбной культуре, но уже с признаками влияния срубной культуры, автор отмечает большое сходство с устройством Кириковской катакомбы, датируемой по инвентарю VI в. до н. э.[293] Общим является наличие деревянной обкладки стен камеры и входов, применение золы. Однако специфической чертой Оскольских катакомб является не столько деревянная обкладка стенок, сколько сооружение плетенки из лозы и обмазка их штукатуркой из глины и извести.

Таким образом, принципиальное сходство в устройстве указанных катакомб, несмотря на частичные различия и значительный разрыв между ними во времени, требуют особенно внимательного отношения к этому типу погребальных сооружений в лесостепи. Во-первых, Кириковская катакомба пока единственная, но количество их может в этом районе несомненно возрасти при расширении археологических исследований; во-вторых, эта самая ранняя катакомба из всех катакомб, известных в Северном Причерноморье и правобережье Среднего Днепра. Если теперь уже известно свыше полутора десятка катакомб на среднем правобережье Днепра, которые датируются не раньше, чем IV в. до н. э., и если Среднеднепровские катакомбы обязаны своим происхождением влиянию степных скифских племен, то катакомба Кириковская носит иные черты. Она, по-видимому, не связана с катакомбами степными. Возможно, она произошла от погребальных сооружений катакомбной культуры.

Большой интерес представляет погребальное сооружение в кургане 9 у хут. Покровского из раскопок В. Е. Данилевича. Особенным в этом погребении является завал ямы глеем и подстилка из бересты и дерева под костяком, а также ориентировка главного костяка головой на северо-запад и сооружение как бы особого жертвенного места с костями животных, прилегающего к северо-восточной стороне насыпи (рис. 2). Засыпка ямы глеем в этом могильнике повторяется еще в двух могилах, но такое погребальное сооружение, как в кургане 9, является единственным. Аналогий для погребальных сооружений подобного типа в лесостепи Украины мы не знаем, но она известна в лесостепной части Среднего Дона. В 1888 г. Л. Б. Вейнберг произвел раскопки трех курганов в могильнике близ г. Задонска и местности под названием Селище[294]. В кургане 3 высотой до 0,35 м на глубине около 1,4 м от поверхности была обнаружена квадратная яма до 2 м по сторонам. В ней найдено погребение с интересным погребальным сооружением и погребальным обрядом. Костяк находился в юго-восточном углу могильной ямы и лежал скорченно на левом боку головой на северо-запад на особом ложе корытообразной формы с северо-запада на юго-восток длиной до 2 м, шириной до 1,1 м, высотой до 18 см. Ложе состояло из мелких камней и было окантовано каймой из более крупных камней.

На шее этого костяка были остатки ожерелья (?).

В головах слева стоял глиняный круглодонный сосуд на круглой подставке из мелких камней, а справа — темно-серый камень, разрезанный на плитки. В трех остальных углах стояли сосуды такой же формы, но несколько меньших размеров и на таких же подставках, что и сосуд в головах.

У середины западной стенки находилось оригинальное сооружение из камней на глине (?) в виде ниши или свода высотой 0,7 м и шириной около 0,9 м, в которой на особой

[293] См. описание устройства катакомбы на стр. 21. 23.

[294] Л. Б. Вейнберг. Раскопки близ г. Задонска, Воронежской губ. ЗРАО, т. VIII, вып. I и II. Нов. серия. СПб., 1895, стр. 187—188; его же. Отчет о раскопках у сл. Тюнино в 1888 г. Архив ЛОИА, д. 49, 1889 г. Данные отчета (д. 49) несколько расходятся с публикацией. Так, в отчете указано, что подобное сооружение было найдено в кургане 4, а не 3; ложе костяка находилось не в яме, а на столбе высотой до 1,1 м и площадью в 1,5 м — по сторонам. Аналогичные столбы были обнаружены и в курганах 1 и 2.

подстилке из белых известковых камней лежали в два ряда кости четырех ног быка, а на них — череп, обращенный к костяку (рис. 13).

Достаточно сопоставить друг с другом устройство погребальных сооружений, положение вещей и погребальный обряд, включая ориентировку костяков, характер вещей и особое жертвенное место, на котором складывалось жертвенное мясо в качестве заупокойной пищи, чтобы убедиться в несомненном сходстве указанных погребений. Однако они относятся к разному времени: погребение у г. Задонска принадлежит к эпохе бронзы, точнее определить невозможно, а погребение у хутора Покровского не раньше VI—V вв. до н. э. По ориентировке могил и погребенных отмеченные памятники существенно отличаются от остальных групп Среднего Донца. Вероятно, можно предположить, что погребения в могильниках у хуторов Покровского и Настельного принадлежат какой-то другой племенной группе, чем погребения всех остальных могильников.

Известно, что на Среднем Донце в первой четверти I тысячелетия до н. э. появляется новая культура так называемого бондарихинского типа, до этого времени здесь неизвестная и в раннескифское время снова исчезнувшая с этой территории. По мнению некоторых археологов, она отступила под напором срубной культуры в северные районы лесостепи и в эпоху раннего железа предстала перед нами под названием юхновской культуры [295]. Имеют ли отношение к этой племенной группе памятники у хуторов Покровского и Настельного, мы не знаем, ибо лишены возможности в какой-либо степени ознакомиться с вещественным материалом. Однако считаем, что такая постановка вопроса вполне возможна.

Керамика, некоторые черты погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря свидетельствуют о наличии связей между памятниками раннего железа и эпохи бронзы.

Территория Среднего Северного Донца была той областью, где в эпоху бронзы происходил сложный процесс формирования культуры эпохи раннего железного века на базе существовавших здесь ранее разнородных культурных и этнических элементов. Как могло происходить это формирование? И какие условия этому сопутствовали? Известно, что бассейн Среднего Донца географически делится на две различных зоны — степную и лесостепную, граница между ними проходила где-то поблизости от современной границы. Она стала особо ощутимой в эпоху раннего железного века в связи с различным ведением хозяйства — в степи основу хозяйства составляло кочевое скотоводство, в лесостепи — земледелие и пастушеское скотоводство. В эпоху бронзы, вплоть до первой четверти первого тысячелетия до н. э., это различие в хозяйстве не было столь заметным. Катакомбные племена степи и лесостепи вели оседлый образ жизни, земледелие совмещали со скотоводством и охотой. Мало чем отличались от них и пришедшие в Северное Причерноморье племена срубной культуры. Они также вели еще оседлый образ жизни, занимались главным образом земледелием, но скотоводство у них было несколько более развитым [296]. Одинаковый уровень развития хозяйства являлся той основой, на которой различные в этническом и культурном отношении племена могли жить достаточно мирно, передвигаться сравнительно свободно, а следовательно, сосуществовать, вести межплеменную торговлю и взаимно влиять друг на друга. Этим, вероятно, и объясняется столь разнородный состав керамики на городищах и поселениях скифского времени на Среднем Донце. Это лежит в основе столь пестрой картины в погребальном обряде.

Но положение изменилось коренным образом, когда произошел перелом в производстве и в форме хозяйства, когда степные племена перешли к ведению кочевого хозяйства, а племена лесостепи продолжали заниматься земледелием. Происходит резкое изменение в отношениях между племенами, ведущими различный образ жизни. Варвар-кочевник и степняк стал более опасным соседом для варвара-земледельца. Отсюда возникла необходимость создания уже в VI—V вв. до н. э. укрепленных поселений-городищ, объединения племен уже не по признакам этнической близости, а по ос-

[295] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном левобережье. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 106—108; ее же. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному лісостепу, стр. 50—64

[296] П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА № 53, 1960.

новному роду занятий, по ведению хозяйства. Но это значит, что все племена, обитавшие к северу от границы степи и лесостепи и ведшие оседлый образ жизни, должны были объединиться в борьбе с кочевниками, независимо от их этнической принадлежности, будь то племена катакомбной, срубной или бондарихинской культуры. Когда происходит переход к кочевому скотоводству? Время этого перехода трудно определить, но некоторые косвенные данные, в частности анализ остеологического материала, указывают, что этот процесс мог закончиться в первой четверти I тысячелетия до н. э.[297] Наиболее ранними вещами, принадлежавшими кочевникам являются бронзовые стремяновидные удила. Их находят в погребениях у хут. Черногоровки и с. Камышевахи. К этому времени относится и появление культуры бондарихинского типа на Донце и Осколе, существование которой позднее VIII в. до н. э. здесь не прослеживается. Очевидно, носители этой культуры вынуждены были отступить под давлением кочевников. Кочевые племена, по-видимому, оказали, сильное давление и на лесостепные племена, памятники которых в эпоху раннего железа пока не прослеживаются ранее VI в. до н. э. Эти племена были вынуждены на время также передвинуться с тем, однако, чтобы, начиная с VI в. до н. э., вновь расширить свою территорию до прежних границ (известных в скифское время как границы лесостепных оседлых племен). Возможно, что некоторая отсталость в развитии племен Среднего Донца по сравнению с другими племенами лесостепи, в частности, медленное внедрение в быт железа и медленное изменение социальных условий объясняются особенно сильным влиянием кочевников на этой территории, затормозивших развитие оседлых племен.

Таким образом, мы считаем, что развитие племен степной и лесостепной части бассейна Среднего Донца не было прямолинейным с последовательной сменой культур. Проникновение элементов одной культуры в другую, а также совместное существование неродственных племен на одной территории вполне возможны. Это могло продолжаться длительное время. По нашему мнению, было бы большой ошибкой отрицать существование племен катакомбной культуры на Северном Донце после середины II тысячелетия до нашей эры. Основываясь на данных, которые мы провели в ходе анализа памятников материальной культуры бассейна Среднего Донца и Среднего Подонья в пределах Воронежской области, мы считаем возможным утверждать, что харьковско-воронежский вариант катакомбной культуры существовал до значительно более позднего времени. Не оспаривая выводов Т. Б. Поповой о некоторых локальных особенностях катакомбной культуры харьковско-воронежского варианта, мы бы добавили, что для него характерны не только и, пожалуй, не столько локальные черты, относящиеся к середине II тысячелетия (XV—XIV вв. до н. э.)[298], сколько то, что он доживает до рубежа II—I тысячелетий до н. э. Будем надеяться, что последующие археологические исследования приведут к открытию таких памятников, которые свяжут катакомбную культуру на территории Среднего Донца и Среднего Подонья с памятниками эпохи раннего железного века. Основания для таких надежд дают наши исследования памятников Среднего Дона[299], не говоря уже о том, что катакомбный тип керамики на поселениях эпохи раннего железного века на Среднем Донце известен уже и теперь. С этим связано и решение вопроса об этнической принадлежности тех племен, которые оставили археологические памятники, не относящиеся непосредственно к срубной культуре.

В. А. Городцов на основании ряда находок киммерийского типа включал территорию Среднего Северного Донца в области, занятые племенами киммерийцев[300]. Т. Б. Попова на основе анализа керамического материала высказывает предположение о принадлежности памятников позднекатакомбной культуры, расположенных в Северном Приазовье и Приднепровье, историческим киммерийцам[301]. С равным,

---

[297] Там же.

[298] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. 24. М., 1955, стр. 35 и 176.

[299] По окончании камеральной обработки материала из раскопок кургана у с. Нижняя Ведуга Семилукского района Воронежской области в 1959 г. мы посвятим этому вопросу специальную заметку.

[300] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии, т. II, М., 1928, стр. 46—49.

[301] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 177.

если не с большим, основанием мы можем считать, что и в сложении культуры эпохи раннего железного века на Среднем Донце большую роль сыграли племена киммерийцев, являющиеся потомками носителей катакомбной культуры.

Племена срубной культуры являются лишь составной частью населения, которое повлияло на формирование культуры эпохи раннего железного века. В процессе этого формирования на территории Среднего Донца сложились две различные по своей форме хозяйства группы племен. С одной стороны оседло-земледельческая группа в лесостепи, с другой — скотоводческая, кочевая — в степи.

Но если в первой группе основным этническим элементом явились местные катакомбные племена, то во второй группе доминировали пришлые племена срубной культуры. Руководствуясь общепринятой или, во всяком случае, господствующей точкой зрения на то, что срубные племена являются предками скифов и что подлинными скифами среди всех племен Северного Причерноморья были в первую очередь скифы-кочевники, мы должны видеть в кочевых племенах степей Северного Донца именно таких скифов-кочевников. Этому предложению не противоречит как будто бы и геродотовская традиция, трактующая размещение скифов царских и скифов-кочевников на широких просторах украинской степи вплоть до низовьев современного Дона [302]. Но только ли степи? Этот вопрос всегда встает при попытке найти северную границу царских скифов. А отсюда вытекает и вся сложность локализации племен меланхленов.

Б. А. Шрамко локализовал меланхленов на Среднем Донце. Но какие имеются для такого решения основания? Автор свое положение не мотивирует. Да и весьма трудно это сделать, ибо основным источником для такой локализации служит только лишь очень туманное указание Геродота. Геродот размещает меланхленов к северу от царских скифов. Но где это место? Установить его абсолютно невозможно. Ведь северная граница расселения царских скифов проходит от Днепра до Нижнего Дона. Это огромная область, вдоль границы которой могли разместиться многие племена. Какие из них Геродот называет меланхленами, мы не знаем. При современном состоянии археологической науки локализация меланхленов на Среднем Донце не может быть доказана. Поэтому от этнического определения племен Среднего Северного Донца в эпоху раннего железа мы предпочитаем пока воздержаться.

[302] Геродот. Кн. IV, 20.

Приложение

РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ НА СРЕДНЕМ СЕВЕРНОМ ДОНЦЕ с 1953 по 1954 г.

Раскопки на городище у хут. Городище

В 1953 г. Харьковский отряд впервые приступил к археологическому исследованию памятников Среднего Донца [303]. Отряд произвел раскопки городища у хут. Городище и обследовал окрестности вокруг городища и в районе сел Огульцы и Черемушны. В 1952 г. это городище обследовал Б. А. Шрамко. Он снял план, произвел в трех местах шурфовку центральной части общей площадью в 18 кв. м и нивелировку валов [304] (рис. 21). Наш отряд тщательно обследовал городище и выбрал для раскопок места, свободные от посевов. В центральной части городища, у северного ее края, был заложен раскоп I общей площадью в 459 кв. м, перерезавший вал, а в южной части городища, на площади второго предградья, целиком занятой домами, хозяйственными постройками и приусадебными участками, был заложен раскоп II площадью 192 кв. м на центральной площади хутора, свободной от посевов. Прежде чем приступить к описанию результатов раскопок, мы попытаемся дать краткую характеристику самого городища. Центральная часть городища расположена на холме, окруженном с восточной, южной и северной сторон глубокой ложбиной, полого спускающейся к долине р. Одринки. По этой ложбине идет невысокий вал, охватывавший площадь первого предградья. От этого вала местность поднимается крутым косогором к северу, востоку и югу вплоть до валов и рвов, образующих второе, самое большое предградье. С во-

[303] Кроме автора настоящей работы, в отряде работали мл. науч. сотр. Л. В. Артишевская и лаборант Н. В. Шленская.

[304] На приведенном плане арабскими цифрами под № 1, 2, 3 даны шурфы, а римскими — I, II, III и IV — нивелировка валов.

сточной напольной стороны было сооружено три, а в юго-восточном углу — четыре вала и четыре рва, а с южной и северной сторон, идущих косогором к речке,— один вал. Валы местами имеют высоту более 6 м от дна рва. От поймы реки городище отделено одним валом. В северо-западном углу первого предградья имеется низина, представляющая ныне заболоченную местность. Возможно, что в этом месте в период использования городища находился естественный источник. Центральная часть городища была укреплена со всех сторон небольшим валом, а с западной стороны — двойным эскарпом. Этот вал хорошо сохранился с северной, отчасти с восточной стороны, но с юго-восточной и южной сторон он почти незаметен.

Сооружение вала происходило так: на уровне древнего горизонта сначала сооружалась глиняная основа довольно большой толщины с постепенным уменьшением ее ко рву, а затем насыпалась земля; за пределами вала, с внешней стороны, был вырыт довольно широкий ров, из которого и бралась глина для сооружения вала. По-видимому, такая глина насыпалась на грунт, очищенный от чернозема. Об этом говорит небольшое понижение грунта в квадратах 22а и 23а и особенно профиль восточной стенки квадратов 23б и 24б, где такой уступ особенно заметен. При обнажении поверхности глины на валу было замечено, что она очень мягкая и скользкая и имеет примесь песка. Внутренняя сторона вала до верхнего края глиняной засыпки была заровнена черноземным слоем с большим содержанием разного рода культурных остатков. Самый верхний черноземный слой над глиной вала — это позднейшее заполнение и оползание земли.

Глубина культурного слоя неодинакова. На основной части площади она не превышает 0,50—0,75 м, местами даже 0,4 м и только в пределах вала в квадрате 24б она достигает 1,9 м. Некоторый интерес представляет положение находок. Чтобы представить насыщенность культурного слоя в отдельных частях раскопа, мы попытаемся разделить раскоп на две отдельные, но далеко не равные части.

Первая часть охватывает квадраты 1—16а, б, в, г и АБ. Глубина культурного слоя этой части достигает 50—75 см и только местами не более 0,4 м, особенно в квадратах 9—11; вторая часть раскопа занимает площадь, в шесть раз меньшую по сравнению с первой частью, и охватывает квадраты 17—24 а, б. Кроме того, в грунте под культурным слоем наибольшей части раскопа, расположенной ближе к центру, находится много хозяйственных ям и ямок, между тем во второй — меньшей — части раскопа они почти отсутствуют. Как расположен археологический материал на этой площади? Для характеристики его положения по глубине мы прилагаем таблицу находок применительно к указанным выше площадям (табл. 3). Это сравнение приводит нас к убеждению, что амфорного материала на первой площади в 23 раза больше, чем на второй, а лепной керамики только в 2,5 раза; остеологического материала больше в три раза, а все другие находки расположены равномерно.

Попробуем сопоставить материал с одинаковых глубин обеих частей раскопа. Нет нужды сравнивать амфорный материал, который на глубине первого-третьего штыков сохраняет указанное выше положение, чего нельзя сказать о лепной керамике. На глубине первого и второго штыков амфорный материал почти пропорционален соотношению площади двух частей раскопа, и лишь в третьем штыке второй части раскопа наблюдается его заметное преобладание над материалом первой части раскопа. Это означает, по-видимому, то, что после сооружения вала вся площадь центральной части городища использовалась более или менее равномерно. Ввиду незначительного наклона поверхности центральной части городища в северную сторону нельзя допустить значительного оползания земли с центра городища к его краю, но невозможно также предположить и сознательного сбрасывания материала к валу городища. Против этого говорит соотношение амфорного материала, который почти полностью сосредоточен ближе к центру. Нас не должно смущать также отсутствие ямок от столбов и хозяйственных ям на площади, расположенной ближе к краю, потому что до сооружения валов центральной части городища здесь не было жилищ и хозяйственных построек. Все они были сосредоточены на самой вершине холма. Обилие материала ближе к валу в первых трех штыках указывает, что накопление его происходило с момента заселения и этой части холма, но уже после сооружения вала. Этим, вероятно, и объясняется отсутствие грунтовых ям, которые в толстом насыпном культурном слое, естественно, не могли быть прослежены.

Таблица 3 показывает положение материала по глубинам. Если возьмем общую среднюю глубину на всей площади раскопа в пределах трех штыков, которые наслаивались в основном в течение всего периода существования городища, то увидим, что наиболее интенсивная жизнь на городище происходила в средний его период. Почти по всем группам вещей средний слой, т. е. второй штык, содержит материала значительно больше (а иногда и в несколько раз), чем первый и третий штыки. Это особенно заметно в распределении амфорного материала, лепной керамики, костей животных, пряслиц и кусков обожженной глины на первой части раскопа.

Мы уже говорили о том, что городище содержит большой археологический материал. Попытаемся дать его характеристику.

О р у ж и е. Известно только 11 бронзовых наконечников стрел. Наиболее ранними являются два из них. Один имеет четырехгранную форму с внутренней втулкой, сходной по форме с предскифскими и раннескифскими костяными наконечниками стрел. Он найден в третьем штыке, в основании культурного слоя основной части первого раскопа, и потому датирует начало существования поселения VI в. до н. э. (рис. 4, *21*).

Второй наконечник стрелы — трехлопастный, правильной конической формы, имеет внутреннюю втулку и широкое основание (рис. 4, *22*). Такие наконечники стрел существуют обычно в комплексах VI—V вв. до н. э.[305] Этот наконечник стрелы найден на глубине третьего штыка квадрата 24а, т. е. уже в пределах вала. Он попал сюда или в результате насыпки вала или, скорее всего, при образовании культурного слоя уже после сооружения вала. Особо следует упомянуть бронзовый наконечник стрелы трехлопастной формы, найденный на дне рва за пределами вала (рис. 4, *24*). К сожалению, основание наконечника обломано и поэтому трудно дать более или менее твердую дату. По-видимому, более правильно будет отнести его к V—IV вв. до н. э. Если это так, то по

[305] P. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, S. 92, Taf. IV, *2A;* S. 93, Taf. V, *1A, E, 3A;* S. 94, Taf. VI, *2H.*

двум последним наконечникам стрел с большой вероятностью можно датировать возникновение центрального вала V в. до н. э. Остальные наконечники стрел относятся к среднескифскому времени (рис 4, *23, 28*) и к IV—III вв. до н. э. (рис. 4, *25—27, 29—31*).

Предметы уздечного набора на городище редки. Можно указать только на большую и массивную бронзовую налобную бляху (рис. 8, *7*) и сферические бронзовые бляхи, близкие к бляхам чертомлыцкого типа (рис. 8, *8, 9*). Железная поясная пряжка плохой сохранности, имеет сбоку стержень для закрепления ремня (рис. 8, *6*). Следует также упомянуть небольшой, но массивный железный гвоздь со шляпкой (рис. 9, *9*), подобный гвоздям, найденным на Каменском городище [306], и железную булавку с конической головкой (рис. 10, *2*). Она не имеет кольцеобразных украшений, характерных для бронзовых булавок, и поэтому, очевидно, является несколько более поздней (не раньше V в. до н. э.). Этому не противоречит ее положение в пределах вала на глубине второго штыка.

Для характеристики амфорного материала мы прилагаем таблицу (рис. 12) с обломками венчиков, ручек и днищ амфор. Предварительное изучение амфор И. Б. Зеест показывает, что основная масса их относится к эллинистическому времени, к IV—III вв. до н. э.

И только некоторые обломки могут быть датированы V—IV вв. до н. э. (рис. 12, *2, 4*). Косская двойная ручка датируется III в. до н. э. (рис. 12, *9*). Один из самых ранних обломков венчика амфоры с несколько раздутым горлом (рис. 12, *4*) найден в засыпке ямы 31 А.

Из глиняных изделий некоторый интерес представляют так называемые конусы двух типов. Одни из них, более крупных размеров, имеют ямки продавленные с двух сторон (рис. 20, *1*). Они найдены в четырех экземплярах в квадратах 1—2 в, г первого раскопа на глубине третьего штыка, т. е. в самом низу культурного слоя. Конусы не связаны с каким-либо жилым комплексом (план раскопа I, находка 9). Другие конусы меньших размеров имеют сквозные отверстия большого диаметра, идущие параллельно основанию конуса. Эти конусы в двух экземплярах найдены около края грунтовой ямы 3 второго раскопа, а также в третьем штыке. Кроме этого, три обломка найдено в самой яме. Следовательно, и в этом случае невозможно представить их положение в каком-то комплексе.

К остаткам жилищ относятся столбовые ямы, открытые глиняные очаги и большое количество обломков обожженной глины. Никаких более существенных остатков не было (см. Отчет о раскопках. Архив ИА). На основании столбовых ямок и остатков очагов можно установить, по крайней мере, три жилища. Первое жилище заключено в квадратах 2, 3, 4, 5 б, в; от столбов сохранились ямки — 1, 4, 5, 26, ограничивающие восточный конец жилища.

Ямки небольшие и неглубокие, вырытые в грунте. Имеют ли отношение к ним некоторые другие ямки, расположенные к западу в квадратах 2, 3, 4, а, б,— решить трудно. Если имеют, это жилище могло быть длиной до 10 м и шириной около 6 м с очагом в восточном конце. Очаг расположен в неглубокой (до 25 см) яме, несколько удлиненной с северо-запада. Он имел линзообразную форму толщиной до 5 см, длиной с севера на юг до 65 см, шириной около 40 см. Яма заполнена углисто-золотистым слоем. В окружении очага находились обломки лепной и амфорной керамики и кости животных.

В пределах жилища имеется большая яма, по-видимому, хозяйственного назначения (яма 39). Она имела округлую форму и диаметр 1,5 м с востока на запад и 1,3 м с севера на юг, глубиной до 45 см, стенки опускались вертикально, дно в середине углублялось на 15 см. В яме было найдено несколько обломков амфор, лепной посуды и костей животных, попавших в яму в качестве случайного заполнения.

Второе жилище расположено к северу от восточного конца первого жилища. Судя по ряду ям, оно имело круглую форму (ямы № 25, 28, 30 и может быть 8). Две ямы (№ 5 и 26) являются общими для первого и второго жилищ. Возможно, последние две ямки принадлежат столбам, образующим дверной проем между двумя жилищами.

В центре второго жилища имеется большой глиняный открытый очаг длиной с запада на восток 1,14 м, шириной 0,92 м, толщиной 15—18 см. Он расположен на глубине третьего штыка на материке, т. е. по своему положению и, следовательно, по времени он аналогичен очагу первого жилища. На нашем плане в квадрате 6 г, за пределами восточной стенки жилища, имеется второй небольшой очаг (№ 29). Он расположен на глубине второго штыка, ориентирован с севера на юг, длиной 0,4 м, шириной 0,34 м, толщиной 5 см. Этот очаг вряд ли имеет какое-либо отношение к жилищу 2. Он, по-видимому, относится к несколько более позднему времени.

Третье жилище находится к северу от первых двух, на расстоянии около 5 м, в квадратах 9, 10, 11, 12 б, в, г. Правильная система ямок от столбов, расположенных почти по прямой с юга на север, имеется только с западной стороны (ямки 13, 14, 17). С южной, восточной и северной сторон таких ямок нет.

Однако столбы с восточной стороны могут оказаться и в нераскопанной части площади. То, что жилище идет к востоку от середины раскопа, подтверждает положение открытого глиняного очага 24 в квадратах 10—11 в. Этот очаг обнаружен на глубине 0,4 м. Он имел форму овала длиной с севера на юг 1,56 м, шириной 0,86 м. В очаге преобладает ярко-красная глина. К северо-западу от этого очага на границе квадратов 11 а, б и на линии столбовых ямок жилища находится второй открытый глиняный очаг, обнаруженный на глубине третьего штыка, по существу на грунте, длиной с севера на юг 0,55 м, шириной 0,45 м, толщиной до 0,16 м. Разрез очага линзообразный, глина обожжена слабо. Стратиграфически этот очаг находится ниже, чем большой очаг жилища, и потому можно считать его более ранним. Кроме того, в северо-восточном углу квадрата 11 г было обнаружено небольшое пятно очага (22), расположенное на материке. Но оно было настолько тонкое, что после второй зачистки исчезло. Если это очаг, то он существовал раньше, чем большой очаг жилища.

Наконец, следует отметить большой открытый глиняный очаг в квадрате 14, длиной с севера на юг 1,14 м, шириной до 0,9 м. Он имел овальную форму, состоял из скопления обожженной глины толщиной до 8 см. К северу и югу от него были небольшие ямки, возможно от столбов, но, по-видимому, они не имеют прямого отношения к очагу.

Обилие ям, особенно больших, указывает на интенсивность жизни на городище. Ямы, расположенные за пределами жилищ (№ 10, 19, 21, 31А, 39. 44,

[306] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 66, табл. 1, 7.

48), имеют одну общую особенность: в центре дна каждой из них имеется ямка или скат от края дна к центру или сбоку (№ 48); некоторые из них имеют подбой в бок (яма № 10), другие — с прямыми (№ 31) или несколько покатыми стенками (№ 23) или небольшим расширением стенок (№ 49), но без обычных (для большинства ям) углублений на дне.

Яма № 44 в квадрате 5—6 а круглой формы с небольшим выступом в южном крае, диаметр ее 1,3 м; глубина до 0,5 м, стенки вертикальные, дно понижается к центру и завершается там ямкой глубиной до 0,2 м, диаметром до 0,4 м.

В темной засыпке найдены отдельные обломки обожженной глины, четыре обломка стенок амфор, много обломков лепной керамики, костей животных и на глубине 0,35 м обломок железного ножа с прямой спинкой (рис. 9, *3*).

Яма № 10 в плане грушевидной формы имеет стенки с подбоем и дно, углубляющееся в середине (рис. 6, *10*); диаметр с северо-востока на юго-запад в круглой части 1 м, глубина 1,05 м. В ней найдено 40 обломков лепной керамики, 16 кусков глиняной обмазки, 38 кусков обожженной глины, два обломка пращевых камней и 22 обломка костей животных. В этой яме не встречено обломков амфор.

Яма 31 и 31А. Это, вероятно, две разные ямы, соединенные узкой и неглубокой перемычкой (рис. 22, *3*). Стенки почти вертикальные. Дно ямы 31 плоское, а 31А имеет углубление в середине. Яма 31 имеет глубину до 0,9 м. В засыпке на глубине 0,2—0,3 м была золотистая прослойка. В засыпке найдены: один обломок амфоры, много обломков лепной керамики и костей животных. Яма 31 А имела в плане грушевидную форму, глубина ее 1,3 м, в центре дна ямка глубиной до 0,3 м. В засыпке ямы найдены: три обломка амфоры (рис. 12, *4*), много обломков лепной керамики, один маленький сосудик, одно глиняное пряслице, много костей животных, обожженной глины и другие предметы.

В яме 21, расположенной в третьем жилище, около очага № 24, диаметром с востока на запад 1,3 м, глубиной до 0,5 м, амфорной керамики не найдено. Возможно, это предочажная яма. Огромная яма 23 расположена в квадратах 12—13 в, г. Диаметр ее более 2 м, глубина до 1,6 м, форма горшкообразная. Яма суживалась ко дну, дно ее плоское. Засыпка ямы темная, содержала до 40 обломков лепной керамики, один обломок амфоры и 18 обломков костей животных.

Нам осталось подчеркнуть некоторые особенности ям и очагов, исследованных на втором раскопе. Архив ИА АН СССР. Альбом, т. VI, ф. I, № 866.

Здесь не замечено следов жилищ на столбовом каркасе, однако жилище круглой формы, полуземляночного типа, вероятно, существовало. Остатки его в виде большой круглой ямы диаметром 3,3 м, глубиной до 0,2 м от уровня материка, были обнаружены в квадратах 3, 4 а, б. В засыпке этой ямы найдено одно глиняное пряслице, более 60 обломков лепной керамики, более 150 обломков костей животных и один обломок глиняного конуса. В третьем штыке квадратов 3, 4 а, б найдены: один бронзовый трехгранный наконечник стрелы (рис. 4, *31*), два обломка амфорных стенок, свыше 130 обломков лепной керамики, до 150 обломков костей животных, три куска обожженной глины и др. Обожженная глина и глиняная обмазка встречаются и в других местах на всей глубине культурного слоя. В жилище очага не обнаружено, но рядом, в квадрате 5 а, оказалось большое глиняное пятно, состоявшее из докрасна обожженной глины. Оно ориентировано с северо-востока на юго-запад, длиной более 2 м, шириной в юго-западной части до 1,25 м. Очаг был обнаружен на глубине 1,45 м и уходил в третий штык до грунта, толщиной до 0,20 м в разрезе, имел линзообразную форму. В северо-восточной части очага глина обожжена особенно сильно до желто-белого цвета, диаметр с севера на юг 0,78 м, с востока на запад — 0,55 м, толщиной 0,10 м. Очаг ли это, относящийся к полуземлянке, или какой-то производственный комплекс — установить невозможно. Но следует отметить, что здесь были обнаружены признаки металлургического производства. Куски шлака найдены в квадрате 4 в, кусок бронзового шлака найден рядом с жилищем и в квадрате 1—2 г.

Разведки селищ, городищ и курганов

Селище 1 было обнаружено на правом высоком берегу р. Одринки, напротив верхнего конца городища у хут. Городище. Селище распахивалось, его размеры определить не удалось. Собран подъемный материал и произведена шурфовка площадью в 8 кв. м недалеко от начала косогора, спускающегося в пойму р. Одринки. Культурный слой достигает 0,8 м. Он содержит значительное количество материала: обломки лепной керамики, остродонных амфор, иногда — миниатюрные сосудики, много костей домашних животных, кусков обожженной глины, маленькие глиняные кружочки в виде лепешек, глиняные грузила и др. Образцы лепной керамики представлены на рисунках (рис. 16, *2* — баночный сосуд; рис. 18, *10* — чашка; рис. 18, *12, 13* — миниатюрные сосудики; рис. 20, *8* — глиняное грузильце; рис. 7. *24* — каменный пест, взятый в качестве подъемного материала; рис. 20, *4* — глиняная лепешка). Кроме того, в 1954 г. был собран дополнительно подъемный материал, в том числе пряслица (рис. 7, *8, 12*).

Селище одновременно городищу у хут. Городище.

Селище 2 расположено на высоком левом берегу Одринки, 2 км к востоку от с. Огульцы, в так называемом Дерковском урочище. Здесь находится усадьба колхозника Матвея Кривеженко. На селище и по соседству имеется значительная группа курганов. Во время работы отряда селище было занято посевами озимой культуры, поэтому площадь, занимаемую селищем, определить не удалось. На нем был собран подъемный материал, обычный для скифского времени, и заложен шурф площадью 16 кв. м, в 50 м к югу от дома колхозника Кривеженко, на маленьком участке, свободном от посевов. Культурный слой достигал толщины 0,7 м. Керамический и другой материал в значительном количестве был встречен уже в первом штыке. Так, в первом штыке были найдены два глиняных пряслица, 114 обломков лепной керамики и четыре куска обожженной глины. Во втором штыке были обнаружены одно глиняное пряслице, 164 обломка лепной керамики, более 50 костей животных и др. Ниже количество вещей уменьшилось. Следовательно, культурный слой этого селища насыщен достаточно сильно.

Селище 3 находилось на приусадебном участке колхозника с. Огульцы Кривеженко Александра Дмитриевича. Его дочь, работавшая в отряде экспедиции в качестве землекопа, принесла глиняное пряслице, найденное на своем огороде. Осмотр приусадебного участка этого колхозника привел к обнаружению

нового селища. К сожалению, его нельзя было исследовать шурфовкой. Но осмотр позволил найти дополнительный материал, в том числе одно глиняное биконическое пряслице и несколько обломков стенок и днищ лепного сосуда, датирующих поселение временем городища.

Городище у Чернецкого Яра стало известно отряду из сообщения колхозника хут. Городище Бубыря Павла Васильевича, который и показал его нам. Городище находится в 4 км к востоку от хут. Городище. Оно расположено на небольшом мысу, с запада, севера и юга окружено глубокими лощинами, а с восточной стороны примыкает к постепенно спускающемуся в сторону мыса плато. Все городище и окружающая местность заросли густым лиственным лесом. С южной, западной и северной сторон вал и ров усиливались частичным эскарпированием склона; с восточной напольной стороны и на большей части северной и западной был выкопан ров, а земля использована для постройки вала. Нивелировка рва и вала с восточной стороны дали высоту вала от дна рва 1,8 м. Южный участок вала возвышается над дном рва на 2,65 м. Городище имеет почти круглую форму, диаметр его с востока на запад составляет приблизительно 112 м, с юга на север — около 105 м. Следовательно, его площадь достигает около 1,2 га.

Для исследования культурного слоя городища было заложено два небольших шурфа.

Первый шурф площадью в 16 кв. м был заложен в восточной половине городища на дорожке, пересекающей городище с запада на восток, в 50 шагах от восточного вала и в 100 шагах от западного — на небольшой площадке. Культурный слой достигает 0,5 м, дно его подстилает грунтовая красная глина, которая появилась в третьем штыке на глубине 0,55 м. При раскопках были найдены: половина глиняного пряслица и 59 обломков лепных сосудов.

Второй шурф площадью 8 кв. м заложен также на свободной от леса площадке и ближе к концу мыса на расстоянии 31 шага от дна рва с западной стороны и в 65 шагах от шурфа первого. Шурф до глубины 0,5 м никаких находок не дал.

Таким образом, культурный слой на городище слабо насыщен находками. Судя по керамическому материалу, городище было более древним, чем городище у хут. Городище.

Раскопки курганов. При обследовании курганных могильников в районе с. Огульцы было выявлено несколько курганных групп, расположенных в окрестностях сел Огульцы и Черемушны.

Кроме указанной выше курганной группы, на селище 2 была обследована группа курганов в 1,5—2 км к северо-западу от с. Черемушны или у шоссе Харьков — Валки, около 46-верстового столба. Здесь имеется значительное количество курганов, подвергающихся систематическому распахиванию. Многие из них заметны уже только по желтым пятнам. Самый большой курган не более 2 м высотой. Здесь в 1953 г. было раскопано два кургана, давших одно погребение скифского времени (курган 1) и семь погребений эпохи поздней бронзы (курган 2) с керамикой баночного типа. Результаты этих раскопок опубликованы в Кратких сообщениях ИА АН СССР [307], и описывать их здесь нет необходимости.

[307] П. Д. Либеров. Курганы у с. Черемушны.

Приложение 2

Раскопки курганов у с. Черемушны в 1954 г.

В 1954 г. основной задачей Харьковского отряда Скифской экспедиции было исследование курганов во второй курганной группе у с. Черемушны Валковского района Харьковской области [308]. Могильник состоит из 150 курганов, расположен на высоком левом берегу р. Черемушны, притоке р. Мож, напротив большого пруда у с. Черемушны. Основная часть курганов, часто еле заметных, находится на пригорке, спускающемся к речке, и только немногие из них находятся на плато. Здесь было раскопано девять курганов.

Курган 1, высотой до 1,2 м, диаметром 30—32 м, распахивался, окружен еле заметным рвом и к моменту раскопок имел вид лепешки. В центре кургана, главным образом в юго-западной стороне, было большое золистое пятно со значительным количеством обломков лепной керамики (рис. 22).

По пятну трудно было предположить, что курган окажется зольником, так как на всем курганном поле зольники ранее не были обнаружены. В ходе раскопок этого кургана-зольника было найдено много керамического материала, отдельных бытовых вещей и костей животных. Для общей характеристики найденного материала в зольнике мы прилагаем таблицу 4. Рассмотрение всех найденных вещей даем по глубине их залегания на этой площади кургана, независимо от потраншейного исследования насыпи.

Штык 1. Глубина 0.2 м. В нем найдены: один железный ножичек, один бронзовый наконечник стрелы трехлопастной формы с маловыступающей втулкой (рис. 4, *20*), восемь глиняных пряслиц конусовидной (один экземпляр), конусовидно-усеченной (два экземпляра), шарообразной (два экземпляра) и биконической (один экземпляр) формы; из керамического материала найдено: одна амфорная ножка в обломках, 29 обломков венчиков, 268 стенок и 26 обломков днищ лепной керамики. Среди них оказалось два обломка лощеной керамики; кроме этого, найдено 23 обломка костей животных, несколько кусков обожженной глины и камней.

В штыке 2, глубиной 0,4 м, найдено более 15 вещей. Среди них имеются два железных серпа (один — в виде обломка, рис. 9, *1, 2*), бронзовая (рис. 10, *1*) и железная (рис. 10, *6*) булавки, железный нож, два бронзовых трехлопастных наконечника стрел с длинными втулками (один с шипом — рис. 4, *5, 8*) и десять глиняных пряслиц. Из них оказалось пять пряслиц конусовидно-усеченной формы, два — цилиндрической, одно — биконической и одно — шарообразной. Кроме этого, найдена глиняная бусина грубой работы (рис. 11, *6*), 73 куска обожженной глины, три облом-

[308] В раскопках, кроме автора, участвовали лаборанты: П. Ф. Пащенко, В. А. Диденко, Г. И. Сольц и Р. А. Григорьева, являвшиеся студентами московских институтов.

Таблица 3

Находки из раскопок городища у хут. Городище

Штык	Обломки амфор	Обломки круговой керамики	Обломки лепной керамики	Пряслица	Глиняные изделия	Куски обожженной глины	Бронзовые изделия	Железные изделия	Бусы	Костяные изделия	Пращевые камни	Точильные камни	Прочие каменные изделия	Кости животных
Раскоп I (квадраты 1—16 а, б, в, г и А, Б)														
1	136	5	2112	3	4	100	2	2	1	1	2	—	153	127
2	905	3	3901	18	8	531	1	2	1	2	5	2	191	1160
3	216	—	834	8	4	129	1	—	—	—	1	1	21	491
Ямы	27	4	1039	3	8	118	—	2	—	—	1	—	11	219
Всего	1284	12	7886	32	24	878	4	6	2	3	9	3	376	1997
Раскоп I (квадраты 17—24 а, б)														
1	7	—	402	3	—	43	—	—	—	—	—	—	14	26
2	29	—	771	7	6	144	2	1	—	—	2	—	40	259
3	13	—	619	7	10	172	2	1	—	1	—	—	30	223
4	1	—	403	4	6	108	—	2	—	1	—	—	27	112
5	—	—	257	2	8	97	1	—	—	1	1	—	15	26
6	2	1	191	—	1	52	—	—	—	—	—	—	9	25
7	1	—	88	1	—	28	—	—	1	—	—	—	1	7
8	1	—	34	—	—	7	—	—	—	—	—	—	2	11
9	—	—	3	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	3
Всего	54	1	2768	24	31	656	5	4	1	3	3	—	138	692
Раскоп II														
1	2	—	98	2	—	—	—	1	—	—	—	—	1	7
2	16	2	1631	7	23	64	4	—	1	—	—	—	71	531
3	14	—	818	3	5	28	2	—	—	—	—	4	30	612
Ямы	1	—	99	1	—	4	—	—	—	—	—	—	3	179
Всего	33	2	2646	13	28	96	6	1	1	—	—	4	105	1329

ка глиняных конусов, три обломка каких-то других глиняных предметов, пять точильных камней и 217 мелких камней. Количество керамики увеличилось во много раз: 223 венчика, 2281 обломок стенок и 207 обломков днищ лепных сосудов. Среди них оказалось шесть обломков лощеной керамики. Число обломков костей животных увеличилось до 303.

В штыке 3, глубиной до 0,60 м, найдено до 20 отдельных находок. Среди них имеются два железных псалия чертомлыцкого типа (рис. 8, *4, 5*), один бронзовый наконечник стрелы трехлопастной формы с шипом (рис. 4, *9*), один костяной наконечник стрелы пулевидной формы (рис. 4, *11*) и 12 глиняных пряслиц.

Два пряслица конусовидной формы, три — конусовидно-усеченной, три — шарообразно-сферической, два — биконической, одно из них имеет резной орнамент, заполненный белой пастой (рис. 7, *1*) и одно шарообразное с усеченными основаниями с двух сторон. Из других поделок имеется спиральная пластинчатая бронзовая привеска (?) (рис. 10, *18*) длиной 4,4 см, диаметром 3—4 мм, точильный брусок из местного песчаника (рис. 7, *28*), белая бусина из окаменелости, имеющая коническую форму, с углубленным орнаментом на покатой поверхности (рис. 11, *9*) [309], и клык животного с обломавшимся отверстием на одном конце (рис. 10, *17*). Количество обломков лепной керамики значительно увеличилось даже по сравнению со штыком 2. Венчиков оказалось 408, стенок — 2620, днищ — 294. Среди них имеется семь обломков лощеной керамики. Найдены также три обломка остродонных амфор и другие предметы из глины: 13 обломков от конусов, 123 куска обожженной глины. Кроме того, встречены точильные камни, 364 мелких камня, кусочки мела и ракушка «каури» (рис. 11, *12*). Во II и III траншеях юго-восточного сектора были разбросаны кости лошади, принадле-

[309] Такие бусы встречены в Гулькинском могильнике на р. Каме. См. МИА, № 42, 1954, стр. 251, рис. 4, 5.

жавшие двум особям, и обломки ручек и стенок остродонной амфоры (см. план).

В штыке до глубины 0,80 м найдено также около 20 отдельных находок и много другого массового материала.

Среди отдельных находок имеются: один бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с длинной втулкой и шипом (рис. 4, *6*), один костяной наконечник стрелы пулевидной формы (рис. 4, *13*), одна пара железных удил (рис. 8, *1*) в пределах расположения костей лошади, две глиняных бусины (рис. 11, *7*), три стеклянных бусины (рис. 11, *8, 9, 13*), одно глиняное грузило, рог косули, 13 обломков глиняных конусов уплощенной формы (рис. 20, *3*) и 11 глиняных пряслиц: два — конусовидной формы (рис. 7, *11*), два — конусовидно-усеченной (рис. 7, *14*), одно — шарообразно-сферической, два биконической (рис. 7, *6, 17*) и одно — костяное, плоское (рис. 7, *22*).

Кроме этого, найдено пять точильных камней, куски мела, 93 куска обожженной глины и 253 мелких камня.

Количество керамики значительно уменьшилось. Найдено 264 обломка венчиков, 1670 обломков стенок и 183 обломка днищ лепной керамики. Среди них имеется четыре обломка лощеной керамики. Найдено также три обломка остродонных амфор и 469 обломков костей животных.

В штыке 5 до глубины 1 м количество находок уменьшилось. Найдены: один бронзовый трехлопастный наконечник стрелы чертомлыцкого типа (рис. 4, *19*), бронзовая биконической формы привеска-серьга с проволочным ушком длиной 2,7 см (рис. 10, *19*), бронзовая булавка с отломанной шляпкой (обломок булавки достигает 8,5 см, посредине имеются пять кольцеобразных обхватов, рис. 10, *3*) и три глиняных пряслица — конусовидной (1) и шарообразно-сферической формы (2). Значительно уменьшилось количество керамики и других предметов. Лепная керамика уменьшилась до 785 обломков: венчиков 111, стенок 583, днищ 91, лощеной — только два обломка. Костей животных 283 обломка, 11 кусков обожженной глины, шесть обломков конусов, два обломка точильного камня и 138 мелких камней. Штык 5 по существу был последним штыком с зольными остатками. Под ним идет древний черноземный слой.

В штыке 6 до глубины 1,2 м находки резко сократились. В нем найдено три бронзовых наконечника стрелы двухлопастной формы с внутренней втулкой (рис. 4, *10*) и трехлопастной с коротко выступающей втулкой (рис. 10, 15, 18). Все они найдены в пределах центра в VI—VII траншеях северной половины кургана (находки № 59, 58, 62). Найден также один железный псалий с двумя отверстиями (рис. 8, *3*), одна бронзовая и одна железная булавки (рис. 10, *4, 5*). Бронзовая булавка сделана из четырехгранного прута и имеет большую и плоскую шляпку; нижний конец ее обломан. Сохранившаяся часть булавки имеет длину 10 см. Железная булавка длиной 12,5 см аналогична булавке из штыка 2. Оригинальность этих булавок заключается в оформлении верхнего конца. Головка булавки состоит из кольца, обернутого вокруг стержня. Верхняя ее часть до одной трети общей длины перевита в виде спирали, образованной из четырехгранного прута, и посредине булавка отделена от остальной нижней круглой части стержня кольцом. В этом штыке найдена крупная пастовая бусина, украшенная белыми пятнами с черными крапинками до семи штук в каждом пятне (рис. 11, *1*), и глиняная бусина. Большой интерес представляет глиняный игрушечный бочонок с отверстием в боковой части. Заделка одного конца этого бочонка отвалилась, и в середине его — пустота (рис. 20, *9*). Найдено также пряслице шарообразной формы, два кусочка мела, 13 кусков обожженной глины и 39 мелких камней. Количество лепной керамики уменьшилось до 200 с небольшим обломков — 27 обломков венчиков, 184 — стенок и 23 днища. Найдено 88 обломков костей животных.

В штыке 7 до глубины 1,45 м найдены только одна глиняная бусина (рис. 11, *11*), 30 обломков лепной керамики и восемь камней.

Кроме этого, обнаружены дополнительно находки в выброшенной земле и в бровках кургана. В первом случае найден один костяной наконечник стрелы (рис. 4, *12*), во втором — в южной бровке найдены половина железных удил (рис. 8, *2*), обрезок бронзового прута (рис. 10, *8*) и глиняная пустотелая шарообразная игрушка в качестве погремушки с шумящим камешком в середине (рис. 20, *6*).

При исследовании насыпи кургана в центре на глубине 1,15 м от вершины кургана было совершено погребение средневековой эпохи. Человеческие кости из ямы были выброшены. В северо-восточном секторе были обнаружены неглубокие грунтовые ямы.

Могильная яма 1 на глубине 1 м (штык 5) имела округло-овальную форму длиной с востока на запад 2,75 м, шириной с севера на юг 1,5 м. На глубине 1,20 м (штык 6) ее длина уменьшилась до 1,8 м, а ширина оставалась прежней. При зачистке ямы оказалось, что восточная и южная стенки были покатыми, а северная и западная — отвесными. При этом восточная стенка с глубины 0,5 м от края ямы к западу переходила в покатое дно, достигнув глубины под западной стенкой 0,9 м. Здесь было обнаружено входное отверстие в подбой высотой 0,4 м, шириной 1 м (рис. 22). В засыпке ямы сверху найдено девять обломков стенок лепных сосудов, среди которых были обломки сосуда типа дуршлага, и восемь обломков костей животных, попавших сюда явно из культурного слоя зольника при засыпке. В подбое ничего не оказалось. К северо-западу от этой ямы была обнаружена вторая могила. Стенки могилы сохранились только с северной и отчасти западной сторон, ориентированных по длине на ЮЗЗ — СВВ, глубина до 0,6 м. К востоку и югу вплоть до восточной бровки на глубине штыка 6 (1,2 м) могила представляла из себя большое бесформенное сероватое пятно. В могиле были найдены в совершенном беспорядке кости двух скелетов. При исследовании их около северной стенки обнаружены три человеческих лопатки. Две из них принадлежали одному покойнику, третья — второму. По-видимому, покойники были ориентированы головой на СВВ (по ориентировке могилы). Возможно, что здесь было две разновременных могильных ямы, разрушенных при ограблении. В пределах расположения костей первого костяка были найдены: глиняное пряслице, один бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с короткой втулкой (рис. 4, *16*) и несколько обломков лепной керамики. К югу от этого погребения найден еще один двухлопастный наконечник стрелы с шипом (рис. 4, *7*). Около костей второго костяка найден один бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 4, *17*), подобный первому, один обломок венчика и 12 обломков стенок лепного сосуда. По-видимому, все эти вещи могли попасть из культурного слоя зольника при засыпке ям. Это подчеркивается различием типов наконечников стрел.

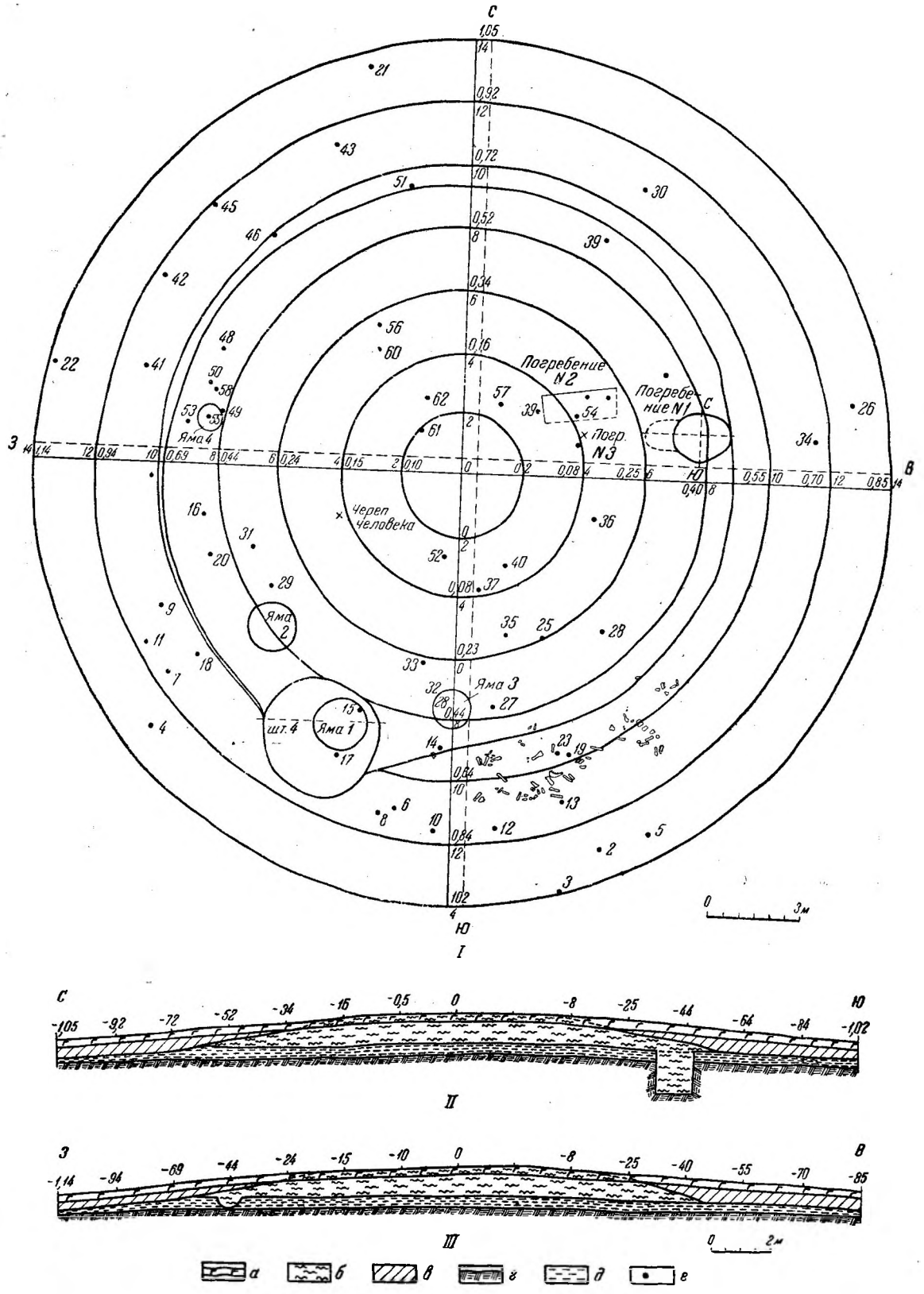

Рис. 22. Курган 1 у с. Черемушны:

I — план; *II* — профиль С — Ю; *III* — профиль З — В; *а* — распаханный слой; *б* — зола; *в* — чернозем; *г* — желтый грунт; *д* — коричневая глина; *е* — находки в кургане

Таблица 4

Материал, найденный в кургане-зольнике 1 у с. Черемушны в 1954 г.

№ п/п	Наименование находок	Распределение по штыки							Всего
		1	2	3	4	5	6	7	
1	Амфорная ножка	1							1
2	Обломки амфор	—	1	3	3				7
3	Венчики лепных сосудов	29	223	408	264	111	27		1062
4	Днища лепных сосудов	26	207	204	183	91	23	30	764
5	Стенки лепных сосудов	268	2281	2620	1670	583	184		7606
6	Лощеная керамика	2	6	7	4	2			21
7	Пряслица	8	10	12	11	3	3		47
8	Обломки глиняных сосудов		3	13	13	6			35
9	Глиняные изделия	1	3				1		5
10	Бронзовые наконечники стрел	1	2	1	1	1	3		9
11	Костяные наконечники стрел			1	1				2
12	Железный нож	1	1						2
13	Железный серп		2						2
14	Бронзовые булавки		1			1	1		3
15	Железные булавки		1				1		2
16	Железные удила				1				1
17	Железные псалии			2			1		3
18	Украшение из зуба животного			1					1
19	Точильный камень		5	1	5	2			13
20	Грузило				1				1
21	Бусы		1	1	5		2	1	10
22	Бронзовое украшение			1		1			2
23	Бронзовая проволока								
24	Раковина «Каури»			1					1
25	Кости животных	23	303	477	469	243	88		1603
26	Камни		217	364	253	133	39	8	1014
27	Обожженная глина		73	123	93	11	13		313

Кроме того, в грунте обнаружено четыре ямы.

В юго-западном секторе во II—III траншеях, уже в штыке 4, на глубине 0,7 м от поверхности кургана, под золистым слоем появилась большая круглая яма 1 диаметром 3,6—3,8 м. Она углублена в грунт на 0,2 м. В северо-восточной части этой неглубокой ямы была сооружена вторая круглая яма диаметром 1,8 м, глубиной 1,05 м, стенки ее расширены кверху (см. план ямы, рис. 22). Яма была заполнена землей с примесью золы и различными предметами. Найдены четыре бронзовых булавки длиной до 15—17 см с конусовидной головкой и кольцевидными перехватами в верхней половине стержня (рис. 10, *2*). Все булавки лежали вместе как бы в одном пучке в верхнем слое восточной половины ямы: 45 обломков венчиков, 314 стенок и 23 обломка днищ лепного сосуда; 153 обломка костей животных, 7 кусков конусовидного предмета из глины и 29 мелких камней. К северо-западу от этой ямы, на расстоянии 2,25 м, на границе III и IV траншей, на глубине 1,35 м была обнаружена вторая яма диаметром 1,5 м, глубиной 1,6 м. Яма внизу несколько расширялась до 1,6 м.

При выборке золистой засыпки ямы найдено: 27 обломков венчиков, 101 стенка и девять обломков днищ лепного сосуда, 16 обломков костей животных, один кусок обожженной глины, 11 камней, в том числе один точильный. Яма 3 находилась в пределах южной бровки в IV траншее, на расстоянии 7,7 м к югу от центра кургана к СВВ от ямы 1. Диаметр ее достигал 1,3 м, глубина — 1,9 м (см. план). Стенки были отвесные. В засыпке ямы также были встречены обломки лепной керамики, обломки глиняных конусов, костей животных и мелкие камни. И, наконец, яма 4 была обнаружена в северо-западном секторе под западной бровкой в III траншее (см. план на рис. 22). Она была обнаружена на глубине штыка 5 (1,0 м). На глубине 1,2 м она четко определилась в виде темного пятна диаметром 0,8—0,9 м. При выборке обычной засыпки в яме было найдено: в первом штыке — железная булавка (рис. 10, *5*) и ниже — один обломок венчика, четыре

обломка стенок лепного сосуда. На дне ямы лежали кости лошади и крупного рогатого скота — челюсти, копыта, позвонки. Яма углублялась в грунт до 0,9 м. Стенки у дна имели подбой, увеличивающий дно могильной ямы диаметром до 1,2 м.

Таким образом, исследование кургана-зольника показало, что это прежде всего зольник. Вместе с тем, мы называем его также и курганом на том основании, что он содержит погребения, в связи с которыми производилась досыпка с боков и сверху. Это видно хотя бы потому, что сам зольник находится в центре кургана и занимает лишь пять центральных траншей, вся остальная часть насыпи, расположенная ближе к полам, состоит из чернозема. Линза золистого слоя прекрасно видна и в профиле кургана (рис. 22, *2*). По-видимому, вершина кургана была прежде также засыпана черноземным слоем, который в ходе распахивания кургана был смещен вниз.

Второй особенностью этого кургана-зольника является то, что все ямы, в том числе центральная яма 1, сосредоточены в юго-западной части, тогда как погребения впущены в северо-восточную часть насыпи, и потому они возникли, по-видимому, позднее, чем зольник. В этом мы убеждаемся при анализе вещей в зольнике: ранних бронзовых и костяных наконечников стрел, остроребериых биконических пряслиц, бронзовых и железных булавок и др. Если даже допустить, что трехлопастные наконечники стрел, найденные около человеческих костей, принадлежат этим погребениям, а не попали сюда случайно при ограблении, то и в этом случае погребения могут быть отнесены не раньше чем к IV в. до н. э. С большой долей вероятности можно допустить, что двухлопастный бронзовый наконечник стрелы, найденный в яме между костями, попал сюда случайно.

По определению И. Б. Зеест, амфорный материал относится к IV—III вв. до н. э. (рис. 12, *10*). Насколько позволяют судить об этом бронзовые наконечники стрел, железные удила и псалии и обломок венчика остродонной амфоры, найденный в штыке 2 траншеи IV северо-западного сектора, зольник выполнял свои функции еще в IV—III вв. до н. э. В предварительном заключении в отчете за 1954 г. этот зольник был охарактеризован нами как какой-то жилой комплекс. В настоящей работе была высказана мысль о том, что это не обычный зольник, связанный с остатками жилого комплекса, а что-то другое. Здесь мы напомним, что наш зольник является единственным в могильнике, он был замечен по большому золистому пятну на вершине кургана еще до раскопок. Ни один курган этого могильника не дает таких внешних признаков. Остальные восемь курганов также не дали никаких признаков зольников. Самые ранние погребения, обнаруженные в курганах, по найденному в них материалу абсолютно синхронны зольнику. Следовательно, зольник имеет прямое отношение к могильнику и вместе с тем выглядит одиноко среди многих десятков курганов. Если это зольник, то не исключено наличие в нем жилого комплекса. Такой комплекс в зольниках встречается, но не всегда. Судя по ямам, в нем имеется какой-то комплекс, но мы не знаем, жилой ли он. Самая большая яма до ее уступа, как было сказано, имеет диаметр 3,6—3,8 м, т. е. площадь ее 10 кв. м. Большая и глубокая яма, вырытая в полу этого помещения, по-видимому, относится к нему же. Если учесть большое количество кусков обожженной глины, найденных в зольнике, то нельзя не согласиться с тем, что в нем было жилище какого-то легкого типа. Возможно ли при таком малом жилище, а следовательно и небольшой семье, столь большое накопление золы? Думаю, что нет. Поэтому вероятнее всего в нашем «жилище» и зольнике надо видеть особого рода памятник, связанный с совершением обряда захоронения. Однако сейчас еще рано в утвердительной форме решать этот вопрос.

О результатах раскопок других курганов (2—9) в этом могильнике дана достаточно полная информация в специальной статье, поэтому здесь нет надобности на них останавливаться[310].

Разведки поселений. В свободное от раскопок время отряд продолжал разведки поселений в окрестностях с. Черемушны, начатые еще в 1953 г.

Селище 4 в виде значительного количества курганообразных зольников находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Черемушны в урочище Кулево. Зольники расположены на высоком правом берегу р. Черемушны, близ большого леса. Это, как правило, сероватого цвета возвышенности, усеянные по поверхности битой лепной керамикой, костями животных, иногда пряслицами и др. В местах зольников нами была собрана лепная керамика, глиняные пряслица (рис. *7, 9, 21*) и пращевые камни.

Селище 5 находится на приусадебных участках в расположении с. Черемушны около магазина сельпо и сельсовета.

Здесь, как и на поселении 4, имеется ряд зольников и, вероятно, курганов. На зольниках встречается много лепной керамики, пряслиц, костей животных. Найдена и лощеная керамика типа чашек (рис. 18, *4*).

[310] П. Д. Либеров. Новые материалы из курганов у села Черемушны. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 104.

А. Е. Алихова

ДРЕВНИЕ ГОРОДИЩА КУРСКОГО ПОСЕЙМЬЯ

Река Сейм с многочисленными притоками является основной водной артерией Курской области. Ее верховья близко подходят к истокам Псла и Оскола, а два правых притока — Свапа и Тускорь — берут начало близ верховьев Оки. Основная часть Курской области расположена в лесостепной полосе, северная граница которой проходит по Сейму и Свапе.

По берегам р. Сейма, на его притоках и в балках, расположены городища разного времени [1]. До недавнего времени они оставались совершенно неизученными, если не считать разведочных раскопок, проведенных на Ивановском городище, расположенном близ западной границы области [2], и на Щуклинском городище под Курском [3], а также сборов Д. Я. Самоквасова на Ратмановском городище [4].

В последние годы в связи с изучением вопросов славянского этногенеза городища Сейма снова привлекли внимание исследователей. В 1947 г. И. И. Ляпушкин обследовал все известные до того городища Сейма и открыл ряд новых [5]. Он установил, что в верховьях Сейма, восточнее реки Рать, городищ нет, а к западу от г. Рыльска они очень многочисленны. В пределах Курской области И. И. Ляпушкин обследовал шесть городищ.

Большое значение в изучении городищ скифского времени имели разведки, проведенные в том же году в Путивльском районе Сумской области [6], и раскопки на Ширяевском городище [7], впервые давшие вполне датированный материал.

Начиная с 1947 г. Институт археологии совместно с Курским краеведческим музеем проводят раскопки древних городищ в бассейне р. Сейма, а также большие разведочные работы под руководством Ю. А. Липкинга. Последним открыт ряд новых памятников, главным образом, городищ, и составлена археологическая карта области [8].

В 1948 г. руководителем Деснинской экспедиции М. В. Воеводским были обследованы три ранее неизвестных городища — Кузина Гора, Александровское и

---

[1] Впервые обобщение сведений было сделано А. Дмитрюковым. А. Дмитрюков. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. «Труды курского статистического комитета», вып. I. Курск, 1863. См. также Н. Горожанский. Материалы для археологии России по губерниям и уездам. М., 1884, стр. 25—32.

[2] Сборник Харьковского историко-филологического бщества, т. XIX. Харьков, 1913, стр. 134, 135—149.

[3] Л. Н. Соловьев. Городища и стоянки окрестностей г. Курска. «Известия Курского краеведческого губернского общества». Курск, 1927, № 4.

[4] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 258.

[5] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного левобережья. СА, XII, 1950, стр. 41—65.

[6] Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльского району Сумськоі області. АП, т. III, 1952, стр. 242—250.

[7] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сейм. «Археологія», VIII. Київ, 1953, стр. 109—122.

[8] См. настоящий сборник, стр. 136.

Плаксинское, в которых последующими раскопками обнаружен хорошо датированный материал [9]. Той же экспедицией были начаты раскопки Липинского [10] и Щуклинского городищ [11], содержавших в нижних слоях материал раннего скифского времени. Раскопки Липинского городища продолжал в 1951 г. П. И. Засурцев, а Щуклинского городища в 1952—1953 гг.— Т. Н. Никольская [12]. Т. Н. Никольская, кроме того, провела раскопки на городище Лысая Гора и заложила шурф на Кудеяровой Горе. В этих работах получен материал как славянский, так и скифского времени.

Автор настоящей статьи приступил к систематическому изучению древних городищ бассейна р. Сейм в пределах Курской области в 1955 г. В результате обследования ряда пунктов были поставлены раскопки на Моисеевском городище, расположенном в северо-западной части области на р. Свапе, а затем на городище Кузина Гора на Сейме. Неожиданные открытия, сделанные на городище Кузина Гора, поставили перед исследователем задачу всестороннего изучения этого памятника. Поэтому основные работы были сосредоточены именно на городище Кузина Гора, на других памятниках большие раскопки не проводились.

В связи с изучением городища Кузина Гора встал вопрос об абсолютной и относительной хронологии отдельных комплексов, и возникла задача выявления сооружений, аналогичных кузиногорским. Для этого потребовались разведочные работы на ряде других городищ.

Древние городища, обычно небольшого размера, расположены на мысах высокого берега реки или оврага. С напольной стороны они защищены одним-двумя и изредка тремя валами, а иногда и небольшим валом со стороны мыса. Большинство из этих городищ в последующее время неоднократно заселялось и, очевидно, перестраивалось, поэтому трудно судить о первоначальном виде укреплений на них. Весьма вероятно, в начальный период жизни некоторые городища имели характер открытых поселков, защищенных лишь деревянными стенами.

Прослежено, что при устройстве городищ в некоторых случаях предварительно, по-видимому, проводилось выжигание всей растительности, покрывающей площадь, а затем — нивелировка площадки и выравнивание краев. Это явление прослежено нами на двух городищах — Плаксинском и Кудеяровой Горе, где обнаружен между культурным слоем и материком слой, мощностью около 1 м, состоящий из материковой породы, перемешанной с мелкими угольками.

При повторном заселении, как это наблюдалось на многих городищах Европейской части СССР, новые обитатели счищали накопившийся до них культурный слой к склону и засыпали слоем глины и реже песка. На Сейме, в более южных районах лесостепи, судя по Ширяевскому городищу, глину при этом обжигали [13]. Возможно, эта особенность типична для более южных городищ, поскольку подобное явление наблюдалось и под Киевом в Хотовском городище [14].

На некоторых курских городищах Посеймья в нижнем горизонте культурного слоя встречаются лишь отдельные скопления обожженной глины, не образующей, как это было на Ширяевском городище, сплошной площадки. На Моисеевском городище скопления глины расположены по всему краю городища, расчлененного в более позднее время на три части. Что представляли собою эти скопления обожженной глины, пока сказать трудно. Возможно, это и были глинобитные обожженные площадки, но разрушенные последующими обитателями городища.

На трех городищах удалось выявить остатки стен, расположенных по краю площадки. На Плаксинском городище это был частокол, о котором свидетельствует канава шириной 35 см. На Моисеевском сохранились в одном месте остатки обгорелых столбов.

Особенно четко выступала оборонительная система на городище Кузина Гора. Она состояла из двух стен частокольного типа, окружавших городище. От них сохранились

---

[9] Деснинская экспедиция. Отчет А. Е. Алиховой за 1948 г. Архив ИА АН СССР, д. 291, ч. II, 1948.

[10] П. И. Засурцев. Отчет за 1951 г. Архив ИА АН СССР, д. 927, 1951.

[11] О. Н. Мельниковская. Отчет. Архив ИА АН СССР, ф. 1, р. 1, д. 291, 1948.

[12] Т. Н. Никольская. Щуклинское городище. КСИИМК, 72, 1958, стр. 66.

[13] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу..., стр. 109—121.

[14] Є. Ф. Покровська. Хотівське городище. АП, т. IV, стр. 12—20.

лишь глубокие канавы, в которые были опущены концы вертикально поставленных бревен. Одна из этих стен тянулась по краю площадки, другая же — по склону, на расстоянии 8—9 м от первой (рис. 1). У въездов на городище, как со стороны поля, так и со стороны мыса, стены изгибались в сторону площадки, образуя своего рода ворота. На площадке городища по краю параллельно внутренней оборонительной стене были сооружены два узких (4—5 м) длинных дома, отделенные друг от друга лишь въездами. Площадка городища, судя по большому количеству столбовых ям, также была занята постройками наземного типа. От ворот по средней линии городища шел узкий проезд. Для всех обследованных городищ Курского Посеймья изучаемого времени было характерно отсутствие жилищ типа землянок или полуземлянок. Следовательно, господствующей формой были дома наземного типа. Однако судить об их размерах и планировке пока не представляется возможным.

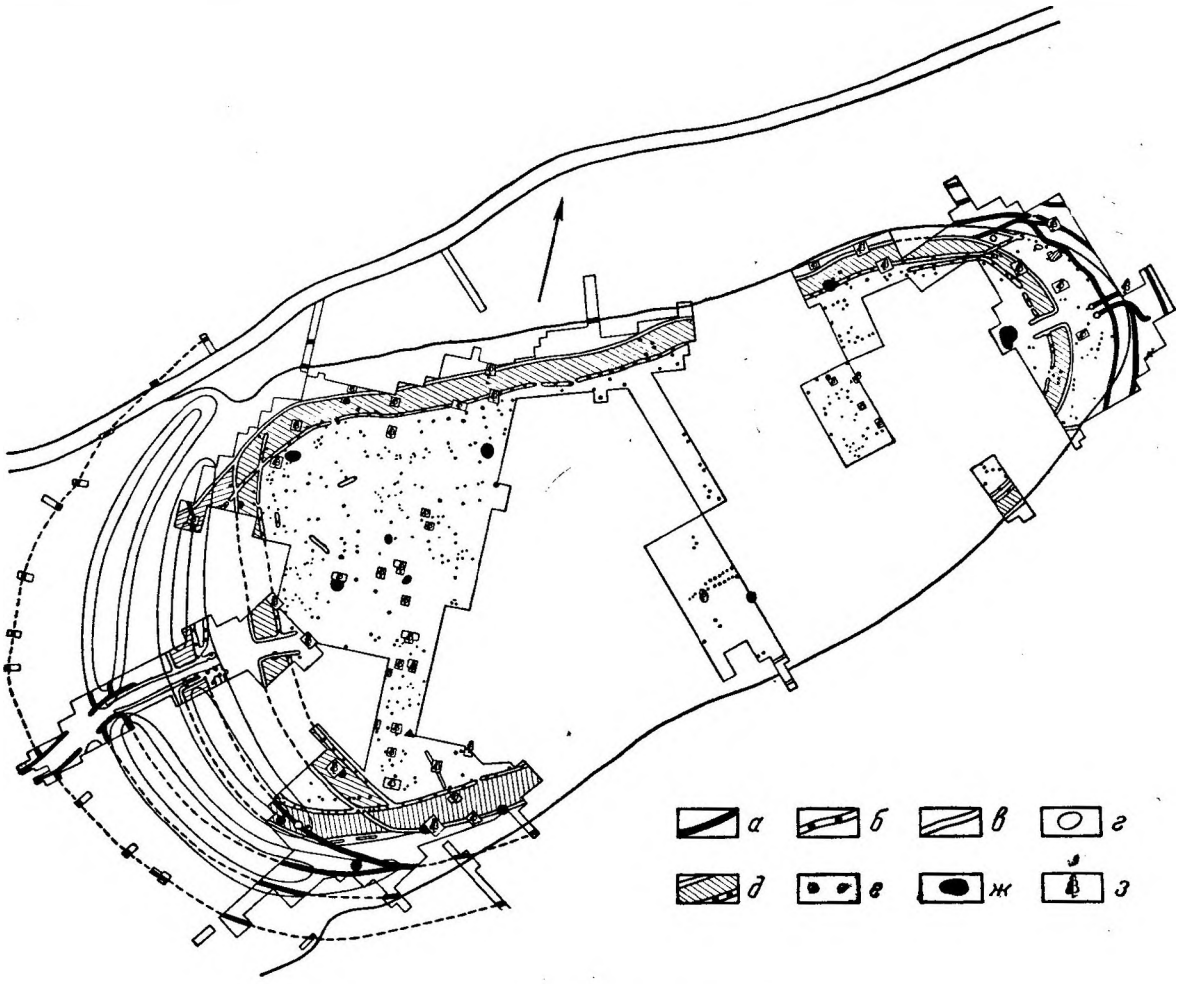

Рис. 1. План городища Кузина Гора:

а — канавы оборонительных стен; *б* — канавы внутренней стены дома; *в* — канавы внешней стены дома; *г* — канавки на площадке городища; *д* — дом; *е* — столбовые ямы; *ж* — ямы; *з* — невскрытые участки с деревьями

Культурный слой обычно покрывает неравномерно площадку городища. Чаще он заметно утолщается ближе к краю и иногда доходит здесь до 2 м (Кудеярова

Гора). В то же время известны городища с очень тонким слоем (Александровское городище и Кузина Гора). Культурный слой на некоторых городищах сильно насыщен золой (Моисеевское, Березуцкое). На других золистость слабее, но близ края городища в нем прослеживаются углистые прослойки и линзы обожженной глины (Плаксинское городище и Кудеярова Гора).

При обследовании ряда городищ Курского Посеймья было замечено, что на некоторых из них распространена более грубая керамика с примесью шамота в глине, а на других — гладкая, более тонкостенная, не содержащая каких-либо примесей в глине.

Стратиграфические наблюдения показали, что на двуслойных городищах гладкая керамика всегда залегает в верхнем культурном слое, а грубая — в нижнем. На некоторых городищах грубая керамика составляет ничтожный процент и встречается в качестве примеси к основному слою, но и в этом случае залегает в самом нижнем горизонте культурного слоя.

Грубая керамика по орнаменту и отчасти по форме сосудов неоднородна. Выделяются две основные группы.

Для группы сосудов с несколько отогнутым краем и изогнутой шейкой, плавно переходящей в низко опущенные плечи, характерен орнамент в виде проколов по шейке сосуда и защипов или насечек по его краю. По терминологии И. И. Ляпушкина — это керамика зольничной культуры [15].

Для второй группы керамики типичен орнамент, состоящий из разного рода ямок — круглых, неправильно-округлых, прямоугольных, нанесенных щепкой под углом к поверхности сосуда или таким же способом круглой палочкой, а иногда просто пальцем. Для этих сосудов характерна сравнительно слабая профилировка верхней части сосуда. Чаще всего шейка у них короткая и прямая, а плечи слабо выражены.

Встречаются и сосуды баночной формы. Близкие по форме и орнаменту сосуды типичны для Восточного Юхновского городища, расположенного на Десне у с. Юхнова, впервые раскопанного Д. Я. Самоквасовым [16] и в 1940 г. обследованного Деснинской экспедицией, руководимой М. В. Воеводским [17]. Сеймин ская керамика отличается от деснинской юхновской главным образом по характеру примеси. Для деснинских городищ характерна керамика, сделанная из глины с примесью дресвы и изредка песка. Для сеймин ской же керамики типична примесь шамота.

Эта группа керамики, судя по всему, представляет собой сеймин ский вариант керамики юхновской культуры. Так как наиболее четко она представлена на городище Кузина Гора, мы ее выделяем как керамику кузиногорского типа.

Встает вопрос, как распределяются эти две основные группы грубой керамики по территории Курского Посеймья и к какому времени они относятся?

Считается, что керамика с проколами на Левобережье Днепра не имеет генетических корней в керамике эпохи поздней бронзы. Этот тип орнаментации был характерен для предскифских памятников Правобережья. В эпоху раннего железа, по мнению ряда исследователей, этот тип орнамента наряду с другими был занесен на Левобережье, в бассейн Ворсклы. Что происходило в этот период в Посеймье, пока неизвестно. В литературе имеется лишь упоминание о находке на Сейме, около с. Волынцево, в урочище «Городок» нескольких фрагментов керамики, близких по ряду черт керамике Правобережья раннескифского времени [18].

В Курском Посеймье одним из наиболее ранних памятников с подобной керамикой является Липинское городище, расположенное на Сейме, примерно в 8 км от городища Кузина Гора. На этом, в основном славянском, городище П. И. Засурцевым был обнаружен комплекс раннескифских вещей. Здесь найден сосуд тюльпановидной формы, украшенный проколами по краю, бронзовые наконечники стрел — двухлопастные и трехлопастные с длинной втулкой и один из них с шипом, булавка с конической головкой, костяной псалий с двумя отверстиями. В основном этот комплекс датируется VI в. до н. э.

---

[15] И. И. Ляпушкин. Указ. соч.

[16] Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 109—111.

[17] А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у с. Юхнова. КСИИМК, 65, 1956, стр. 31—41; Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. «Труды ГИМ», вып. VIII. М., 1938.

[18] Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. «Археологія», XI. Київ, 1957, стр. 95—105.

Таблица 1

Распространение элементов орнамента на шейках сосудов с городищ Курского Посеймья и Восточного Юхновского городища

(без учета орнамента по краю) (в %)

Городища	Проколы	Жемчужины	Ямки				Без орнамента	Прочие
			круглые	нанесенные щепкой	нанесенные палочкой (тычковые)	пальцевые		
Плаксинское	19,8	43,7	12,7	3,2	4	0,8	15	0,8
Кудеярова Гора	36	26,3	10,2	4	7,2	—	16,3	—
Марица	65,6	25,8	—	—	—	—	8,6	
Кузина Гора	5,35	5,3	26,7	15,94	4,47	6,03	35,6	
Восточное Юхновское	—	1	—	15	10	15	36	23

Керамика с проколами в комплексе с керамикой, украшенной жемчужинами и разного рода ямками (кузиногорского типа), найдена на Плаксинском городище в слое, датированном трехлопастным наконечником стрелы с шипом на втулке. В более чистом виде керамический комплекс был встречен В. А. Ильинской на Ширяевском городище, верхний слой которого датируется V в. до н. э.[19] Этим же временем датируется слой на Кудеяровой Горе, расположенной на Сейме в Иванинском районе.

Таким образом, удается установить время бытования в Курском Посеймье керамики, орнаментированной проколами,— это VI—V вв. до н. э. Из этой серии памятников выпадает лишь Щуклинское городище. Т. Н. Никольская, исследовавшая этот памятник, датирует горизонт с керамикой, орнаментированной проколами, на основании находки пряслица из обломка красно-лакового сосуда I в. до н. э.[20] Однако весь керамический комплекс совпадает с кузиногорским и нижним слоями Плаксинского городища, имеющими четкую и неопровержимую датировку в пределах V в. до н. э.

Грубая керамика кузиногорского типа хорошо датируется всем комплексом вещей городища Кузина Гора V в. до н. э. Судя по материалам Ширяевского городища, в Посеймье она появляется несколько позже, чем керамика с проколами, и некоторое время сосуществует с ней. В. А. Ильинская отмечает, что для верхнего слоя этого городища более, чем для нижнего, характерна керамика второго и третьего типов, которые по форме близки кузиногорской. Таким образом, в Посеймье в V в. до н. э. встречаются два типа грубой керамики. Причем в западных районах Курской области и прилегающих районах Украинской ССР для городищ типична керамика с проколами. По мере же удаления на восток видное место начинает занимать керамика кузиногорского типа и с жемчужинами. Наглядное представление об орнаменте, характерном для керамики городищ Курского Посеймья, дает приводимая здесь таблица 1.

Из таблицы 1 видно все своеобразие керамики городища Кузина Гора. С одной стороны, выявляется большая близость с керамикой Восточного Юхновского городища, с другой стороны, наблюдается слабое влияние городищ западного Посеймья — керамика с проколами составляет ничтожный процент. В то же время кузиногорская керамика выделяется из всей серии приведенных городищ преобладанием круглоямочного орнамента на сосудах.

Из таблицы 1 также видно, что по мере продвижения на запад в керамике городищ преобладающим типом орнамента становятся проколы и реже — жемчужины. На Украине по Сейму, судя по материалам И. И. Ляпушкина и по находкам на Ширяевском городище, этот тип орнамента становится господствующим. Восточное влияние сказывается лишь в появлении на Ширяевском городище кузиногорских форм сосудов (второй и третий типы сосудов по В. А. Ильинской).

[19] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сейм, стр. 109—121.

[20] Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 66.

Поскольку одним из существенных признаков при определении этноса является керамика, можно высказать предположение, что в ранний скифский период в Посеймье проникли отдельные группы населения, имевшие керамику с проколами. Движение это шло с низовьев Сейма и далее вдоль северной границы лесостепи вплоть до бассейна верхней Оки.

Значительно сложнее решить вопрос о времени появления здесь городищ кузиногорского типа. Дело в том, что в северных частях Украинской ССР на рубеже эпохи бронзы и железа распространена бондарихинская культура, которую исследователи на основании сходства в орнаменте сосудов и в их форме ставят в один генетический ряд с юхновской культурой.

Однако сама юхновская культура еще слабо изучена, и памятники предшествующего ей периода ни на Десне, ни на Сейме неизвестны. Поэтому окончательно решать вопрос о том, было ли кузиногорское население пришлым или исконно жившим здесь, преждевременно.

По тем материалам, которые имеются в нашем распоряжении, складывается впечатление, что в V в. до н. э. кузиногорские племена проникают в Посеймье. Но было ли это их появление первичным или вторичным, сказать пока трудно. Проще ответить на другой вопрос, как долго бытовала керамика кузиногорского типа на Сейме?

Рядом с городищем Кузина Гора в одном и том же урочище расположено маленькое городище Александровское с очень небольшим, но хорошо датированным комплексом IV в. до н. э.

Здесь встречена керамика совершенно другого типа. Это тонкостенные гладкие сосуды, сделанные из глины без примесей. Орнамент на большей части отсутствует. Изредка встречаются лишь насечки или ямки по обрезу сосуда. Подобная керамика известна на ряде городищ. Мы ее назвали керамикой александровского типа в отличие от такой же по глиняному тесту и форме керамики, но орнаментированной. Последняя характерна для Плаксинского городища. По орнаменту и форме она близка юхновской керамике Десны и верхней Оки, но отличается от нее отсутствием примесей в глине. Поэтому мы ее назвали керамикой плаксинского типа.

Оба описанных типа гладкой керамики в отличие от грубой мы называем здесь юхновской.

Распространение в Посеймье двух типов гладкой керамики с орнаментом и без орнамента, возможно, связано с проникновением в Посеймье юхновских племен из разных областей. Как показало обследование Л. В. Артишевской более северных районов Десны, здесь в VI в. до н. э. была распространена неорнаментированная керамика [21]. В более южных районах в V в. до н. э. типична орнаментированная керамика.

Главным отличием сейминской керамики как грубой, так и гладкой от юхновской деснинской является состав глиняного теста [22]. Мы склонны объяснить это иным петрографическим составом обоих районов. Дело в том, что бассейн Курского Посеймья не входил в состав оледенения, за исключением крайнего запада, и коренные породы здесь состоят из мергеля и мела. Поэтому вполне естественно, что при отсутствии пород, применявшихся для изготовления дресвы, ее либо заменяли шамотом, либо вообще отказывались от применения дресвы при изготовлении сосудов.

Краткое рассмотрение материалов Курского Посеймья показывает, что выдвинутый И. И. Ляпушкиным тезис о продвижении в IV—II вв. до н. э. племен «зольничной культуры» из более южных районов в Посеймье не подтверждается. Керамика так называемого зольничного типа была распространена на Сейме значительно раньше. Наиболее ранние материалы обнаружены на Липинском городище. Очевидно, примерно к тому же времени относится и нижний слой Ширяевского городища, прикрытый сверху слоем V в. до н. э. В V в. в Курское Посеймье начинают проникать отдельные племена юхновской культуры, которые в IV в. до н. э. занимают здесь господствующее положение. На основании обширного материала, полученного при раскопках городища Кузина Гора, создается ясная картина о производственной и хозяйственной деятельности населения Курского Посеймья в V в. до н. э.

---

[21] Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, стр. 84—89.

[22] М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—74; В. П. Левенок. Городища Юхновской культуры. КСИА АН УССР, вып. 7, Киев, 1957, стр. 49—58.

Основным занятием населения было земледелие. О возделываемых здесь культурах мы не имеем пока сведений. Обнаружен лишь один отпечаток зерна ячменя на обломке рогатого кирпича. Однако на развитие земледелия указывают многочисленные находки зернотерок, из которых две сохранились полностью. Также обращает на себя внимание сравнительно большое разнообразие форм серпов.

Судить в полной мере о развитии скотоводства нам значительно труднее, так как основной объект исследования — Кузина Гора — дал крайне ограниченное количество костного материала (табл. 2).

Таблица 2

Состав костных остатков

Виды	Кузина Гора	Плаксинское городище
Лошадь	347/26*	196/16
Крупный рогатый скот	441/30	153/17
Мелкий рогатый скот	19/6	44/11
Свинья	81/17	78/20
Лось	152/19	14/3
Кабан	73/13	14/3
Косуля	11/5	4/2
Медведь	27/9	3/2
Собака	1/1	15/5
Лисица	—	1/1
Бобр	44/14	7/4
Выдра	—	2/2

* В числителе указано количество костей, в знаменателе — количество особей.

Хотя приведенные материалы и недостаточны для окончательных выводов, однако они показывают, что наряду с развитым скотоводством заметное место занимала охота на крупных животных. Рыболовство же, судя по отсутствию находок костей в раннюю пору, как видно, играло малую роль. Оно получило развитие лишь с приходом юхновских племен, о чем свидетельствуют крупные яйцевидной формы грузила. Здесь также распространены другого типа предметы, которые часто объединяют в одну группу с грузилами или блоками, как называют одни и те же предметы различные исследователи. Это — крупные массивные предметы в виде пышки, плоские снизу, с крупными глубокими ямками наверху, сделанными, по-видимому, пальцем. Об их назначении судить трудно. Во всяком случае их нельзя объединять с грузилами. Эти предметы, как правило, встречаются в слоях с грубой керамикой и являются хорошим датирующим материалом.

Производственная деятельность местного населения в V в. до н. э. стояла на довольно высоком уровне. Изделия из кости составляли незначительный процент находок. Это преимущественно острия и ручки от ножей. Основной производственный и бытовой инвентарь был сделан из железа. Сюда относятся тесла, зубила, серпы и разнообразной формы ножи. Возможно, местного производства были также псалии и панцири.

Местной особенностью является изготовление из железа браслетов и перстней, а также наконечников стрел.

О развитии бронзолитейного дела свидетельствуют неоднократные находки литейных форм. Но этот металл, очевидно, здесь представлял большую ценность и из него изготовляли лишь привески, бляшки и, возможно, браслеты.

Все металлические вещи, за исключением железных стрел, изготовлялись по образцам, широко распространенным в скифской лесостепи.

Наряду с этими вещами встречается ряд предметов, например, привески, булавки, тесло и другие, которые имеют близкие параллели среди находок Северного Кавказа.

Влияние скифской культуры также прослеживается и в строительной технике. Некоторые предметы, возможно, были привозными из более южных районов. В этом отношении большой интерес представляют находки двух акинаков из Курской области, хранящиеся в Курском краеведческом музее [23]. Прослеживаются ранние связи и с более отдаленным, греческим миром. На городище Кузина Гора найдены обломки ионийских амфор VI в. до н. э., а также фрагменты чернофигурного килика, датируемого по определению В. Д. Блаватского [24] концом VI — началом V в. до н. э.

Полученный с городищ Посеймья материал позволяет говорить о том, что в ранний период (VI—V вв. до н. э.) население

[23] См. статью Р. Ф. Ворониной в настоящем сборнике.

[24] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность В. Д. Блаватскому за проделанную работу.

Посеймья входило в сферу скифского влияния. Этот период, как отмечено рядом исследователей, был временем наиболее тесного контакта скифских племен с населением лесостепи.

Начиная с V в. до н. э. в Курском Посеймье расселяются юхновские племена. Как долго они здесь жили, мы пока ответить не можем. По мнению П. Н. Третьякова, их сменили племена зарубинецкой культуры.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДИЩ И АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Городище Кузина гора

Городище расположено на правом берегу р. Сейм между хут. Александровским Иванинского района и дер. Сорокино Ленинского района. Оно занимает восточный мыс выдавшейся к реке лесистой части плато, носящего название «Кузина Гора». Один склон городища довольно круто спускается к нешироkой надпойменной террасе. Склон с противоположной стороны более пологий, переходящий в старый широкий овраг. Часть склона с этой стороны отсечена глубокой выемкой, возможно, позднейшим рвом, по которому в настоящее время проходит дорога. С напольной стороны городище защищено двумя валами и неглубокими рвами (рис. 2). Въезд на городище был посредине. В этом месте валы и рвы отсутствовали.

Впервые городище было обнаружено и обследовано М. В. Воеводским и А. Е. Алиховой в 1948 г. В 1955 г. экспедицией Института археологии Академии наук СССР совместно с Курским краеведческим музеем, под руководством А. Е. Алиховой, были начаты систематические раскопки, которые продолжаются до настоящего времени[25].

В первый же год раскопок выявилось своеобразие этого памятника. Оно заключалось в оригинальной планировке построек и оборонительных стен, окружающих площадку.

Городище расположено в лесу, который был посажен местными крестьянами больше 50 лет назад. До этого оно распахивалось. Культурный слой тонкий (до 30 см) и не отличается от подстилающего его чернозема.

Судя по размещению индивидуальных находок и выкидов из канав, дневная поверхность периода строительства городища была расположена на уровне 20—40 см от современной. Тонкий культурный слой ограничивается пределами площадки городища и не распространяется дальше внешних стен построек, иначе говоря — не спускается на склон.

О некогда бывших на городище постройках и оборонительных стенах свидетельствуют канавы шириной в 35—40 см и глубиной, местами доходящей до 1 м, заполненные перемешанным слоем и мелкими угольками (рис. 2). Последние, очевидно, остались от нижних обугленных концов бревен стен.

Первоначально городище не имело ни валов, ни рвов, а было окружено мощной системой деревянных укреплений, в числе которых были также и постройки. Последние представляли собой два длинных дома (шириной в 4 м), окружавшие всю площадку городища и отделенные один от другого лишь въездами на городище как с напольной стороны, так и со стороны мыса (рис. 3, *1*). Эти постройки были окружены по склонам двумя стенами частокольного типа, удвоенными со стороны поля и мыса.

Оборонительные стены и внешние стены построек, как указано выше, были построены из бревен, поставленных вертикально в узкие канавы, вырытые глубоко в мергеле.

Внутренние стены домов устроены несколько иначе. Канавы для них менее глубокие, но, очевидно, для большей устойчивости стен, примерно через каждые 2 м, были поставлены столбы, опущенные в глубокие ямки, вырытые на дне канавы. В этой стене, судя по узким (до 40 см) перерывам канав (рис. 3, *1*), было несколько входов в помещение. В их устройстве прослеживается одна закономерность, а именно — с одной стороны входа стена начиналась со столба, который, очевидно, служил для укрепления двери. В то же время с другой стороны его не было. Это заставляет предположить, что и внутренняя стена была сделана по типу частокола. В целом эти два дома представляли собою узкие коридорообразные помещения без перегородок, столбов и очагов. Местами они спускались частично на склон. В этом случае пол был покатый или ступенчатый.

Присутствие дверей, а также небольшой пеплистый слой, обычно встречаемый лишь внутри построек, свидетельствуют о том, что это было крытое помещение, а не отдельно стоявшие стены. Кроме того, именно внутри построек встречено огромное количество крупных обломков керамики и основная масса вещей.

Перед каждой из построек, со стороны площадки была, по-видимому, еще одна стена (рис. 1). На ее присутствие указывают довольно регулярно расположенные столбовые ямки по линии, параллельной внутренней стене постройки, на расстоянии в среднем 1,5 м от нее. Со стороны въезда эта стена замыкалась поперечной стеной частокольного типа. Последняя составляла единое целое с поперечной стеной дома, которая выдавалась внутрь в виде «усов» длиной более 2 м (рис. 2 и 3, *1*).

Видимо, эти части построек служили прикрытием входов внутрь помещения. Вообще вся планировка сооружений предусматривает случаи военной опасности. Так, входы в помещение, прослеженные со стороны мыса, группируются около въезда на городище. Здесь в северной постройке у въезда было два входа, расположенные на расстоянии 2,2 м один от другого. В южной был сделан один проем в стене, разделенный, судя по столбовым ямам, перегородкой на две части. Причем эта перегородка начиналась во внешней части постройки и продолжалась внутрь основной (рис. 3, *1*). Были ли входы в помещение с напольной части, судить трудно, так как они прикрыты валами.

[25] В состав экспедиции входили: А. Е. Алихова, Ю. А. Липкинг, В. Е. Шуль, Е. В. Недзвецкий, Р. Ф. Воронина, И. М. Елинов.

На первом этапе жизни городища постройки с напольной стороны были защищены тремя оборонительными стенами[26], а с мыса, по-видимому, одной. Но, судя по всему, довольно скоро на городище была проведена перестройка, которая заключалась в усилении фортификационных сооружений с напольной стороны и закрытии въезда со стороны мыса. С этой целью с напольной стороны между стенами основной постройки, а также в промежуток между двумя оборонительными стенами, соединенными в проходе поперечной стеной, были насыпаны земля и обожженная глина (рис. 3, *II*).

В связи с этим напольные части построек были отодвинуты на 4 м внутрь площадки и построены заново (на плане отмечена как «пристройка»). В процессе перестройки часть внутренней стены старой «основной постройки» была разобрана и после того, как была уложена обожженная глина, эта стена была установлена на новом месте. Близ въезда она подошла вплотную к старой стене, что хорошо видно на профиле этой части.

На мысовой части перестройка заключалась в закрытии внешнего прохода и в сооружении двух сплошных стен (рис. 3, *I*).

Большой интерес представляет устройство въездов. Первоначально оба въезда были сооружены по одному плану. Въезд со стороны мыса состоял из двух следовавших один за другим крепостных ворот в виде коридоров, разделенных четырехметровым расстоянием (рис. 3, *I*). Из них внешние были образованы путем загиба внутрь концов оборонительной стены. Длина этой части 6 м, ширина — 1—1,2 м. У внутреннего конца вход сужен до 60 см. Этот коридор запирался при помощи трех ворот или заслонов. Об этом свидетельствуют три пары столбовых ям, расположенные в канавах от стен одна против другой.

Внутренние ворота образованы поперечными стенами длинных домов и их продолжением на площадку в виде усов длиной в 1,6—2 м. Общая длина и этой части въезда была около 6 м при ширине 1,7—2 м.

Чтобы защитить от обстрела внутреннюю часть городища, вторые ворота были несколько смещены в сторону.

Въезд со стороны поля, устроенный в мощной оборонительной системе, отличается большой длиной. Его протяженность 44 м (рис. 2). Он состоит из трех частей, расположенных на расстоянии 4 м одна от другой.

Внешняя часть проезда проложена в наружной оборонительной стене (участки 53, 57), находящейся за пределами современных валов и рвов. Она представляет собой коридор длиной в 9 м, шириной в 2 м снаружи, постепенно расширяющийся внутрь до 3 м (рис. 3, *II*).

Средняя часть проезда пересекает валы. Она имеет вид длинного коридора (длиной 22 м), более широкого снаружи (2,2 м) и сильно суженного у внутреннего выхода (0,8 м). Отсутствие в наше время на месте этого въезда валов и рвов свидетельствует о том, что современные валы в то время представляли собой земляную засыпку между стен. Близ внешнего конца въезда, поперек коридора, про-

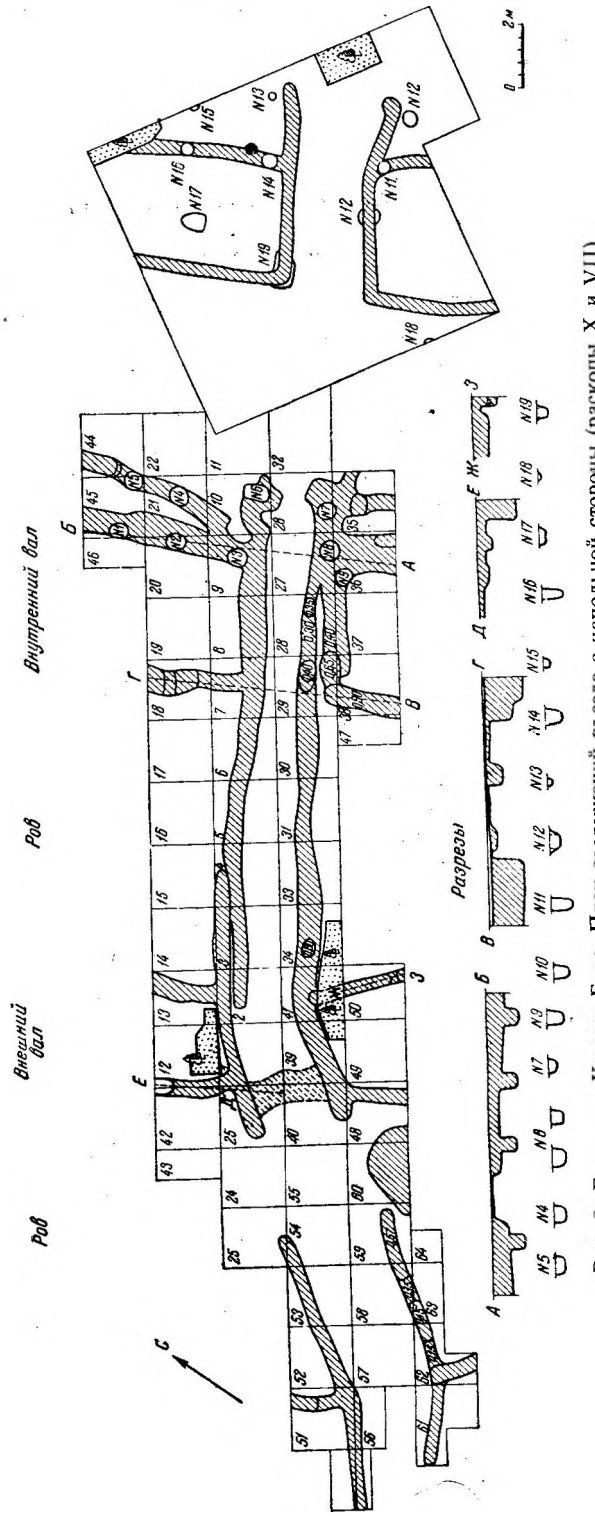

Рис. 2. Городище Кузина Гора. План сооружений въезда с напольной стороны (раскопы X и VII)

[26] А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора. СА, 1958, № 3, стр. 197—201.

слеживается неглубокая, но широкая поперечная ложбинка (участки 39, 40), возможно, след от ворот. У внутреннего конца коридора имеются с обеих сторон две столбовые ямки (участки 10, 26), очевидно также служившие опорой для вторых ворот.

Третья, внутренняя, часть проезда, образована поперечными стенами пристройки длинных домов (после реконструкции городища). По своей планировке она тождественна аналогичному устройству на мысовой части. Длина этой части 6,6 м и ширина с

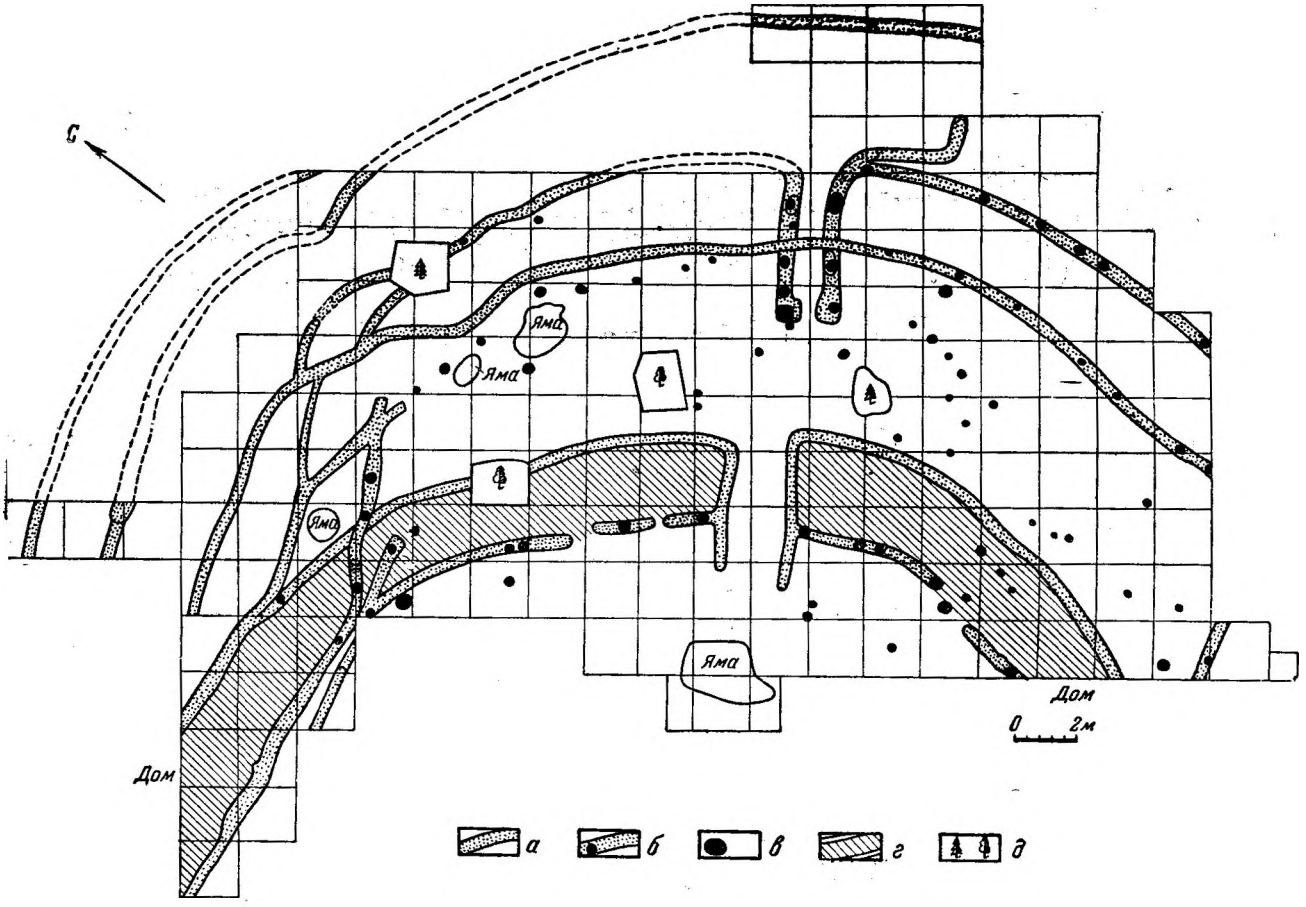

Рис. 3. I. Городище Кузина Гора. План сооружений на мысовой части городища:

а — канава от стен; *б* — канавы от стен со столбовыми ямами; *в* — столбовые ямы; *г* — длинный дом; *д* — нераскопанные участки с деревьями

внешней стороны — 2,20 м, с внутренней — 2,8 м (рис. 4).

Обращает на себя внимание различная длина свободных концов стен, выступающих внутрь площадки, а именно, длина этой части с левой стороны, считая от вала, 2,6 м, в то время, как правой — 2 м (рис. 2).

Площадка городища, окруженная двумя длинными домами, была плотно застроена. Об этом свидетельствуют многочисленные столбовые ямы и несколько коротких неглубоких канавок. Ближайшие к домам постройки были расположены перпендикулярно к последним и, по-видимому, связаны с ними в единый архитектурный комплекс. Что представляли собой эти постройки — дома, галереи, или коридоры,— сказать трудно. Вообще трудно представить и общую планировку центральной части городища. Здесь встречены незначительное количество мелких обломков керамики и ряд других вещей. Редки находки костей животных. Ни в длинных домах, ни на площадке почти нет (за исключением трех случаев) никаких следов от очагов. Лишь в центре городища был обнаружен один небольшой очаг на глубине 15 см от современной поверхности. Он имел вид небольшой, размером 40 × 70 см, глинобитной площадки толщиной 4 см. Очаг и подстилающий его грунт сильно обожжены. На очаге были найдены поломанная литейная форма и обломки блоков.

В двух других случаях наблюдались следы разведения огня в небольших мелких ямах, на дне

которых обнаружены незначительные следы угля и комочки обожженной глины. В длинных же домах никаких следов очага обнаружить не удалось.

По средней линии городища построек не было. Здесь, вероятно, был проезд.

Как отмечено выше, часть склона со стороны оврага рассечена, и по ней проходит дорога. Вследствие этого склон самого городища стал довольно крутым. Внешняя оборонительная стена с напольной стороны в самом начале выемки пересекает ее и идет по краю древнего склона. Это указывает на более позднее происхождение выемки. Относится ли ее образование к периоду реконструкции городища или к несколько более позднему времени, пока сказать трудно.

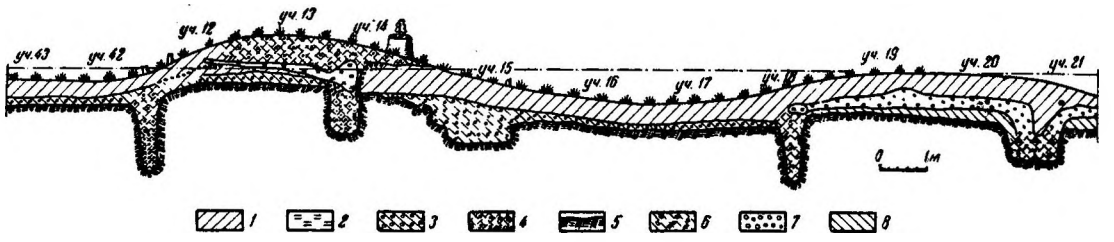

Рис. 3. II. Городище Кузина Гора. Профиль северо-западной стенки раскопа X—VII:

1 — коричневый слой; *2* — обожженная глина; *3* — материковый мергель с гумусом; *4* — коричневато-серый слой с мергелем; *5* — материк-мергель; *6* — светло-серый слой с мелкой крошкой мергеля; *7* — мергель; *8* — темно-коричневый плотный суглинок

Описанная нами планировка городища была подчинена одной цели — созданию мощного фортификационного сооружения.

Строительная техника, примененная на городище Кузина Гора, типична для некоторых групп скифских памятников. В первую очередь, в качестве ближайших параллелей следует отметить применение частокольного типа сооружений в устройстве могил скифского времени в курганах Посулья [27]. Значительно реже они встречаются и в других местах Поднепровья.

Особый интерес представляют скифские дома аналогичной конструкции, исследованные на Каменском городище [28].

Частокольная постройка встречена также в Воронежской области на Архангельском городище. В ней хорошо сохранились обгоревшие бревна постройки, торчавшие из канавы [29].

Вся планировка городища Кузина Гора и его сооружения являются оригинальными, нигде еще не встреченными. Разведочными раскопками городищ, расположенных в ближайшей округе (Плаксинское городище, Кудеярова Гора), подобных сооружений не найдено.

Городище Кузина Гора выделяется крайне малым количеством фаунистического материала. Отдельные кости обычно встречаются около столбовых ям, а иногда и в них, но в верхней части. Это явление заставляет предположить, что городище не было местом постоянного обитания. На это же указывает отчасти и характер нескольких ям, встреченных здесь. Они все овальной формы, размером в среднем 1,5 × 1 м, глубиной примерно в рост человека. Книзу большинство из них суживается. Ямы были вырыты в плотном мергеле и вскоре засыпаны тем же мергелем, и лишь верхняя часть заполнена черным слоем. В заполнении ям не было никаких находок. Хозяйственных ям на городище не встречено.

На городище собран богатый производственный и бытовой инвентарь, который позволяет судить о хозяйственной деятельности, о вооружении и украшениях местного населения и его связях с соседними племенами.

Основой хозяйства населения Курского Посеймья в период функционирования городища были земледелие и скотоводство. Наряду с этим видное место занимала охота на крупных животных. Это видно из таблицы 3.

Богатые черноземом земли благоприятствовали развитию земледелия. Из сельскохозяйственных орудий здесь найдены серпы и зернотерки. Серпы относятся к трем типам. Два хорошо сохранившихся серпа одинаковой длины — 24 см — резко различаются по форме. Один слабо изогнут и напоминает косу-горбушу (рис. 5, *10*). Второй более массивный и дугообразно изогнут (рис. 5, *11*). Но более распространены были серпы третьего типа. По размерам они меньше предыдущих, а иногда просто маленькие. По изгибу пластины они занимают промежуточное положение между двумя первыми (рис. 5, *12*). Во всех случаях скрепление с рукоятью осуществлялось при помощи крюка.

На городище встречено большое количество разбитых зернотерок, и лишь две сохранились в целом виде, из которых одна отличалась хорошей отделкой.

О выращивании ячменя свидетельствует отпечаток зерна, обнаруженный на поверхности рогатого кирпича.

---

[27] В. А. Іллінська. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі. «Археологія», т. IV. Київ, 1950, стр. 185.

[28] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954.

[29] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, 62, 1956.

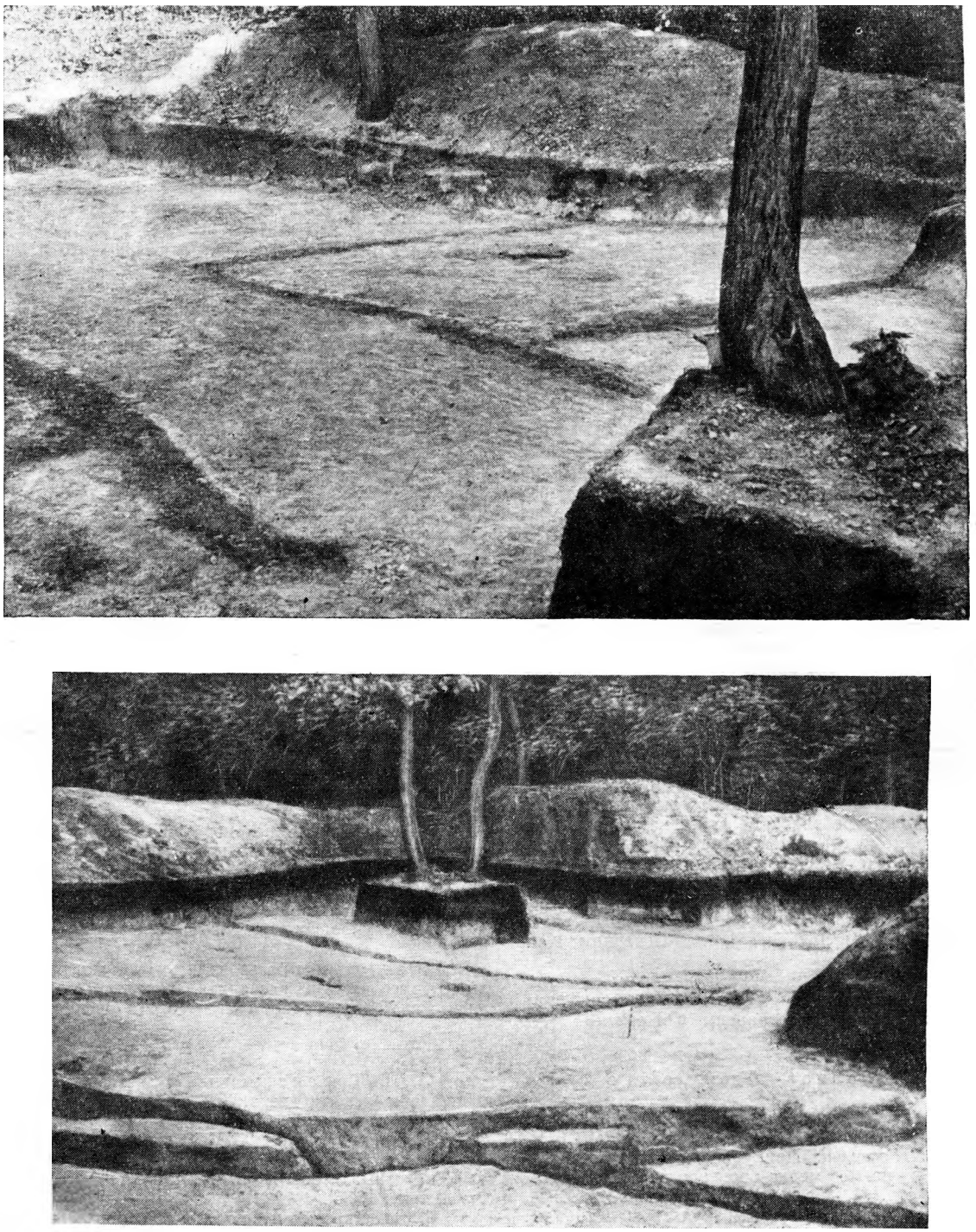

Рис. 4. Городище Кузина Гора. Вверху — раскоп I, канавы основной постройки и пристройки. Внизу —раскоп VII, въезд со стороны поля, внутренняя часть

Таблица 3

Состав костных остатков

Виды	Количество костей	Количество особей
Лошадь	347	26
Крупный рогатый скот	441	30
Мелкий рогатый скот	19	6
Свинья	81	17
Лось	152	19
Кабан	73	13
Косуля	11	5
Медведь	27	9
Собака	1	1
Бобр	44	14

В домашнем производстве видное место занимала обработка железа. Весь производственный инвентарь, оружие, в том числе и часть наконечников стрел и некоторые украшения, были сделаны из железа.

Из предметов для металлообработки встречены два зубила, одно массивное, длиной в 3,5 см при ширине 1,2 см с ровной верхней площадкой (рис. 5, *3*), второе зубило узкое (0,5 см) и длинное (7 см) с сильно оплывшей головкой (рис. 5, *2*). Эти зубила близки найденным на Каменском городище [30].

Обращает на себя внимание отсутствие на городище шлаков.

О развитии местного бронзолитейного дела свидетельствуют находки сравнительно большого количества литейных форм и льячек. Для льячек характерен сравнительно глубокий черпак и носик для слива (рис. 5, *4*).

Видное место занимала обработка дерева. Уже сами постройки требовали больших навыков в этом деле, а кроме того, значительная часть домашней утвари была, очевидно, сделана из дерева. Об этом свидетельствуют находки тесел. Одно из них относится к числу наиболее древних форм. Это железное тесло с плечиками (рис. 6, *6*), известное с эпохи бронзы в Южном Зауралье [31], на Северном Кавказе [32].

На Западе тесла с плечиками известны по Гальштатскому могильнику [33]. Кроме того, железные тесла были широко распространены в Познани [34]. На нашей территории в Поднепровье подобные тесла встречались в памятниках раннего железа. В первую очередь следует отметить находку на Субботовском городище [35], датируемом А. И. Тереножкиным VIII в. до н. э., а также в курганах у хут. Поповка [36] и в Частых курганах под Воронежем [37].

Одной из наиболее поздних находок является тесло, найденное на первом Миховском городище [38].

Второе тесло, найденное на Кузиной Горе, имеет втульчатую ручку и слегка загнутые края у рабочей части (рис. 6, *4*). Близкое по типу тесло найдено в Частых курганах в том же погребении, что и ранее описанное тесло с плечиками [39]. Очень интересно третье тесло, выделяющееся своей длинной стержневидной ручкой-насадом (рис. 6, *1*). Общая длина его 47 см. Оно могло служить одновременно как для выдалбливания полых предметов (например, ступ, бортей в деревьях), так и для выкапывания в мергеле столбовых ям и, может быть, глубоких канав для стен построек.

Ножи встречены нескольких типов. Для них характерна горбатая спинка. К первому типу относятся небольшие ножи (12—13 см) с коротким, но четко выделенным черенком (рис. 6, *11*). Ножи второго типа не имеют специального черенка. Для них типичен способ скрепления с рукоятью при помощи заклепок. Один из этих ножей с горбатой спинкой и прямым лезвием имеет одно отверстие для заклепки. Этот нож может быть отнесен к первому типу, выделенному Б. Н. Граковым для ножей Каменского городища [40]. У другого ножа сохранилась металлическая накладка и около нее, ближе к черенку, два отверстия, в одном из которых осталась заклепка (рис. 5, *8*). По сохранившейся части черенка описанный нож можно сблизить с пятым типом ножей с Каменского городища [41].

Выделяется находка черенка ножа в виде длинной, расширенной к одному концу, пластинки с отверстием для заклепки (рис. 6, *12*). Найдено несколько поломанных костяных ручек от ножей (рис. 5, *7*).

Для заточки готовых изделий служили небольшие брусочки с отверстием для подвешивания, аналогичные широко распространенным в скифских памятниках (рис. 7, *28*). Из них ометим два целых. Один почти цилиндрической формы, размером 5,1 × 1,1 см, и второй — уплощенный, размером 8 × 2,5 см (рис. 6, *8*).

Для заточки игл пользовались маленькими округлыми брусочками из песчаника, на которых сохранились желобки от работы (рис. 5, *6*). Очевидно для

---

[30] Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 125, табл. XVI.

[31] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 129.

[32] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 91, рис. 20 и стр. 107, рис. 43; Е. И. Крупнов. Древняя история культуры Кабарды. М., 1957, рис. 34, *1*, *2*.

[33] J. Déchelette. Manuel d'archéologie. Paris, 1913, p. II, p. 193, f. 313.

[34] Muzeum archeologiczne w Poznaniu. Fontes archaeologici posnanienses, vol. IV, 1953, tabl. XIV, *2* и др.

[35] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 54, рис. 4, *6*.

[36] Смела, т. II, табл. XXV, *8*, стр. 168.

[37] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 31, рис. 16, *2*.

[38] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1957, стр. 37, рис. 10, *15*.

[39] С. Н. Замятнин. Указ. соч., рис. 16, *3*.

[40] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 110 и табл. XIII, *1*.

[41] Там же, рис. 5.

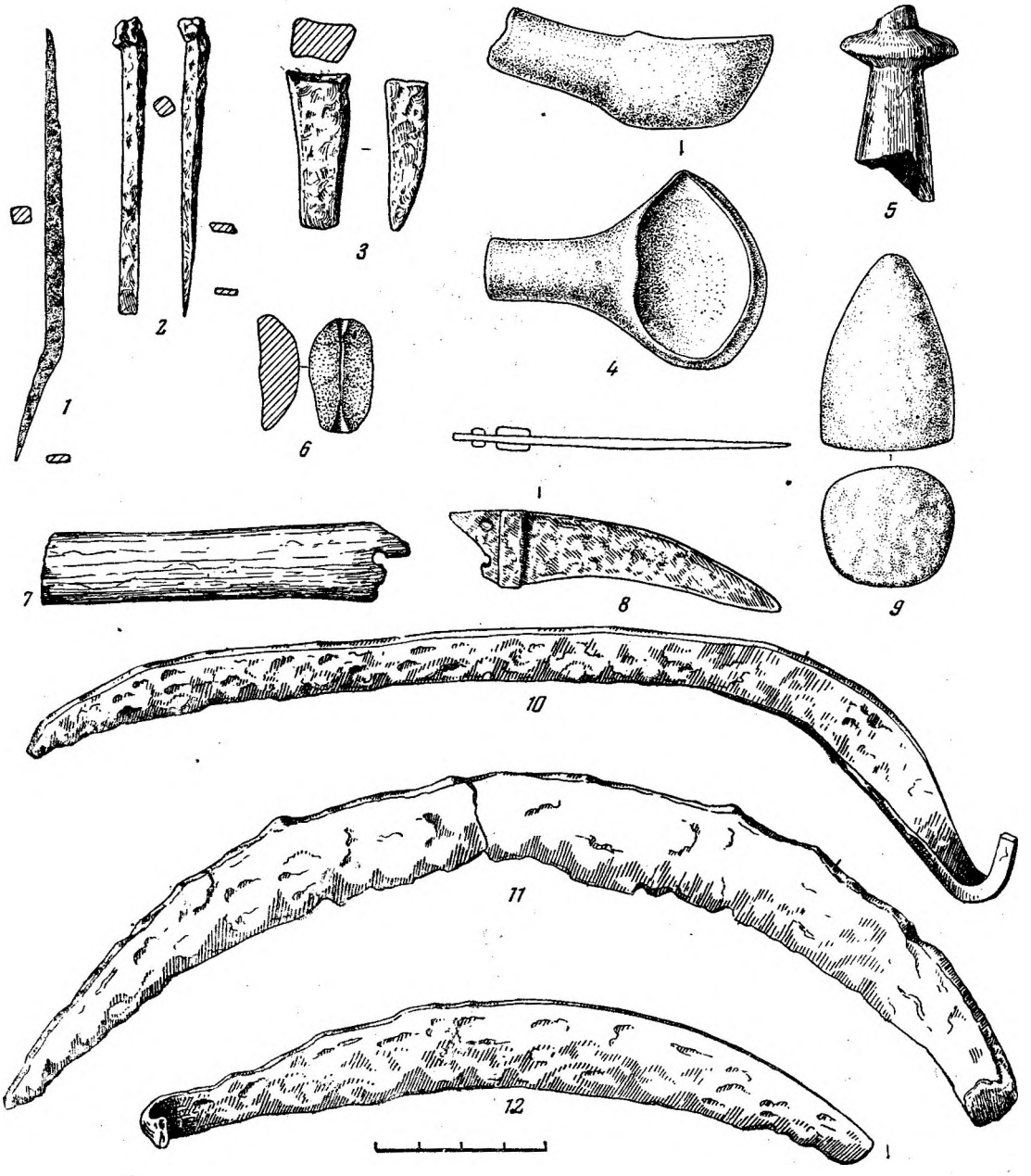

Рис. 5. Городище Кузина Гора. Производственный инвентарь:

1 — шило; *2*, *3* — зубила; *4* — льячка; *5* — ручка; *6* — брусок для точки игл; *7* — ручка; *8* — нож, *9* — конус *10—12* — серпы (*1—3*, *8*, *10—12* — из железа; *4* — глина; *5* — рог; *6*, *9* — камень; *7* — кость)

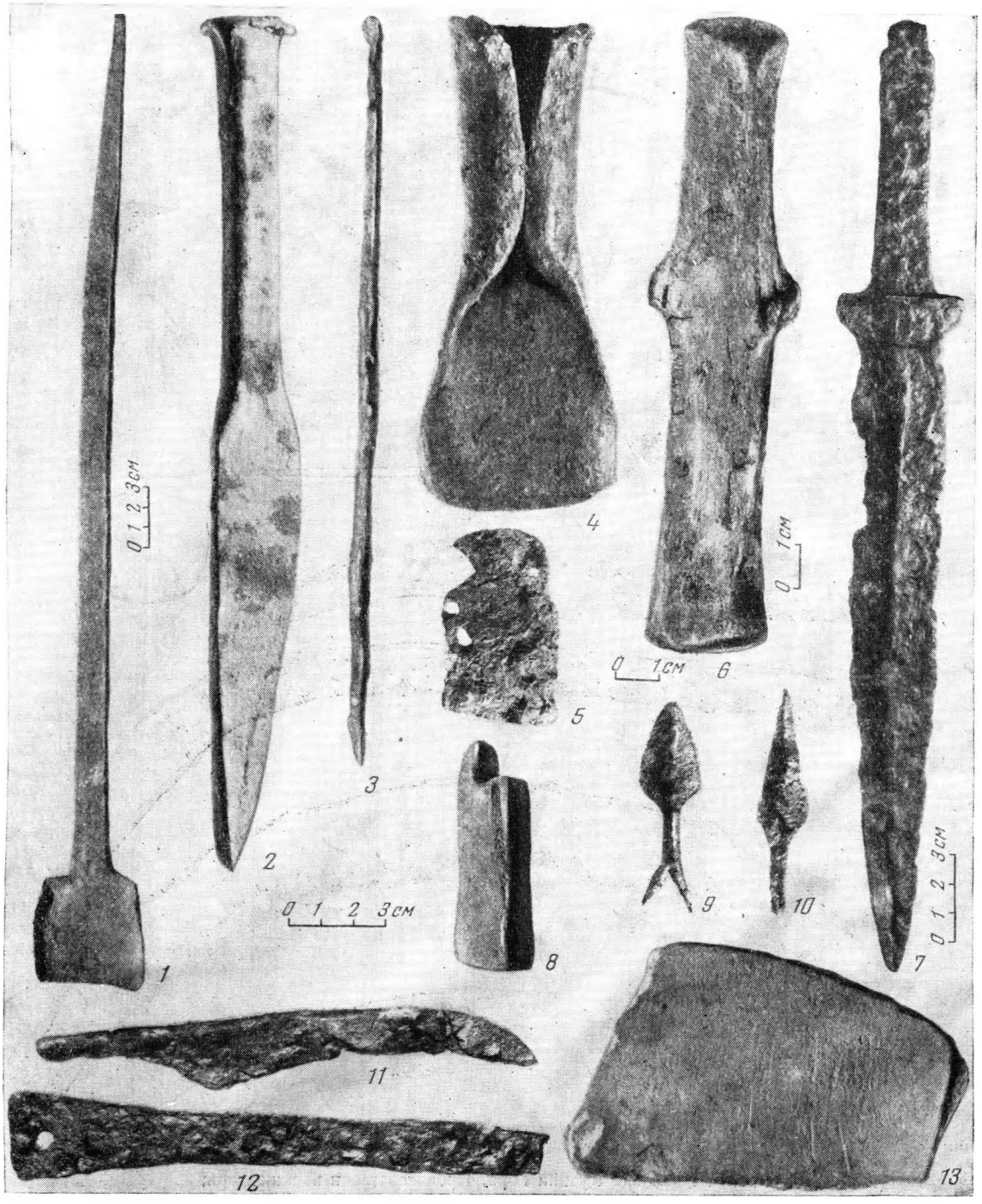

Рис. 6. Городище Кузина Гора:

1, *4*, *6* — тесла; *2* — долото; *3* — игла; *5* — пластинка от панциря; *7* — кинжал; *8* — брусок; *9*, *10* — наконечники стрел; *11*, *12* — ножи; *13* — шлифовальник (*1*—*7*, *9*—*12* — железо; *8*, *13* — камень)

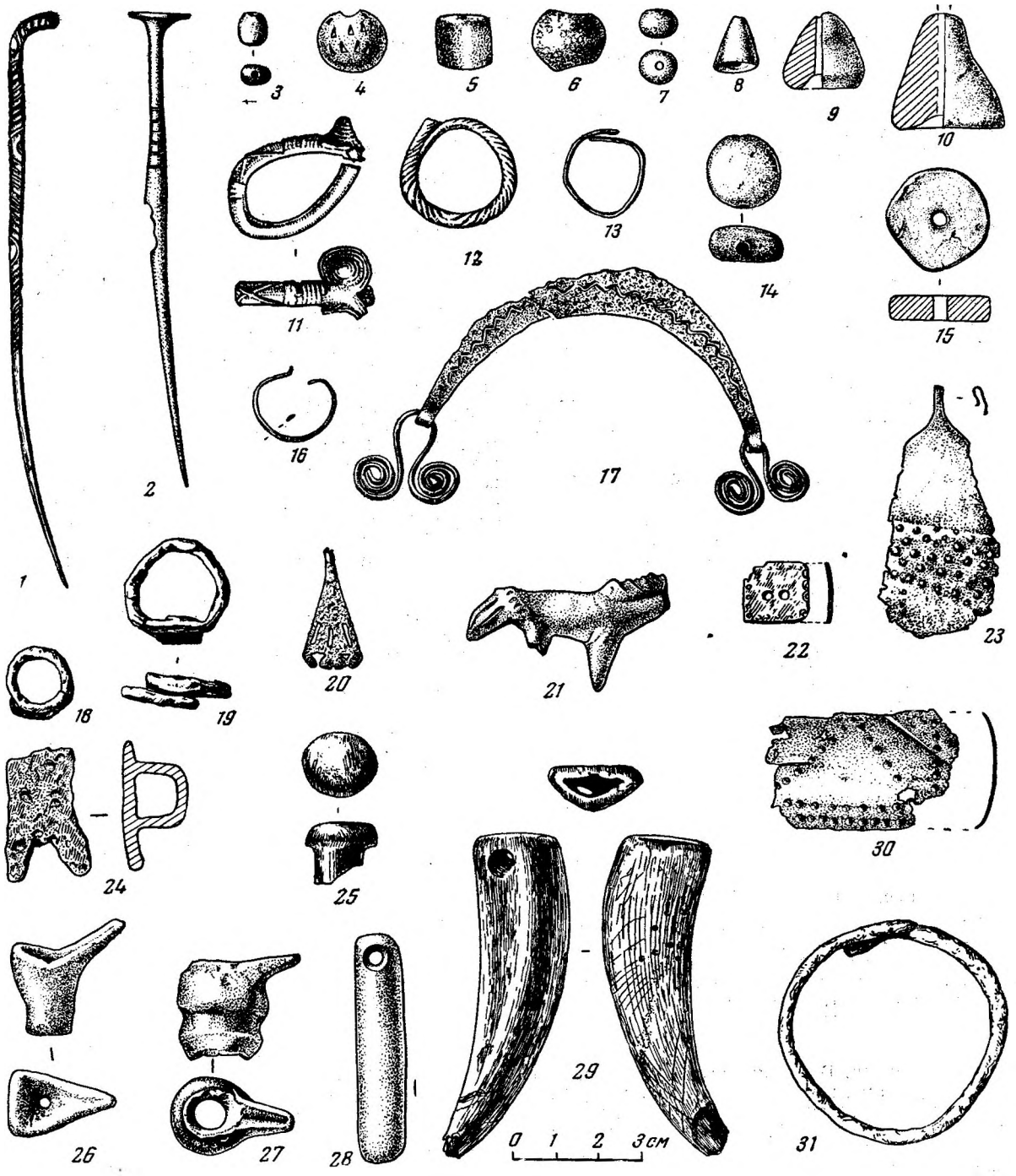

Рис. 7. Городище Кузина Гора:

Украшения, амулеты: *1, 2* — булавки; *3—7, 14, 15* — бусы; *8—10* — ворворки; *11—13, 16* — височные привески; *17, 20, 23* —привески; *18, 19* — кольца; *21* — фигурка лошади; *22, 24*—бляшки; *25*— грибовидный предмет; *26, 27* — предметы неизвестного назначения; *28* — брусок; *29* — амулет; *30* — металлическая пластинка; *31* — браслет (*2, 18, 19, 24* — железо *3—10, 14, 21, 26, 27* — глина, *1, 11—13, 16, 17, 20, 22, 23, 30* — бронза, *15* — янтарь, *25* —рог, *29* — зуб)

шлифовки пользовались плитками из мергеля удлиненной формы (длиной в 11 см). Одна из плоских сторон хорошо сглажена и сохранила следы работы в виде тонких поперечных штрихов (рис. 6, *13*).

Среди железных изделий имеется одна четырехгранная игла или булавка большого размера (рис. 6, *3*). Ее длина 23,7 см. Верхний конец у нее загнут.

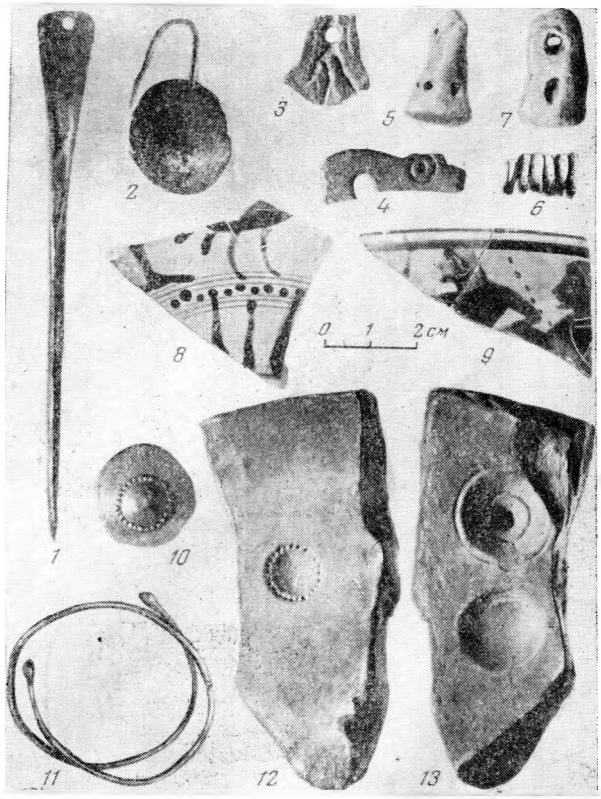

Рис. 8. Городище Кузина Гора:

1 — булавка; *2* — височное кольцо; *3, 5, 7* — привески; *4* — фигурка животного; *6* — спираль; *8, 9* — чернофигурная керамика; *10* — оттиск бляшки из литейной формы; *11* — браслет; *12, 13* — литейная форма (*1, 2, 6, 11* — бронза; *3* — рог; *4* — кость; *5, 7, 8, 9* — глина; *12, 13* — мергель)

нижний — заострен. В средней части она несколько утолщена (0,6 мм), и грани, очевидно от употребления, сглажены. Вероятнее всего, эта игла употреблялась для плетения сетей. Здесь также следует отметить крючок, сделанный из круглого дрота, и изогнутое четырехгранное шило с уплощенным для насада концом (рис. 5, *1*).

Возможно, к числу штырей следует отнести четырехгранную пластинку, суженную с одного конца.

Кроме того, найдены два обломка железного дрота диаметром 0,4—0,5 см, обломки двух пластинок, шириной 0,8—1 см, и тонкий железный предмет в виде пластинки с прямо срезанными концами, длиной в 10 см при ширине в 1,2 см. Один сильно деформированный обломок железного плоского предмета с двумя отверстиями (одно полуразрушено), возможно, является остатком псалия.

Вероятно, к конской сбруе относится железная плоская бляха с петлей на обратной стороне (рис. 7, *24*).

Косторезное дело у местного населения было развито сравнительно слабо. Здесь найдено всего три костяных проколки, один костяной наконечник стрелы, несколько обломков рога и кости со следами среза.

Среди готовых изделий следует упомянуть роговую привеску (рис. 8, *3*), три ручки от ножей (рис. 5, *7*) и обломки какого-то предмета, как нам кажется, изображение животного, сделанное из костяной пластинки (рис. 8, *4*).

Из птичьих костей изготовляли пронизки. Их найдено две с хорошо заполированной поверхностью. Следует также отметить амулеты из клыков животных (рис. 7, *29*) и обломки предмета с грибовидной головкой (рис. 7, *25*).

Изделий из камня, помимо упомянутых выше зернотерок и брусков, найдено мало. Среди них первое место занимают литейные формы, вырезанные из легко поддающегося обработке мергеля. При этом обработке подвергалась лишь сторона, на которой имелась форма. Только одна формочка из мергеля была оформлена наподобие глиняных.

Из мергеля был также изготовлен конус (рис. 5, *9*), по размерам и форме похожий на конические грузики, а также крупное грузило, диаметром в 7 см.

Из мелкозернистой породы камня сделаны массивные, маленькие (1,5—2,5 см) поделки, неправильно трапециевидные в сечении, со сглаженной поверхностью. Возможно, это утюжки для разглаживания швов. Некоторые из них обожжены.

Трудно сказать, относятся ли к описываемому времени два небольших терочника, найденные в раскопе II, в котором имеется керамика эпохи бронзы.

Кроме того, здесь найдены два обработанных каменных шарика, которые, возможно, служили для пращи.

Из гончарных изделий, помимо сосудов, блоков, пряслиц и грузиков, о которых будет идти речь ниже, здесь остановимся на немногочисленной группе мелких глиняных изделий. Очевидно глина заменяла дорогостоящие материалы. Сюда относятся, в первую очередь, бусы (рис. 7, *3—7*). Основная масса встреченных на городище бус была сделана из глины. Кроме того, найдена одна пронизка.

Второе место занимают ворворки (рис. 7, *8—10*). Это преимущественно маленькие (около 1,5 см) колоколовидной формы предметы с вертикальным отверстием и углублением внизу. Возможно, к их числу следует отнести четыре несколько более крупного размера (в 2,5 см). Очевидно, в качестве подражания металлическим прорезным колоколовидным привескам были сделаны три небольшие глиняные с ушком наверху и ямкой внизу. У двух из них было по четыре ямки на боках — на том месте, где расположены прорези у металлических (рис. 8, *5, 7*).

Трудно определить назначение маленьких плоских и массивных лепешечек диаметром 2,5 см, а также шариков, которые по размерам распадаются на несколько групп (3, 2, 1,5, 1, 0,7 и 0,5 см). Самые маленькие могли быть либо подражанием зернам гороха или выпали из погремушек. Последние здесь представлены двумя экземплярами: одна — маленькая, яйцевидной формы и вторая — сравнительно крупная с поперечным ребром.

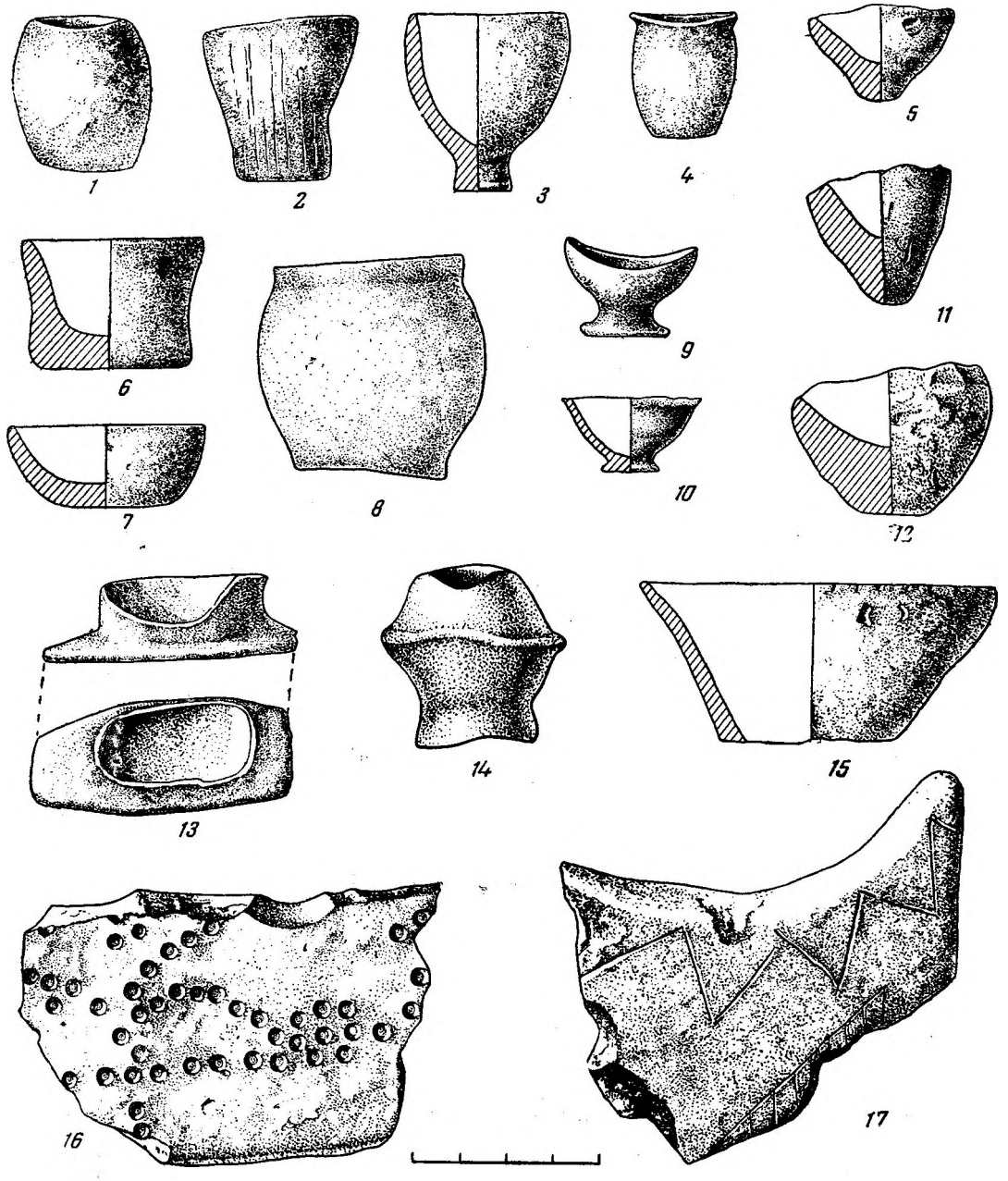

Рис. 9. Городище Кузина гора:

Миниатюрные сосудики, тигельки, рогатые кирпичи (*1—17*)

Возможно крышками для миниатюрных сосудиков служили небольшие грибовидные предметы в виде плоского кружка с возвышающимся на нем конусом. Очень своеобразны два маленьких предмета в виде модели кружки с носиком, но без дна. У одной из них носик желобчатый, но с закраинкой (рис. 7, *26, 27*). Об их назначении можно высказать лишь предположение, что они служили для помещения фитиля в светильнике.

Не менее загадочна находка небольшой глиняной поделки корытообразной формы с выступающими у дна концами. Очевидно, это модель распространенного в быту предмета (рис. 9, *13*).

Наконечники стрел представляют сравнительно редкую находку. Здесь встречены железные и бронзовые и лишь один — костяной. Найдено 15 бронзовых наконечников. Все они трехлопастные с обрезанной втулкой скифского типа. Преобладающий размер их 2,5—2,7 см (рис. 10, *2—5, 7*). Лишь четыре из них больше, а именно, 3,2 и 3,5 см (рис. 10, *1, 6*).

Среди общей массы выделяются два наконечника. Один — своими более массивными пропорциями. Он отличается сравнительно большой шириной основания (рис. 10, *4*). По П. Рау этот тип характерен для второй половины VI в. до н. э.[44]

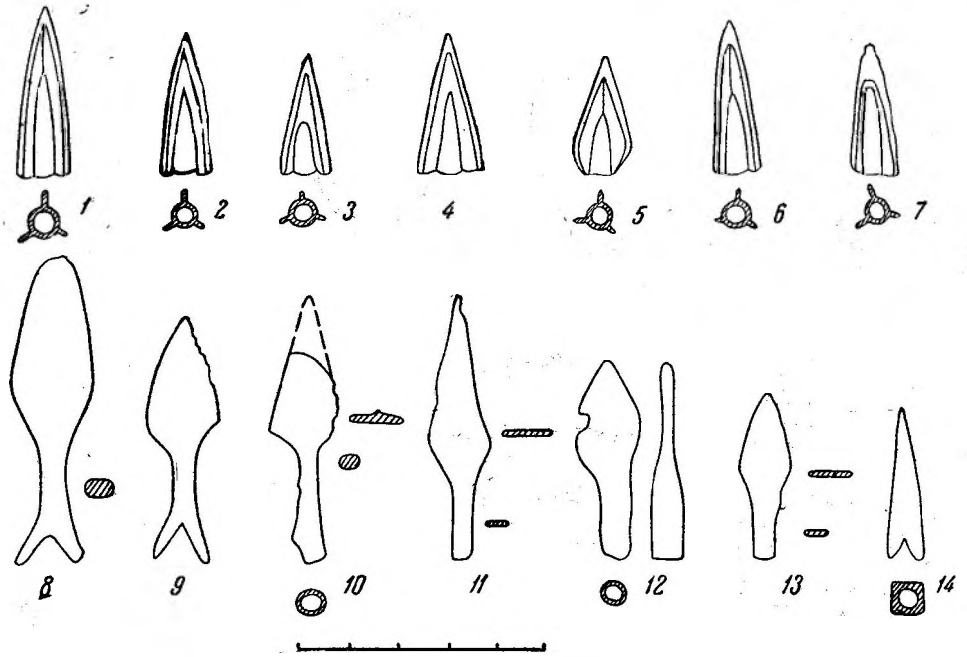

Рис. 10. Городище Кузина Гора:

Наконечники стрел: *1—7* — бронза; *8—13* — железо; *14* — кость

Очень редкой находкой на городищах Посеймья являются фигурки животных. На Кузиной Горе найдены всего лишь две поломанные фигурки лошади (рис. 7, *21*). Глиняные изображения лошади — довольно частая находка на городищах описываемого времени лесной и лесостепной полос.

Из предметов вооружения в первую очередь следует отметить находку кинжала скифского типа. Его длина без навершия — 32 см (рис. 6, *7*). Навершие не сохранилось, оно надевалось на несколько суженный конец рукояти. Особенностью описываемого кинжала является не типичная для скифских мечей полуовальная форма перекрестия. Мечи или кинжалы с подобным перекрестием известны из кургана у с. Волковцы Роменского уезда Полтавской губернии[42], по случайной находке в окрестностях Смелы[43]. В обоих случаях навершие было в виде антенн.

Второй наконечник трехлопастный, маленький (2,3 см) с обрезанной втулкой. Особенностью его является форма лопастей, закругленных книзу. Втулка хорошо прослеживается на головке на протяжении двух третей (рис. 10, *5*). Этот наконечник относится к редкому типу и, вероятно, является вариантом наконечника, известного из Келермеса и отнесенного П. Рау к первой половине VI в. до н. э.[45]

По наблюдениям Б. Н. Гракова, наконечники стрел с обрезанной втулкой, без шипов, с несколько скошенными к втулке нижними концами граней, хотя и неповсеместно, но особенно характерны для рубежа VI и V вв. до н. э.[46]

[42] Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II, Киев, 1899, табл. II. 56.

[43] Смела, т. I.

[44] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, Taf. IV, *2A*.

[45] Ibid., S. 89, Taf. I, *2/5*.

[46] Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова. Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928, II, стр. 69—80.

Все остальные наконечники относятся к числу скифских стрел, характерных для V в. до н. э.

Железные наконечники стрел принадлежат к типам, распространенным в несколько более поздних комплексах. Так, например, аналогичные стрелы были найдены в воронежских курганах, которые относятся к VI в. до н. э. Рассмотрим довольно разнообразный их ассортимент.

К первому типу относятся два втульчатых наконечника стрел с плоской головкой. Один из них с подтреугольным пером и слабыми следами грани на одной стороне. Втулка составляет примерно половину его длины (рис. 10, 12). Общая длина наконечника 4 см. Второй наконечник поломан (рис. 10, *10*), но, судя по всему, он значительно крупнее.

Плоские втульчатые наконечники стрел известны из Частых курганов [47].

Ко второму типу относятся три наконечника. Из них два небольшие, плоские, с плоским черешком. Один — длиной в 3 см с листовидным пером (рис. 10, *13*); второй — сильно деформированный, длиной в 3,5 см; третий наконечник длиной в 5,5 см (рис. 10, *11*).

К третьему типу относятся наконечники с плоским или овальным в сечении пером и с расщепленным, наподобие ласточкиного хвоста, черешком (рис. 10, *8, 9*). Их найдено четыре экземпляра. Они отличаются друг от друга по общим размерам (5—6,5 см), по форме пера — подтреугольной и листовидной, а также по длине черешка. В качестве прототипа для этих своеобразных по форме наконечников стрел следует считать костяные наконечники, найденные в Поднепровье,— на Субботовском и Лубенецком городищах [48]. С другой стороны, подобные железные наконечники стрел были распространены в комплексах IV в. до н. э. в Воронежских курганах в Мастюгино [49].

Помимо металлических наконечников стрел, на городище найден один костяной четырехгранный, с опущенными концами граней, очень плохой сохранности (рис. 10, *14*). Он близок к наконечнику, известному из скифского кургана у станицы Елизаветовской, датируемому П. Рау концом V — началом IV в. до н. э. [50] Кузиногорский отличается от него лишь меньшими размерами (3 см).

К числу редких находок относятся две железные пластинки от панциря. Одна из них плохой сохранности. У нее имеются два круглых небольших отверстия, одно из них — вверху и одно сбоку. Размеры пластинки 4,7 × 3 см (рис. 6, *5*). Вторая — меньше (2,8 × 2 см) с отломанным верхним углом. Панцири, как отмечает Б. Н. Граков, были вооружением аристократии и встречаются только в самых богатых захоронениях [51]. Поскольку в Курской области пока не встречены типичные скифские захоронения, эти находки представляют особый интерес.

Украшения. На городище найдено большое количество различных женских украшений, как например: височные привески, браслеты, кольца.

Особый интерес для датировки представляют гвоздевидные височные привески полушарной формы с длинной петлей, сделанной из круглой проволоки (рис. 8, *2*). Всего найдено девять таких привесок. Из них восемь довольно крупных размеров с диаметром головки 2—2,7 см и лишь одна была диаметром 1,6 см.

Обращает на себя внимание их хорошая сохранность. Половина из найденных привесок совершенно целые, у остальных же частично поломана довольно крупная проволочная петля.

Этот тип височных привесок по классификации П. Д. Либерова характерен для скифских захоронений VI в. до н. э. В V в. они выходят из употребления [52].

Большой интерес представляют находки двух массивных височных колец, выполненных в одинаковой манере. Одно из них рубчатое, кольцевидное, с утоньшенным и заходящим концом (рис. 7, *12*). Второе — в виде согнутого пополам очень толстого дрота. На конце помещались два спиральных конуса (один отломан, рис. 7, *11*). Близкое височное кольцо, или обломок браслета, был найден на юхновском городище Надежда, близ города Орла, датированном Т. Н. Никольской IV—II в. до н. э. [53]

Очень интересна бронзовая коромыслообразная привеска, украшенная пунктирным орнаментом по краю и зигзаговой нарезкой посредине (рис. 7, *17*). Вероятно, она прикреплялась к головному убору. Эта привеска была поломана и обронена, по-видимому, при необычных условиях. Она найдена на мысу городища в двух местах. Первая половина была потеряна после того, как женщина прошла или вбежала на городище через узкий вход во внешней оборонительной стене, а вторая половина — как только она вошла внутрь дома недалеко от входа. Вероятно, все это произошло в минуту большой опасности.

К раннему времени относятся три булавки — две бронзовые и одна железная. Одна из бронзовых, шиловидной формы с загнутым верхним концом, была украшена нарезкой, имитирующей кручение (рис. 7, *1*). Близкая по форме перевитая булавка найдена в могильнике близ Минеральных Вод в погребении, датируемом VI в. до н. э. [54]. В раскопках Н. И. Веселовского в ст. Царской близкие к кузиногорской булавке были найдены в нескольких случаях по две у головы [55].

Верхний конец второй бронзовой булавки с городища Кузина гора — в виде плоского щитка, в центре которого сделано отверстие (рис. 8, *1*). Булавки подобной формы, только костяные, были распространены в эпоху поздней бронзы в Венгрии и в Закавказье.

Третья булавка железная, гвоздевидной формы с большой плоской шляпкой и насечками (рис. 7, *2*).

---

[47] С. Н. Замятнин. Указ. соч., курган 1 — находки *а* (стр. 16); курган (без номера); находки *б* (стр. 20); курган 10 — находки *д* (стр. 37); курган 11 — находки *а* (стр. 41).

[48] А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 100.

[49] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 54, рис. 59, 2,8.

[50] P. Rau. Op. cit., S. 96, Taf. VIII, *1 B*.

[51] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 132.

[52] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 156 и табл. I, *66*.

[53] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 16, рис. 2, *9*.

[54] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, 58, 1955, стр. 56, рис. 19, *2*.

[55] ОАК за 1898 г., табл. I, *9* и *16*, табл. IV, *41, 42*.

Подобные булавки неоднократно встречались в комплексе вещей VI в. до н. э., например, в Журовке[56], в кургане у с. Глевахи[57] и др.

Из нагрудных украшений на городище найдены бусины как привозные — из стекла и янтаря, так и местного производства — из глины.

Глиняных бусин найдено шесть штук. Из них три маленьких, неправильно округлых (рис. 7, *3, 7*) и три крупных: цилиндрическая (рис. 7, *5*), лепешковидная (рис. 7, *14*) и черная шарообразная, украшенная подтреугольными ямками (рис. 7, *4*). Возможно к числу поздних следует отнести черную мозаичную бусину с голубыми, красными, зелеными, желтыми вкраплениями.

Найдены только две стеклянные бусины; одна из них кольцеобразная, светло-желтого цвета, сильно иризированная; вторая — шарообразная, светло-голубая, пастовая.

Большой интерес представляют находки двух крупных янтарных бусин. От одной, сильно пережженной, сохранился лишь обломок. Это была очень крупная, шарообразная бусина диаметром в 3—3,5 см. Вторая — плоская, круглая (рис. 7, *15*). Янтарные бусы были частой находкой в ранних скифских захоронениях.

Вероятно, в состав ожерелий входили три костяные пронизки и, возможно, описанные выше глиняные маленькие колоколовидные привески с ямками (рис. 8, *6, 7*). Сюда же относится и бронзовая подтреугольная привеска с прорезями (рис. 7, *20*). Аналогичные привески, лишь с несколько иначе расположенными прорезями, известны из погребений раннего железного века Цинцкарайского и Так-Килисинского могильников[58]. Возможно, в состав ожерелий входили бронзовые спирали, сделанные из овальной в сечении проволоки (рис. 8, *6*).

Трудно сказать, как носилась крупная бронзовая пластинчатая привеска, украшенная мелкими наколами (рис. 7, *23*).

Некоторые привески, судя по расположению отверстия, очевидно, на что-то нашивались. Сюда относится одна роговая, украшенная расходящимися бороздками (рис. 8, *3*).

Крупные просверленные амулеты были, очевидно, принадлежностью мужского снаряжения. Здесь отметим два клыка кабана. Один из них был орнаментирован тонкой нарезкой и ямками (рис. 7, *29*). У второго амулета коронка зуба обрублена, зашлифована и сбоку сделано отверстие для подвешивания. Совершенно тождественный клык был найден А. А. Бобринским в кургане около Журовки в комплексе с вещами VI в. до н. э.[59] В качестве амулета употребляли и просверленный клык бобра, и просверленную концевую фалангу медведя.

Из ручных украшений найдены три целых бронзовых браслета и один поломанный; кроме того, встречен один железный. Бронзовый браслет, спиральный в 1,5 оборота, сделан из круглой проволоки с шишечками на концах (рис. 8, *11*). Подобные браслеты встречаются в скифских памятниках правобережья Днепра VI—V вв. до н. э.[60] Второй браслет такой же, но разомкнутый, с отломанным концом. Возможно, его концы также заходили друг за друга. Он очень похож на найденный в Триалети в могильнике Нерон-Дереси V—IV в. до н. э.[61] Третий браслет тонкий, проволочный, сделан из узкой плосковыпуклой пластинки с загнутым концом. Второй конец отломан.

Железный браслет с заходящими концами также сделан из круглой проволоки диаметром в 3 мм (рис. 7, *31*).

Железо применялось также для изготовления ручных, а возможно, и височных колец. Их найдено четыре. Они сделаны из толстой круглой проволоки. Одно из височных колец спиральное в три оборота. Три другие — с заходящими концами. У одного один конец уплощен и расширен в виде щитка (рис. 7, *19*). Среди последних выделяется очень маленькое колечко, внутренний диаметр которого составляет 1,1 см (рис. 7, *18*).

Кроме железных колец найдены два бронзовых, сделанных из тонкой проволоки. Первое из них — с заходящими концами (рис. 7, *13*) и второе — с отогнутым концом, другой конец отломан (рис. 7, *16*).

Возможно в качестве украшения одежды служили тонкие металлические бляшки. Их найдено две. Одна — квадратная, почти целая, со штампованным пунктирным орнаментом по краю и двумя отверстиями в центре для пришивания (рис. 7, *22*). Близкая по форме бляшка была найдена в Мастюгинских курганах[62]. Вторая бляшка поломана.

Здесь следует отметить также находку тонкой, широкой металлической пластинки, темно-серого цвета с пунктирным рельефным орнаментом (рис. 7, *30*). Судя по всему, она служила в качестве обкладки какого-то предмета, возможно ремня.

О предметах литейного производства было сказано выше. Здесь остановимся лишь на литейных формах.

Найденные литейные формы делятся на две группы. Одни — сделаны из глины и обожжены. Они подпрямоугольной формы, сравнительно тонкие, двусторонние. Вторые — представляют собой подчас грубые кусочки мергеля, у которых обработана лишь одна сторона с ячейками для отливки. Все литейные формы, за исключением двух, подобно льячкам, найдены в нижнем горизонте культурного слоя. Это позволяет отнести их к более древнему комплексу находок с грубой керамикой кузиногорского типа.

Все глиняные формы служили для отливки привесок и бляшек. В одной из них, двусторонней, отливали с одной стороны привески подгорцевского типа[63], состоящие из трех маленьких полушарий (рис. 11, *2, б, 7*), а с другой стороны — треугольные привески (рис. 11, *2, а, 6*). Во второй форме, вырезанной из мергеля, отливали с лицевой стороны близкие к описанным привески треугольной формы (рис. 11, *36*), а с обратной — крестообразные при-

[56] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитоновки. ИАК, вып. 17, курган CDXLVII, стр. 92, рис. 25.

[57] О. І. Тереножкін. Курган біля с. Глеваха. «Археологія», т. IX. Київ 1954, стр. 90, табл. I, *12*.

[58] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

[59] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках..., курган CDXXXII, рис. 14.

[60] Смела, т. II, табл. XVIII, *8*.

[61] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, рис. 33.

[62] ОАК за 1905 г., стр. 82, рис. 97, *1* (исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии).

[63] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. «VI научная конференция Института археологии АН УССР». Киев, 1953, табл. 1,7.

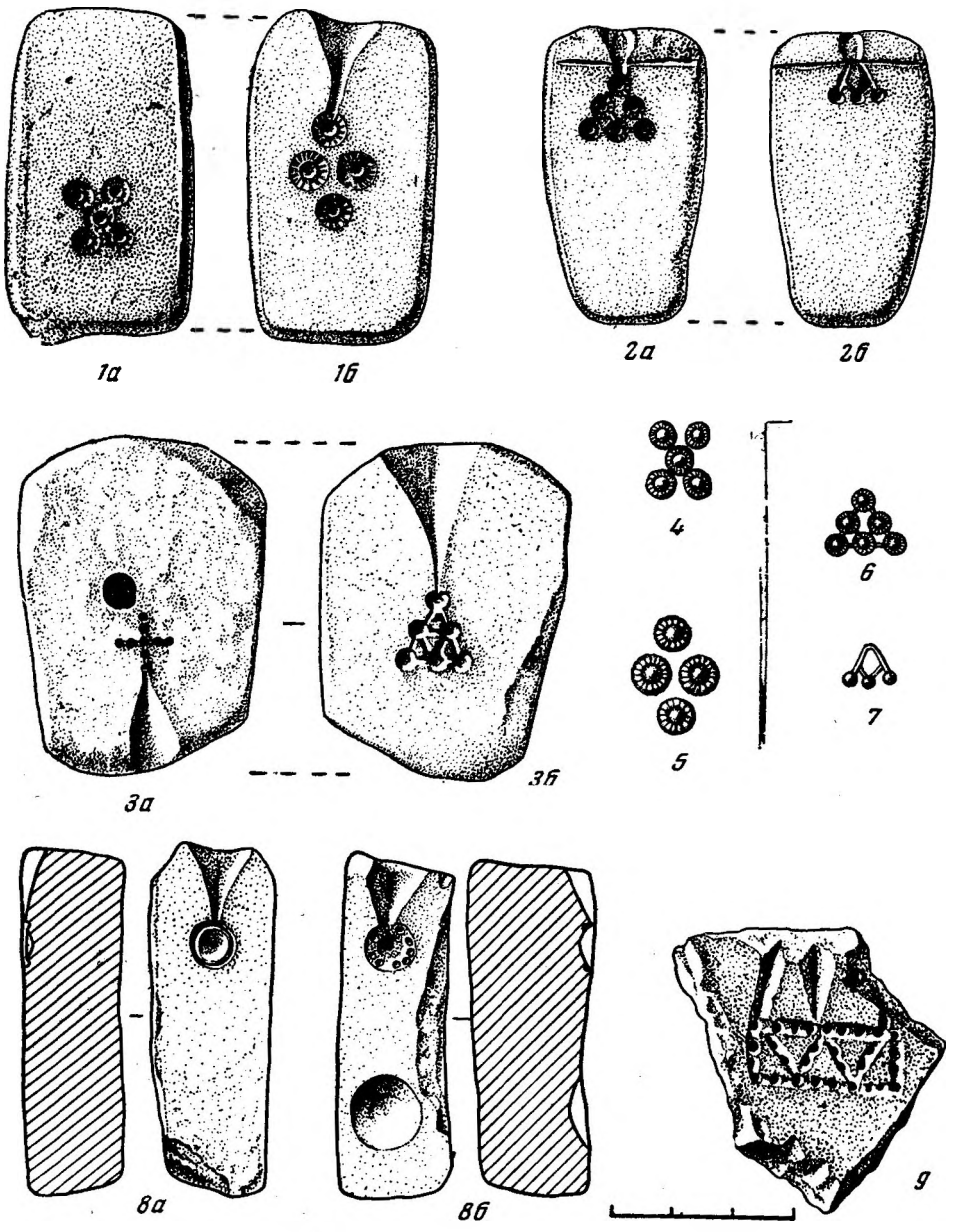

Рис. 11. Городище Кузина Гора:

Литейные формы и оттиски из них: *1а, б, 2а, б* — глина; *3а, б, 8а, б, 9* — мергель; *4, 5, 6, 7* — оттиски

вески или зернь (рис. 11, *3а*). Третья форма, двусторонняя, служила для отливки бляшек (рис. 11, *1а, б, 4, 5*). Этот тип бляшек хорошо известен среди скифских материалов (например, бляшка из Нижних Серогоз) [64].

Четвертая форма, односторонняя, отличается внешней грубостью, особенно с обратной стороны. Она служила для отливки подпрямоугольных бляшек. Эта форма найдена в верхнем горизонте культурного слоя и, по-видимому, относится к позднему времени (рис. 11, *9*).

Целая серия литейных форм служила для отливки круглых бляшек разной формы. Среди глиняных найдены две, служившие для отливки мелких полушарий. Этот тип литейных форм относится к числу широко распространенных. Большой интерес представляет массивная двусторонняя глиняная форма для отливки трех типов бляшек: с рельефным

[64] ОАК за 1894 г., стр. 80, рис. 114—116.

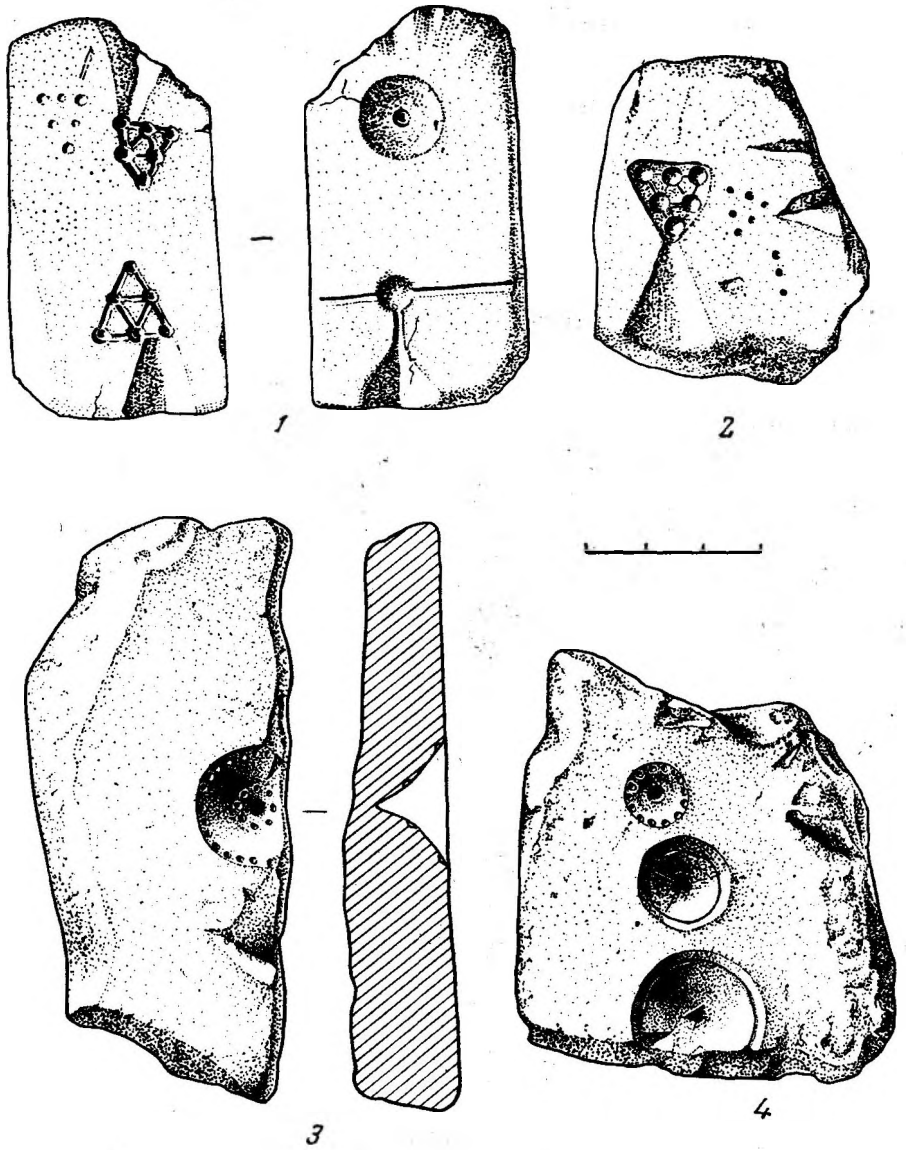

Рис. 12. Литейные формы из мергеля:

1, 3, 4 — Городище Кузина Гора; *2* — Городище Кудеярова Гора

кольцевым орнаментом, с псевдозернью и полушарной формы (рис. 11, *8 а, б*).

Особую группу составляют литейные формы, сделанные на необработанном куске мергеля. У них сглажена лишь одна рабочая поверхность (рис. 8, *12, 13*; 12, *3, 4*). Все эти формы были предназначены для отливки конусных и значительно реже полушарных бляшек и, возможно, височных привесок. Нередко одна и та же форма служила для отливки нескольких предметов.

Находки литейных форм, служивших для отливки украшений, представляют огромный интерес (рис. 12). Здесь в первую очередь следует отметить преобладание форм для отливки конусных бляшек с рельефным орнаментом. Этот тип бляшек был сравнительно мало распространен в скифском мире. В то же время он известен на западе и на Кавказе[65] в более раннее время. Литейные же формы для отливки полушарных бляшек с псевдозернью и филигранью, широко известные среди скифских мате-

[65] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур эпохи энеолита и бронзы. Баку, 1959, табл. XXI, *5*.

риалов, были найдены в Ольвии в слоях VI—V в. до н. э.[66]

Пряслица, встреченные на городище, отличаются большим разнообразием форм. Их можно разделить на 15 типов. Некоторые из них тщательно выделаны из хорошей глины и сглажены. На одном из них прослеживается даже слабое лощение. Другие асимметричные, грубые, изредка содержат в глине примесь шамота. Они могли быть и грузиками, но с определенностью утверждать это мы не имеем основания. Поэтому рассмотрим их вместе, разделив на указанные выше типы.

1. Пряслица битрапецоидные (девять штук). Они выделяются среди остальных сравнительно малыми размерами 2—2,5 см, хорошей обработкой поверхности и, главное, очень большим диаметром отверстия (0,8—1 см).

Одно из этих пряслиц, наиболее крупное (2,5 × × 3 см), было орнаментировано нарезными крестиками и другими знаками (рис. 13, *5*).

Другое с более узким отверстием (0,5 см) было орнаментировано мелкими ямками (рис. 13, *1*).

2. Округло-биконическое пряслице (рис. 13, *2*) орнаментировано на одном из скатов ямками, нанесенными щепкой и ногтем.

3. Катушкообразные пряслица или грузики (28 штук) составляют самую большую группу. Преобладающее большинство из них низкие — высота едва превышает ширину, со слабо выраженным перехватом посредине (рис. 13, *10, 11, 13*). Высота их 2,5—3 см, диаметр около 3 см. Четыре из них орнаментированы насечками (рис. 13, *10*) и одно дополнительно расходящимися от отверстия четырьмя бороздками (рис. 13, *11*). Одно пряслице удлиненных пропорций украшено редкими ямками.

Описанный тип встречен в зольниках Бельского городища[67].

4. Усеченно-конические грузики по количеству находок занимают второе место (20 штук). Преобладают — размером 3 × 3 см при ширине верхней площадки 1,5—1,8 см. Отверстия различного размера — от очень узких до широких (0,9 см). Четыре грузика имеют слабо наклоненные стенки и два — почти правильной конической формы.

5. Усеченно-конические с перехватом (16 штук). Эти грузики занимают промежуточное положение между усеченно-коническими и катушкообразными. По пропорциям они сходны с пряслицами типа 4. У нескольких грузиков верхняя часть закругленная, у остальных — плоская. Три грузика орнаментированы: один — насечками по краям; второй — группами ямок на боках и одним рядом ямок внизу вокруг отверстия (рис. 13, *12*). Орнамент третьего представляет сложную композицию из ямок и продольных желобков (рис. 13, *15*).

6. Грушевидные грузики (две штуки), диаметром в 3 см, при высоте 3,5 и 3,7 см имеют узкое отверстие — 2,5—3 мм (рис. 13, *8*).

7. Цилиндрические грузики (две штуки). Один небольшой, орнаментированный наколами (рис. 13, *6*), второй несколько крупнее, с закругленными углами.

8. Шарообразные пряслица или грузики (семь штук), неправильно округлые, размером 3—4 см, с широким отверстием — 5—7 мм и лишь у одного — отверстие в 3 мм (рис. 13, *16*).

Один грузик маленький, диаметром в 2 см.

9. Биконические пряслица (девять штук), крайне асимметричные, несколько уплощенные. Их диаметр 3—3,5 см, а высота — 2,5—3 см. Лишь одно из них, грубо сделанное, было размером 2 × 2 см.

10. Грузик с утолщением посредине (три штуки) как бы с валиком.

11. Лепешковидные (восемь штук) грузики асимметричные, грубо сделанные, размером 2,5—3,5 см.

12. Кольцевидный, плоский, размером 2,5 × 1,1 см.

13. Колоколовидные грузики (три штуки). По форме они похожи на крупные глиняные ворворки, размером 2,8—3 см внизу и при такой же высоте. Нижняя поверхность у двух вогнута (рис. 7, *10*; 13, *9*).

14. Боченковидные, удлиненные грузики (шесть штук), диаметром 1,5—2 см и высотой в 1,7—3 см, часто с асимметрично расположенным отверстием (рис. 13, *14*).

15. Челночковые (две штуки), узкие и длинные. Их размер — 1,7 × 2,5 см и 2,3 × 3 см.

Интересными и своеобразными предметами являются так называемые блоки. Они представлены двумя типами, относящимися к различным хронологическим периодам. Более древний тип имеет вид сильно вздутой лепешки с плоской нижней поверхностью (рис. 13, *17*, 14, *7*). На верхнюю округлую поверхность нанесены глубокие конические ямки, чаще расположенные без определенного порядка, иногда же им придана определенная система. Средний диаметр их 8—10 см. В виде исключения встречаются совсем небольшие — до 5 см в диаметре.

Этот тип блоков был встречен на Плаксинском городище в нижнем культурном слое, содержавшем керамику кузиногорского типа. В верхнем слое этого же городища были блоки иной, удлиненной формы, в виде картофелин, названные нами условно яйцевидными. Они сопровождали юхновскую керамику. На Кузиной Горе этот тип блоков встречен в единичных экземплярах, что вполне соответствует крайне незначительному количеству юхновской керамики, распространенной на кузиногорском городище.

Интересны находки глиняных «лепешек» (рис. 14, *6*), диаметром 6—10 см и толщиной 0,7—1,5 см. В середине их имеется глубокая ямка. По-видимому, они служили в качестве подставки. Единственный предмет, который мог быть помещен в эту ямку,— это тигелек.

Кроме того, были найдены лепешечки совсем маленькие, диаметром 2,5—3 см. Одна из них тонкая, плоская, другая — массивная, неправильного сечения.

Довольно частой находкой на городище являются миниатюрные сосудики. Чаще всего находят от них лишь днища. Дошедшие до нас целые сосудики чрезвычайно интересны, так как дают представление о формах сосудов, бытовавших на городище. Здесь имеются сосудики баночной формы. Один из них с цилиндрическим туловом, суженным у дна. Второй — бочкообразный (рис. 9, *1*), третий баночной формы с отогнутым краем (рис. 9, *4*). Один сосудик широкогорлый со слабо выпуклыми плечами.

Вторую группу составляют сосудики бокаловидной формы с узким дном и расширенным устьем (рис. 9, 2). Из них особенно интересен сосудик с узким поддоном (рис. 9, *3*).

---

[66] Т. Н. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 177, рис. 18, *1, 2*.

[67] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. Исследование Бельского городища. «Труды XIV АС», т. III. М., 1911.

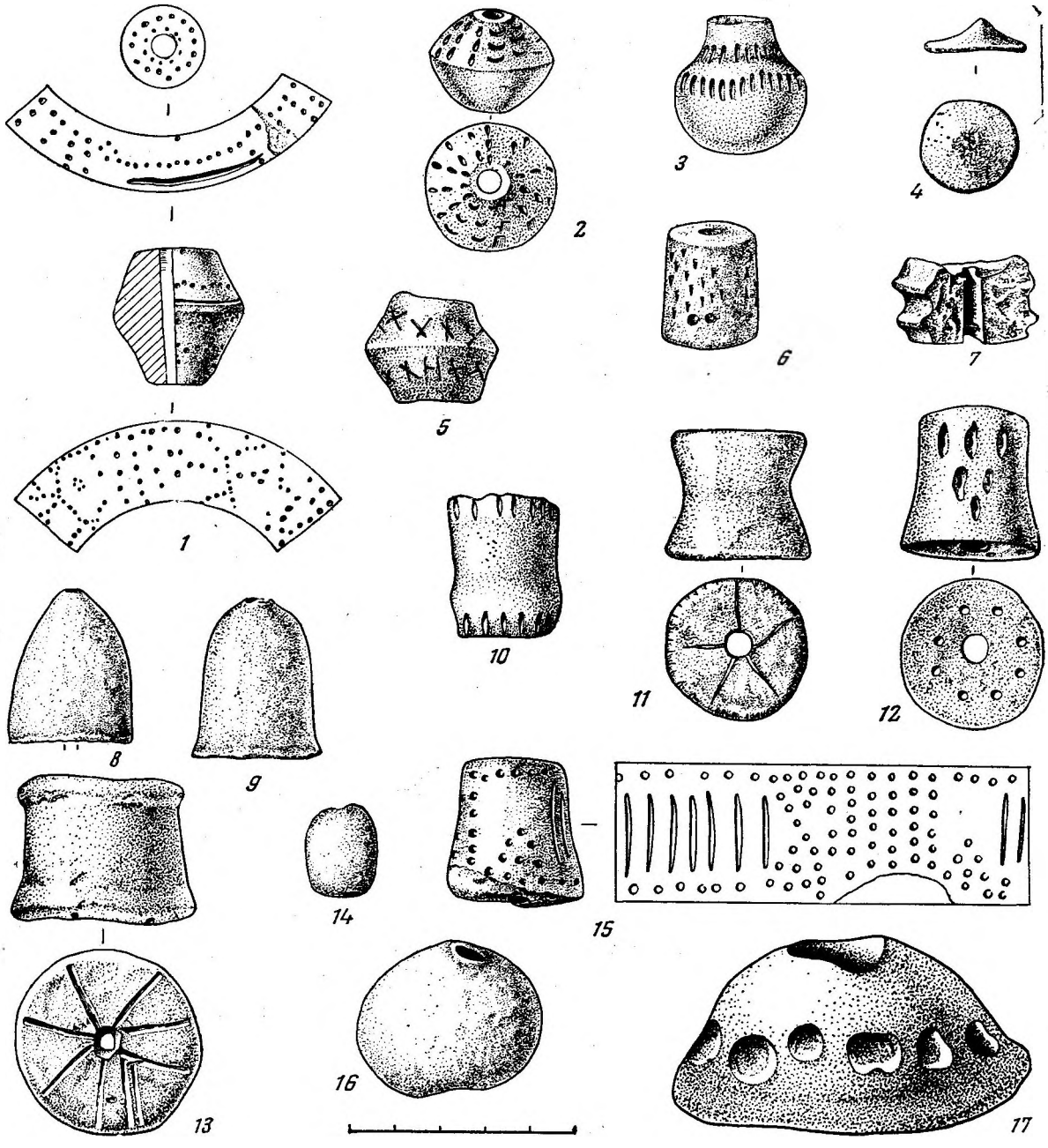

Рис. 13. Городище Кузина Гора:
Грузики, пряслица и блоки (*1—7*)

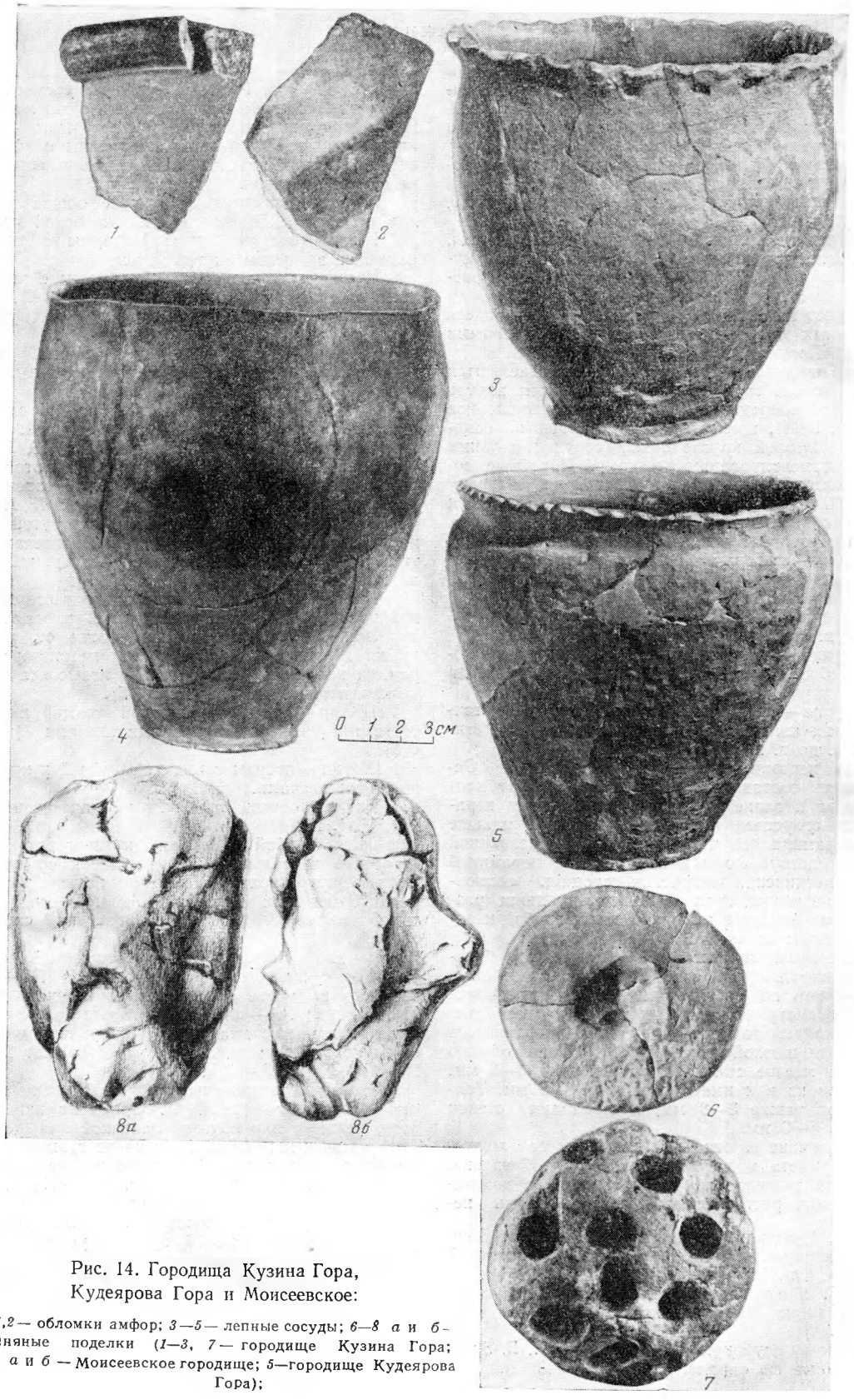

Рис. 14. Городища Кузина Гора, Кудеярова Гора и Моисеевское:

1,2 — обломки амфор; *3—5* — лепные сосуды; *6—8 а* и *б* — глиняные поделки (*1—3, 7* — городище Кузина Гора; *4,8 а* и *б* — Моисеевское городище; *5*—городище Кудеярова Гора);

Чашевидные сосудики близки по форме к сосудику с поддоном. Они отличаются меньшей высотой. Один из них был также с поддоном (рис. 9, *10*), а второй — с расширенной ножкой (рис. 9, *9*).

Интересен и фрагмент чаши в виде перевернутого конуса с насечками по краю (рис. 9, *15*).

Очень интересен сосудик в виде плошки (рис. 9, *7*) с округлым дном.

Аналогичная плошка, очень грубо вылепленная, была найдена на Кудеяровой Горе с керамикой кузиногорского типа. Сюда же следует отнести фрагмент плошки с прямыми стенками (рис. 9, *6*).

Обращает на себя внимание сходство всех здесь перечисленных сосудиков с сосудами, найденными в курганах Посулья[68].

Среди найденных сосудиков резко выделяются два. Один, очень грубой лепки, с загнутым внутрь краем, имеет посредине тулова сильно утолщенное ребро (рис. 9, *14*), возможно подражающее налепному валику. Второй круглодонный сосудик с узким горлом, орнаментированный ямками. Подобные сосуды характерны для милоградской культуры[69] (рис. 13, *3*). Среди керамического материала были встречены обломки амфор. По определению И. Б. Зеест[70], они относятся к четырем разным группам.

I группа — амфоры ионийские с белым ангобом и широкими бурыми лакообразными полосами, датируются началом VI в. до н. э. (рис. 14, *1*, *2*).

II группа — амфоры с белым ангобом, датируются VI в. до н. э.

III группа — амфоры из серой глины, происходят из Лесбоса, датируются VI — началом V в. до н. э.

IV группа — средиземноморские амфоры; точнее район их изготовления пока неизвестен, датируются V в. до н. э.

Лепная керамика городища неоднородна. Основную массу составляет грубая керамика (от примеси шамота в глине), выделенная нами как керамика «кузиногорского типа». Значительно меньше гладкой керамики без примесей в глине, названной нами по сходству форм и орнамента с керамикой некоторых деснинских юхновских городищ, «юхновской». Эта керамика, судя по количеству днищ, размеры которых близки к размерам днищ грубой керамики, составляет лишь около десятой части.

Сосуды кузиногорского типа отличаются большой небрежностью выделки. Часто они кособокие, вследствие чего по фрагментам трудно определить истинный диаметр сосуда. Орнамент нанесен небрежно наколом, возможно, первым попавшимся прутиком или щепкой (рис. 14, *3*). Шейки обычно на 1—2 мм тоньше стенок. Толщина шеек 3—8 мм. Большинство из них имеют толщину 4—5 мм. Толщина стенок также 3—8 мм, преобладают стенки толщиной в 5—6 мм.

Эта керамика в основной своей массе желтовато-серого цвета и довольно хорошо обожжена. Несмотря на то, что собрано значительное количество обломков, реставрировать удалось лишь несколько сосудов. Поэтому о форме сосудов приходится судить лишь по обломкам верхней их части. Последняя особенность затрудняет часто разделение керамического материала на типы по форме сосудов, так как границы между отдельными типами недостаточно резки.

Здесь выделяются следующие общие типы как для кузиногорской, так и для юхновской керамики:

I тип — сосуды баночной формы с округлыми боками и загнутым внутрь краем.

II тип — сосуды баночной формы с вертикальными в верхней части стенками (рис. 15, *2*). Вариантом этой формы являются сосуды с отогнутым наружу краем.

III тип — сосуды с длинной прямой шейкой, постепенно переходящей в едва намеченные плечи (рис. 15, *4*).

IV тип — сосуды с короткой (1—1,5 см) слабо отогнутой и изредка прямой шейкой и слабо выраженными приподнятыми плечами (рис. 15, *10*).

V тип — сосуды с короткой слабо отогнутой и изредка прямой шейкой и округлыми преимущественно слабо выраженными плечами (рис. 15, *10*; 16, *8*).

VI тип — сосуды с короткой отогнутой шейкой и слаборазвитыми низко опущенными плечами. Этот тип имеет два крайних варианта — с прямой шейкой и значительно отогнутой (рис. 16, *7*).

VII тип — сосуды с дугообразно изогнутой шейкой и слабо- или среднеразвитыми плечами. Этот тип сильно варьирует в зависимости от размеров шейки и степени ее отгиба. Для кузиногорской керамики характерна сравнительно невысокая шейка и незначительный изгиб (рис. 16, *5*).

VIII тип — сосуды с высокой прямой или слабо отогнутой шейкой и округлыми плечами (рис. 16, *4*, *6*).

IX тип — сосуды с высокой шейкой и низко опущенными плечами.

Для юхновской керамики не характерны типы VII, VIII, IX.

Среди грубой керамики кузиногорского типа встречено несколько обломков мисок со слабо загнутым внутрь краем, аналогичных миске из Восточного Юхновского городища Десны[71]. Днища обоих типов керамики подразделяются на следующие типы:

I — дно с прямолинейно отходящей стенкой; II — дно с изогнутой внутрь стенкой; III — дно, у которого в месте соединения со стенкой имеется выступ-рант; IV — дно, для которого характерна выпуклая от самого дна стенка. Среди керамики кузиногорского типа днища I типа составляют 21, II — 25, III — 50 и IV — 7%.

Керамика кузиногорского типа, как правило, орнаментирована (табл. 4). Орнамент нанесен по краю пальцем или круглой палочкой или щепкой в виде насечек или ямок, а также по границе шейки и стенки в одну линию. Он обычно нанесен прямо или под углом к поверхности (рис. 16, *4*, *7*, *8*). Значительно реже орнамент состоит из жемчужин с наружной стороны, проколов и крупных ямок, нанесенных пальцем (рис. 16, *6*), еще реже — из защипов по тулову сосуда (рис. 17, *7*), нарезных линий (рис. 16, *8*) и валика (рис. 16, *3*, *5*). Последний чаще всего расположен низко на шейке сосуда (рис. 17, *1*).

[68] В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 168 и сл.

[69] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1957, рис. 8.

[70] Приношу глубокую благодарность И. Б. Зеест за проведенные ею определения.

[71] А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова, стр. 38, рис. 8.

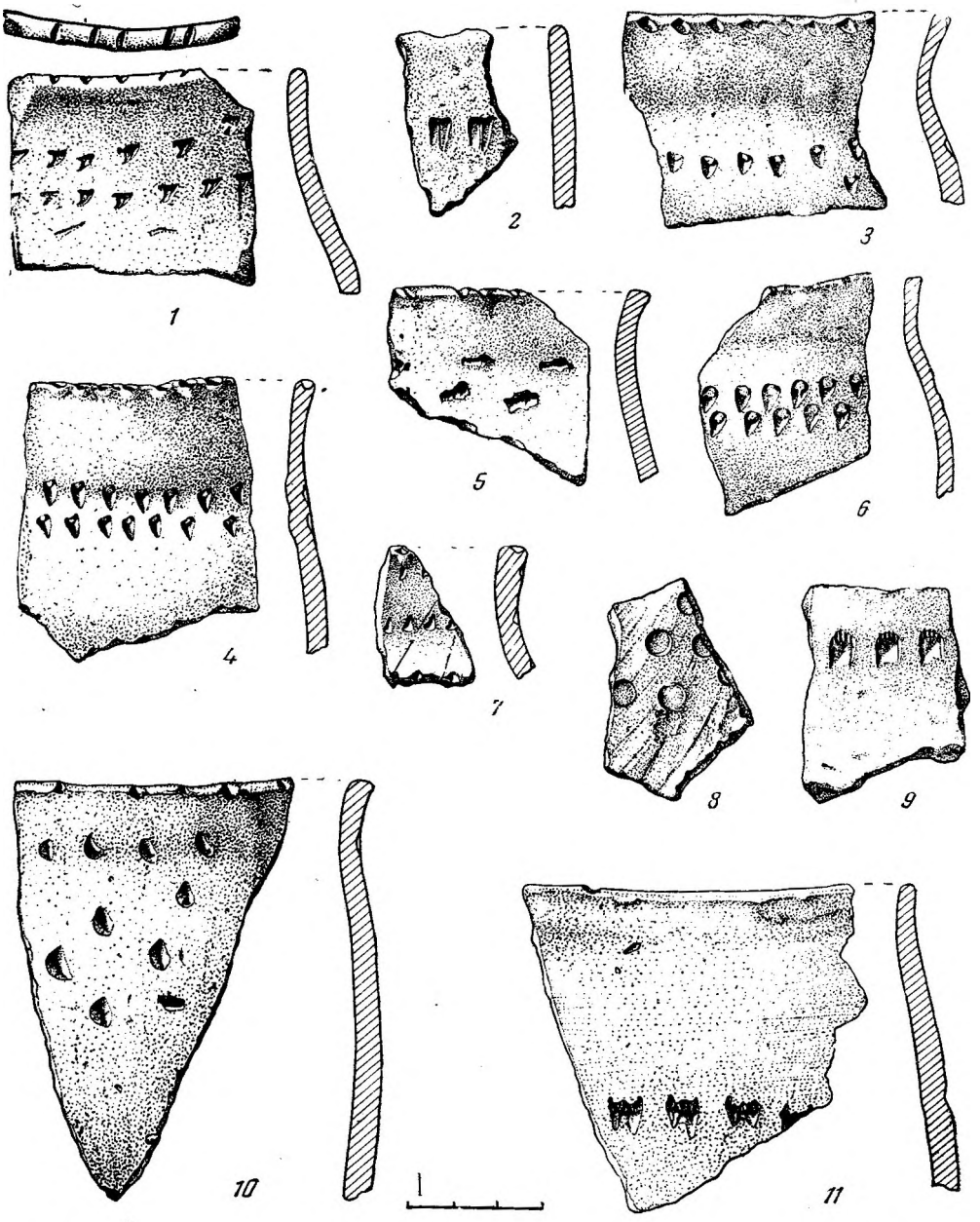

Рис. 15. Городище Кузина Гора. Юхновская керамика плаксинского типа (*1—11*)

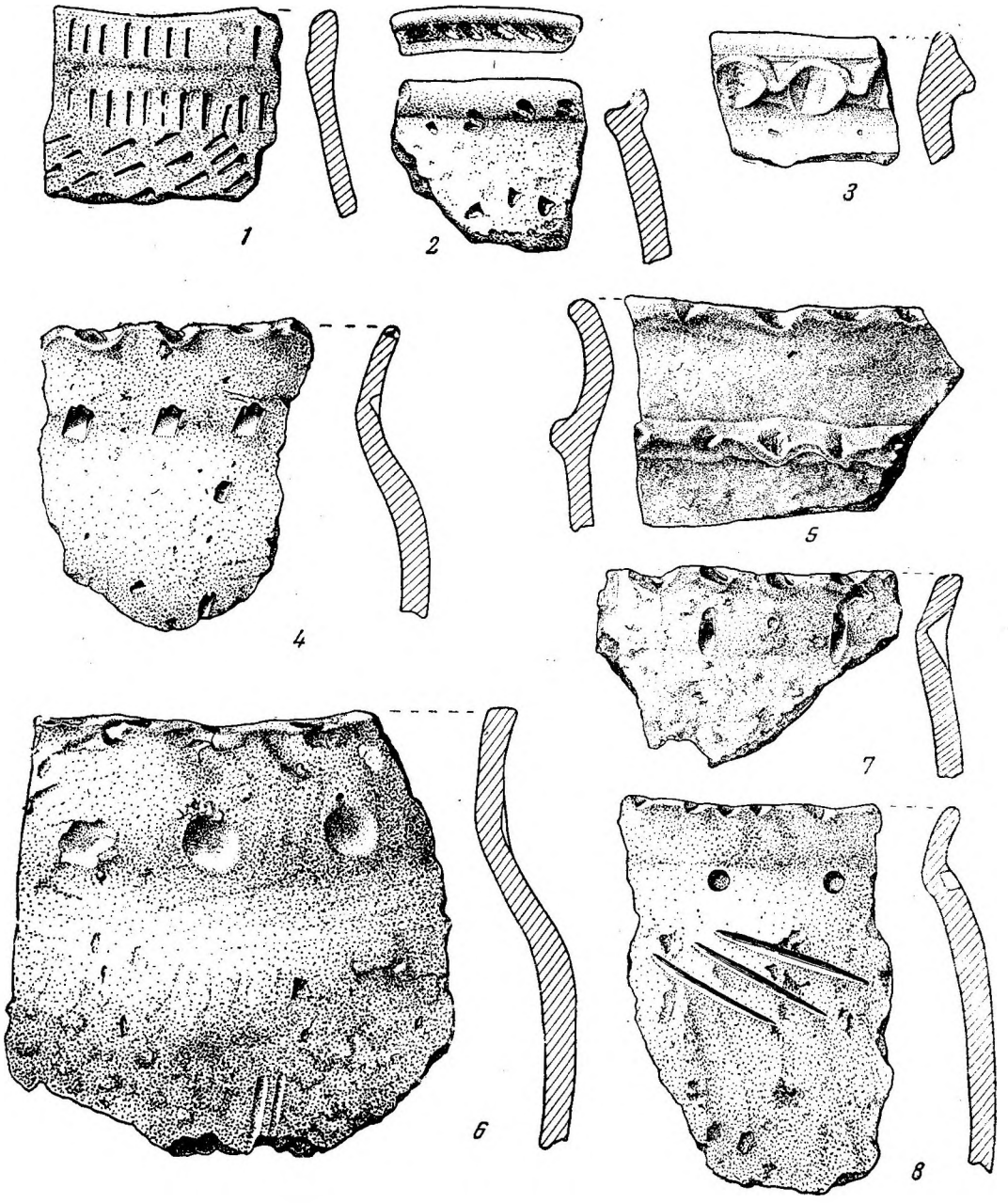

Рис. 16. Городище Кузина Гора. Керамика эпохи бронзы и кузиногорского типа (*1—8*)

Таблица 4

Соотношение различных типов орнамента на сосудах (в %)

Шейка	Край						
	Без орнамента	Пальцевой орнамент		Насечка		Ямка тычковая	Итог
		по краю	по обрезу	по краю	по обрезу		
Проколы . . .	1,4	2,05	0,7	0,7	0,2	0,3	5,35
Жемчужины .	1	1,5	1	0,8	0,6	0,4	5,3
Круглые ямки	5,8	8	5,1	2,5	3,5	1,8	26,7
Ямки, нанесенные щепкой	3,54	3,5	3,3	1,6	1,9	2,1	15,94
Ямки удлиненные (тычковаые)	1,5	1,3	0,9	0,07	0,4	0,3	4,47
Ямки пальцевые	0,9	1,5	3,1	0,2	0,13	0,2	6,03
Ямки серповидные	0,2	0,07	0,07	0,07	0,02		0,61
Без орнамента	14,4	6,3	5,8	1,3	5,9	1,9	35,6
Всего	28,74	24,22	19,97	7,24	12,83	7	

Юхновская керамика темная, почти черная, более тонкая. Она обожжена несколько хуже и поэтому распалась на более мелкие фрагменты. На некоторых сосудах прослеживаются следы вертикального обстругивания ножом. Толщина стенок и шеек у них колеблется в пределах от 2 до 5—6 мм. Здесь прослеживается та же закономерность — шейки сосудов часто бывают на 1—2 мм тоньше стенок. Толщина шеек в основном 3—4 мм, а толщина стенок — 4 мм и значительно реже — 5 мм.

Для юхновских сосудов также характерны широкое горло и еще более слабая профилировка сосудов. Это видно хотя бы потому, что здесь отсутствуют сосуды VII типа, встреченные среди кузиногорской керамики. Остальные типы, отмеченные выше, здесь имеются, но в ином процентном соотношении. Для юхновской керамики характерен III тип. Это почти банка с едва намеченной гранью между шейкой и стенкой (рис. 15).

Размеры днищ примерно те же, что и у кузиногорской керамики. Что касается их формы, то, во-первых, здесь нет днищ IV типа с рантом и максимально распространен II тип. Он составляет 60%. Представление о форме дает реставрированный сосуд из Моисеевского городища (рис. 14, *4*).

Орнамент расположен чаще всего на плече, изредка наверху у обреза венчика сосуда. Обычно он состоит из опоясывающего сосуд ряда ямок, нанесенных щепкой (рис. 15, *1, 2, 5, 9, 11*) или круглой палочкой под углом к поверхности сосуда (рис. 15, *3, 4, 6*). Крайне редко бывает более сложный узор в виде треугольников (рис. 15, *10*). Обрез сосуда иногда орнаментирован насечками или небольшими ямками (рис. 15, *1, 4 — 7*).

Юхновская и кузиногорская керамика на описываемом городище стратиграфически резко не разграничиваются вследствие малой мощности слоя. В то же время на соседнем, Плаксинском городище,

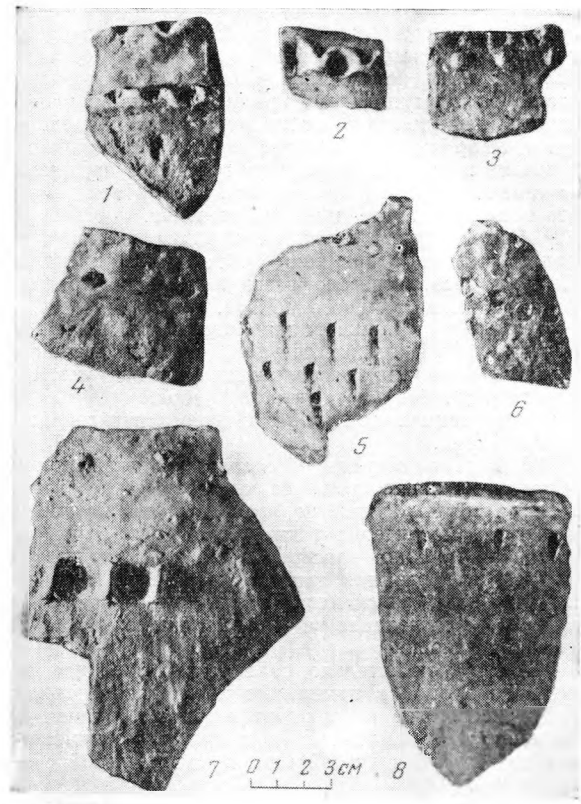

Рис. 17. Городище Кузина Гора.
1, 2, 5— редкие типы орнамента;
3, 4, 8 — керамика кузиногорского типа

где была прослежена четкая стратиграфия, они характеризовали собой два разных слоя, а именно — юхновская керамика вместе с яйцевидными блоками была в верхнем — черном — культурном слое. Керамика же типа кузиногорской залегала вместе с ямчатыми блоками в нижнем серовато-желтоватом слое.

Присутствие этих двух типов керамики на Кузиногорском городище, следовательно, свидетельствует о двух периодах в жизни городища.

Помимо керамики раннего железного века, на городище в трех пунктах встречена разновременная керамика эпохи бронзы.

Особенно большая группа керамики была обнаружена на мысовой части городища, в основном к югу от въезда. Возможно, здесь была кратковременная стоянка. Кроме керамики, здесь были найдены терочник и кремневый наконечник стрелы. Керамика плоскодонная, с довольно толстыми стенками, богато орнаментированная нарезным и шнуровым ор-

наментом, иногда в сочетании с ямочным или жемчужным. По-видимому, это местный вариант сосницкой культуры. Более подробные сведения о керамике даны в работе И. И. Артеменко [72].

Вторая очень небольшая группа керамики обнаружена с северной стороны городища, обращенной в сторону оврага, недалеко от вала. Здесь она не образовала компактной массы, а залегала разрозненно и в небольшом количестве. Среди этой керамики наряду со слабопрофилированными сосудами (рис. 16, *1, 2*) встречались и баночные формы со слегка загнутыми внутрь краями. Орнамент нанесен коротким подпрямоугольным штампом наподобие насечек. Узор имеет вид одной или нескольких параллельных линий, опоясывающих горло сосуда, часто в сочетании с рядами наклонных линий. По-видимому, это несколько более древнее поселение.

Третья группа керамики найдена на противоположном краю городища, обращенном в сторону Сейма. Здесь встречено всего несколько обломков керамики неолитоидного облика.

Помимо керамики эпохи бронзы, здесь найдены обломки от нескольких сосудов, орнаментированных мелкими наколами, расположенными под углом к поверхности, без определенного узора.

Остановимся на вопросе о назначении городища Кузина Гора.

В первую очередь обращает внимание мощная оборонительная система со сложным устройством въездов на городище, не известная по другим памятникам. Характерна также планировка внутри городища, а именно — застроенность всей площадки и отсутствие места для загона скота. Само размещение построек, спускающихся местами одной стороной на склон, создает не пригодные для жилого помещения условия.

Также показательно сравнительно редкое размещение входов в помещение в середине городища и сосредоточение их у ворот городища, причем наблюдается стремление усложнить проникновение внутрь постройки устройством дополнительной стены перед ней.

Не менее показательно отсутствие очагов внутри построек, отсутствие хозяйственных ям и очень слабая насыщенность пищевыми отбросами культурного слоя. Это видно хотя бы из сравнительной таблицы 5, показывающей соотношение фаунистического материала, собранного на двух соседних городищах — Плаксинском и Кузина Гора.

Таблица 5

Количество костных остатков

Наименование городища	Размер вскрытой площади (в кв. м)	Количество костей	Количество костей на 1 кв. м
Кузина Гора	4700	1400	0,34
Плаксинское	20	660	33

Учитывая, что на Плаксинском городище культурный слой во вскрытой части в среднем в четыре раза толще, получаем следующее соотношение. На Кузиной Горе на один штык приходится 0,34 кости, а на Плаксинском — 8 костей.

Все это указывает на особое назначение данного городища, выделяющегося среди других рядом особенностей.

Очевидно этот сильно укрепленный пункт был центром родоплеменной группы, который служил одновременно убежищем и местом отправления культа, хотя о последнем мы не имеем пока прямых данных.

Время возникновения городища первоначально в виде неукрепленного поселения можно установить на основании всего вещевого материала, который укладывается, за исключением железных наконечников стрел, в хронологические рамки VI—V вв. до н. э. Последующее заселение городища юхновцами с керамикой плаксинского типа было кратковременным, не оставившим каких-либо следов перестройки.

Плаксинское городище

Городище расположено на расстоянии около 3 км от Сейма и на несколько меньшем расстоянии от маленькой мелководной речушки Ломни, впадающей справа в Сейм, к югу от дер. Верхнее Плаксино, в конце старого лога, в урочище Рыльск. С двух сторон оно ограничено оврагами. С напольной стороны к городищу идет спуск. В этом месте оно защищено тремя валами и рвами [73]. Внутренний вал самый большой. Он возвышается на 3,5 м над уровнем площадки и около 5 м от дна рва. Вершина второго вала расположена на высоте 3 м от дна того же рва и на одном уровне с поверхностью соседнего поля. Третий вал представляет собой низкую гряду в 1,2 м, считая от дна второго рва, и на 40 см от дна внешнего рва и расположен в целом ниже уровня поля. Мыс городища сильно вытянут и имеет пологий спуск. В месте спуска, на перегибе площадки, был, в свою очередь, насыпан короткий вал, высотой 1,5 м. В центре он перерезан старой дорогой, спускавшейся вдоль мыса. Размер площадки 120 × × 40 м. Высота городища, считая от подошвы мыса, 28 м. Вдоль городища, посредине площадки, прослеживается невысокий гребень естественного происхождения.

На восточном склоне городища, на расстоянии 35 м от подошвы вала, была обнаружена яма прямоугольных очертаний 4 × 4 м, возможно землянка военного времени, обнажившая край площадки городища. Зачистка ее стенок выявила два различных по цвету и материалу культурных слоя.

Двумя контрольными траншеями, из которых одна была заложена на продолжении зачистки старой ямы на восточном склоне городища (траншея 1), другая — ближе к мысу на расстоянии 10 м от первой, выявлены особенности в стратиграфии. В траншее 1, более короткой (5 м длины), расположенной в основном на древнем склоне, верхний темно-коричневый слой, толщиной в 35—40 см, подсти-

[72] И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе. СА, 1961, № 2, стр. 232—236.

[73] План городища помещен в статье А. Е. Алиховой «К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья». КСИИМК, 77, 1959, стр. 15 и сл.

лался рыхлой золистой прослойкой, доходящей в середине траншеи до 30 см. К концам траншеи прослойка выклинивалась. Под ней был серовато-желтый культурный слой, на 20—40 см, увеличивающийся к склону. Его подстилал насыпной слой, начинавшийся как раз у конца траншеи и постепенно увеличивавшийся к склону до 1,1 м (в участке 4). Этот слой чрезвычайно плотный, светло-серого цвета, перемешанный с мелкими угольками и кусочками обожженной глины. В нем было найдено несколько мелких фрагментов стенок сосудов, сделанных из глины без примесей. По внешнему виду они отличались от керамики лежащих выше слоев.

Этот слой был насыпан с целью выравнивания площадки городища. В нем на совершенно горизонтальной верхней поверхности была вырыта канава шириной в 50 см и такой же глубины. Очевидно эта канава служила для установки бревен для частокола. Она была прослежена и в траншее 2.

Других канав, подобных тем, которые открыты на городище Кузина Гора, выявить не удалось.

Различные по цвету слои этого городища отличались также и по керамическому материалу. Для верхнего слоя характерна юхновская тонкостенная керамика без примесей в глине. В нижнем, серовато-желтом, слое была грубая керамика с примесью шамота (см. ниже), близкая к распространенной на городище Кузина Гора, хорошо датированном рубежом VI — V вв. до н. э.[74]

Траншея 2 длиной в 22 м от середины площадки до края показала, что на площадке слой тонок (до 0,2 м) и стратиграфически не разделяется. Лишь у самого склона наблюдается расслоение, аналогичное только что описанному для траншеи 1.

Здесь, у склона, стратиграфия несколько сложнее. Она показала, что на древней поверхности, местами на склоне, лежала обожженная глина, поверх которой и был насыпан перемешанный с угольками слой. В этом слое, разрезая также и пласт обожженной глины, была вырыта глубокая канава (до 1 м). Второй канавы, аналогичной кузиногорской, нам выявить не удалось.

Очень ценной находкой, подтвердившей принятую нами для нижнего слоя Плаксинского городища датировку, был обломок бронзового трехперого с щипом наконечника стрелы конца VI в. до н. э., обнаруженный в нижнем слое.

Особый интерес представляет анализ орнамента грубой керамики нижнего слоя (табл. 6).

Керамика верхнего слоя тонкостенная, без примесей в глине, выделяется сравнительно большим количеством фрагментов с орнаментом. Орнамент в виде плоскодонных круглых ямок или подпрямоугольных, нанесенных щепкой, обычно расположен на плече. Иногда он образует узор в виде двух линий или треугольников.

Исследование Плаксинского городища очень ценно тем, что дало четкую стратиграфию и позволило расчленить два различных комплекса керамики, часто встречаемых вместе, а, кроме того, подтвердило еще раз большую древность нижнего слоя, содержавшего керамику, по терминологии И. И. Ляпушкина, зольничного типа[75].

Таблица 6

Соотношение различных типов орнамента на сосудах (в %)

Шейка	Край						Итого
	Без орнамента	Пальцевой орнамент		Насечка		Ямка тычковая *	
		по краю	по обрезу	по краю	по обрезу		
Проколы	4	9,5	4,7		1,6		19,8
Жемчужины . . .	4,8	14,3	11,1	7,2	4	2,3	43,7
Круглые ямки . .	2,4	0,8	8,7	0,8			12,7
Ямки, нанесенные щепкой	0,8			0,8	0,8	0,8	3,2
Ямки удлиненные (тычковые) . .	0,8		3,2				4
Ямки пальцевые		0,8					0,8
Ямки серповидные		0,8					0,8
Без орнамента . .	4,7	0,8	7,1	1,6	0,8		15
Всего . . .	15,1	27	34,8	10,4	2,4	3,1	100

* Тычковую ямку наносили круглой палочкой под углом к поверхности. В плане ямка удлиненная с одним круглым концом и другим острым.

Городище Кудеярова Гора

Городище расположено на мысу с крутыми склонами, на расстоянии примерно 25 км от Кузиной Горы, на правом высоком берегу Сейма, в 3,5 км к западу от с. Макаровки, против с. Быки. У местного населения оно носит название Кудеярова Гора. Площадка городища имеет форму вытянутой трапеции длиной в 140 м и шириной у вала в 72 м.

В 1954 г. Т. Н. Никольская заложила в центре городища шурф, который дал наряду с роменской керамикой также керамику кузиногорского типа. В целях выяснения характера сооружений на этом городище нами были заложены две разведывательные траншеи у северо-восточного склона — траншея 1 (1959 г.) на расстоянии 21 м от подошвы вала, шириной в 1 м и длиной в 9 м, и траншея 2 (1960 г.) ближе к мысу, на расстоянии 13 м от первой, длиной в 10 м при ширине в 2 м.

Обе траншеи дали близкую стратиграфию. Верхний слой темно-коричневый, более мощный в средних участках (до 70 см), к склону несколько тоньше (50—60 см). К середине площадки мощность его всего 20 см, при этом он сливается с лежащим ниже слоем. В траншее 1 между ним и вторым слоем проходит тонкая коричневая прослойка, возможно остаток погребенной почвы. В первом слое встречена керамика двух типов. Первый тип — грубая с примесью шамота, орнаментированная проколами, бугорками и разного рода ямками или только защипами или насечками по краю. Второй тип — тонкостенная, без примесей в глине, юхновская — гладкая или орнаментированная.

[74] А. Е. Алихова. К вопросу о хронологии..., стр. 15.

[75] Там же.

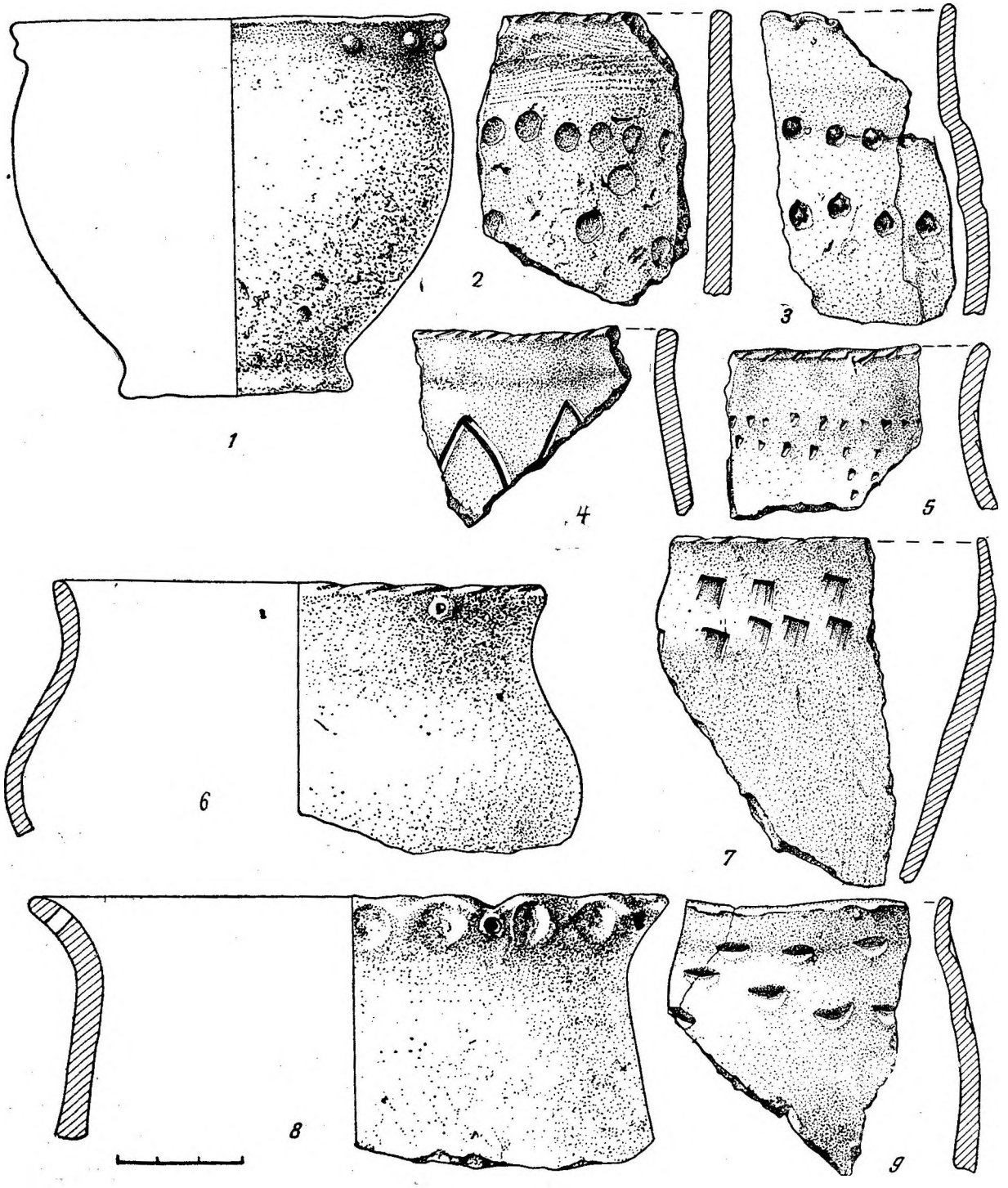

Рис. 18. Керамика:

1 — сосуд с городища Кудеярова Гора; *2—5, 7, 9* — керамика Моисеевского городища; *6* — часть сосуда с Кузиной Горы; *8* — часть сосуда с Березуцкого городища

В траншее 1 встречено несколько фрагментов керамики, близкой роменской, и жернов.

Второй слой светло-серый, золистый, местами с включением кусков мергеля. В траншее 1 этот слой также отделяется от третьего слоя коричневатой прослойкой, а в траншее 2 — небольшим скоплением угля (участки 4, 5) и обожженной глины (участок 3). Мощность этого слоя различна — 40—60 см. К середине площадки городища он утоньшается до 20 см и теряет четкие границы. В этом слое юхновская керамика встречается реже.

Третий слой светло-серый с крошкой мергеля. К склону он приобретает коричневатую окраску (слой 4 а), золистость, включения мелких угольков и тонкие прослойки обожженной глины. Толщина его в разных участках различна (20—60 см). Ближе к середине площадки городища границы его стираются. В траншее 2 в участках, расположенных ближе к склону, его подстилает рыжеватый слой с мелкой крошкой обожженной глины (слой 4).

В слоях третьем и четвертом юхновская керамика не встречается. Для этих слоев характерна керамика, орнаментированная лишь проколами и бугорками. Ямочный орнамент также отсутствует. Господствующей формой являются сосуды с высокой шейкой, плавно переходящей в плечи. Этот слой датируется находкой бронзового трехперового наконечника стрелы со срезанной втулкой V в. до н. э. Культурный слой подстилается слоем погребенного чернозема, чрезвычайно плотным, толщиной в 20—30 см, лежащим на материковом мергеле.

В траншее 1 обнаружен мощный насыпной слой, относящийся ко времени первоначального заселения городища. Очевидно, он насыпан с целью выравнивания площадки городища. Он лежал в основании культурного слоя. Его толщина была различна, а именно — у западного утла траншеи — 1,15 м, а у южного — 1,75 м, но верхняя граница была горизонтальна.

В траншее 2 посредине обнаружен ряд крупных ям для столбов, расположенных перпендикулярно краю городища. Судя по всему, они были вырыты в начальный период жизни городища. Диаметр ям 60—80 см, глубина некоторых ям достигала 1 м. В ямы были поставлены толстые столбы, а свободное пространство — забито мергелем (см. профиль участка 6). О назначении столбов пока судить трудно.

На городище, как было отмечено, найдена как грубая керамика, так и юхновская (в I и II слоях). Основную массу керамики на городище составляет грубая, содержащая обычно довольно значительное количество примеси шамота. Чаще всего она орнаментирована как по краю или обрезу, так и по шейке. Орнамент в виде проколов, бугорков и ямок расположен в одну линию в месте перехода шейки в плечи (рис. 18, *1*), но изредка орнамент в виде проколов нанесен выше, а именно — у края сосуда.

Преобладает орнаментация сосудов проколами, реже — бугорками. Сравнительно большой процент сосудов без орнамента. В орнаментации края преобладают пальцевые вдавления, расположенные по краю, с наружной стороны сосуда. Так же расположены и насечки. Для сосудов с круглыми и тычковыми ямками более типичен неорнаментированный край (табл. 7).

В целом в орнаментации грубой керамики Кудеяровой Горы юхновские элементы, т. е. ямки, нанесенные щепкой или палочкой, косо поставленной к поверхности сосуда, так называемые «тычковые ямки», представлены слабо.

Таблица 7

Соотношение различных типов орнамента на сосудах (в %)

Шейка	Край						Итого
	Без орнамента	Пальцевой орнамент		Насечки		Ямки тычковые	
		по краю	по обрезу	по краю	по обрезу		
Проколы	15,8	13,3	2,3	2,3	2,3		36
Жемчужины . . .	4,6	10	4,7	7			26,3
Ямки круглые . .	7		0,8	1,6		0,8	10,2
Ямки, нанесенные щепкой	0,8			1,6	0,8	0,8	4
Ямки тычковые .	4	0,8	0,8			1,6	7,2
Без орнамента . .	11,7	0,8	2,3		1,5		16,3
Всего . .	43,9	24,9	10,9	12,5	4,6	3,2	100

Как уже отмечено, в верхнем слое наряду с грубой встречается юхновская керамика. Последняя, очевидно, попала сюда в результате размыва слоя на расположенных выше участках городища, а, главное, очевидно, в результате земляных работ, проводившихся последующим населением.

Жизнь юхновских племен здесь была сравнительно короткой, что можно заключить на основании подсчета фрагментов керамики. При этом следует учесть, что юхновская керамика, более тонкостенная, несколько слабее обожженная и более хрупкая, чем кузиногорская, разламывается на большее количество кусков. В связи с этим в подсчет были включены лишь фрагменты днищ, более близкие в обеих группах по размерам и по прочности.

По этим данным получается, что в первом слое, где юхновская керамика максимально представлена, она составляет 10%, а по всем слоям лишь 6%.

Юхновская керамика тонкостенная (4—5 мм) без примесей в глине, слабо профилированная в верхней части, представлена широкогорлыми крупными сосудами со сравнительно узким дном. Диаметр горла чаще всего 24—30 см при ширине дна в среднем 10 см. Эта керамика отличается от юхновской керамики Десны и бассейна верхней Оки отсутствием примеси. Сосуды иногда орнаментированы ямками, а чаще лишь насечками по краю.

Интересна одна особенность, прослеженная в нескольких случаях, а именно — смешение черт, характерных, с одной стороны, для юхновской керамики, а с другой — для грубой. Встречены фрагменты сосудов, внешне типично юхновские по всем признакам, но содержащие незначительное количество примеси шамота в глине; с другой стороны — по форме, орнаменту и обжигу типичные для грубой керамики, но без примеси шамота в глине. Аналогичное явление наблюдалось и на городище Кузина Гора. Пока трудно говорить, является ли это указанием на

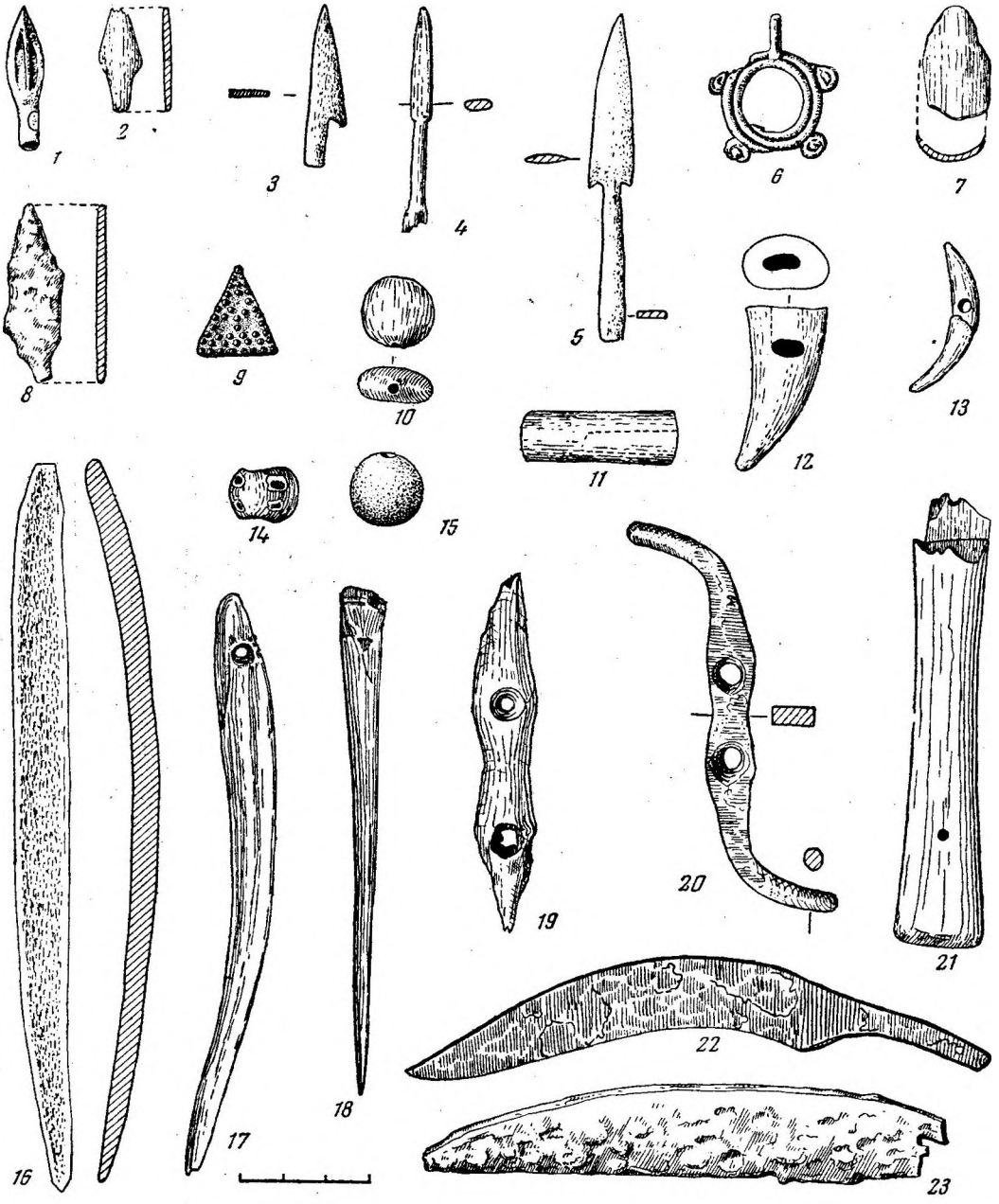

Рис. 19. Городища Моисеевское, Кудеярова Гора и Александровское:

1—5, 8 — наконечники стрел; *6* — привеска *7* — костяной предмет; *9* —литейная форма для привесок; *10, 14, 15* —бусины; *11* —ручка из кости; *12, 13* — амулеты; *16* — пластинчатый предмет; *17, 18* — острия; *19, 20* — псалии; *21* — ручка ножа; *22, 23* — ножи (*1, 6* — бронза; *2—5, 7, 11, 16* — *19, 21* — кость, *10, 15* — глина; *14* — паста, *12, 13* — зубы, *20, 22 23* — железо; *1—5, 8—20, 22* —городище Моисеевское; *6, 21* — Городище Кудеярова Гора; *7, 23*— Александровское городище);

происходящие хронологические изменения в технике изготовления посуды или это свидетельствует о стыке двух этнических групп, для каждой из которых была характерна своя керамика. Пока мы склонны считать последнее.

Третью группу составляет роменская керамика. Ее очень трудно отличить от описанной грубой керамики, так как по примеси шамота в глине, орнаменту в виде пальцевых вдавлений по краю и отчасти по форме она близка кузиногорской. Она встречена лишь в первой траншее. Реставрированный нами сосуд (рис. 14, *5*) по форме сильно поднятых плеч мы склонны считать роменским. С роменским слоем мы связываем небольшой глинобитный очажок и расположенный близ него круглый жёрнов.

Из найденных здесь ранних вещей особенно ценны находки двух бронзовых наконечников стрел, встреченных в первом и последнем культурных слоях. По форме и размерам они совершенно идентичны. Это небольшие (2,5 см) трехперые наконечники с обрезанной втулкой, доходящей до середины пера, типичные для V в. до н. э. Очевидно, к этому же времени можно отнести обломки греческой амфоры.

Интересна круглая кольцевидная привеска, сделанная из спирально свернутой в два оборота проволоки и украшенная четырьмя завитками (рис. 19, *6*).

Из глиняных предметов следует отметить находки обломков миниатюрных сосудов, грузиков и ямчатых круглых блоков.

Городище Кудеярова Гора дает еще один комплекс, датированный V в. до н. э.

Важно то, что керамика этого городища несет в себе больше черт, типичных для западно-сеймнской керамики того же времени [76], чем для кузиногорской.

Марицкое городище

Городище сооружено на одном из отрогов плато, в глубине большого оврага, на расстоянии примерно $^1/_2$—$^3/_4$ км от маленькой речушки Прут, правого притока р. Сейм. Оно расположено к югу от с. Николаевки и к юго-западу от с. Марицы, за железнодорожным полотном, на расстоянии $^1/_2$ км от переезда через него. С двух сторон городище ограничено оврагами. С напольной стороны, на узком перешейке, оно защищено высоким валом, прорезанным ямой кладоискателя.

Заложенные на площадке городища шурфы показали, что мощный культурный слой залегает ближе к валу (шурфы 1 и 2), где он достигает 1,5—1,7 м. Культурный слой однородный, содержащий незначительное количество керамики. Шурфы, расположенные в центре и ближе к мысу, дали тонкий культурный слой.

На городище встречена только керамика. В первом штыке найден фрагмент шейки тонкостенного юхновского сосуда без орнамента и без примеси в глине типа керамики Александровского городища.

Остальная керамика неоднородна по форме и по качеству. Часть сосудов вылеплена из глины с примесью крупных зерен шамота. Другие же сосуды были сделаны из теста лучшего качества с незначительной примесью зерен мелкого шамота. По форме сосуды делятся на несколько типов. Одни из них типичны для скифских памятников лесостепной полосы. Для этих сосудов характерна короткая отогнутая шейка и небольшие покатые плечи. По краю идет ряд насечек или защипов, и по ним же нанесены изнутри проколы. Глина этих сосудов грубая с крупными зернами шамота. Этот тип сосудов близок к первому типу керамики [77], известному на Ширяевском городище, его отличает лишь присутствие шамота.

Второй тип сосудов с прямой, средней высоты, шейкой, плавно переходящей в низко опущенные плечи. Поверхность сравнительно гладкая. Глина тонкая с редкими мелкими включениями шамота. По краю сосудов идет ряд пальцевых вдавлений и тут же среди них размещаются редкие бугорки, выдавленные изнутри.

Этот тип сосудов близок к керамике, распространенной на Восточном Юхновском городище на Десне [78]. От последнего его опять отличает примесь шамота.

Третий тип сосудов сделан из довольно грубой глины с примесью крупных зерен шамота. Это сосуды с небольшой прямой шейкой и невысокими слабо выраженными плечами. По краю нанесены насечки или пальцевые вдавления, иногда в сочетании с бугорками.

Этот тип сосудов близок к грубой керамике городища Кузина Гора и к керамике нижнего слоя Плаксинского городища [79].

Приведем ниже таблицу, показывающую соотношение различных типов орнамента на описанных выше сосудах (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение различных типов орнамента (в %)

Шейка	Край			Итого
	без орнамента	пальцевой	насечки	
Проколы	20	28,5	17,1	65,6
Бугорки		20	5,8	25,8
Без орнамента	2,8	5,8		8,6
Итого	22,8	54,3	22,9	100

Датировка Марицкого городища может быть установлена на основании сходства керамики, с одной стороны, с керамикой Ширяевского городища, а, с другой — с кузиногорской. Очевидно, заселение этого городища произошло в конце VI — начале V в. до н. э. Находки же в верхнем горизонте двух фрагментов юхновской керамики относятся к IV—III вв. до н. э. Однако крайне ничтожный процент этой керамики вряд ли позволяет говорить о заселенности Марицкого городища в IV в. до н. э.

[76] В. А. Іллінська. Городище скіфьского часу...

[77] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу..., стр. 115.

[78] А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова. КСИИМК, 65, 1956, стр. 31.

[79] А. Е. Алихова. К вопросу о хронологии..., стр. 15.

На керамическом материале Марицкого городища прослеживается его промежуточное положение между памятниками Курского Посеймья и западносеймскими. На это указывает большой процент сосудов, украшенных проколами, и присутствие близких к первому типу сосудов Ширяевского городища.

Моисеевское городище

Городище было впервые обнаружено Ю. А. Липкингом. В 1955 г. на нем были проведены раскопки под руководством автора статьи [80].

Городище расположено на одном из останцов высокого берега р. Свапы, правого притока р. Сейм, на левом берегу маленькой, пересыхающей местами речушки Ипуть. Городище вытянуто вдоль берега Свапы, которая в этом месте протекает на расстоянии примерно 2 км от него. У подножия, со стороны мыса, расположены постройки заречной части хут. Моисеева.

Городище узкое, ориентировано с севера на юг и состоит из трех площадок [81]. Первая (считая со стороны мыса) площадка не имеет вала. Она отделена от второй площадки рвом глубиной в 4 м, по-видимому, более позднего происхождения. Вторая площадка небольшая, ее длина 58 м. Она заканчивается высоким валом (4 м). Третья площадка тоже сравнительно небольшая (65 м). Она замыкается валом высотой в 3 м (считая от площадки) и 5 м (из рва). Восточный склон городища, начиная с мыса и до середины третьей площадки, срезан защитной от скота канавой. На мысовой части площадки расположена обширная выемка, образовавшаяся в результате добычи мела для домашних нужд. За валом городища, на распахиваемой площади, встречается большое количество шлака. Отдельные находки керамики рассеяны на значительной площади к северу, а также к западу от городища, за оврагом, на соседнем плато. Это было славянское поселение домонгольского времени. В некоторых местах сохранились даже небольшие углубления, очевидно остатки жилищ, расположенные в определенном порядке. На этой площади были найдены лемех, обломок стеклянного браслета и гончарная керамика.

Находки обломков стеклянных браслетов на третьей площадке городища позволяют высказать предположение, что современный вид этой части городища, защищенной высокими валами, в значительной мере обусловлен строительством периода Киевской Руси. Возможно именно тогда же была перерезана первая площадка городища и таким образом была создана небольшая крепость. Позднее — в XIV в.— здесь устроили кладбище. По словам местных жителей, и на мысовой части городища при добыче мела также встречались погребения.

На городище было заложено шесть раскопов, расположенных на каждой из площадок, на расстоянии 1 м от края. Они выявили одну особенность.

По древнему краю всех площадок встречаются отдельные комья и скопления обожженной и необожженной глины, не содержащей каких-либо следов деревянных конструкций. В раскопе I они лежали почти сплошной полоской шириной в 0,8—1 м и толщиной до 20 см. Местами, под глиной, прослеживались отдельные скопления темно-коричневого слоя, похожего на древесный тлен. В раскопе VI развал глины состоял из отдельных комьев, среди которых один, расположенный в стенке раскопа, выделялся большой массивностью, доходящей в толщину до 55 см, и сильной прокаленностью. Под ними сохранились части трех обугленных столбов, размещенных один от другого на расстоянии 1 и 1,2 м, и куски обугленных бревен. Судя по этим остаткам, здесь была деревянная стена. Трудно пока судить, какова была взаимосвязь сгоревшей стены и развала глины.

Вряд ли обнаруженные развалы глины по своему назначению можно отождествлять с площадками из нее, известными на Хотовском городище под Киевом [82], на Ширяевском городище на Сейме [83] и др.

На этих городищах слой глины прикрывал расположенный ниже культурный слой. Это явление прослежено на многих ранних городищах на широкой территории лесной и лесостепной полосы. Было ли это сделано с целью выравнивания края городища, как некоторые думают, или из страха перед ранее обитавшим здесь населением, трудно решить. На Моисеевском городище развал глины не прикрывал культурного слоя и не лежал сплошным пластом. Возможно, это остаток глинобитной стены, окружавшей всю площадку городища, не разделенную в то время рвом (между I и II площадками) и внутренним валом и разрушенную последующими обитателями.

Наиболее интересные наблюдения были получены в раскопе I, заложенном поперек первой площадки и доведенном почти до края.

Культурный слой в этом раскопе на площадке представлял собой однородный серый, рыхлый, сильно пеплистый слой мощностью в 80—90 см.

Ближе к склону, около развала глины, он приобрел коричневатый оттенок от распыленных частиц глины. Начиная с этого места, постепенно, без заметных границ, культурный слой начинает расслаиваться. В крайнем у склона участке прослеживается сложная стратиграфия. В самом низу, на материковом суглинке лежит слой чрезвычайно плотного коричневато-черного суглинка толщиной в 20—40 см, представляющий собой погребенный чернозем, отсутствующий на площадке. В верхней части этого слоя встречаются отдельные угольки, свидетельствующие о начале жизни на городище.

На этот слой наслаивается, не образуя резкой границы, тонкий темно-коричневый слой, содержащий комочки глины.

Непосредственно на нем лежит слой обожженной глины, под которой в нескольких местах на профиле прослеживались темно-коричневые пятна, похожие на древесный тлен.

Сверху обожженную глину прикрывал темно-коричневый слой, переходящий постепенно в серо-коричневый, образовавшийся в результате распашки культурного слоя, сдвинутого к краю площадки.

На городище, судя по керамическому материалу, прослеживаются три различных культурных наслоения.

---

[80] В состав экспедиции от Курского Краеведческого музея входили научный сотрудник Ю. А. Липкинг и Е. В. Недзвецкий.

[81] Вид городища см. в статье А. Е. Алиховой «Моисеевское городище в эпоху Киевской Руси». КСИА, 87 (в печати).

[82] Є. Ф. Покровська. Хотівське городище.

[83] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу...

Первый период жизни на городище связан с приходом сюда племен, родственных племенам скифообразной культуры левобережья лесостепи, принесших с собой грубую керамику с шамотом в глине, орнаментированную проколами и жемчужинами. Это, судя по некоторым данным, произошло в конце VI — начале V в. до н. э. Очевидно, в это время были построены глинобитные стены по краю городища, впоследствии разрушенные.

Второй период, наиболее длительный, связан с приходом сюда юхновских племен. По керамике, которая сходна с керамикой Александровского городища, можно датировать его IV в. до н. э.

К третьему периоду относится возникновение рядом с городищем большого русского поселка домонгольского времени.

Вследствие многолетней распашки городища находки встречаются начиная с поверхности. Слой обильно насыщен обломками керамики, мелкими кусками обожженной глиняной обмазки, обломками крупных яйцевидных грузил и осколками костей животных.

На глубине 20 см, близ края древнего склона, встречен развал в виде скопления обожженного мела или мергеля (размером 0,4 × 0,7 м, толщиной в 25 см), лежавшего на слое обожженной глины (размеры 1,1 × 1,2 м). По-видимому, это развал печи. На расстоянии 70 см от него обнаружено второе скопление мергеля (размеры 0,5 × 0,6 м и толщина — 15 см).

Несколько ниже, на глубине 0,45—0,50 м, вскрыты три очага, помещенные на одной линии, перпендикулярной краю городища, на расстоянии 2—2,5 м один от другого. Очаги представляют собой ямки, обмазанные глиной. Наиболее крупный из них, диаметром в 65 см, имел вид конической ямки, глубиной в 25 см, на дне которой были угольки, зола, половина и два целых прокопченных грузила. Соседний очаг представлял собой полукольцо из обожженной глины и в нем несколько яйцевидных блоков. Рядом с ним, на расстоянии 40 см, был найден миниатюрный рогатый кирпич (рис. 20, *3*). Третий очажок с очень массивными глиняными стенками в виде двух разомкнутых полуколец, диаметром по внутреннему краю в 30 см и внешнему — 60 см. Рядом с ним найдена вылепленная из глины человеческая личина и несколько дальше обломок второй менее четко выраженной личины (рис. 14, *8 а* и *б*).

Все три описанных очага, вероятнее всего, находились внутри наземного жилища, позже прикрытого слоем в 45—50 см. Границы этой постройки, возможно, не попали в наш раскоп, а, может быть, и вообще их нельзя уловить в рыхлом пеплистом слое. Не исключено, что именно с этой постройкой следует связать стену, на присутствие которой указывают три столба, поставленные в один ряд, параллельный склону и перпендикулярный линии расположения очагов.

Описанные очаги, а, следовательно, и постройку следует отнести к юхновскому населению.

В разных горизонтах культурного слоя встречены скопления крупных яйцевидных блоков.

В двух случаях было сделано интересное наблюдение. На глубине 20 см обнаружено множество чешуи, под которой на втором и третьем штыках встречена группа блоков.

На соседнем участке на глубине 40 см обнаружено второе скопление рыбьей чешуи, под которой также была группа блоков (24 целых блока и 60 обломков).

Находки рыбьей чешуи и связанные с ними скопления блоков представляют большой интерес. До настоящего времени назначение этих блоков было не вполне ясно. В свое время В. Д. Лебедев[84] изучая остатки рыб с городища у с. Юхнова, установил, что подобные блоки могли быть использованы в качестве грузил для сетей. Это предположение находит подтверждение на Моисеевском городище, где группа яйцевидных блоков сопровождается скоплениями рыбьей чешуи.

В нижнем горизонте культурного слоя обнаружены остатки двух более древних очагов, отличающихся по своим конструктивным особенностям от расположенных выше. Они имеют вид сильно прокаленных площадок. Один из них небольшой (размером 60 × 60 см) обнаружен на глубине 70 см. На 15 см глубже, непосредственно примыкая к нему, расположен второй очаг в виде полукруга, диаметром в 1,4 м. Очаг был углублен в материк на 15—20 см, часть очага представляла собой белую сцементированную массу. Судить о первоначальной форме этого очага невозможно, так как он частично разрушен ямой для одного из отмеченных выше столбов. Эти очаги, очевидно, связаны с первыми насельниками городища.

Основная масса всех индивидуальных находок в раскопе I на Моисеевском городище была сосредоточена в верхней части культурного слоя до глубины 40 см.

Остальные пять раскопов дали местами сравнительно тонкий культурный слой (30—40 см), мало насыщенный материалом. Особенно тонок он был в раскопе V, в части, расположенной в центре третьей площадки (20 см). Следует, однако, отметить, что именно на этой площадке, в раскопе VI, было встречено значительно больше орнаментированной керамики типа верхнего слоя Плаксинского городища и здесь же были найдены бронзовый наконечник стрелы V в. до н. э. (рис. 19, *1*), глиняная литейная формочка (рис. 20, *18*) и рядом — льячка.

Культурный слой этой площадки был нарушен погребениями XIII в. В нем же, в раскопе VI, были встречены на глубине 20—40 см семь обломков стеклянных браслетов.

Во втором раскопе была вскрыта землянка домонгольского времени.

Снаружи, близ восточной стены землянки, на расстоянии 65 см от нее, на глубине 40 см было обнаружено сильно потревоженное женское погребение. Череп был перевернут, кости туловища и левой руки смещены и растащены. Особенностью этого погребения является ориентировка умершей головой на юг. Костяк лежал в вытянутом положении; предплечье правой руки помещалось поперек туловища. Около черепа и у левого бедра было найдено по проволочному височному кольцу разного размера с заходящими концами. В раскопе над погребением на штыке 1 найдена характерная для раннего скифского времени гвоздевидная булавка редкой формы — с двумя головками. Одна из них отломана (рис. 20, *1*). Эта булавка и ориентировка умершей

---

[84] В. Д. Лебедев. К вопросу об изменении ихтиофауны реки Десны в период от последней межледниковой до современной эпохи. «Зоологический журнал», т. XXIII, вып. 5, 1944, стр. 240—249.

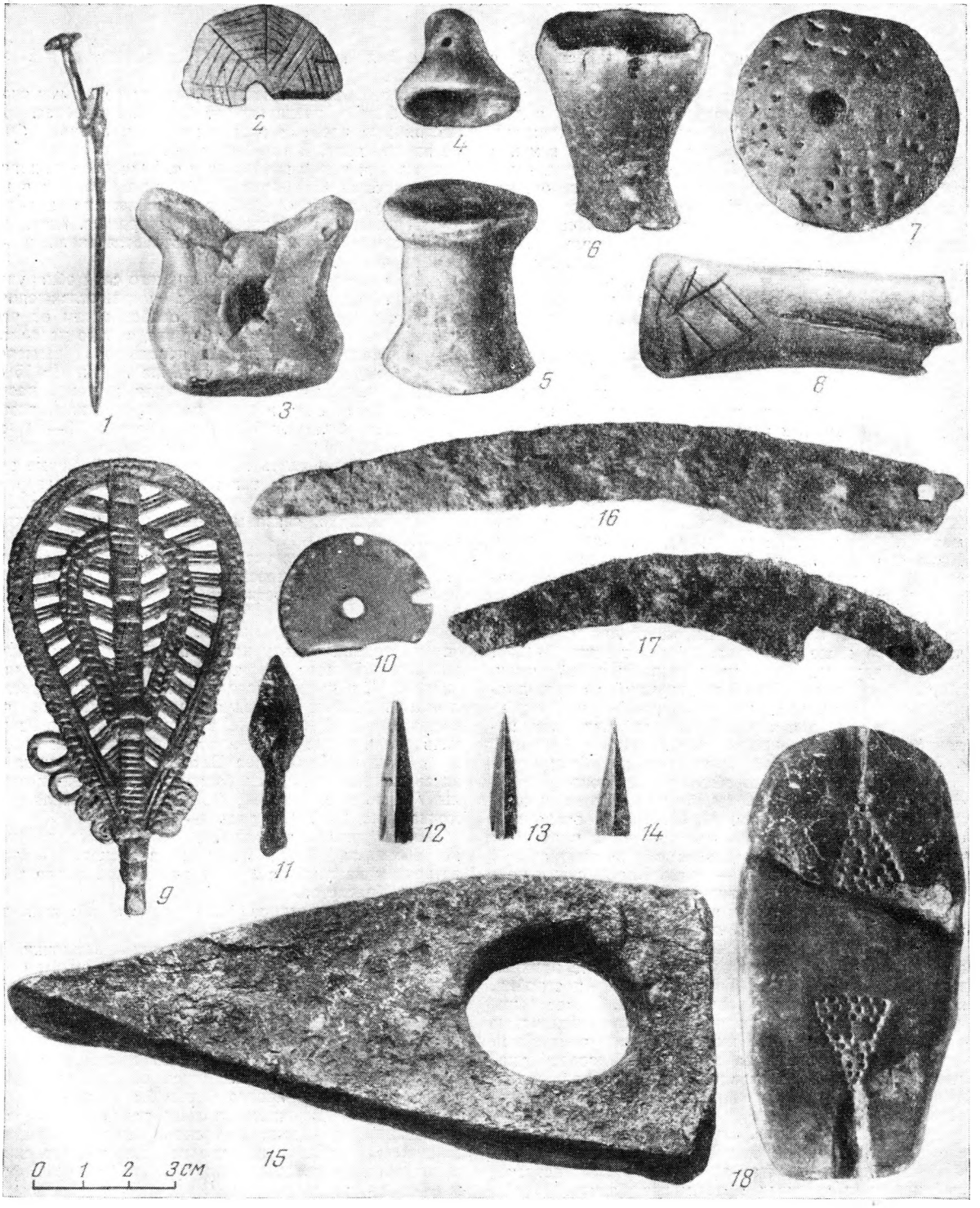

Рис. 20. Моисеевское и Александровское городища:

Находки: *1* — булавка; *2* — амулет; *3* — рогатый кирпичик; *4* — ворворка; *5* — грузик; *6* — сосудик; *7* — грузик; *8* — ручка; *9* — навершие; *10* — бляшка; *11* — *14* — наконечники стрел; *15* — топор; *16*, *17* — ножи; *18* — литейная форма. (*1*, *9*, *10*, *12*—*14* — бронза, *2* — из черепа человека, *3*, *7* — глина, *8* — кость, *11*, *15*, *16*, *17* — железо, *18* — глина; *1*—*8*, *16*—*18* — Моисеевское городище; *9*—*15* — Александровское городище

головой на юг отличают данное погребение от русских захоронений, в частности от обнаруженных на третьей площадке описываемого городища. Мало помогают в разрешении вопроса о датировке этого захоронения и височные кольца, встреченные здесь. Этот тип колец был широко распространен как в скифское время, так и в русских захоронениях первой половины II тысячелетия.

Среди инвентаря, обнаруженного на городище, значительное место занимают изделия из кости. Металлических изделий найдено немного. Среди последних большой интерес представляют бронзовый наконечник стрелы и железные псалии. Найдено всего два псалия. Один из них костяной, поломанный. По сохранившейся средней части с двумя отверстиями трудно судить об общем количестве отверстий в псалии, столь важном датирующем признаке (рис. 19, *19*).

Второй псалий железный, эсобразной изогнутой формы (рис. 19, *20*). Аналогичные псалии, как отмечает Б. Н. Граков, обычны для архаических курганов Кубани и более поздних памятников. Они известны также и в Поволжье, например, в кургане А-12 Блюменфельд, относимом Б. Н. Граковым к V—IV в. до н. э.

В состав вооружения обитателей Моисеевского городища входили лук и стрелы, преимущественно с костяными наконечниками. Последних найдено четыре штуки. Все они черешковые. Самый маленький наконечник (длиной 4 см) с отломанным концом, с листовидным пером, плоский и очень тонкий (рис. 19, *2*), второй — тоже плоский с одним шипом (рис. 19, *3*) и частично отломанным черешком. Третий, найденный в самом низу культурного слоя, узкий, более массивный (длиной в 5 см), с овальным в сечении пером и черешком, расщепленным на конце, наподобие ласточкиного хвоста (рис. 19, *4*). Наконечник с расщепленным черешком представляет древнюю форму, бытовавшую, по-видимому, долгое время в лесных районах. Подобный костяной наконечник был встречен, например, в Субботовском городище [85].

Четвертый костяной наконечник сравнительно больших размеров (длиной 7,8 см) с двумя небольшими шипами и длинным плоским черешком (рис. 19, *5*). Одношипные и двушипные наконечники стрел известны в Старшем Каширском городище [86].

К числу металлических наконечников стрел относится тонкий плоский листовидной формы железный наконечник, плохой сохранности (рис. 19, *8*).

Особенно же ценной находкой, датирующей памятник, является скифский бронзовый трехперый наконечник стрелы с втулкой, характерный для V в. до н. э. (рис. 19, *1*).

Как было уже отмечено, встреченная на городище керамика свидетельствует о его неоднократном заселении. Насколько была длительной здесь жизнь его древнейших обитателей, трудно сказать. Если судить по количеству найденной в раскопах керамики — это было кратковременное поселение. Однако такой вывод может оказаться и ошибочным, так как новые пришельцы могли счистить все остатки от своих предшественников под откос. Об этом свидетельствуют находки, обнаруженные в канаве, вырытой для защиты от скота по краю городища. Здесь найдены грубая керамика с проколами и жемчужинами, обломок костяного псалия, костяной наконечник стрелы и другие предметы.

Керамика, встреченная на городище, относится к двум различным группам. Первая группа, более древняя, крайне малочисленна. Она встречается преимущественно в нижнем горизонте культурного слоя. Для нее характерны примесь шамота в глине и орнамент в виде проколов, жемчужин и крайне редко — в виде ямок. Эта керамика по глиняному тесту и по орнаменту близка посульской. Но в то же время основная форма сосудов сходна с кузиногорской и вторым типом сосудов, выделенных В. А. Ильинской для Ширяевского городища [87].

Вторую — основную — группу составляет юхновская керамика. Это широкогорлые сосуды со слабо профилированной шейкой, сравнительно узким дном, сделанные из глины без посторонней примеси, довольно тонкостенные (рис. 14, *4*). Керамика из первого раскопа, расположенного на первой от мыса площадке городища, в основной своей массе неорнаментированная (92%). Преобладает орнамент в виде насечки по краю. Крайне редок орнамент в виде защипов по краю, ямок и жемчужин.

В то же время на третьей площадке орнаментированная керамика встречена в большом количестве (рис. 18 *2—5, 7, 9*).

К сожалению, здесь не представляется возможным проследить уровень залегания гладкой и орнаментированной керамики, так как слой нарушен поздними могилами. Среди юхновской керамики выделяются по своим малым размерам небольшой сосудик (рис. 21, *18*) и миска (рис. 21, *14*) с отогнутым краем и пальцевыми вдавлениями по краю. Встречено несколько донышек от миниатюрных сосудиков (рис. 21, *7*) и один целый (рис. 21, *9*). Среди других глиняных изделий видное место занимают яйцевидные блоки или грузила разных размеров. Внешне совершенно не отличаются от них две погремушки.

Сравнительно частой находкой были пряслица или грузики тех же форм, что и найденные на городище Кузина Гора.

1. Битрапецоидные пряслица и грузики (девять штук) (рис. 21, *1, 2*) не составляют однородной группы, как это было на городище Кузина Гора. Их форма не так четко выделена, размеры большие (диаметр 3,5—4 см.). Диаметр отверстия 0,5 см, в двух случаях отверстие сужалось к одному концу. Поверхность у них, за исключением двух грузиков, хорошо сглажена, один из них богато орнаментирован узорами из ямок (рис. 21, *15*).

2. Биконические пряслица (четыре штуки) с округлой гранью, диаметром в 3—4 см с диаметром отверстия в 3—5 мм. Их поверхность хорошо сглажена и в одном случае даже залощена. Одно пряслице орнаментировано ямками, беспорядочно разбросанными на одной из сторон. У двух пряслиц диаметр отверстий сужен к одному концу.

Выделяется один грузик сильно сплющенный, асимметричный, с многочисленными желобками у отверстий от стертости веревкой. По-видимому, к числу грузиков следует отнести маленький высокий

[85] А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 101, рис. 9.

[86] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 86. М—Л., 1934, стр. 23, 24, рис. X, *11, 14*.

[87] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу...

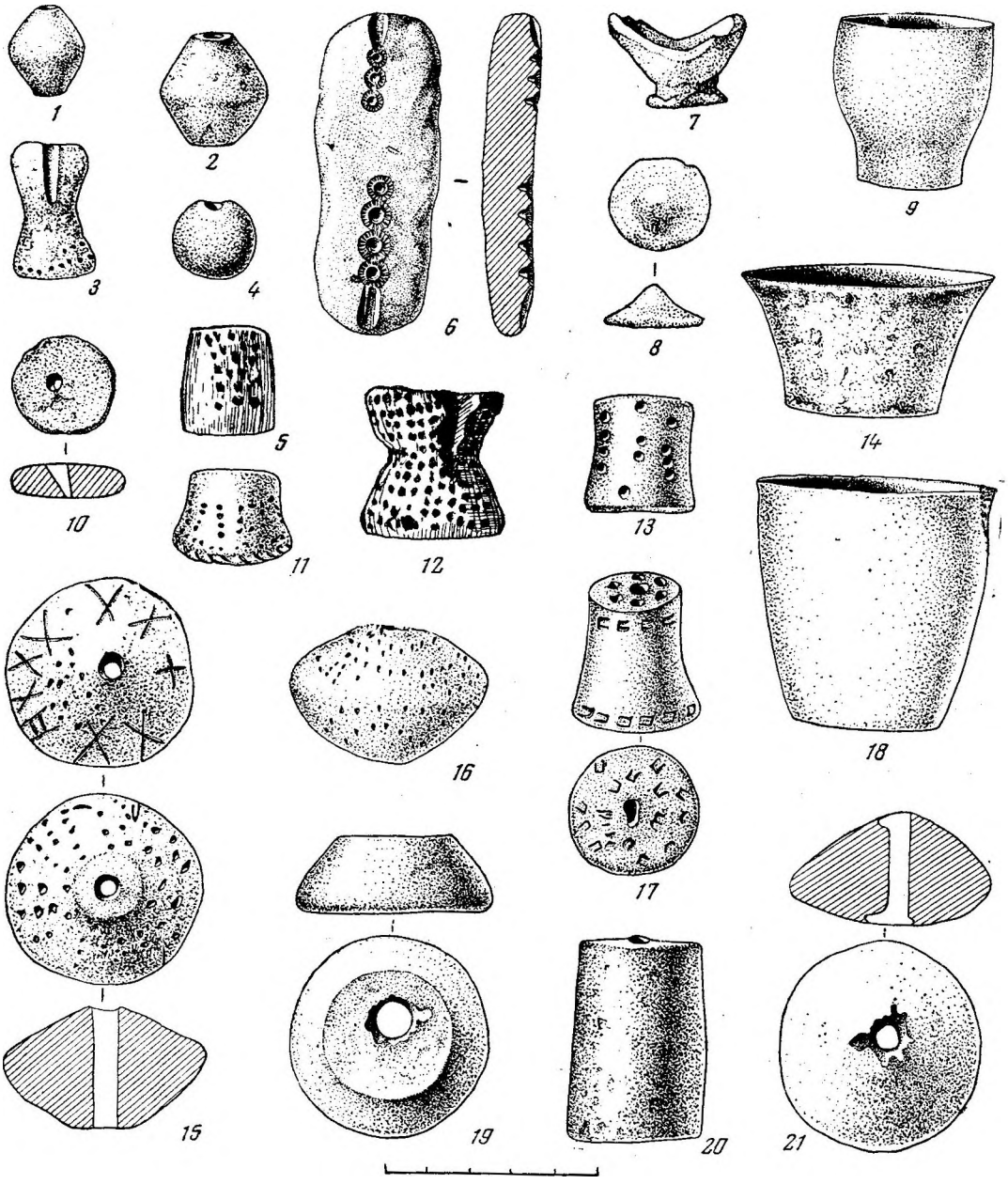

Рис. 21. Моисеевское городище:

Изделия из глины: *1—5, 10—13, 15—17, 19—21* — пряслица и грузики; *6* — литейная форма; *7, 9, 14, 18* —сосуды; *8* — поделка

(2 см), диаметром 1,7 мм, со сравнительно широким отверстием (0,5 см).

3. Округло-биконические пряслица или грузики (три штуки) несколько асимметричные, диаметром 3—4 см, с отверстиями в 5—6 мм, суженными в двух случаях к одному концу. По краям отверстия одного из грузиков имеются следы стертости от веревки (рис. 21, *21*). Поверхность всех грузиков хорошо заглажена.

4. Катушкообразные грузики (три штуки) хорошо выраженной формы. Один гладкий (максимальный диаметр 3,2 см, высота 4 см) (рис. 20, *5*); второй (разм. 3,3 × 3,3 см) орнаментирован вертикальными рядами мелких ямок. Тот же орнамент и на одной из его плоских поверхностей (рис. 21, *12*). Третий грузик маленький (диаметр 1,9 см, высота 3,4 см) орнаментирован лишь у одного края и только с одной стороны двумя рядами ямок (рис. 21, *3*).

5. Усеченно-конические грузики (две штуки) встречены двух типов. Один обычного, широко распространенного (рис. 21, *5*), поверхность его несколько грубовата. Второй грузик плоский, широкий (высота 2 см и диаметр 2,7 и 4,7 см) (рис. 21, *19*), у верхнего отверстия — желобки от веревки. Диаметр отверстия 0,8 см.

6. Усеченно-конические с перехватом (четыре штуки) грузики различной высоты (2—3 см), со сравнительно гладкой поверхностью, орнаментированы разного рода ямками (пунктирными, круглыми, подпрямоугольными) (рис. 21, *11*, *13*, *17*).

7. Шарообразные грузики (три штуки) диаметром 3—4 см, с гладкой поверхностью. У отверстия одного из них желобки от веревки (рис. 21, *4*).

8. Грузик с утолщением посредине как бы с валиком (одна штука).

9. Кольцевидный, грубоватый (одна штука), размером 0,7 × 2,7 см, с асимметричным косо расположенным отверстием (рис 21, *10*).

10. Эллипсоидный, вытянутый маленький грузик (одна штука), размером 2,7 × 2,4 см, с грубоватой поверхностью.

11. Эллипсоидный, уплощенный, размером 3,2 × × 2,2 см.

Из других глиняных изделий следует отметить две ворворки, высотой 1,6 и 2,3 см, два глиняных очень грубых шарика диаметром 2,8 и 4,5 см. Один вылеплен из глины с примесью шамота. Кроме того, найдена одна массивная лепешка диаметром 3,2 см и толщиной в 1,8 см и глиняная шарообразная, по-видимому, бусина желтого цвета, диаметром 1,6 см.

Производственную деятельность обитателей городища трудно охарактеризовать по тем предметам, которые здесь найдены. Но, очевидно, местное производство стояло на довольно высоком уровне. На это отчасти указывает местное изготовление бронзовых украшений. Здесь найдены две литейные формы и льячка. Железные изделия, очевидно, также были местного производства. Широко было развито косторезное дело. Из кости делали наконечники стрел, ручки для ножей, амулеты, проколки, кочедыки, иглы для плетения сетей. Кость обрабатывали ножами. Здесь найдены три целых ножа и несколько обломков. У двух из них изогнутая спинка, образующая вместе с коротким черенком одну дугообразную линию (рис. 19, *22*, *20*, *17*). Этот тип ножа был распространен в скифское время в лесостепи. Наряду с ножом этого типа были в употреблении типичные для скифских памятников ножи, укреплявшиеся в рукояти при помощи шпеньков (рис. 20, *16*). Кроме целого ножа, здесь найдена костяная ручка с частью ножа, разломанного в месте отверстия (рис. 19, *21*). Этот нож, очевидно, подвешивали к поясу, для чего служило небольшое отверстие в ручке. Костяная ручка другого ножа была без отверстия, но на том месте, где у первого ножа имелось отверстие, здесь был вырезан с обеих сторон орнамент в виде ромбов (рис. 20, *8*).

Кроме того, найдено несколько обломков, по которым трудно определить форму ножей.

Из железных предметов следует отметить еще два шила. У одного конец несколько расширен и уплощен. Его длина 8,5 см. Ту же функцию шильев выполняли и костяные проколки (рис. 19, *18*). Для изготовления проколок пользовались иногда подходящим осколком кости, у которого сколами подправляли острие; хорошо обработанные острия встречены лишь в виде обломков. Неизвестно назначение небольшого костяного острия, заканчивающегося в виде лопаточки шириной в 2,5 мм, с острым краем. Возможно, оно имело то же назначение, что и шило 3-го типа Каменского городища [88].

К числу игл для плетения сетей, очевидно, следует отнести три хорошо обработанных предмета с отверстиями. У одного из них длиной 15 см, конец был несколько закруглен. Второй предмет (длина 14 см) с двумя заостренными концами, из которых один был грубо оформлен в виде головы рыбы (намечен рот и отверстие на месте глаз; рис. 19, *17*). Третья игла маленькая (6 см), поломанная с двух концов, по-видимому, еще в процессе изготовления.

Трудно определить назначение слегка выгнутого предмета длиной в 17 см, сделанного из губчатого вещества кости, со слегка заостренным концом. Возможно им должны были пользоваться как кочедыком (рис. 19, *16*).

Предметы украшения, найденные на городище, немногочисленны. Сюда относятся две глиняные бусины (рис. 19, *10*, *15*); одна — из раковины-ужовки и одна — белая пастовая, украшенная синими глазками, с тонкими синими обводами (рис. 19, *14*). Она найдена в самом низу культурного слоя в I раскопе у очага. Большой интерес представляет чрезвычайно редкой формы булавка с двумя головками (рис. 20, *1*). Возможно, ее более древним прототипом является булавка из с. Гари, хранящаяся в музее Грузии [89]. Близкие булавки, но с одной головкой, были широко распространены в памятниках лесостепи VI в. до н. э. Вторая булавка небольшая, железная, с загнутым и поломанным концом.

Отметим также находку плоской бронзовой пуговицы. Плоские пуговицы известны на Северном Кавказе в комплексах рубежа VII—VI вв. до н. э.

Среди украшений были широко распространены треугольной формы привески, украшенные псевдозернью (рис. 20, *18*; 19, *9*). О них мы можем судить по найденной здесь литейной форме. Во второй форме отливали мелкие полушарные бляшки с рубчиками по краю. Они, очевидно, служили для украшения одежды или головного убора (рис. 21, *6*).

Отметим здесь находки трех амулетов, один из них сделан из клыка лисицы (рис. 19, *13*), второй —

---

[88] Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 112.

[89] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. XXX, *3*.

из клыка медведя. Срез хорошо заполирован, и сбоку сделано второе отверстие (рис. 19, *12*). Третий амулет сделан из тонкой черепной кости, по-видимому, человека, орнаментирован концентрическими и радиально расходящимися линиями от отверстия в средине (рис. 20, *2*).

Особый интерес представляют находки двух глиняных личин, найденных около очага (рис. 14, *8а* и *б*). Они сделаны из овальной глиняной лепешки. Хорошо прослеживается процесс их формовки. Чтобы придать лицу выпуклую форму, края лепешки загнули внутрь. При этом на глине сохранились следы пальцев в виде желобков. Затем на выпуклой стороне был оттянут нос. На этом закончилась моделировка лица на одной из найденных личин.

У второй, более крупной (размер 7,5 × 10 см), кроме того, были намечены неправильными грубыми линиями глаза, рот, носогубная складка. Были ли нанесены брови или они образовались в процессе обжига, сказать трудно.

По манере выделки лица описанные личины близки к глиняным статуэткам, обнаруженным в жертвеннике пригородного здания Неаполя скифского. Само устройство жертвенника почти тождественно очажку, около которого были найдены моисеевские личины. Вот как описывает автор этот жертвенник: «Он представлял собой лункообразную ямку диаметром 30 см, опущенную от уровня пола на глубину 32 см. По краям ямка выложена небольшими камнями и обмазана желтой глиной». В жертвеннике лежали «все части скелетов пяти экземпляров овец... в придонной части среди костей овцы оказались обломки девяти миниатюрных сосудов и части примитивных статуэток, вылепленных из необожженной глинистой земли, из них четыре обломка от антропоморфных и три — от зооморфных фигурок»[90].

Не случайны находки личин в Моисеевском городище (около очага). Очевидно, они были связаны с культом, широко распространенным среди скифских племен. В этой связи напомним о находке амулета из клыка медведя, аналогичного найденному в захоронении скифского воина[91].

На основании приведенного материала можно прийти к следующим выводам. По-видимому, в конце VI в. на Сване появляются племена, родственные племенам скифообразной культуры лесостепи, принесшие с собой своеобразный способ орнаментации посуды в виде проколов и жемчужин, конское снаряжение и некоторые украшения. Возможно, оттуда же пришло непонятное обрамление площадки городища участками обожженной глины. Пребывание этих племен на городище было сравнительно недолгим. На смену им здесь расселились племена юхновской культуры. Это произошло, судя по керамике, в IV в. до н. э.

Александровское городище

Городище расположено на правом берегу Сейма и занимает западную часть выдавшегося к реке плато, носящего название «Кузина Гора». Оно находится на полпути между хут. Александровским (в 1 км от него) и городищем Кузина Гора. Здесь вплотную к реке подходит лесной массив.

Все урочище заросло дубами и орешником. Городище по своему положению и форме атипично. Его подножье не отделено оврагами от общего массива берега. Оно расположено на высоком крутом берегу, на округлом выступе, ограниченном с двух сторон овражками, берущими начало от вала городища. С напольной стороны проходит низкий вал, более высокий у его загнутых концов. Ров в средней части заплыл и прослеживается лишь по концам. В целом городище имеет форму, близкую к овалу. Ширина площадки 60 м, длина 30 м.

Ряд шурфов, заложенных в 1949 г., дали очень тонкий культурный слой. В 1957 г. было продолжено обследование городища, неожиданно давшее чрезвычайно хорошие результаты. На городище была заложена траншея длиной в 6 м при ширине в 1,5 м и недалеко от нее раскоп размером в 60 кв. м, слившийся при дальнейших раскопках с траншеей. В заложенном раскопе тонкий 30-сантиметровый культурный слой начинался прямо под дерновым слоем. Его подстилал мергель.

Никаких следов сооружений в раскопе не удалось проследить. Однако, судя по довольно компактному распределению находок, можно думать, что нами были вскрыты остатки наземного сооружения. Здесь были найдены в небольшом количестве керамика, бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовая бляшка, бронзовое навершие и железный топор.

Керамика тонкостенная (3—4 мм), среднего обжига, из глины, без примесей, с мелкими блестками, по-видимому, какими-то естественными включениями в ней. В редких случаях встречаются отдельные зерна шамота. Поверхность хорошо заглажена. Это широкогорлые сосуды диаметром до 30 см, с прямыми или слабоизогнутыми стенками, а также с маленькой шейкой и слабосужающимся к середине туловом. Край округлый, чаще уплощенный. В одном случае он был утолщен, как бы расплющен. Сверху он был украшен насечками и снаружи (по выступу) — ямками. Вообще орнамент встречается крайне редко и то только по обрезу венчика (обычно в виде насечек, нанесенных прикладыванием круглой палочки). Этот тип керамики найден на ряде городищ Курского Посеймья. В первую очередь отметим Березуцкое городище, расположенное на маленькой речушке Ломоватке, правом притоке Сейма, в 9 км от Кузиной Горы. Близкая по типу керамика известна на Моисеевском городище на Сване.

Александровское городище хорошо датируется по находкам скифских наконечников стрел. Здесь встречен один трехгранный наконечник с обрезанной внутренней втулкой и короткими ложками внизу (рис. 20, *14*). Длина наконечника 2,5 см. Подобные наконечники стрел были распространены на скифском Каменском городище. Б. Н. Граков, согласно датировке П. Рау, относит их к IV—III вв. до н. э.[92] Такие же стрелы найдены в Мастюгинских курганах[93].

Два других бронзовых наконечника стрел одного типа (рис. 20, *12, 13*) отличаются друг от друга лишь размерами (2,6 и 3,1 см), причем у большого — конец

[90] В. М. Маликов. Жертвенник из пригородного здания Неаполя скифского. КСИА АН УССР. Киев, 1961, стр. 64—68.

[91] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитоновки Чигиринского уезда Киевской губ. в 1904 г. ИАК, вып. 17, рис. 14.

[92] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 129, табл. XVIII, *3*, и стр. 130.

[93] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 54, рис. 59.

отломан. У обоих наконечников втулка выступает на 1—2 мм. Верхняя часть головки у них трехгранная, ниже (примерно на высоте 1,2—2,3 см) грани переходят в лопасти, заостренные на концах. Этот тип стрел был также встречен в Каменском городище [94].

Помимо бронзовых наконечников стрел, найден один железный плоский, черешковый, погнутый (рис. 20, *11*). Перо ромбической формы, асимметричное. Черешок круглый, книзу утолщенный и по внешнему виду похож на втулку. Е. Н. Граков отмечает, что железные стрелы, правда втульчатые, появляются в Воронежских скифских курганах в IV—III вв. до н. э. [95]

Интересна находка поломанного костяного предмета. Не было ли это кольцом, надеваемым на палец при стрельбе из лука? (рис. 19, *7*).

Редкой находкой является топор-колун длиной в 15,5 см, шириной 6,7 см и толщиной в средней части 1,8—2 см. Прямой край обуха несколько расширен, по-видимому, от ударов по нему. Лопасть топора к лезвию расширяется до 3,8 см (рис. 20, *15*). Аналогичный по форме и по пропорциям топор был найден на городище Торфель, на средней Десне [96]. Последний отличается лишь меньшим размером. Е. И. Горюнова, исследовавшая это городище, датирует его верхний слой, где был найден топор, I в. н. э. Однако, судя по описанию, нижний слой сильно нарушен. В этих условиях вполне допустимо, что топор, относящийся к более раннему времени, мог попасть и в лежащие выше горизонты. Впрочем, неизвестно, как долго существовала эта форма.

Второй топор, близкий по форме найденному на Александровском городище, был встречен в каменной могиле в Стразде, Латвийской ССР [97]. Х. А. Моора относит это захоронение к последним векам до н. э.

Из производственного инвентаря еще следует упомянуть нож с прямым лезвием и горбатой спинкой (рис. 19, *23*). Сохранилась часть отверстия, служившего для скрепления с ручкой. Кроме того, найден грузик округлой формы. Большой интерес представляет ажурное навершие бронзовой булавки (рис. 20, *9*). Подобные булавки встречены на ряде памятников. Отличительной особенностью навершия булавки, найденной на Александровском городище, является дублированная средняя часть. Навершие более простого устройства известно из верхнего слоя городища Торфель [98]. Близкое по узору было встречено на Свинуховском городище Калужской области на р. Угре [99]. На этом городище, судя по описанию, керамика нижнего слоя близка александровской. Т. Н. Никольская, исследовавшая этот памятник, датирует его I тысячелетием н. э. (начиная с III в.). Однако некоторые типы костяных стрел говорят о наличии на указанном городище слоя более раннего времени. К сожалению, автор не отметил, в каком именно слое были найдены булавки. Булавки того же типа, что и на Свинуховском городище, были обнаружены на Оке, у с. Гремячего [100].

В заключение отметим тонкую пластинчатую бронзовую круглую бляшку с отверстием в середине и сбоку. Возможно и со второй стороны было отверстие, но эта часть сломана. Бляшка слегка вогнута и орнаментирована по краю тисненными мелкими бугорками (рис. 29, *19*).

Приведенные выше параллели дают определенный ареал распространения вещей из Александровского поселения, а именно район распространения юхновской культуры.

Описываемое городище особенно ценно тем, что оно было обитаемо очень короткий срок и дало такой надежный в смысле датировки материал, как скифские наконечники стрел. На основании их можно предположить, что Александровское городище было сооружено в IV—III вв. до н. э. одним из племен юхновской культуры.

Сугровское городище

Сугровское городище расположено на правом высоком берегу р. Сейм на краю с. Сугрово Льговского района. Почти все городище, за исключением части вала и прилегающей к нему узкой полосы площадки, размыто протекающим у его подножья Сеймом. Городище было защищено высоким, дугообразно изогнутым валом и, очевидно, рвом. В настоящее время ров слабо прослеживается. От вала сохранился лишь его северо-западный конец. Размыв берега в этом месте идет очень интенсивно и, вероятно, в ближайшее время все городище будет разрушено.

На площадке прослеживаются мощные культурные отложения (до 1,8 м), относящиеся к различным эпохам. Зачистка обрыва у северо-западного края площадки (5 × 1 м) дала следующую стратиграфию: верхний слой серого цвета мощностью 35—45 см; второй слой темно-серого цвета толщиной 15—40 см. Оба эти слоя становятся тоньше в сторону оврага, образуя современную покатость склона.

Под вторым слоем почти горизонтально залегает тонкая глинистая прослойка. Под ней расположен мощный (90—100 см) коричневато-серый культурный слой. В одном из участков на дне прослеживалась округлая яма неправильных очертаний, диаметром 0,75 м, углубленная в материк на 40 см. Нижняя граница культурных напластований в ближайших к оврагу участках была совершенно горизонтальная.

Прослеженные два культурных слоя различаются и по материалу. Верхний слой содержит славянскую гончарную керамику XIII—XIV вв. Нижний слой содержит юхновскую керамику, несколько грубоватую от примеси песка к глине. Это широкогорлые сосуды, изредка орнаментированные по обрезу венчика ямками неопределенной формы или слабыми защипами по краю. Вероятная дата этого слоя — последние века до н. э.

---

[94] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 129, табл. XVIII, *12*.

[95] Там же, стр. 131.

[96] Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, 31, 1950, стр. 154, рис. 54, *31*.

[97] Х. А. Моора. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, 48, 1952, стр. 17, рис. 7, 8 и стр. 22.

[98] Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 154, рис. 54, *44*.

[99] Т. Н. Никольская. Городище у деревни Свинухово. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 91, рис. 21, *1, 2*.

[100] Н. И. Булычов. Журнал раскопок 1898 года по берегам Оки. М., 1899, табл. 1, *8* и *9*.

Р. Ф. Воронина

О НЕКОТОРЫХ КИНЖАЛАХ И АКИНАКАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Скифское оружие находят далеко за пределами собственно скифских областей, оно встречается на территории смежных с ними районов лесостепной и лесной полосы. На примере акинаков, найденных в Курской области и хранящихся в Курском краеведческом музее, я постараюсь ниже показать проникновение отдельных скифских элементов в среду нескифского населения.

В Тимском районе Курской области был найден меч-акинак (КОКМ, № 13852, рис. 1, *1*) или кинжал. Он весь сделан из железа. Довольно хорошо сохранился, хотя и сильно заржавел от продолжительного пребывания в земле. Общая длина его равна 34,5 см, при этом на клинок падает 21,5 см. Ширина клинка у перекрестья 3,2 см. На клинке его хорошо виден проходящий посредине дол. Клинок имеет близкую к треугольнику форму, обоюдоострый. Такая форма клинка скорее всего может быть отнесена ко второму типу клинков-акинаков, выделенных в свое время Гинтерсом [1]. Перекрестие кинжала почковидной или сердцевидной формы с округлой верхней частью. Ширина его равна 5,1 см, высота в средней части — 2,5 см и у краев 3,2 см. В поперечном сечении он имеет уплощенно-овальную форму и толщину 0,9 см. Никаких следов изображений на перекрестии нет. Э. Ленц [2], касаясь техники изготовления скифского оружия, выступил в печати с отрицанием защитной роли перекрестия и высказал предположение, что скифское перекрестие служило только для скрепления полосы клинка с рукоятью. Однако скользящий удар вражеского меча доходил до перекрестия уже значительно ослабленным. Не встречая на своем пути препятствия, меч еще более отклонялся в сторону, продолжая скользить мимо перекрестия почти параллельно его боковой части, пока не повисал в воздухе, так и не причинив вреда руке. Именно благодаря такой конструкции, перекрестие не требовало той значительной массивности, толщины, которая была бы необходима при прямой форме, и служило надежной защитой для руки.

Длина стержня рукояти равна 8 см, ширина 2,7 см. В сечении стержень имел уплощенно-овальную форму, поверхность его гладкая, покрыта ржавчиной и не имеет следов сколько-нибудь заметного членения, столь частого среди рукоятей скифских акинаков.

Навершие кинжала состоит из двух завитков или антенн. Высота их 3,2 см. В центральной части навершия виден сквозной прорез для вставки верхней части стержня рукояти. По всей вероятности, надетое на верхнюю часть стержня рукояти навершие затем приклепывалось или припаивалось. Антенны представляют собой два незамкнутых завитка. Подобная форма завитков довольно часто встречается у скифских акинаков и кинжалов. В этих волютообразных завитках навершия ряд археологов

[1] Ginters. Das Schwert der Skithen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, S. 41.

[2] Э. Э. Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. ИАК, вып. 14, СПб., 1905, стр. 63.

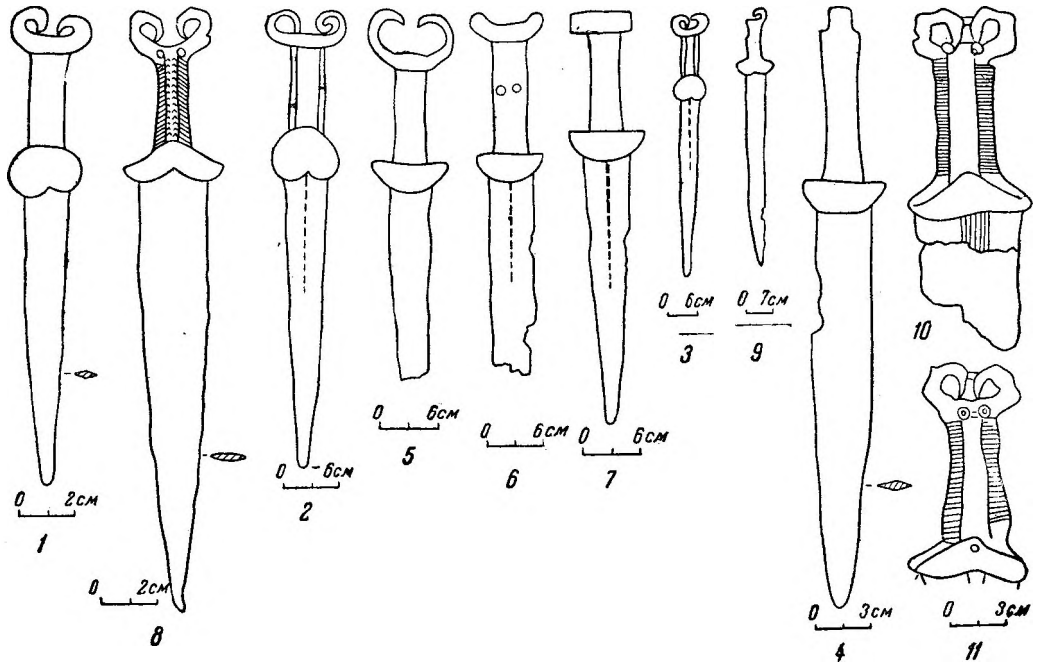

Рис. 1. Кинжалы и акинаки скифского типа

1 — Тимский район Курской области; *2* — Ивановский Склад; *3* — погребение 5 некрополя Таманского полуострова; *4* —городище Кузина Гора Курской области; *5* — Староселье; *6* — Волковцы Полтавской области; *7* — Венгрия; *8* — Афанасьевка Советского района Курской области; *9* — Марицыно; *10* — Аксютинцы; *11* — Солоха, центральное царское погребение

(А. А. Миллер[3], В. А. Городцов[4], А. Бобринский, М. И. Ростовцев[5]) видели две сходящиеся друг с другом головки грифонов или тельцов. Именно так трактовал В. А. Городцов навершие меча из кургана у с. Осняги, хотя расположение глаз у основания антенн, а также малое сходство завитков с ключами и противоречат этому. Выступая против точки зрения на волюты как на сходящиеся орлиные головки, Н. Я. Мерперт отмечает, что основные линии членения волют навершия акинака аналогичны бронзовым когтевидным привескам, найденным А. А. Бобринским в 1903 г. в Чигиринском уезде[6]. На основании сходства членения Н. Я. Мерперт трактует волюты навершия как два когтя хищной птицы. Звериный стиль оружия в архаическое время имел сакрально-магическое значение, и таким образом мечу передавалась особая магическая сила, цепкость. Этот мотив, по мнению Н. Я. Мерперта[7], можно связать с колюще-режущей функцией акинака. Трактовка волют в форме птичьих голов распространена в навершиях сибирских мечей.

Завитки навершия нашего кинжала напоминают по очертаниям бронзовые когтевидные привески, найденные А. А. Бобринским в Чигиринском уезде. Находки кинжалов и акинаков, аналогичные по форме Тимскому довольно часты. Таков, например, меч или кинжал, найденный у Ивановского Склада (рис. 1, *2*)[8]. Он имел такие же размеры, как и наш кинжал, аналогичное устройство рукояти, с той лишь разницей, что на ее стержне имеется неглубокая выемка (возможно, для вставки костяной или деревянной обкладки). Другой, подобный кинжал (рис.1, *3*) был найден в 1931 г. в погре-

[3] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 6. СПб., 1910, стр. 115, табл. V.

[4] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1908 г. Труды XIV АС, т. III. М., 1911, рис. 4 табл. 3, *4*.

[5] М. И. Ростовцев. Отчет о раскопках Прохоровских курганов. МАР, № 37. Пгр., 1914, стр. 58.

[6] А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде в 1903 г. ИАК, вып. 14. СПб., 1905, стр. 17. рис. 42.

[7] Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 71.

[8] Смела, т. I, табл. VII, *5*.

бении 5 некрополя Таманского полуострова[9]. Меч имел так же, как и описанный выше, почти треугольный клинок, сердцевидное или почковидное перекрестие, стержень рукояти с неглубокой выемкой и когтевидное навершие. Вместе с ним в погребении был найден чернолаковый арибаллистический лекиф. В том же погребении по другую сторону от костяка была найдена ионийская глубокая чаша на высокой ножке, украшенная чернолаковыми поясками. Весь комплекс находок, по мнению Гайдукевича, относится к концу VI в. до н. э. Таким образом, по аналогии кинжал № 13852, найденный в Тимском районе Курской области, также может быть отнесен к концу VI в. до н. э.

Второй кинжал был найден при раскопках А. Е. Алиховой в раскопе 1 на городище Кузина Гора Курской области (рис. 1, *4*). Кинжал от продолжительного пребывания в земле покрылся толстым слоем ржавчины. Общая его длина 32 см. Длина полосы клинка 22 см. Несмотря на ржавчину, с двух сторон его виден проходящий посредине дол По устройству клинок кинжала аналогичен клинку описанного выше кинжала, обоюдоострый, почти треугольной формы с равномерно суживающимися к концу лезвиями. Ширина кузиногорского клинка у перекрестия 3 см. Несколько необычно строение перекрестия рукояти кинжала. Оно имело сегментовидную форму. Нижний край его выгнутой дугообразной формы, верхний край перекрестия — прямой. Длина перекрестия 4,5 см, высота 2,1 см. В сечении перекрестие овальной формы и толщина его 0,9 см. В центре сечения можно заметить сквозной прорез. Он наводит на мысль об отдельном изготовлении перекрестия от клинка. Вероятно, сначала вместе со стержнем рукояти выковывался клинок. Верхний конец стержня рукояти при этом несколько затачивался. Затем рукоять продевалась в сквозной прорез перекрестия, которое, в свою очередь, припаивалось или приклепывалось в месте соединения клинка с рукоятью. Сверху на заточенный стержень рукояти надевали навершие, которое так же, как и перекрестие, имело сквозной прорез и также припаивалось или приклепывалось. Ввиду отсутствия у кузиногорского кинжала навершия верхний конец стержня рукояти, специально вырезанный по размеру сквозного отверстия навершия, хорошо виден.

О навершии кузиногорского кинжала можно судить по находкам акинаков. Один подобный акинак, несколько необычный по строению перекрестия, был найден Бобринским в Киевской губернии. Это меч из Староселья (рис. 1, *5*) [10]. Акинак имел такое же сегментовидное перекрестие, гладкий стержень рукояти и навершие в виде двух завитков с незамкнутыми концами. Вторая аналогия — акинак из Волковцев Полтавской губернии Роменского уезда [11]. Он также имел сегментовидное перекрестие и слегка серповидное навершие с овальными широкими концами (рис. 1, *6*). Навершие украшено в центральной части изображениями двух глаз. В центре стержня рукояти, почти посредине, можно ясно разглядеть вторую пару глаз.

Третья аналогия происходит с территории Венгрии. Акинак полностью аналогичен кузиногорскому, с таким же треугольным, имеющим дол, клинком, сегментовидным перекрестием, гладким стержнем рукояти и брусковидным навершием [12] (рис. 1, *7*).

Эти типы акинаков встречаются в погребениях Венгрии и в Киевской группе погребений скифского времени. М. И. Ростовцев [13], говоря о мече из Волковцев, указывает, что его рукоять представляет собой развитие рукояти с обычным прямым навершием под влиянием наверший волютного типа.

Есть в правобережной части и в смежных с лесостепью зонах несколько акинаков, близких по форме к описанному. Большинство из них имеет когтевидное навершие. Все кинжалы и акинаки этого типа являются случайными находками и могут быть датированы только приблизительно. По форме навершия они могут быть отнесены скорее всего к V—IV вв. до н. э. Вероятнее всего, и кузиногорский акинак имел также когтевидное навершие и может быть датирован этим же временем.

Акинак (КОКМ, № 21517, рис. 1, *8*) был случайно найден близ Афанасьевки Советского района Курской области. Он полно-

[9] В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых Боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 64, рис. 4.

[10] Смела, т. I, табл. VII, *5*.

[11] Б. Н. и В. И. Ханенко Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1894, табл. 2, *56*, стр. 6.

[12] Hampel. Skythiai emlikek madyarorszagban. «Archeologiai ertegito», XIII, 1893, ol. 387, tabl. I, abra 2.

[13] М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 60.

стью сохранился, хотя и сильно попорчен ржавчиной. Длина его 44,5 см. Длина рукояти 12,5 см. Клинок длиной 32 см, обоюдоострый. Конец клинка чуть затуплен, может быть, чуть обломан. Он имеет равномерно суживающиеся к концу лезвия. Следов сколько-нибудь заметного дола нет. Перекрестие акинака бабочковидной формы, хорошей сохранности. Длина его 6,5 см, высота 2 см, сечение 1 см. Подобная форма перекрестия весьма часто встречается у акинаков и кинжалов с когтевидным навершием.

Из-за ржавчины, покрывающей толстым слоем перекрестие нашего акинака, трудно сказать что-либо определенное о ее орнаментации. Длина стержня рукояти 6 см, ширина — 2,5 см. В сечении рукоять овальная. Стержень рукояти делится на три слегка выпуклые полосы: две крайние орнаментированы несколько наклонными поперечными насечками, средняя же полоса — двумя параллельными рядами елочек. По всей вероятности, рукоять не имела ни костяной, ни деревянной обкладки. Насечки были нанесены для того, чтобы при ударе рукоять не выскальзывала из руки.

В навершии акинака из Афанасьевки скорее всего можно видеть схему когтей хищной птицы с изображением двух глаз у основания завитков когтей. Акинаки с рукоятью этой формы, по-видимому, появляются в первой четверти V в. до н. э. На это указывает находка М. Эберта в одном из курганов у с. Марицына (рис. 1, *9*) аналогичного акинака вместе с пухлогорлой остродонной амфорой и чернолаковым килико м первой четверти V в. до н. э.[14]

Наибольшее распространение акинаки этой формы получают в V — начале IV в. до н. э., хотя, как указывает Н. Я. Мерперт, отдельные экземпляры доживают до III в. до н. э. Близкие к описанному акинаки происходят из курганов у с. Осняги, из Аксютинецкого могильника[15] и из центрального погребения Солохи[16] (рис. 1, *10—11*). Акинаки с когтевидным навершием распространены главным образом в южнорусских степях. Отдельные их находки встречаются и на западе, на территории Венгрии, но в основном для тех районов характерна архаичная форма акинаков с брусковидным навершием. Это, по-видимому, связано с консерватизмом акинаков в этих областях.

Подводя итоги всему сказанному выше, можно сделать вывод о проникновении отдельных элементов скифской культуры в среду нескифских племен лесостепной полосы. Это влияние прослеживается уже в архаическое время (VI в. до н. э.). Оно отразилось прежде всего в оружии, наглядным примером чего служат находки в Курской области описанных выше кинжалов и акинаков с когтевидным навершием. По-видимому, когтевидное навершие появляется еще в конце VI в. до н. э. При этом перекрестие акинака еще сохраняет старую почковидную или сердцевидную форму. В 1-й четверти V в. до н. э. когтевидное навершие усиливается изображением орлиных глаз у основания, перекрестие же вытягивается в ширину и в высоту, приобретая крышеобразную форму.

Кинжалы и акинаки Курской области отличаются от большинства скифских некоторым своеобразием, отсутствием выемки и членения стержня рукояти. Это, возможно, какой-то местный (локальный) вариант, присущий лесостепной полосе Курской области.

[14] M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. PZ, V, Teil II, 1913.

[15] Смела, т. II, табл. XXII, *4*.

[16] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 109, рис. 186а.

Ю. А. Липкинг

ГОРОДИЩА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В КУРСКОМ ПОСЕЙМЬЕ

В бассейне Сейма в пределах Курской области находится множество городищ разных эпох. В настоящее время у нас есть сведения о 97 таких городищах. Однако в действительности их гораздо больше. Ежегодно становится известным о нескольких новых, не упоминавшихся ранее объектах. Так, только в 1960 г. открыто более десяти городищ.

Из названных 97 городищ 33 еще не подвергались обследованию и не датированы. Из 64 известных городищ слои эпохи раннего железного века встречены на 47 [1]. Остальные городища являются славянскими.

Все городища Курской области расположены к западу от линии Поныри — Курск — Обоянь. В восточной части области ни одного городища нет. Очевидно, здесь в эпоху раннего железного века (как и в раннеславянское время) не было постоянного оседлого населения несмотря на то, что именно восток области отличается особо плодородным черноземом. Причину, вероятно, следует видеть главным образом в том, что он был ближе к степи, занятой воинственными кочевниками.

В остальной части области городища эпохи раннего железного века разбросаны повсюду и на более значительных реках (Сейм, Свапа, Псел), и на самых отдаленных, и мелких реках и ручьях. Бóльшая часть городищ расположена на правых берегах рек, но встречаются они и на левых и в местах, в настоящее время совсем безводных (Марицкое и Мухинское в 0,5 км от р. Прутище, Плаксинское — в 1 км от р. Ламанки и др.). В большинстве случаев (но не всегда) городища раннего железного века расположены своеобразными гнездами по три-четыре и более на расстоянии 1—5 км одно от другого. Таковы Рыльская и Котлинская группы, состоящие из пяти городищ каждая, Кузиногорская — из четырех городищ и др. Но следует отметить, что не всегда городища в группе синхронны.

По площади все или почти все городища раннего железного века Курского Посеймья невелики — менее 1 га. Подчас площадь городища не превышает 0,1—0,15 га.

Обычное место расположения городищ — высокие мысы коренного берега между глубокими оврагами. Но иногда встречаются городища, площадки которых возвышаются над логами всего лишь на 3—5 м. Видимо, лога, когда-то глубокие, уже в последующее время заросли торфом или засыпаны отложениями овражных потоков. Таковы лога у городищ Березуцкое, Дремовское и др.

С напольной стороны городища обычно ограждены одним рвом и одним валом. Иногда мы видим два или три параллельных вала и рва, стоящих рядом (Кудеярова Гора, Плаксинское, Кузина Гора и др.).

Иногда за валом, защищающим городище, находится площадка (загон для скота?),

[1] Из этих 47 городищ 24 содержат только слои эпохи раннего железного века, остальные являются двух- и трехслойными. Кроме слоя эпохи раннего железа, на них находятся славянские слои: роменский и Киевской Руси.

окруженная вторым невысоким валом (Ратманское, Ишутинское). Зачастую рвы и валы едва прослеживаются. Кольцевые рвы и валы встречаются только на городищах, содержащих, кроме слоя раннего железного века, и славянские слои.

На многих городищах, в мысовой части, кроме материала раннего железного века, встречается керамический материал эпохи бронзы, в количестве, позволяющем говорить о наличии стоянки.

В некоторых случаях культурный слой на городище настолько мал и беден, что трудно предположить, что городище было обитаемо продолжительное время. Ни на одном из до сих пор исследованных городищ эпохи раннего железа Курского Посеймья не встречено следов явного военного разгрома.

Ниже приводится перечень городищ эпохи раннего железного века бассейна р. Сейм в пределах Курской области (рис. 1). Значительная часть их была впервые упомянута в «Указателе городищ, курганов и древних валов», составленном Курской статистической комиссией по данным, полученным от волостных старшин[2]. Несколько городищ описано, но не датировано в статье А. Преображенского[3].

Ряд городищ Посеймья разведан И. И. Ляпушкиным, а также Курской археологической экспедицией. Некоторые городища открыты и разведаны автором настоящей статьи. Все помещенные в прилагаемом списке городища, кроме № 12, 20, 21 и 35, осмотрены автором.

1. Масловское городище расположено на левом берегу р. Сейма у с. Маслово Ленинского района, на мысу между логом и склоном берега. С западной, напольной, стороны защищено рвом и дугообразным валом около 2 м высоты. Площадка хорошо сохранилась, задернована, деревьев и кустарника на ней нет. Есть несколько небольших окопов времен Отечественной войны. Длина городища 102 м, ширина — 50—34 м, высота над поймой — 8—14 м. У восточного края городища — следы второго вала. Расположено городище на краю села в 600—700 м от современного русла. У местного населения известно под названием «Городище».

Керамика раннего железного века встречена главным образом в восточной части городища. Кроме того, на городище имеются роменский и позднеславянский слои.

Упомянуто в Указателе.

2. Липинское городище «Курган» расположено у западного края с. Липино Ленинского района на правом коренном берегу долины на останце, отделенном от остального берега мощным валом и глубоким рвом. Кроме того, оно окружено кольцевым валом. Поверхность городища задернована.

Слой раннего железного века перекрыт слоями — роменским и Киевской Руси. В числе прочего материала в слое раннего железного века найден сосуд, датируемый VIII—VII вв. до н. э., и наконечники стрел скифского типа.

Городище упомянуто в Указателе. Раскапывалось Д. Я. Самоквасовым, Данилевичем, разведывалось Соловьевым. В советское время исследовалось М. В. Воеводским и П. И. Засурцевым.

3. Городище Кузина Гора расположено у хут. Александровского Иванинского района, на мысу между коренным берегом и логом, покрыто лесом и кустарником. С западной стороны защищено двумя рядами рвов и валов. Городище открыто М. В. Воеводским. В течение последних лет раскапывается Курской экспедицией под руководством А. Е. Алиховой; датируется VI—IV вв. до н. э.

В полукилометре к северо-востоку от городища, в 1 км к западу и на противоположном берегу против хут. Александровского, находятся селища эпохи раннего железного века.

4. Александровское городище расположено у хутора того же названия в полукилометре к западу от городища Кузина Гора, тоже на мысу коренного берега; маленькое (0,10—0,12 га), отделенное дуговым валом и заплывшим рвом. Площадка со значительным наклоном к юго-востоку хорошо сохранилась и заросла лесом и кустарником. Городище открыто М. В. Воеводским, разведывалось А. Е. Алиховой. Оно хорошо датируется IV в. до н. э.

5. Городище на острове между протоками р. Сейм, напротив с. Лозовское Ленинского района, детально не разведывалось. Керамический материал сходен с материалом Александровского городища. Открыто Ю. А. Липкингом в 1956 г.

6. Плаксинское городище — в лесу между глубокими логами в урочище Рыльск (другое местное название «Прилепы»), в 1 км от р. Ламанки от с. Плаксино Иванинского района. Городище занимает узкий и высокий мыс длиной 125 м и шириной 40—30 м. С напольной стороны защищено тремя рядами мощных рвов и валов. У западного края сохранился древний въезд на городище. У северного края городища — следы четвертого вала.

Площадка наклонена к северу, задернована и заросла лесом и кустарником. У восточного склона — обнажение, в котором прослеживается осыпь культурного слоя мощностью свыше 2 м. В средней части городища мощность культурного слоя 40—50 см.

Городище по керамическому материалу сходно с городищем Кузина Гора, открыто М. В. Воеводским; разведывалось А. Е. Алиховой.

7. Березуцкое городище расположено на невысоком мысу правого берега р. Ламанки, в 3 км к северо-востоку от Плаксинского городища, напротив с. Березуцкое Иванинского района. Городище хорошо сохранилось, задернованно, деревьев и кустарника на нем нет. С напольной (западной) стороны

---

[2] Указатель городищ, курганов и древних валов. «Труды Курского губернского статистического комитета», вып. IV. Курск, 1874 (далее — Указатель).

[3] А. Преображенский. Дмитриевский уезд в историко-археологическом отношении. «Известия Курского губернского общества краеведения», вып. 2. Курск, 1928.

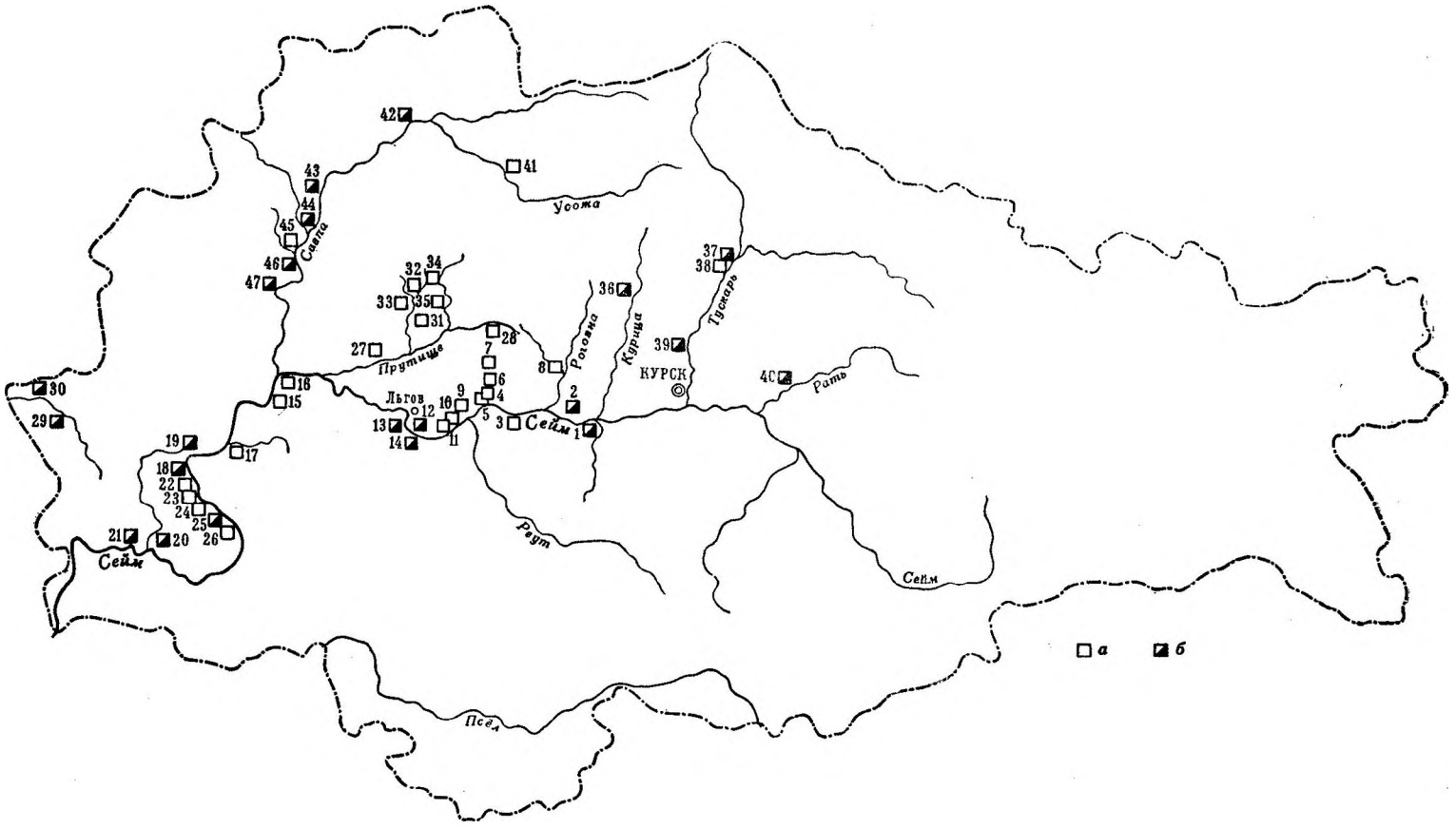

Рис. 1. Схема распространения городищ эпохи раннего железного века в Курском Посеймье:

а — городища раннего железного века без славянских слоев; *б* — городища раннего железного века со славянскими слоями

защищено невысоким валом и заплывшим рвом. Площадка длиной 112 м и шириной до 75 м со значительным наклоном к востоку. У южного склона культурный слой почти отсутствует. У северного — достигает мощности в 60—70 см и насыщен керамическим материалом. Городище однослойное, относится к эпохе раннего железного века. Керамика сплошь лепная, тонкостенная, неорнаментированная, сходная с керамикой Александровского городища. Много яйцевидных керамических блоков.

Городище открыто Ю. А. Липкингом, разведывалось А. Е. Алиховой.

8. Быкановское городище расположено на правом берегу р. Рогозны (правый приток Сейма), в полукилометре к югу от с. Быканово Стрелецкого района. Площадка неправильной формы, с сильным наклоном к юго-западу. Длина ее — 110—120 м, ширина — 75—85 м. Городище задернованно; ям, деревьев и кустарника на нем нет. Ров и вал заплыли и плохо прослеживаются. У северного склона городища находится овраг.

В северо-восточной и средней частях городища культурный слой тонок и беден. Хорошо выражен очень насыщенный золой культурный слой у юго-западного края площадки. Керамика эпохи раннего железного века тонкостенная, в основном неорнаментированная, сходная с материалом Александровского городища. Открыто Ю. А. Липкингом, по сигналам, полученным от местного учителя Кобзева.

9. Восточное Макаровское городище расположено на правом берегу р. Сейма, в 30—50 м от русла, на высоком мысу коренного берега, в 2,5 км к востоку от с. Макаровка Иванинского района. Городище покрыто молодыми лесонасаждениями. Часть его заросла старым лесом. Вал и ров плохо прослеживаются. На площадке собран материал раннего железного века. Городище открыто Ю. А. Липкингом в 1954 г.

10. Городище Кудеярова Гора расположено в 3 км к западу от с. Макаровки на одном из заросших лесом и густым кустарником мысов коренного берега Сейма. Высота мыса 100 м, длина 140 м, ширина — 45—55 м. Площадка сильно наклонена к югу. На городище несколько больших кладоискательских ям. С напольной стороны городище защищено двумя рядами рвов и валов. Из них внутренний вал достигает высоты над дном рва до 9 м. Кроме того, сохранились следы линии обороны, которая проходила вокруг городища на 8—9 м ниже его площадки.

На городище слой раннего железного века мощностью на склоне (северном) до 2 м, датируемый VI—IV вв. до н. э. Кроме того, найден, видимо, более поздний керамический материал, тоже лепной.

Городище открыто Ю. А. Липкингом в 1954 г. Разведывалось экспедицией Т. Н. Никольской и А. Е. Алиховой в 1960 г.

11. Городище Лысая Гора расположено в 700—800 м к западу от Кудеяровой Горы, на правом берегу р. Сейма, на высоком мысу, между покрытыми кустарником логами. Высота городища над поймой около 70 м, длина около 100 м, ширина около 60 м. Площадка задернована, кустов и деревьев на ней нет. На валу и по южному краю городища имеется несколько ям времени Отечественной войны. В центре площадки остатки избы лесника, стоявшей на территории городища несколько десятков лет назад.

Городище однослойное, относится к эпохе раннего железного века. Керамика сплошь лепная, тонкостенная, юхновская, много фрагментов миниатюрных сосудов, встречаются яйцевидные блоки. Керамический материал не вполне аналогичен материалу городища Кудеярова Гора, расположенного рядом. Культурный слой мощностью около 1 м. Обнажений нет.

Городище упоминается в Указателе. В 1954 г. небольшие раскопки на нем проводились Т. Н. Никольской.

12. Люшинское городище расположено на правом берегу р. Сейма, недалеко от с. Люшинка Льговского района, на расстоянии в несколько сот метров от современного русла реки. Упомянуто в Указателе, нами не разведывалось. Краеведом О. Н. Андреевым на городище собран керамический материал, среди которого наряду с обломками славянской керамики есть фрагменты сосудов эпохи раннего железного века, лепные, тонкостенные.

13. Нижнедеревеньковское городище «Батарея» расположено в с. Нижние Деревеньки Льговского района, на левом берегу Сейма у самого русла. Городище было круглым. В настоящее время половина его смыта рекой. Диаметр городища 52 м. Высота над уровнем реки всего 4—6 м. Сохранившаяся его часть сильно изрыта ямами, поверхность задернована. Городище открыто О. Н. Андреевым. В осыпи и на площадке городища собран славянский керамический материал и фрагменты посуды (лепной тонкостенной с проколами под венчиком) эпохи раннего железного века.

14. Сугровское городище находится на левом берегу р. Сейма, в нескольких километрах выше Нижнедеревеньковского городища. Как и Нижнедеревеньковское, оно расположено у самого русла и большей частью смыто рекой. Городище круглое в плане, диаметром до 70 м. Уцелел сегмент шириной до 18 м. Высота городища — 7—8 м. Крутым обрывом обнажены культурные слои общей мощностью до 2 м, относящиеся к раннему железному веку, роменской культуре и к периоду Киевской Руси. В обрыве была видна колоколовидная яма для запасов, на дне которой найдены фрагменты керамики раннего железного века. На валу окоп времен Отечественной войны. Городище задернованно. Деревьев и кустарника на нем нет. Упомянуто в Указателе.

Разведывалось Курской экспедицией.

15. Малое Ивановское городище расположено в болотистой долине р. Сейма на левом берегу, на расстоянии около 1,5 км от современного русла и в 9 км к северо-востоку от с. Ивановского Рыльского района. С напольной стороны защищено рвом и валом. Грунт песчаный (дюна). Сохранность городища хорошая, оно покрыто лесом и кустарником. На городище есть несколько небольших кладоискательских ям. У восточного склона имеются лисьи и барсучьи ямы, в выбросах из которых содержится много фрагментов керамики. Вся керамика относится к раннему железному веку. Часть ее орнаментирована защипами и жемчужинами. Много яйцевидных блоков, в том числе крупных. В нижней части культурного слоя при зачистке кладоискательской ямы обнаружены фрагменты керамики эпохи бронзы.

Впервые городище упомянуто в Указателе, описано в 1911 г. А. Александровым, разведано Курской экспедицией в 1960 г.

Рядом с описанным городищем находится также на покрытой лесом дюне еще неопределенное Большое Ивановское городище.

16. Городище Сабурова Гора находится у западного края с. Жилище Льговского района, расположено на дюне, у самого русла р. Сейм. Площадка округлая, диаметром 65—75 м. Покрыто лесом и кустарником. На городище несколько больших ям. Культурный слой прослеживается не по всему городищу (лучше выражен у восточного края). Мощность слоя 45—55 см. В нем найдена керамика раннего железного века — лепная, тонкостенная. Встречаются также яйцевидные блоки и керамика эпохи бронзы. К юго-западу от городища, метрах в 40 от вала, встречена яма, где производился обжиг блоков.

Городище упомянуто в Указателе. Разведано в 1961 г. Курской экспедицией.

17. Городище Пионов Бугор расположено на мысу левого берега долины р. Сейма, в 1 км от современного русла, у хут. Октябрьский Рыльского района. Высота городища 8—14 м, площадь — около 1 га. С напольной стороны оно защищено рвом и почти уже распаханным валом. Само городище тоже распахивается. Ям и древесно-кустарниковой растительности на нем нет. По восточному краю кое-где проходит небольшой окоп времен Отечественной войны.

Городище однослойное, относится к эпохе раннего железного века. Керамика вся лепная, встречаются фрагменты сосудов с орнаментом в виде защипов и с «жемчужинами». Много фрагментов крупных яйцевидных блоков. Мощность слоя до 60 см. У самого материка встречено несколько фрагментов керамики эпохи бронзы.

Открыто Ю. А. Липкингом в 1959 г., разведано Курской экспедицией в 1960 г. К югу и к западу от городища находятся селища тоже эпохи раннего железного века.

18. Городище Иванова Гора в г. Рыльске расположено на высоком останце коренного правого берега Сейма, в нескольких десятках метров от современного русла реки. Со всех сторон городище ограничено крутыми склонами. Только на юго-западе находится древний въезд в городище. Площадка ровная без заметного наклона. Северная часть ее задернована, и на ней разбит молодой парк. В средней части — остатки фундаментов кирпичных церквей. Южная часть городища задернована и сохранилась хорошо.

В обнажениях на южном и юго-западном склонах хорошо прослеживаются культурные слои общей мощностью до 2 м. В них видно большое количество угля и обгорелого дерева, костей и керамики. Керамика относится к разным культурам и эпохам — к раннему железному веку, роменской культуре и культуре Киевской Руси, есть и позднеславянская. Часть венчиков эпохи раннего железного века имеет орнамент в виде защипов и жемчужин. В осыпи найдена круглая серьга светлого металла раннескифского типа.

Городище упомянуто в Указателе и после — неоднократно в дореволюционной литературе. Разведывалось И. И. Ляпушкиным.

19. Городище Синайка расположено в 2 км от Рыльска на правом берегу р. Сейма, в 1 км от современного русла реки, на высоком мысу между двумя сухими задернованными логами. Высота городища 25—35 м, длина 150 м и ширина около 60 м. По городищу проходит окоп. В остальном оно сохранилось хорошо. Площадка задернована. Деревьев и кустарника на ней нет. С напольной стороны городище защищено валом и очень глубоким рвом. Культурный слой мощный (свыше 1 м). Кроме роменского слоя и слоя Киевской Руси, на нем имеется неповрежденный и хорошо насыщенный керамическим материалом слой раннего железного века. Встречаются яйцевидные блоки.

Городище упоминается в Указателе, разведано И. И. Ляпушкиным.

20. Городище у с. Лещиновка Глушковского района расположено на правом берегу р. Сейма. Форма его яйцевидная, высота 25—35 м, длина 110 м, ширина 25—30 м. Городище небольшое, полуразрушенное. Ров и вал сохранились. Площадка задернована. Мощность культурного слоя 120—130 см. Материал раннего железного века и славянский. Городище обследовал И. И. Ляпушкин.

21. Городище у хут. Советский расположено близ с. Сухая, в 8—10 км от Лещиновки, на мысу коренного берега р. Сейма. Оно занимает две первых террасы мыса. Площадь городища до 3 га, культурный слой мощностью до 1,2 м, сохранность его хорошая. Городище относится к эпохе раннего железного века, было обследовано И. И. Ляпушкиным.

22. Городище Лавочное — к северу от с. Поповка Рыльского района — расположено на правом берегу р. Сейма возле самого русла на стрелке коренного берега. Оно занимает южную часть бугра. С напольной стороны защищено серповидным валом и рвом. Длина городища 75 м, ширина — 45 м. Склоны крутые, высотой до 18 м. Площадка задернована и сильно наклонена к югу. По валу и вблизи него приходит окоп. У западного края городища — обнажение, в котором виден культурный слой мощностью до 1,5 м. В средней части площадки мощность культурного слоя значительно меньше. Городище однослойное, относится к раннему железному веку. В подъемном материале имеются венчики с защипами, днище с закраинами и со следами застругивания, дно миниатюрного сосудика, глиняная обмазка с отпечатками прутьев, яйцевидные блоки.

Перед валом в северной части холма неопределенная более толстостенная керамика с примесью шамота.

Открыто Ю. А. Липкингом в 1960 г.

23. Городище Крысова Гора расположено у самого русла р. Сейма на холме — останце коренного берега, у северного края с. Поповка Рыльского района. Высота городища 12—15 м. Длина около 100 м, ширина 35—40 м. Площадка задернована. По восточному краю проходит обрыв. Культурный слой очень бедный, относится к эпохе раннего железного века. Найдены венчики с защипами, яйцевидные блоки.

Городище открыто Курской экспедицией в 1960 г.

24. Тимохинское городище расположено между склонами берега и оврагом, у северного края с. Тимохино Рыльского района, на правом берегу р. Сейм, в 300 м от современного русла. Высота городища 8—12 м, длина — 170 м, ширина — 60—70 м. С напольной стороны защищено валом высотой в 2—2,5 м и заплывшим рвом. Площадка ровная, задер-

нованная, без ям. В южной части городища три-четыре небольших дерева. По восточному краю проходит окоп. Сохранность городища хорошая. В обнажении западного склона виден культурный слой мощностью до 180 см. В 8 м от западного склона культурный слой толщиной около 1 м. Городище однослойное. Собран материал только раннего железного века: венчики — гладкие и с насечками, реже — с жемчужинами. Яйцевидные блоки крупные. Материал сходен с тем, который найден на городищах Лавочное и Крысова Гора. Встречаются куски глиняной обмазки со следами прутьев.

Городище открыто Ю. А. Липкингом в 1960 г.

25. Городище в с. Артюшково Рыльского района находится посреди села на мысу между двумя сухими логами, правильной прямоугольной формы. Длина его 107 м, ширина — 38—40 м, высота от 8 до 24 м. Площадка городища хорошей сохранности, частично задернована. Только вдоль южного и восточного краев проходит узкий окоп. У западного края — распаханный пологий вал. Городище двухслойное, слои относятся к железному веку и роменской культуре. Общая мощность культурного слоя — 80—100 см.

Впервые упомянуто в Указателе, разведано Ю. А. Липкингом в 1960 г.

26. Крутое городище расположено в лесу Ровня, в 1 км к югу от с. Ищутино Рыльского района, на возвышенности между двумя логами. Склоны и площадка городища покрыты лесом. Сохранность городища хорошая. С напольной стороны оно защищено валом и очень глубоким рвом. Примерно в 50 м к северу от городищенского вала проходит второй, ограждающий площадку перед городищем.

Мощность культурного слоя около 60 см. Среди находок преобладает керамика эпохи раннего железного века. Венчики большей частью с защипом или с насечками. Встречаются глиняная обмазка со следами прутьев и фрагменты глиняных блоков. Под слоем раннего железного века обнаружена керамика эпохи бронзы с гребенчато-веревочным орнаментом, совершенно аналогичная керамике, встреченной на Шуклинском городище под Курском.

Городище упомянуто в Указателе, разведано Ю. А. Липкингом в 1960 г.

27. Городище Городьки расположено в логу к северо-западу от железнодорожной линии, в 2 км к северу от ст. Марица Льговского района, в 450—500 м от р. Прутище. Оно занимает мыс длиной в 95—100 м и шириной до 55 м. Высота городища 10—14 м. Склоны крутые. Городище задерновано и хорошо сохранилось. Ям и деревьев на нем нет.

Городище однослойное, относится к эпохе раннего железного века. Керамика тонкостенная, венчики с защипами и с проколами. Открыто льговским краеведом О. Н. Андреевым, разведано Курской экспедицией под руководством А. Е. Алиховой.

28. Городище в логу Теребрин расположено на высоком мысу между двумя сухими логами, на левом берегу р. Прутище, в 1 км от нее, напротив с. Мухино Иванинского района. Площадь городища около 1 га. Площадка и склоны его сплошь задернованы. Сохранность — очень хорошая. Культурный слой мощностью до 80—90 см относится к раннему железному веку. Открыто Курской экспедицией в 1958 г.

29. Городище в с. Козино Крупецкого района на р. Клевень занимает округлый мыс коренного берега. На нем имеются культурные слои раннего железного века и Киевской Руси. Городище совершенно испорчено находящейся на нем церковью и кладбищем.

30. Городище в с. Городище Козинского сельсовета Крупецкого района. Площадь его всего 0,06—0,07 га. Городище защищено мощным валом и глубоким рвом, округлое. Поверхность его задернована. Городище прорезано современным оврагом. Культурный слой беден. Среди находок преобладают фрагменты керамики Киевской Руси. На склонах и в обнажении встречена также керамика раннего железного века.

Городище упомянуто в Указателе, разведано Курской экспедицией в 1960 г.

31. Городище Городок расположено в 1 км к югу от с. Дремово-Черемошки Конышевского района, в урочище Большое Городище, на левом берегу р. Котлинки (приток р. Прутище), в 200 м от современного русла между двумя логами, в настоящее время уже очень плоскими, неглубокими, занесенными отложениями. Высота городища всего 5—8 м, длина — 95 м и ширина — 55—35 м. Площадка ровная, хорошей сохранности, задернованная, с заметным наклоном к реке. С востока городище защищено валом, частично разрушенным оврагом. У юго-восточного края небольшое обнажение с культурным слоем мощностью до 1,3 м. В средней части городища мощность слоя около 0,5—0,6 м.

Городище однослойное, относится к раннему железному веку. Встречаются венчики с защипом и гладкие, керамические блоки в виде хлебцев с глубокими пальцевыми ямками.

Открыто Ю. А. Липкингом в 1960 г., разведывалось Курской экспедицией.

32. Городище Любуши расположено на мысу между двумя заболоченными логами, в 150 м от русла, на левом берегу р. Погорелой, впадающей в р. Котлинку. Высота городища 6—10 м, длина — 150 м и ширина — 35 м. Склоны и площадка задернованы. Городище однослойное. Материал одинаков с материалом Дремовского городища Городок. Кроме керамики, найдено бронзовое украшение из спирально свитой проволоки, встречаются фрагменты блоков с пальцевыми вдавлениями. По словам местных жителей, на городище часто находили бронзовые наконечники стрел.

С напольной стороны городища находятся остатки трех неполностью сохранившихся валов.

Городище открыто Ю. А. Липкингом, разведывалось Курской экспедицией в 1960 г.

33. Городище Тураевское находится на мысу правого берега р. Котлинки в логу Широкий, в 600 м к западу от с. Тураевка Конышевского района и в 100 м от колхозного птичника; от городища Любуши — 1,5 км.

Высота городища 10—12 м, длина — 110 м, ширина — 25—35 м. С напольной (северной) стороны городище защищено двумя рвами и двумя валами. Площадка хорошо сохранилась, задернована. У юго-западного склона городища есть обнажение. Культурный слой относится к эпохе раннего железного века. Керамика подобна керамике Дремовского городища и городища Любуши. Блоки имеют форму хлебцев с пальцевыми вдавлениями.

Городище открыто Ю. А. Липкингом.

34. Городище в лесу Городище в 1 км к северу от с. Котлево Конышевского района, на

правом берегу р. Котлинки, на мысу коренного берега, высотой в 20—30 м. С юго-востока городище защищено глубоким рвом и высоким валом. У восточного края вала — въезд в городище. Площадка ровная, круглая, диаметром 60 м, сплошь покрытая лесом. У восточного склона небольшое обнажение, открывшее слой, богатый золой, но почти совершенно без керамического материала. Почти нет керамики и в остальных частях городища. Немногочисленные мелкие фрагменты ее относятся к раннему железному веку.

Городище открыто Ю. А. Липкингом в 1960 г.

35. Павловское городище у с. Павловки Конышевского района не разведывалось. По словам местных жителей, на нем находят бронзовые наконечники стрел (по описаниям — скифских типов) и хлебчатые блоки.

36. Лукинское городище расположено на останце коренного берега среди болотистой поймы р. Большие Курицы, на правом ее берегу. Как видно из материалов, собранных еще до революции краеведом Данилевичем и хранящихся в Курском краеведческом музее, на городище, кроме слоя Киевской Руси, есть слой раннего железного века. В частности, там найдены фрагменты венчиков сосудов с проколами.

37. Северное Переверзевское городище находится у северного края с. Переверзево (Кобзево), на высоком останце коренного берега, на правом берегу р. Тускари, в 30 м от современного русла. С севера, с напольной стороны, защищено глубоким рвом и высоким валом. Площадка вытянутой овальной формы, размером около полугектара, наполовину заросшая кустарником. В остальной части — задернованная. В середине ее несколько значительных ям. На городище имеются культурные слои — роменский и раннего железного века. Общая их мощность 80—100 см. Возле городища у рва расположено селище с материалом раннего железного века. К западу от городища — славянское селище.

Городище упомянуто в Указателе.

38. Южное Переверзевское городище расположено в 1 км к югу от Северного Переверзевского, у южного края с. Переверзево. У обрыва высокого коренного берега Тускари. Ров и вал распаханы и едва заметны. Площадка ровная, занятая огородом. У восточного края — крутой обрыв, в котором обнажен зольный культурный слой мощностью свыше 1 м. В нем — керамический материал раннего железного века (венчики тонкостенных сосудов с защипами и жемчужинами).

Городище открыто Ю. А. Липкингом в 1955 г.

39. Шуклинское городище расположено на мысу между глубокими оврагами, на правом берегу р. Тускарь, напротив усадьбы школы с. Шуклинка Стрелецкого района. С напольной стороны — высокий вал, сложенный из крупных кусков мергеля, и глубокий ров. Площадка с сильным наклоном к реке. Большая часть городища заросла лесом и кустарником. Культурные слои относятся к разным эпохам: раннему железному веку, роменской и позднеславянской культурам. Городище упомянуто в Указателе. В дореволюционное время обследовано Соловьевым[4]. После революции разведывалось О. Н. Мельниковской и раскапывалось Т. Н. Никольской.

40. Бесединское (Ратское) городище находится на правом берегу р. Рать у с. Городище Бесединского района. У местного населения именуется Тарелочкой. Иногда в печати неправильно именуется Ратманским. Основное городище очень небольших размеров, округлое с крутыми склонами. Расположено на мысу коренного берега. С напольной стороны защищено очень мощным валом и глубоким рвом. Перед городищем находится площадь в несколько десятков гектаров, защищенная стеной, сохранившейся сейчас в виде остатков вала. На этой площади — большое количество керамики, главным образом славянской. И на самой Тарелочке, и на площади перед ней, кроме славянской керамики, немало фрагментов керамики раннего железного века, в том числе венчики сосудов с проколами и жемчужинами.

Керамика раннего железного века найдена также на площадке к северу от городища и селища. Городище неоднократно упоминалось в литературе, в послереволюционные годы обследовано И. И. Ляпушкиным.

41. Шатохинское городище Городки расположено на правом берегу р. Усожи, в логу, в 400 м от современного русла, между двумя оврагами. Высота мыса 25—30 м, длина около 1000 м, ширина до 50 м. Площадка наклонена к реке и густо заросла молодым лесом и кустами.

С напольной стороны городище защищено двумя валами и двумя рвами. Сохранность городища хорошая. Керамический материал весь относится к раннему железному веку. Встречены венчики с защипами, с жемчужинами и проколами, а также фрагменты яйцевидных блоков. Мощность культурного слоя около полуметра.

Городище открыто Ю. А. Липкингом в 1959 г.

42. Ратманское городище расположено на высоком мысу между глубокими сырыми логами, на правом берегу р. Свапы, в 1,5 км к северо-западу от с. Ратманова Михайловского района. Длина городища 140 м, ширина — около 35 м. С северной, напольной, стороны расположен вал высотой до 5 м и глубокий ров. У восточного края вала виден проезд на городище. Перед ним — площадка длиной около 100 м, огражденная вторым валом. Городище густо поросло лесом и кустарником.

Культурный слой мощностью 45—55 м содержит материал раннего железа, роменский и позднеславянский. В нем попадаются венчики с проколами и блоки с глубокими ямками.

Городище названо в Указателе. Разведано Ю. А. Липкингом в 1960 г.

43. Старогородское городище расположено на округлом мысу на правом берегу р. Свапы, в с. Старый Город Дмитриевского района. Окружено кольцевым валом и глубоким рвом. В северо-восточной части городища находится возвышение, отделенное вторым валом. Сохранность городища плохая. На нем — следы разрушенной церкви и кладбище.

Обрыв восточного края городища образует обнажение, в котором виден культурный слой мощностью выше 1 м. Основной керамический материал роменский и Киевской Руси. Встречено небольшое число фрагментов керамики раннего железного века.

Городище названо в Указателе и описано А. Преображенским.

[4] Л. Н. Соловьев. Городища и стоянки окрестностей г. Курска. «Изв. Курск. губ. об-ва краеведения», № 4, 1927.

44. Арбузовское городище расположено на правом берегу р. Свапы посреди с. Арбузово Дмитриевского района. Городище с трех сторон обнесено валом и рвом, с востока — ограничено высоким и крутым склоном речной долины, размеры 108 × 64 м. В средней части городища расположена группа многолетних дубов и кладбище. Остальная часть городища задернована.

У восточного склона обнажен культурный слой мощностью выше 1 м. В нем много фрагментов сосудов эпохи раннего железного века. Кроме того, в северо-восточной части городища попадаются фрагменты роменской керамики.

Городище упомянуто в Указателе, описано А. Преображенским. Разведано Ю. А. Липкингом в 1951 г.

45. Городище в с. Городище Дмитриевского района расположено на высоком крутом берегу р. Свапы. Частично застроено колхозными постройками, остальная часть — под огородами. Изрыто ямами. В западной части у дороги — неопределенный древний могильник. На городище собран материал раннего железного века. Венчики сосудов большей частью неорнаментированные, много яйцевидных блоков.

Городище упомянуто в Указателе и в статье А. Преображенского. Разведано Ю. А. Липкингом в 1954 г.

46. Моисеевское городище расположено на высоком останце на правом берегу р. Свапы, в 2 км от современного русла. Площадь городища более 1 га. Рвами и валами оно разделено на три части. Городище распахивается. Упомянуто в Указателе, разведывалось Курской экспедицией под руководством А. Е. Алиховой.

47. Шатуновское городище расположено на стрелке коренного правого берега р. Свапы, в 1 км к востоку от с. Шатуновки Хомутовского района. Высота городища 6—8 м, длина — 60 и ширина — 40 м. Площадка покатая, без ям, деревьев и кустов, распахивается; обнажений нет. На городище собрано значительное количество керамики раннего железа и роменской. Городище описано А. Преображенским. Разведывалось Ю. А. Липкингом в 1954 г.[2]

---

[2] Уже после сдачи рукописи в набор автор обнаружил интересное Жадинское городище на левом берегу р. Сейм в 8 км к югу от г. Рыльска.

Городище расположено на дюне в лесу и защищено двумя рядами рвов и валов. Из известных нам до сих пор памятников Курской области это — единственный только юхновский, без других культурных слоев. На площадке городища обнаружен позднеюхновский слой (не старше III в. до н. э.), хорошо датируемый неорнаментированной керамикой, аналогичной керамике Александровского городища, и бронзовыми булавками со спиралевидными тупоконусными головками. Верхняя часть вала насыпана из культурного слоя, тоже юхновского, но более раннего, счищенного с площадки городища.

Городище хорошо сохранилось. Только через вал и по одному из краев площадки проходит окоп времен Великой Отечественной войны.

Памятник назван в Указателе. Д. Я. Самоквасов ошибочно отнес его к славянским городищам.

В. Г. Петренко

МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ГРИШЕНЦЫ

Могильник у с. Гришенцы Каневского района Черкасской области был открыт случайно, когда во время дорожных работ летом 1952 г. колхозник И. Т. Иващук нашел в обрезе дороги погребение с амфорой и железным мечом. В 1953 г. погребение датировал А. И. Тереножкин [1], а в 1956 г. дополнительно исследовал Ю. В. Кухаренко [2]. В 1958 г. во время разведки на Каневщине мы вскрыли на этом могильнике четыре погребения (1—4), а в 1960 г. вновь провели здесь небольшие раскопки. В настоящей статье публикуются результаты этих раскопок.

Могильник расположен у северной окраины села в урочище Каменка, на возвышенном плато. Могильник перерезан широким и глубоким оврагом, уничтожившим значительную его часть. Местные жители рассказывают, что в овраге находят человеческие кости, бронзовые наконечники стрел, бусины и т. п.

Почва на месте могильника представляет собой желтую комковатую глину, в которой, как правило, пятна могильных ям не прослеживаются.

В 1958 г. на площади могильника в тех местах, где в обрезе оврага были видны кости или сосуды, мы заложили два шурфа.

В шурфах, заложенных на расстоянии 130 и 200 м и далее к югу от тех мест, где находились погребения, открытые в 1958 г., обнаружен культурный слой поселения, которое, судя по находкам фрагментов греческих амфор, наконечнику бронзовой стрелы и обломкам местной керамики, может быть датировано началом V—IV—III вв. до н. э. [3] Траншея длиной 20 м и шириной 1 м, заложенная в 1960 г. к западу от погребения 1, ничего не дала, поэтому впоследствии раскопки велись сплошными площадями, закладываемыми в стороны от погребений, открытых в 1958 г. Общая площадь, вскрытая на могильнике в 1958 г. и 1960 г., равняется 750 кв. м. Здесь было обнаружено 19 погребений.

Никакой закономерности в расположении погребений установить не удалось.

В Гришенецком могильнике обнаружено два обряда погребения: трупоположение и трупосожжение. При трупоположении погребенные лежали вытянуто на спине и были ориентированы головой на восток, север, северо-восток и юго-запад. В одном случае погребенный (погребение 1) был положен на правом боку с немного согнутыми в коленях ногами.

Погребения с трупосожжением представляли собой кучки пережженных костей, очищенных от погребального костра. Диаметр скопления — 0,5—0,6 м, толщина 0,15—0,20 м. Но иногда костей было очень мало

[1] А. И. Тереножкин. Отчет о работе Правобережной скифской экспедиции летом 1953 г. Архив ИА АН УССР.

[2] Ю. В. Кухаренко. Отчет об археологических исследованиях в Поросье и на территории Волынского Полесья. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 1241.

[3] Поселение впервые было открыто Пороссой археологической экспедицией под руководством Т. С. Пассек (Пороссая экспедиция, 1945. АП, I, стр. 221, карта) и затем обследовалось А. И. Рассадович и А. И. Тереножкиным.

(погребение 18). Среди остатков трупосожжений встречались отдельные вещи. Всего на могильнике встречено четыре погребения с трупосожжением. Могильные ямы прослежены дважды (погребения 6, 7). Они оказались широкими, прямоугольными, с чуть закругленными углами. В погребении 10 яму не удалось проследить, но, по-видимому, она была перекрыта деревом, перекрытие было сожжено и провалилось в могилу. Об этом свидетельствовали кусочки сожженного дерева, представлявшего собой в древности доски шириной около 10 см и толщиной около 2 см. Остатки дерева попадались над погребением, начиная с глубины 0,5 м до дна могилы (на глубине 0,95 м).

Погребения залегали на глубине 0,4 — 1,5 м от поверхности. В юго-западной части могильника были открыты четыре детских погребения с маленькими сосудиками и бусами. Погребения взрослых сопровождались местными и привозными сосудами, предметами вооружения, конской узды и украшениями. Могильник разграблен и разрушен, поэтому инвентарь погребений представлен неполностью.

Посуда. В инвентаре погребений Гришенецкого могильника наиболее часто встречались местные и привозные греческие глиняные сосуды.

Местные сосуды, хотя и немногочисленны, но все очень интересны.

В погребении 1 был обнаружен лепной горшок с отогнутым наружу венчиком, широким округлым туловом и одной петельчатой ручкой (рис. 1, *6*). Поверхность сосуда серого цвета, лощеная. Излом коричневого цвета, в глине — примесь дресвы. Эта форма горшка не характерна для сосудов скифского времени в лесостепи. Мне известен только один аналогичный сосуд, происходящий с территории левобережного Приднепровья, где он был найден в погребении IV—III вв. до н. э.[4]

Горшочек из погребения 10 (рис. 1, *8*) имел почти прямой, чуть отогнутый венчик, округлое тулово и поддон, равный толщине дна. Поверхность сосудика черная со светло-коричневыми пятнами, неровная и шероховатая. В глине — примеси шамота и песка. На Правобережье сосудики подобной формы встречаются в погребениях IV—III вв. до н. э.[5], но наиболее близкие аналогии мы находим на Левобережье[6].

В погребении 12 был найден фрагмент маленького сосудика с дугообразно изогнутой шейкой и венчиком (рис. 1, *5*). Горшочек расширяется к тулову и суживается ко дну. По краю венчика расположен орнамент в виде пальцево-ногтевых защипов. Этот сосудик в миниатюре представляет собой форму, обычную в керамике поселений и погребений позднескифского времени в лесостепи. Однако сосудики этой формы такого маленького размера и с похожим орнаментом известны только из погребений Левобережья Днепра[7].

Отдельные фрагменты этого типа керамики были найдены в погребениях 7 и 8.

В погребение 13 был поставлен горшочек баночной формы, грубо слепленный из темно-серой глины с неровной, шероховатой поверхностью (рис. 1, *1*). Сосуды такой формы хотя и редко, но встречаются в погребениях Правобережья[8].

Весьма своеобразен маленький лепной горшочек с отбитой ручкой, поставленный у головы погребенного в погребении 1 1956 г. Он был ярко-коричневого цвета с серыми пятнами. Поверхность неровная, слаболощеная (рис. 1, *7*). По амфоре, найденной в этом погребении, можно датировать его IV в. до н. э. Однако горшочек по форме напоминает кружки зарубинецкого времени.

В погребении 7 был обнаружен фрагмент большой черной лощеной миски с загнутым внутрь клиновидным краем (рис. 1, *2*). Эта форма мисок известна в Правобережье в течение всего скифского периода.

Горшки стояли обычно в ногах погребенного (погребения 1, 10, 13).

Греческая керамика. В могильнике найдена только одна целая амфора в погребении 1 1956 г. (рис. 2, *27*). По определению И. Б. Зеест, это хиосская амфора IV в. до н. э.

[4] Є. В. Махно. Скіфськи кургани коло с. Малі Будки. «Археологія», т. VIII. Київ, 1949, стр. 125, рис. 2, *2*.

[5] Є. Ф. Покровська. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Смели. «Археологія», т. X. Київ, 1957, стр. 68, табл. I; Киевский исторический музей, ИМ, 22227; Б 45—39; Б 45—40.

[6] Басовка, курган 481; Эрмитаж, Дн. 1931 г., 7/1; Великие Будки, курган 494; Эрмитаж, Дн. 1932 г., 19/11.

[7] Киевский исторический музей, каталог высших женских курсов, № 1299, из кургана у с. Броварки Гадячского района, раскопки В. В. Хвойки.

[8] Сосудик из кургана у с. Николаевки Таращанского уезда Киевской губ., раскопки Антоновича 1874 г., Киевский музей, Б 45—12.

Кроме того, в ряде погребений (4, 7, 8, 17) и вне их обнаружены отдельные фрагменты амфор. Все датируемые фрагменты относятся к V и IV—III вв. до н. э.[9]

мисочки попадали, по-видимому, преимущественно в V в. до н. э.[10]

В этом же погребении найден аск (рис. 2, *25*). По форме он может быть отнесен к груп-

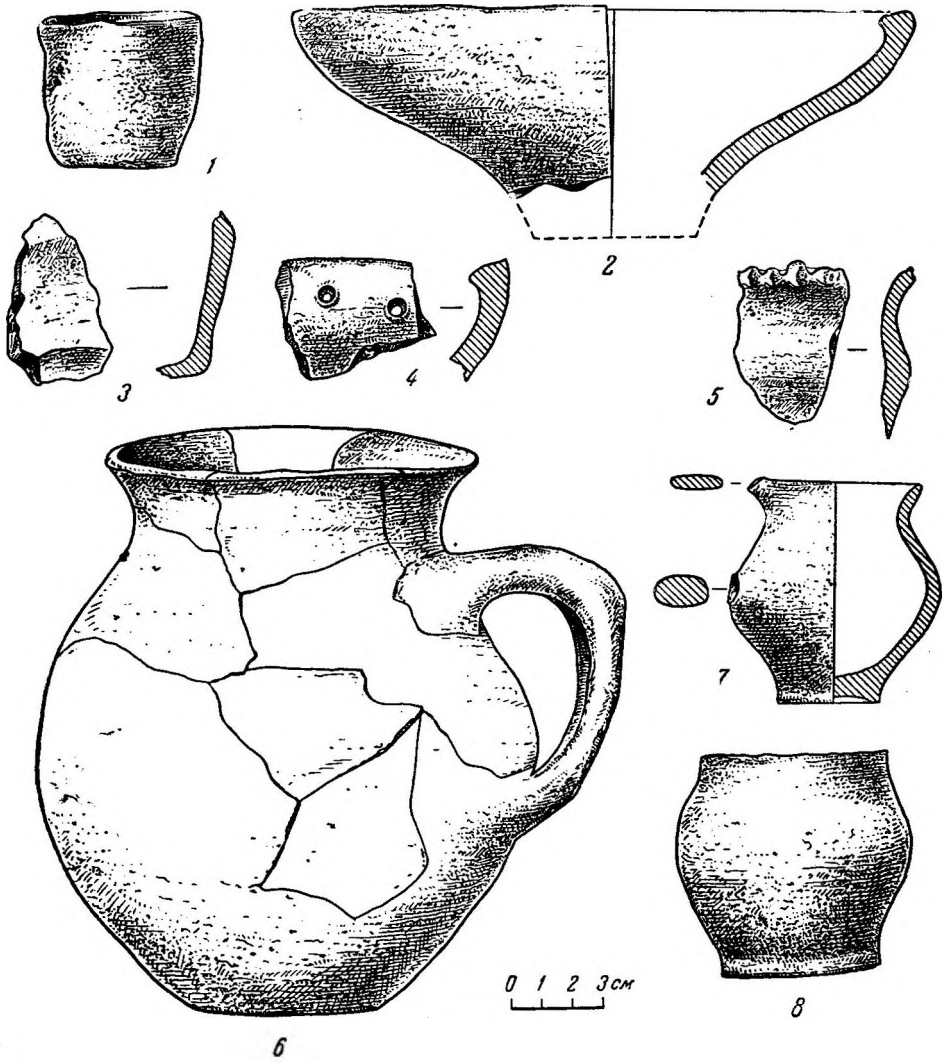

Рис. 1. Лепная керамика из погребений Гришенецкого могильника:

1 — погребение 13; *2, 3* — погребение 7; *4* — погребение 4; *5, 6* — погребение 12; *7, 8* — погребение 10

Найдено также несколько мелких сосудиков греческого производства.

В погребении 16 оказалась сероглиняная гончарная мисочка (рис. 2, *24*), аналогичная известным в причерноморских городах с VI в. до н. э. и в течение всего эллинистического периода. В Среднее Приднепровье эти

пе IV кольцеобразных сосудов, выделенной В. М. Скудновой и датируемой ею началом V в. до н. э.[11]

[9] Амфорный материал определен И. Б. Зеест.

[10] Такая же мисочка найдена в погребении V в. до н. э. (курган 392 у с. Грушевка, Киевский музей, ИМ 8084).

[11] В. М. Скуднова. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии. «Труды отдела античного мира Государственного Эрмитажа», т. I, Л., 1945, стр. 131—140, табл. II, 2.

Сероглиняный кувшинчик (рис. 2, *23*), найденный в обломках в погребении 7, вероятно, местного ольвийского производства V в. до н. э.[12]

Из северочерноморских колоний привезены также бусы, найденные в могильнике: среди них голубовато-зеленоватая бусина с синими глазками, обведенными белым, синие стеклянные бусины округлой формы или в форме пирамидки (рис. 2, *18, 19, 21, 22*). Бусы всех этих типов широко распространены по всему Северному Причерноморью в V—IV вв. до н. э.

Среди других украшений назовем: бронзовое височное колечко (погребение 2), две головные булавки в виде «пастушеского посоха» (погребение 11 и погребение 2 1956 г.) и два железных браслета (погребение 5). Височное колечко (рис. 2, *20*) сделано из бронзовой проволоки, круглой в сечении, диаметром 2 мм. Височные кольца такой формы, часто с нанизанной бусиной, характерны для всего Северного Причерноморья в IV—III вв. до н. э.

Бронзовые булавки, аналогичные найденным в могильнике, известны в лесостепи, преимущественно на Правобережье, при этом наибольшее количество находок их приходится на район Каневщины (10 штук)[13]. Булавки близкой формы имеются на западе в памятниках лужицкой культуры[14], однако там они несколько отличаются от описанной. Представляется, что эта форма булавки складывается в правобережной лесостепи под влиянием западных лужицких. Некоторое своеобразие формы, а также сосредоточение находок в районе Каневщины говорят, по-видимому, о существовании здесь местного центра, производящего эти булавки.

Два железных кольца с несомкнутыми концами (рис. 2, *11, 12*), найденные у бедренных костей в погребении 5, скорее всего являлись браслетами. Во всяком случае они очень близки по форме железным браслетам, встречающимся в рядовых погребениях IV—III вв. до н. э. в степи и лесостепи[15].

Предметы украшения конской узды были найдены только в разрушенном погребении 7. Они представлены тремя бронзовыми ворворками и бронзовой бляхой.

Одна из ворворок семигранная, две — круглые в сечении, внутри их сохранились кусочки ремней, на которые они были надеты (рис. 2, *1—3*).

Бронзовая бляха литая с петлей на обороте (рис. 2, *4*). На ней имеется очень варваризованное изображение грифона, которое может быть датировано началом V в. до н. э.[16]

Предметы вооружения оказались только в трех погребениях. Похороненный в погребении 1 1956 г. воин был вооружен железным мечом и копьем. Форма меча неизвестна, так как он был сильно окислен и распался. Копье имело ромбическое в сечении перо и длинную втулку (рис. 2, *13*). Вток от него представлял собой железную трубочку, согнутую из железного листа (рис. 2, *14*). В погребении 14 была найдена сильно окислившаяся железная втулка, вероятно, от дротика.

Трехгранный бронзовый наконечник стрелы с выемками у основания (рис. 2, *9*), найденный в погребении 7, по всей видимости, не связан с погребением. Может быть, он попал в могилу при ее ограблении. Об этом говорит благородная патина на нем, характерная для находок бронзовых предметов на поселениях, и то, что дата его — IV—III вв. до н. э.— не совпадает с датировкой остальных вещей из погребения.

Еще один наконечник бронзовой стрелы — трехгранный с глубокой выемкой в основании и одним удлиненным пером (рис. 2, *10*) — был обнаружен вне погребения. Возможно, он связан с каким-то разрушенным погребением IV—III вв. до н. э.

В погребении 7 было найдено много мелких узких бронзовых пластинок (рис. 2, *8*), которые являлись, по-видимому, частями

---

[12] Аналогичный ольвийский кувшинчик см. Т. Н. Книпович. Погребение скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 208, рис. 4б.

[13] В районе с. Гришенцы найдено семь булавок; Киевский исторический музей, план 3, пять штук; ГИМ, 95802; погребение 11, раскопки 1960 г.; подъемный материал с поселения, разведки 1958 г.; у с. Пекари, Киевский музей, ИМ 2186; у с. Ковали в кургане 395, раскопки Н. Е. Бранденбурга 1897 г., Гос. Эрмитаж, Дн. 1932, 48/1.

[14] Я имею в виду булавки с «лебединой шейкой», распространенные в лужицкой культуре в гальштаттский период. См. R. Miklaszewska. Przedmioty z okresu halsztackiego znalezione we wsi Czerwonke pow. Sokolów Podlaski. Wiadomości archeologiczne, том XXVI. Warszawa, 1929—1960, стр. 310, рис. 1, С.

[15] Є. Ф. Покровська. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Смели. «Археологія», т. X. Київ, 1957, стр. 69.

[16] В. Г. Петренко. Бронзовая бляха с изображением грифона. КСИА АН СССР (в печати).

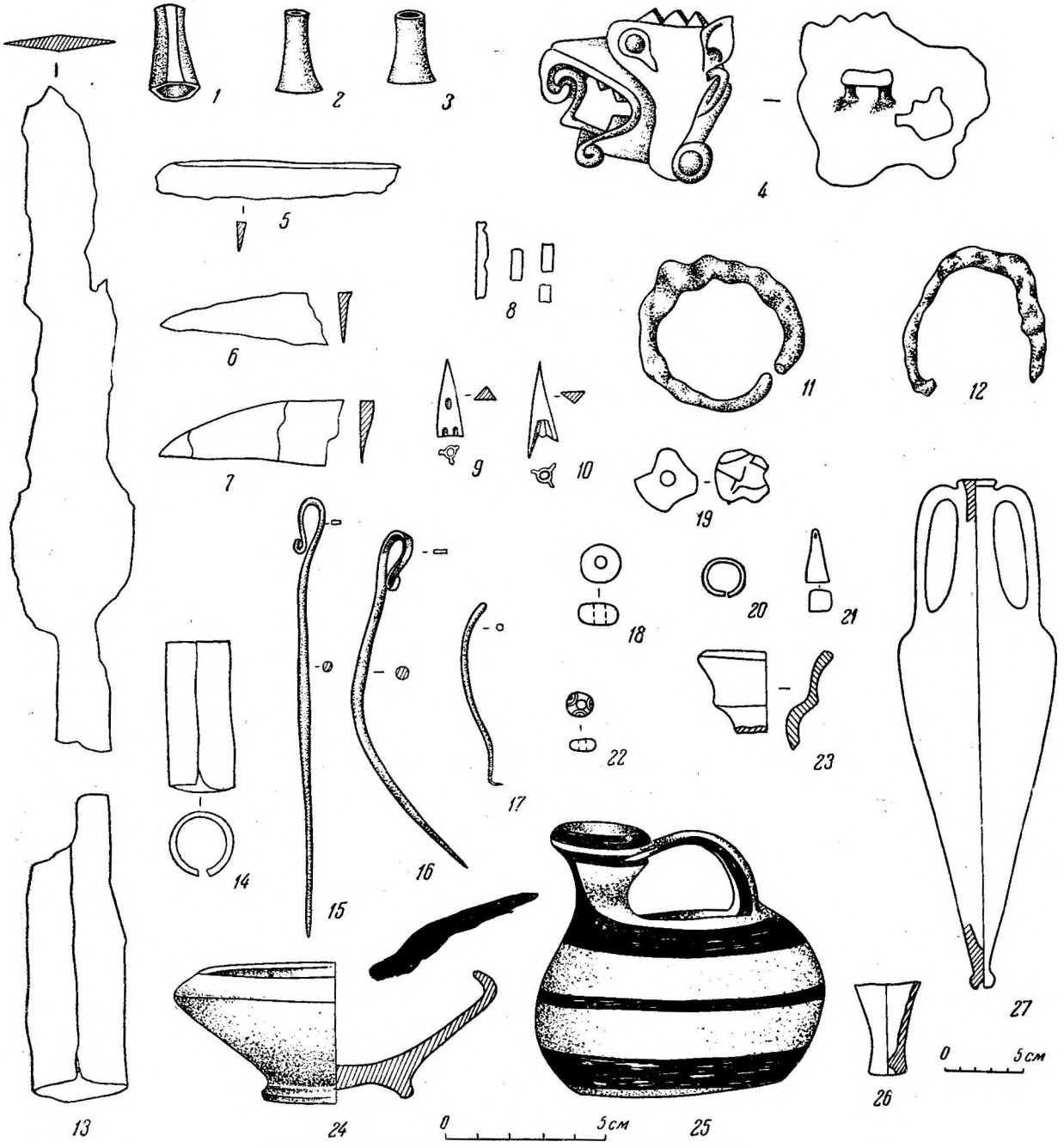

Рис. 2. Предметы из погребений Гришенецкого могильника:

1—3 — ворворки; *4* — бляха; *5—7* — ножи; *8* — пластинки; *9, 10* — наконечники стрел; *11, 12* — кольца; *13, 14* — обломки наконечников копий; *15—17* — булавки; *18, 19, 21, 22* — бусины; *20* — серьга; *23* — горлышко сероглиняного кувшинчика; *24* — гончарная мисочка; *25* — аск; *26* — ножка амфоры; *27* — амфора (*1—4, 8, 9, 23, 26* — из погребения 7; *5* — из погребения 8 *6* — из погребения 17; *7* — из погребения 14; *11, 12* — из погребения 5; *14, 15* — из погребения 11; *16* — из погребения 9; *17* — из погребения 6; *18* — из погребения 10; *19* — из погребения 1; *20* — из погребения 7; *21, 22, 24, 25* — из погребения 16; *27* — из погребения 1: *1—4, 8—10, 14, 15, 19* — бронза; *5—7, 11, 12* — железо)

боевого пояса, аналогичного известным в богатых курганах Правобережья [17].

Обломки ножей были найдены в четырех погребениях. В одном случае (погребение 8) нож был прямой (рис. 2, *5*), в трех (погребения 7, 14, 17) они имели характерную горбатую спинку (рис. 2, *6, 7*). У ножа из погребения 7 сохранились остатки деревянной ручки.

Таким образом, анализ инвентаря позволяет определить хронологические рамки Гришенецкого могильника с начала V по IV — III вв. до н. э.

Наиболее ранними в могильнике являются погребения 7 и 16, датируемые найденной в них греческой керамикой началом V в. до н. э. Ко времени не ранее IV в. до н. э. относится погребение 1 1956 г.

Дата остальных погребений не может быть определена с достаточной точностью, однако все они не выходят за рамки конца V—IV—III вв. до н. э.

До сих пор в среднеднепровской лесостепи для скифского времени были известны только курганные захоронения. Поэтому естественно возникает вопрос, что представлял собой и кому принадлежал раскапываемый нами могильник.

Отсутствие насыпей в настоящее время как будто свидетельствует о том, что могильник является грунтовым. Возможно, однако, что в древности над могилами и были какие-то небольшие курганные насыпи. Но расположение могил таково, что оно заставляет предполагать наличие могил не только в курганах, но и между ними.

Обряд погребения в Гришенецком могильнике не выделяет его из среды курганных захоронений Поросской группы [18]. Так же, как и там, захоронения производились в грунтовых ямах по обряду трупоположения и трупосожжения. Обряд сожжения здесь тот же, что и в курганах позднескифского времени: остатки сожжения ссыпаны в кучку на дне могилы.

Преобладает восточная ориентировка, в то время как в курганах Поросья обычна западная, однако встречаются северная и восточная. Набор инвентаря здесь и в курганных захоронениях также очень сходен. Общность керамики, встреченной в погребениях могильника, с керамикой Левобережья может быть объяснена близостью материальной культуры этих граничащих между собой вариантов лесостепной культуры, прослеживаемой на протяжении всего скифского периода.

Отдельные бескурганные захоронения позднескифского времени были обнаружены на поселениях чернолесского и жаботинского этапов у сел Колонтаев и Жаботин [19], а также между курганами могильника V—IV вв. до н. э. у Чернолесского городища [20]. Очевидно, бескурганные захоронения становятся обычными в позднескифское время. Бескурганные захоронения, обряд сожжения на стороне с ссыпанием остатков в кучку на дне могилы и увеличение количества погребений с трупосожжением — все эти детали ритуала свойственны зарубинецкой культуре. Появление их в лесостепной культуре позднескифского времени позволяет нам уловить связующие звенья между этой культурой и следующей за ней зарубинецкой на территории среднеднепровского Правобережья. Если добавить еще, что в зарубинецких поселениях много простой кухонной керамики, по формам и орнаментации чрезвычайно близкой к керамике поселений позднескифского времени, то естественно напрашивается вывод о том, что на территории среднеднепровского Правобережья в III—II вв. до н. э. никакой смены населения не произошло. Местное население продолжало жить на старых местах. Изменилась лишь внешняя окраска культуры под влиянием собственно зарубинецких племен Верхнего Приднепровья и Полесья.

---

[17] Пояса из тонких бронзовых пластинок найдены в кургане 63 у с. Бобрица (Смела, т. III, табл. XIX, *6*); в курганах Г у с. Журовки (ИАК 14, 1905, стр. 27, рис. 68 и др.).

[18] См. Смела, т. III, стр. 108, сл. К сожалению, об обряде погребения курганного могильника, раскопанного Тарновским к юго-востоку от с. Гришенцы, никаких сообщений не сохранилось. По вещам, хранящимся в Киевском Историческом музее, дата этого могильника может быть приблизительно определена VI—IV вв. до н. э.

[19] Эти сведения почерпнуты мною из устного сообщения Е. Ф. Покровской и Г. Т. Титенко, исследовавших вышеназванные поселения.

[20] О. И. Тереножкін. Розвідки и розкопки 1949 р. в північній частин Кіровоградської області. «Археологія», т. VII. Київ, 1952, стр. 124—129.

Приложение

Ниже приводим описание отдельных погребений, обнаруженных в Гришенецком могильнике. Глубина погребений указывается от уровня современной поверхности до нижнего уровня залегания костей.

Погребение 1. На глубине 0,65 м обнаружен скелет взрослого человека, лежавшего на правом боку (рис. 3, *2*). Ноги покойника, немного согнутые, придвинуты вплотную к лицу покойника из погребения 2, а колени лежат у последнего на груди. Руки погребенного согнуты в локтях перед грудью, так что кисти лежат перед лицом. Голова ориентирована на СЗ. Справа около ушных костей найдено височное колечко из тонкой бронзовой проволоки диаметром 1,2 см (рис. 2, *20*). Первоначально было и второе кольцо, так как слева ушные кости позеленели от окиси меди.

Погребение 2. Костяк лежал вплотную, как бы валетом, с погребением 1 (рис. 3, *2*). Он был вытянут на спине, головой на ЮВ. Руки покойника были немного согнуты в локтях и расставлены, ноги вытянуты. Позвонки и ребра отсутствовали.

Погребение 3. В 0,2 м к северу от погребения 1 были обнаружены кости черепа и отдельные обломки костей рук (рис. 3, *2*). Судя по ним, здесь был похоронен подросток 11—13 лет. Около костей ног погребенного найден фрагмент ручки эллинистической амфоры IV—III вв. до н. э. Между черепами погребений 1 и 3 был найден небольшой обломок лепной серой миски с загнутым внутрь краем. Все три погребения, вероятно, лежали в одной могиле (контуры которой проследить не удалось) и представляли собой семейное захоронение. Могила ограблена.

Погребение 4. На глубине 0,6 м обнаружен скелет взрослого человека (рис. 3, *3*). Покойник был вытянут на спине и обращен головой на север. Руки и ноги были вытянуты. Скелет плохо сохранился, челюсти и лицевые кости отсутствовали. В 0,35 м к востоку от берцовой кости стоял горшок, так что верх его был на уровне костей скелета. Горшок лепной, в форме кувшинчика с шаровидным туловом, низким горлом и отогнутым венчиком (рис. 1, *6*). На тулове — петельчатая ручка. Поверхность горшка серая с коричневыми пятнами, плохо лощеная. Высота его 18,5 см, диаметр устья 12 см, диаметр дна 6 см.

Погребение 5. На глубине 0,85 м обнаружено погребение взрослого человека, положенного на спине, головой на восток (рис. 3, *1*). Голова была повернута лицом к юго-востоку, руки согнуты в локтях, кисти положены на плечи. Бедренные кости ног были повернуты налево. Берцовые кости обрезаны оврагом. Слева у ног лежали два сильно окислившихся железных несомкнутых кольца (рис. 2, *11, 12*). Диаметр лучше сохранившегося кольца равен 5 см, диаметр второго приблизительно равен 4,5 см. Между кольцами лежало несколько мелких обломков костей животного.

Погребение 6. Могила представляет собой прямоугольную яму с округленными углами, ориентированную с СВВ на ЮЗЗ (рис. 3, *9*). Северо-западный угол ямы разрушен оврагом. Размеры ямы: длина 3 м, ширина 1,9 м, глубина 0,85 м от поверхности. Первоначальную глубину могилы определить не удалось, так как очертания ямы были прослежены почти у самого дна. Могила была дочиста ограблена. От погребенного остались лишь два обломка черепных костей и часть лучевой кости. Над погребением, на глубине 0,8 м от поверхности, была найдена бусина из зеленовато-голубоватой пасты с синими глазками, обведенными белым ободком (рис. 2, *22*). Кроме того, в разных местах над могилой найдены невыразительные мелкие фрагменты амфор и местных лепных сосудов. Один из обломков украшен по краю пальцевыми защипами, другой — является фрагментом ручки лепного нелощеного сосуда.

Погребение 7. Это единственное погребение, в котором оказалось возможным проследить могильную яму. Могила имела прямоугольную форму и была ориентирована с северо-востока на юго-запад (рис. 3, *10*). Длина ямы 3 м, ширина — 2,5, глубина в материке — 0,9 м. У северо-западной стенки имелась небольшая материковая ступенька длиной 0,5 м, шириной 0,15—0,25 м, на глубине 0,5 м в материке.

Юго-восточная часть ямы была разрушена более поздней обширной ямой, круглой в плане. Назначение этой последней ямы неясно. Погребение оказалось совершенно разрушенным. Ограбление было совершено после того, как тело сгнило. Кости скелета были разбиты и свалены преимущественно в центральной и юго-западной частях могилы. Они лежали в беспорядке в засыпке ямы на глубине 0,5—0,9 м. Среди костей были найдены: литая бронзовая бляха с изображением грифона, размером 5,8 × 5 см (рис. 2, *4*); три бронзовые ворворки — одна семигранная, длиной 2,5 см, с диаметрами отверстий 0,6 и 1,2 см (рис. 2, *1*), вторая — круглая в сечении, длиной 2,4 см, с диаметром отверстий — 0,5 и 1,2 см (рис. 2, *2*), третья также круглая в сечении, длиной 2 см, с диаметрами отверстий 0,6 и 1 см. (рис. 2, *3*). Внутри первой и третьей ворворок сохранились остатки ремня, на котором они были продернуты; обломок железного ножа с горбатой спинкой со следами деревянной рукояти и отдельно кусочек дерева, вероятно, от этой ручки; два обломка железного кольца диаметром около 3 см; большое количество мелких обломков бронзовых пластинок длиной до 2,5 см, шириной 0,4 см, толщиной 0,5 мм (рис. 2, *8*), по-видимому, от боевого пояса; несколько фрагментов сероглиняного гончарного кувшинчика (рис. 2, *23*); бронзовый трехгранный, с выемками в основании и сквозным отверстием в одной из граней наконечник стрелы (рис. 2, *9*). На руках у погребенного, вероятно, были надеты бронзовые браслеты, так как лучевые кости обеих рук в средней части позеленели от окиси меди. Выше, на глубине 0,5 м, в материке у северного угла ямы, был найден большой фрагмент черной лощеной миски с загнутым внутрь краем (рис. 1, *2*), а на уровне материка — у северо-восточного края ямы — были найдены обломки черной лощеной миски с загнутым внутрь краем, орнаментированной сквозными проколами (рис. 1, *4*). Яма, перерезавшая могилу, заполнялась постепенно. В заполнении ее встречались невыразительные обломки местных лепных сосудов и амфорных стенок, отдельные угольки и несколько обломков костей животных.

В 6,5 м к югу от могильной ямы погребения 7, на глубине 0,1—0,15 м от поверхности, непосредственно под дерном, на площади 0,7 м в поперечнике, обнаружены черепные кости и зубы лошади, мелкие обломки стенок лепных сосудов, два обломка амфорных стенок и ножка амфоры неизвестного центра V в. до н. э. (рис. 2, *26*). Все это лежало в беспорядке на краю современной ямы, при рытье которой, по-видимому, были выброшены эти находки. Было ли на этом месте погребение или хозяйственная яма — решить невозможно. Культурного слоя вокруг не обнаружено.

Погребение 8. На глубине 0,75 м обнаружены in situ берцовые и пяточные кости обеих ног (рис. 3, *7*). Судя по ним, погребенный был вытянут на спине и обращен головой на восток. Вся остальная часть костяка обрезана вырытой здесь современной силосной ямой. Между костями ног лежал обломок амфорной стенки. Над костяком на разной глубине были найдены обломки стенок амфор, стенок лепных сосудов и лезвие железного ножа с прямой спинкой (рис. 2, *5*). Длина его 7,4 см, ширина 1,2 см.

Погребение 9. На глубине 1,05 м обнаружен костяк ребенка двух-трех лет, вытянутого на спине и обращенного головой на северо-восток (рис. 3, *5*). Кости ног скелета потревожены, правая бедренная кость сломана, правая берцовая — лежит перпендикулярно левой берцовой кости. На шейных позвонках погребенного и под ним были найдены семь синих стеклянных пирамидальных бусин (рис. 2, *21*), составлявших ожерелье.

Погребение 10. Начиная с глубины 0,5 м на площади 1,5 × 0,8 м (СВ — ЮЗ) в глине стали попадаться обугленные кусочки дерева, по-видимому, остатки сгоревших досок шириной около 10 см и толщиной около 2 см. Дерево это прослеживалось на глубине от 0,5 до 0,95 м, где был обнаружен плохо сохранившийся скелет (рис. 3, *6*). Кости почти совершенно истлели, прослеживаются лишь общие очертания скелета. Покойник вытянут на спине и обращен головой на северо-восток. У левого плеча погребенного лежала синяя стеклянная бусина округлой формы (рис. 2, *18*). В ногах стоял маленький лепной горшочек из коричневой глины, с неровной, шероховатой поверхностью (рис. 1, *8*). Большая часть поверхности сосуда закопчена. Сосудик имеет низкое цилиндрическое горло с почти невыраженным венчиком, округлое тулово и поддон, равный толщине дна. Высота сосудика 7,2 см, диаметр устья 6,3 см, диаметр дна 5,5 см.

Погребение 11. На глубине 0,5 м обнаружено скопление мелких обломков кальцинированных костей. Диаметр скопления 0,5 м, наибольшая толщина 0,2 м. Кости тщательно очищены от остатков погребального костра. На глубине 0,75 м под центром распространения костей найдены еще небольшое количество кальцинированных костей и бронзовая булавка в форме «пастушеского посоха» (рис. 2, *16*). На глубине 0,95 м снова найдены отдельные пережженные косточки. Кости и булавка, обнаруженные ниже скопления, по-видимому, были протащены или провалились в нору суслика, которыми изрыта вся земля вокруг. В 0,5 м на северо-восток от скопления, на той же глубине, найдено несколько кальцинированных косточек и часть бронзовой булавки (рис. *2*, *17*), вероятно, принадлежавшие этому же погребению.

В 1,75 м к югу от скопления, на глубине 0,65 м, обнаружены четыре мелкие кальцинированные косточки и кусочек синего скипевшегося стекла (бусина, побывшая в костре). Относятся ли эти косточки и бусина к описанному выше погребению или это разрушенное самостоятельное погребение — сказать трудно.

Погребение 12. На глубине 0,7 м обнаружено разрушенное погребение ребенка в возрасте полутора-двух лет (рис. 3, *8*). По сохранившимся in situ костям черепа, верхней части позвоночника, ребрам и лопаточным костям можно определить, что ребенок был вытянут на спине и обращен головой на восток.

В 0,25 м к северо-северо-западу от позвоночника найдена часть челюсти и в 0,55 м к северо-востоку — часть бедренной кости, в 0,23 м от черепа найден фрагмент маленького лепного сосудика, орнаментированного по венчику пальцевыми вдавлениями (рис. 1, *5*), и в 0,65 м к югу от позвоночника — обломок донной части другого лепного сосудика (рис. 1, *3*).

Погребение 13. На глубине 0,75 м обнаружено совершенно разрушенное детское погребение. По сохранившейся правой бедренной кости и половине таза можно предположить, что ребенок был вытянут на спине и обращен головой на восток.

В ногах погребенного был поставлен маленький лепной горшочек баночной формы (рис. 1, *1*). Горшочек очень грубо вылеплен из серой глины с примесью крупного песка. Поверхность его неровная, шероховатая. Высота 4,7 см, диаметр устья 5,6 см, дна 4 см.

Погребение 14. На глубине 0,65—0,9 м обнаружены разбросанные в беспорядке на разной глубине и разбитые отдельные кости взрослого человека (кости ног, рук, черепа, ребра). Между ними найден обломок железного ножа с горбатой спинкой (рис, 2, *7*). Длина ножа 5,5 см, наибольшая ширина 2,2 см; тут же найдена сильно окислившаяся железная втулка, вероятно, от дротика. Длина втулки 6,5 см, диаметр отверстия 0,9 см. В погребении были первоначально и какие-то медные предметы, так как одна из костей оказалась окрашенной в зеленый цвет.

Погребение 15. На глубине 0,45 м от поверхности обнаружены лежащие in situ кости рук и ног взрослого человека (рис. 3, *4*). Верхняя часть погребенного там, где должен быть череп, обрезана оврагом. Кости позвоночника, ребра, тазовые и лучевые кости отсутствовали. Сохранность костей плохая. Погребенный лежал вытянуто на спине, обращен головой на восток-северо-восток.

Погребение 16. На разной глубине (0,44—0,88 м) обнаружено совершенно разрушенное погребение подростка. На глубине 0,44 м найдены кости черепа и правая бедренная кость, на глубине 0,88 — обломок левой бедренной кости, части таза и плечевой кости. В 1,2 м к западу от костей найдена гончарная мисочка из темно-серой глины на кольцевом поддоне (рис. 2, *24*). Высота мисочки 3,3 см, диаметр устья 9 см, диаметр дна 4,5 см. В 2,5 м по тому же направлению найден аск (рис. 2, *25*) из розовой глины, с росписью черным лаком по венчику, ручке и тулову. По тулову нанесена узкая полоса между двумя широкими линиями.

Погребение 17. На глубине 0,65 м обнаружено скопление мелких обломков кальцинированных костей. Диаметр скопления 0,55—0,6 м, наибольшая толщина 0,25 м. Небольшое количество пережженных костей было найдено и на глубине 0,85 м. Кости тщательно очищены от остатков погребального костра. Среди основного скопления костей найден обло-

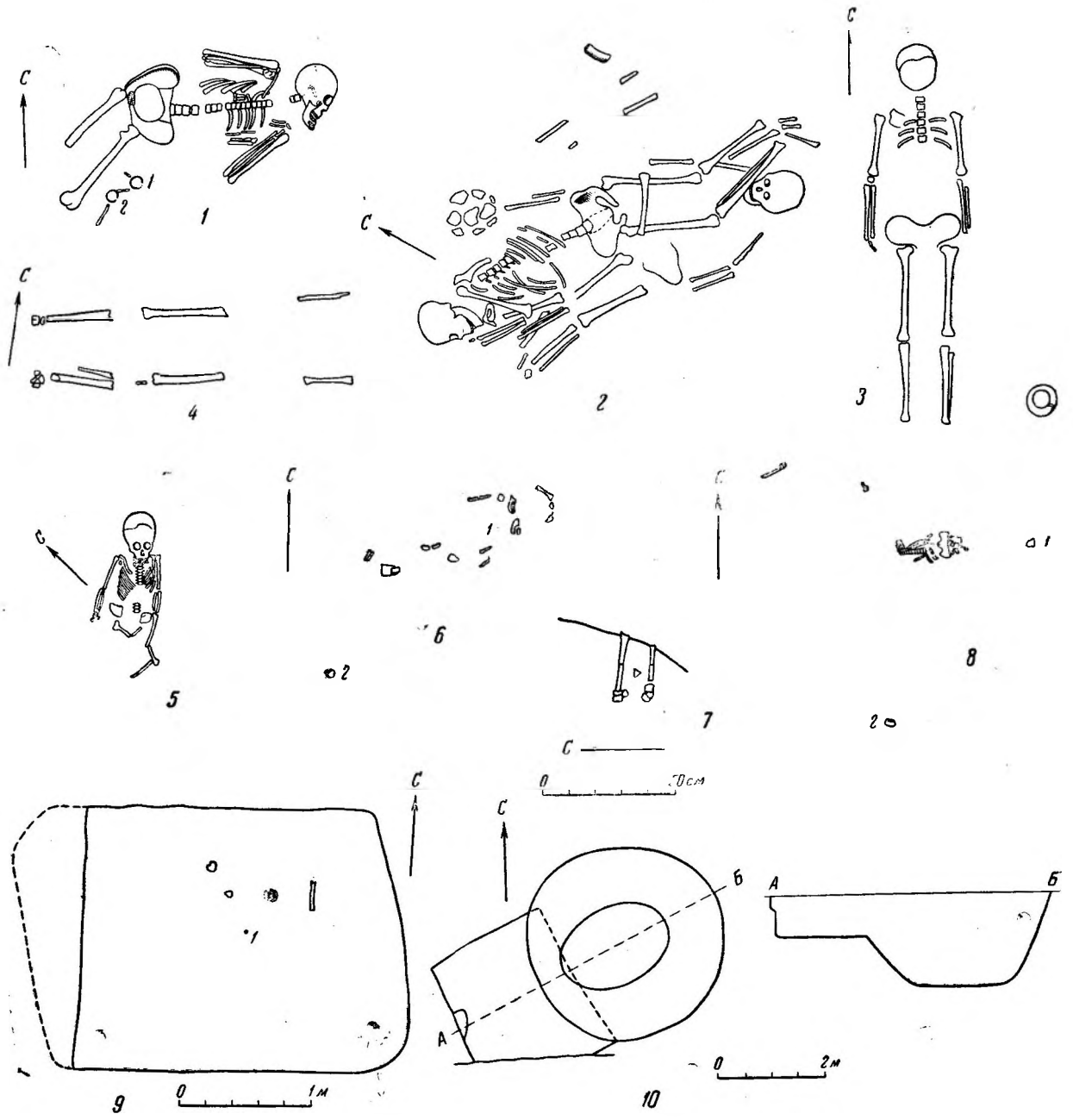

Рис. 3. Планы погребений и могильных ям Гришенецкого могильника:

1 — план погребения 5; *2* — план погребений 1, 2, 3; *3* — план погребения 4; *4* — план погребения 15; *5* — план погребения 9; *6* — план погребения 10; *7* — план погребения 8; *8* — план погребения 12; *9* — план могильной ямы погребения 6; *10* — план и разрез могильной ямы погребения 7 и ямы, перерезавшей ее

мок амфорной стенки и обломок железного ножа с горбатой спинкой (рис. 2, *6*).

Погребение 18. На глубине 0,4 м обнаружено очень небольшое скопление мелких кальцинированных костей и среди них — совершенно разложившийся медный предмет.

Погребение 19. На глубине 1,5 м от поверхности на краю оврага обнаружены кости черепа и большие берцовые кости разрушенного погребения.

Помимо вещей, находимых в погребениях, на площади могильника встречались обломки лепных горшков, амфорных ручек, а в одном случае большой фрагмент донной части хиосской амфоры IV—III вв. до н. э., бронзовый наконечник стрелы.

Погребение 1 1956 г. Обнаружено случайно во время ремонта дороги. При подчистке кювета крестьянин И. Т. Иващук обнаружил человеческий скелет. Скелет, по словам находчика, лежал на спине, головой на север. У ног его находилась «тыква», а сбоку — лежал большой железный ржавый «кинжал», который сразу рассыпался; «тыкву» же И. Т. Иващук сохранил. Это остродонная греческая амфора IV в. до н. э. (рис. 2, *27*). Ю. В. Кухаренко исследовал это погребение и обнаружил в обрезе кювета, на глубине 0,75 м от поверхности, часть берцовой кости правой ноги и нижнюю челюсть покойника. Слева у челюсти стоял небольшой глиняный горшочек с отбитой ручкой из ярко-коричневой глины с серыми пятнами, поверхность сосудика лощеная (рис. 1, *7*). Высота горшочка 7,2 см, диаметр устья 5,6 см, диаметр дна 3,5 см. Справа, примерно там, где предполагалось предплечье, лежал сильно окислившийся железный наконечник копья, ромбический в сечении (рис. 2, *13*). С этой же стороны, возле сохранившейся части берцовой кости, найдена ржавая железная трубочка (рис. 2, *14*), по-видимому, вток от древка копья. Здесь же было несколько ржавых железных пластинок, может быть от панциря.

Погребение 2 1956 г. Обнаружено в 1 м к северо-западу от челюсти погребения 1. На той же глубине здесь находилось небольшое скопление мелких обломков пережженных костей и среди них бронзовая булавка, аналогичная найденной в погребении 11 (рис. 2, *15*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП—Археологічні пам'ятки УРСР
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ДП — Древности Приднепровья
ИАК—Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
Смела — А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы
PZ — Prächistorische Zeitschrift
ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua

ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Колонка	Напечатано	Должно быть
13	25 св.	правая	Спасивцева	Спесивцева
63	14 сн.	левая	4,5 га	1,2 га
79	6 св.	правая	1,45 м	0,45 м
83	Рис. 22	—	39	59
97	2 сн.	—	Вверху	Внизу
97	1 сн.	—	Внизу	Вверху
105	8 св.	левая	VI в. до н. э.	IV в. до н. э.
143	23 сн.	левая	погребении 1	погребении 4
144	2 св.	левая	4	3
145	16 св.	левая	погребение 2	погребение 1

В статье В. Г. Петренко по вине автора допущена ошибка. Вместо с. Гришенцы следует читать с. Грищенцы.

МИА — 113